

Николай Мерперт

*Из прошлого:
далекого
и близкого*

МЕМУАРЫ АРХЕОЛОГА

МОСКВА · ТАУС · 2011

УДК 902(091)(470+571)
ББК 63.401(2)
М52

Содержание

Мерперт, Н. Я.

Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога / Н. Я. Мерперт. —
М. : ТАУС, 2011. — 384 с., ил. — ISBN 978-5-903011-66-7

	7	От учеников
I	10	Детство. Москва 20-х годов
II	23	Медведниковская гимназия
III	33	Армия. Отечественная война
IV	50	Путь на восток. Бежецк, Рыбинск, Ярославль, Сибирь, Омск
V	60	Инвалидность. Отчисление из армии. Возвращение в Москву
VI	63	Военная Москва. Воссоздание университета
VII	66	Экспедиции военного времени: Москва, Царицыно, Никополь, Пантикапей
VIII	84	Аспирантура
IX	91	Царицыно и Беседы
X	100	Встреча в Рязани

ISBN 978-5-903011-66-7

© Мерперт Н.Я., 2011
© Оформление. ООО «Таус», 2011

XI	102	Вновь Великий Новгород
XII	120	Институт истории материальной культуры и его корифеи
XIII	133	Монголия, Каракорум
XIV	167	Волжская эпопея
XV	189	Неожиданная встреча. В.Г. Чайлд
XVI	199	Окно в Европу
XVII	214	Древнеямная культурно-историческая область
XVIII	219	Северный Кавказ
XIX	221	Мекенские курганы
XX	228	Поселение Сержень-Юрт
XXI	234	Болгария
XXII	241	Раскопки Эзеро
XXIII	249	Поселение у с. Юнаците
XXIV	253	Египет 1961–1962 гг.
XXV	278	Египет–Судан, 1962–1963 гг.
XXVI	295	Месопотамия
XXVII	335	Раскопки в Ираке
XXVIII	352	Российские археологические исследования в Сирии
XXIX	367	Педагогическая деятельность
	375	Краткое заключение

Мы стали студентами Истфака МГУ в самом начале 1960-х годов, в 1962-м. Хотя специализация начиналась с третьего курса, почти с первых дней интересующиеся археологией стали знакомиться друг с другом и осаждают сотрудников кафедры просьбами об организации занятий, об экспедициях и т. д. Отчасти наш пыл был удовлетворен тем, что лекции по археологии читали с самого начала – это был курс «Археология СССР», лишь отчасти отвечавший нашему любопытству. Но с первого же лета начались экспедиции. Пользовались любой возможностью «покопать» хотя бы в Кунцево.

Громадное впечатление произвел Новгород с его архитектурой, мощью культурного слоя, масштабами раскопок и знакомством с настоящими археологами. Здесь мы узнали множество экспедиционных историй и немалую часть фольклора, персонажами которого были уже маститые археологи (В.Л. Янин, Н.Я. Мерперт, Б.А. Колчин и многие другие – через новгородскую экспедицию прошла не только кафедра МГУ, но и, наверное, все сотрудники Института археологии). Атмосфера была необыкновенно приятная, кормили (что немаловажно) отменно. С тех пор любовь к этому чудному городу и его экспедиции стали частью жизни очень многих, независимо от дальнейших занятий. Однако...

Археология – романтическая наука. Кое-кто у нас увлекался даже доколумбовой Америкой. Но, надо отдать должное нашим учителям, они всегда призывали соизмерять желаемое с тем, что может предоставить реальность, а она в те времена была достаточно жестко ограничена пределами СССР, при всех больших размерах страны и огромности хронологического диапазона памятников.

Но здесь троих из нашей группы подстерег счастливый случай. На третьем курсе появился сотрудник Института археологии Николай Яковлевич Мерперт. Он читал нам энеолит и бронзу, частично неолит. Его подход к материа-

лам прошлого отличался широтой. От него мы слышали о недавних открытиях зарубежных археологов, он сам был участником экспедиций и конгрессов за пределами страны. Теории, о которых знали лишь по кратким упоминаниям в литературе, стали разворачиваться перед нашими глазами. Среди них — такие ключевые, как «неолитическая революция» и связанные с ней памятники.

Мастерство лектора привлекало на занятия Н.Я. Мерперта не только тех, кто собирался в будущем заниматься ранним металлом. Ораторские способности Николая Яковлевича позволяли ему держать внимание аудитории, не делая никаких видимых усилий — это получалось само собой.

Став нашим научным руководителем, Н.Я. Мерперт взял на себя немало забот. В частности, каждую весну возникала проблема устроиться в экспедицию, а то и не в одну: каникулы были длинные, хотелось посмотреть, пока есть время, как можно больше. Казалось бы, что может быть проще: экспедиции-то государственные. На самом деле все обстояло сложнее. Начальник — хозяин, его не могли не интересовать качества студента, еще многого не умевшего. Разные попадались люди... Был случай, когда на юг Туркмении нас откчался взять один из первых исследователей этого (одного из немногих на нашей территории) района расселения ранних земледельцев В.М. Массон. Ничего не помогло; чуть не слезами обливались. Потом уже оказалось, что есть и другие возможности: ездили с В.И. Сарияниди, Г.Н. Лисицыной, А.Я. Щетенко и другими. Юг Туркмении был особенно привлекателен из-за его близости к тому, что традиционно именуется древним Востоком — колыбели многих цивилизаций.

Всем известно, что археологи больше других историков (здесь с ними могут соперничать лишь этнографы, да и то отчасти) близки друг другу благодаря экспедициям, камеральным работам, публикациям. Вряд ли у каких других историков есть столько воспоминаний, песен, полуанекдотов. Большинство учились вместе, а уж экспедиции... Неудивительно, что Николай Яковлевич сразу на кафедре стал своим человеком. Особенно близок он был нам — тем, кто решил заняться ранним металлом Востока.

Но благодарны мы ему не только за археологию. Великолепный знаток отечественной литературы и поэзии, Николай Яковлевич охотно говорил о том, что в те годы оставалось для нас недоступным или труднодоступным. С благодарностью вспоминаем мы его разговоры, выходявшие за пределы семинарской тематики.

В 1965–1966 учебном году возникла угроза (со стороны ректората) сокращения часов на спецкурсы. Мы, как всегда, нервничали, что будет с нашей специализацией. Вернувшись с раскопок в Болгарии, Николай Яковлевич успокоил нас,

сказав, что он независимо от оплаты прочтет нам свои лекции. Мало этого. Нам не хотелось терять время в период зимней сессии, и мы имели бестактность согласиться на его предложение читать нам добавочные лекции и в это время. Надо сказать, что такое рвение со стороны не только студентов, но и преподавателя вызвало некоторое изумление со стороны сотрудников кафедры.

Николай Яковлевич не считал нужным постоянно вмешиваться в наши самостоятельные исследования. Так было и в студенческие, и в аспирантские годы. Но он был внимателен, иногда в ущерб себе из-за большой загруженности в Институте. Позже, когда нам самим пришлось преподавать, мы оценили такой подход, стимулирующий инициативу студентов. Это были отношения преподавателя старой школы к тем, кто волею судеб оказался причастен археологии, желание делиться с ними своим интересом к науке. Независимо от причуд нашей судьбы, мы навсегда сохранили к Николаю Яковлевичу чувства благодарности и дружбы.

Ученики

I

Детство. Москва 20-х годов

Следующий день, двадцать шестое ноября 1922 года стал днем из всех дней.

Говард Картер*

Я появился на свет 26 ноября 1922 года в Москве, на старом Арбате, в Староконюшенном переулке. Сторонники теории переселения душ могут над этим поразмыслить. Напомню, что в этом переулке Анатолий Курагин пытался похитить Наташу Ростову, а Вадим Рощин в финале «Хмурого утра» нашел, наконец, свою Катю. Список этот может быть значительно расширен. Знаменитые «арбатские переулки» находились в центре одного из наиболее интеллектуальных районов Москвы, и целый ряд их домов отмечен мемориальными досками знаменитым нашим соотечественникам от А.С.Пушкина, Н.В. Гоголя, С.Т. Аксакова, А.И. Герцена, М.И. Цветаевой, М.А. Булгакова, С.Н. Скрыбина, М.В. Нестерова до одного из первых русских авиаторов Б.И. Россинского.

Мой родной дом (№ 37) тоже имел свою историю: по словам его аборигенов, построен он был в 1916 году молодой женщиной в память о своем муже, кавалерийском генерале (одном из самых молодых в русской армии), погибшем в самом начале Первой мировой войны. По первоначальному замыслу он предназначался для офицерского госпиталя: раненых офицеров и военных врачей. Естественно, к моменту моего рождения замысел был давно нарушен, но в ряде квартир еще жили представители соответствующе-

* В этот день после девяти лет труднейших поисков в Долине Царей древнего Египта, превышающих по насыщенности событиями, опасностями, разочарованиями самый увлекательный авантюрный роман, английским археологом Г. Картером, сразу же ставшим знаменитым, была открыта уникальная по богатству и информативности гробница фараона XVIII династии Тутанхамона.

го социального круга: несколько офицеров, в том числе и мой отец, Яков Иванович Мерперт, величественная пожилая дама (которая могла бы без грима петь старую графиню в «Пиковой даме») — баронесса Тизенгаузен, превосходный художник Серебряного века Николай Павлович Ульянов, автор широко известной Пушкинианы, наиболее знаменит из нее большой черно-белый рисунок «Пушкин с женой перед зеркалом», а также ряд видных инженеров. Семья одного из них, Николая Николаевича Иноземцева, была много десятилетий очень близка нашей семье. Жили мы (естественно, в «уплотненных» коммунальных квартирах) на одной лестничной площадке. Жена Николая Николаевича — талантливая художница, ученица К.А. Коровина, совершенствовавшая мастерство затем в Швейцарии. Из троих мальчиков, росших в этой семье, двое — Николай и Александр — были близки мне по возрасту: первый — на год старше, второй — на год младше.

Все мы росли как братья; крещены в одном дивном храме Николая Чудотворца Явленного. Стоял он в сотне метров от нашего дома, на углу Арбата и Серебряного переулка. Храм был основан в конце XVII века и знаменит замечательной шатровой колокольной второй половины XVII века. Настоятель его, отец Николай, бывал в обеих наших семьях, а всего на Арбате было три церкви Св. Николая Марликийского, потому называли нас с Колей Иноземцевым «самыми круглыми из возможных Николаев». И надо сразу отметить, что великий наш патрон был предельно милостив к нам обоим, к каждому по-своему. Но об этом позже. Сейчас же вернусь к 20-м годам прошлого века в Староконюшенный и прочие приарбатские переулки, да и на сам Арбат.

Было начало НЭПа. Существовали частные родильные дома. Один из них принадлежал доктору Юрасовскому (увы! как и во многих других случаях, инициалов я не помню: прошло с тех пор уже почти 90 лет)*. Многоэтажное прочное зда-

* Речь идет об Акушерско-фельдшерском заведении доктора И.П. Юрасовского (сохранился архив этого заведения (ЦИАМ. Ф. 640. Ед. хр. 33)).

Яков Иванович Мерперт

*Мелитина Михайловна Мерперт
(Каринская)*

ние стоит и по сей день в Большом Николопесковском переулке, при-
мыкая к левому торцу театра им.
Е. Вахтангова. Туда и привезли в
ночь на 26 ноября мою мать — Мелитину Михайловну Мерперт — в
прошлом хирургическую сестру
фронтового санитарного поезда
русской армии Первой мировой
войны. Работала она в санитарном
поезде вместе с Великой княжной
Татьяной Николаевной. Привезли
прямо из кинотеатра, кажется,
«Арса», находившегося в рестора-
не «Прага», где шло произведение
немого кино — «Леди Гамильтон» с
Конрадом Вейдом в роли Нельсона
(имя исполнительницы главной
роли не помню: через много лет
оно было перекрыто великим име-
нем Вивьен Ли). Во всяком случае,
Леди Гамильтон тут же определили
как мою приемницу.

Далее было крещение. Мать
рассказывала, что пришло много
детей — знакомых и незнакомых — с

поздними осенними цветами. Баронесса Тизенгаузен подари-
ла подушку, на которую и возложили меня по извлечении из
купели. И вряд ли предвидел я, что придет день, когда я омо-
чу руки в священных струях Иордана. Отец пел в церковном
хоре. Некогда, одновременно с I Киевским юнкерским учи-
лищем, учился он и в Киевской консерватории. Был у него
баритональный бас. И постепенное познание мной окружаю-
щего мира, а особенно, начал человеческой культуры, проис-
ходило под его пение. Иногда в порядке, обратном обычно-
му: «Бориса Годунова» вначале Мусорского, потом Пушкина;
«Демона» раньше Рубинштейна, затем Лермонтова; «Филиппа
II» вначале Верди, потом Шиллера... Конечно, все это позже,
но довольно ранние воспоминания, некоторые их обрывки
прорываются через, казалось бы, густую пелену последующих
десятилетий вплоть до нынешних времен. И не хватит ника-
ких слов благодарности отцу, открывшему мне этот волшеб-
ный мир, включавший и исторические сюжеты. Мой отец не
только пел. В годы I Мировой войны он был артиллерийским
офицером (поручиком) на Юго-Западном и Центральном
фронтах. Являлся он дважды Георгиевским кавалером.

Не помню, естественно, когда и как возникли у меня
первые зачатки интереса к «делам давно минувших дней».

На какой основе? Не на мистической же связи отмеченных
выше дат, восходящих к освобождению души Тутанхамона из
трехтысячелетнего плена? Думаю, что без мистики можно
спокойно обойтись. А вот без почвы нет.

Трех с лишним лет от роду впервые вывезли меня на
дачу. Приехал «ломовой извозчик» с телегой и поглотив-
шем все мое внимание конем (свидетельство очевидцев),
погрузил весь скарб, меня посадили в середину и повез-
ли. Ехали целый день от Староконюшенного до деревни
Воробьевки. Стояла она на Воробьевых горах: там, где некогда
Герцен и Огарев давали свою известную (хотя кому
известную — неизвестно) клятву, а ныне стоит главное
здание Московского университета. Тогда деревня слави-
лась превосходными яблоневыми садами, изумительным

*Храм Христа
спасителя.
Фото 1931года
(до его разруше-
ния)*

русским пейзажем и несравненным видом на саму Москву и «сорок сороков».

И еще к деревне подступали несколько групп курганов аборигенов этого края, хозяев его — вятичей. Вряд ли я почувствовал тогда, что через 15 лет буду участвовать в их раскопках со студентами истфака МГУ как доброволец от археологического кружка Московского дома пионеров (руководил раскопками Артемий Владимирович Арциховский). Но до этого было еще очень далеко. Взбегать же на эти бугры и съезжать с них, было уже приключением и порождало ряд принципиальных вопросов: Что это такое? Почему их так много? Почему они скользкие? И прочие бесчисленные «почему». Таким вот образом возникла почва для интересов, оказавшаяся очень благодатной. На свои вопросы я получал образные, доходчивые, интересные ответы от моей матери — Мелитины Михайловны Мерперт.

Поразительно красивой, яркой и талантливой девушкой, серьезно увлекавшейся русской историей, литературой, живописью, она в 17 лет ушла из Екатеринославского университета на Самарийские сестринские курсы, а далее на фронт, как уже упоминалось, хирургической сестрой военно-санитарного поезда. От нее я впервые узнал слова «славяне», «племена», «князья», «богатыри». Чуть ли не первым стихотворением, которое я от нее услышал и на всю жизнь запомнил, была «Песнь о вещем Олеге». Очень рано, лет с шести, она начала осторожно, ничуть не перегружая преждевременными познаниями, водить меня в музеи. Это я уже помню: те самые «наплывы детских лет», о которых

Вид Арбата от начала улицы. Фотография начала XX в.

упоминается выше. Порядок здесь был необычен. Первым был Шереметьевский дворец в Останкино. Самый общий осмотр сопровождался рассказом о Прасковье Ковалевой, ставшей великой Жемчуговой, а далее и Шереметьевой. Затем Музей изящных искусств, первые понятия об античности, о мифах, «о коне деревянном и о подвигах славных вождей троянских». Мифами буквально грезил и играл в их героев наряду с былинными богатырями, далеко не всегда находя понимание у своих сверстников. Семи лет впервые переступил порог нашего замечательного Исторического музея, а значит и собственного будущего. Более всего тогда запомнил там бивни мамонта, картины Семирадского и (помоему, в 4-м зале) портрет В.А. Городцова, ибо уже слышал о нем и о «дедушке А.А. Спицине» от той же матери.

Дома эти зарождающиеся, еще интуитивные склонности очень осторожно стимулировались (всяческого рода «вундеркинлизм» в семье вызывал лишь пренебрежение). Читать меня научили в 7–8 лет. Но еще до этого в определенный час мать усаживала меня за стол и начинала рассказывать о Руси, о легендарных Рюрик, Синеусе и Труворе, о разорванном Игоре и мудрой Ольге, о великом воителе Святославе и беспощадных печенегах. Вот здесь уже склонности стали перерастать в интерес; далее следовало крещение Руси, истоки и основы Православной веры. И здесь восприятие материнских повествований резко усиливалось фресками соседних церквей, принадлежащих архитектуре разного времени —

Дом
Трубецких
на Арбате.
Фотография
1920-х гг.

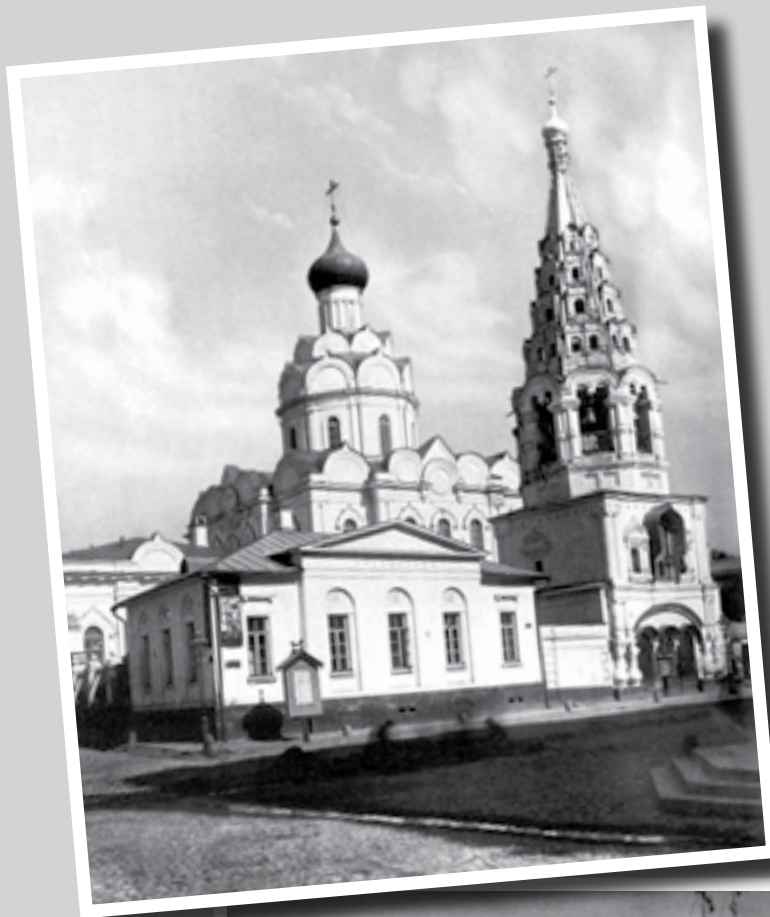

от XVII до XIX века. Три уже названных выше — Никола на Песках, моя крестильная церковь Николы Явленного (варварски взорванная в начале 30-х годов) и третья — Никола в Плотниках, в народе прозванная Николой на Курьих ножках. В самом Староконюшенном — церковь Иоанна Предтечи в Филипповском переулке, на Пречистенском бульваре — еще одна (тоже взорванная, как и на самой Пречистенке) — Смоленской иконы Богоматери Пречистой, а на Арбатской площади — Тихона Амафунтского и Бориса и Глеба — все с той же судьбой.

Необходимо подчеркнуть, что знаменитый Арбат — одна из наиболее древних, значительных и излюбленных улиц города, обладавшая и оборонительными сооружениями. Он соприкасался с Бульварным кольцом, возникшим на месте Белого города, каменных укреплений, возведенных русским зодчим Федором Конем еще в конце XI века, и концентрацией знати с массой замечательных особняков и огромной серией знаменитых имен их владельцев, а также живших в них виднейших представителей русской культуры и науки, разнообразнейшими ремесленными кварталами (вспомним наименования арбатских переулков). Неменьшую роль играл он и в духовной жизни православного населения города. Начинался Арбат фактически с православных церквей. На его просторах, в прилежавших переулках и площадях, действовали не менее пяти старинных приходских храмов.

Из них особой известностью пользовался храм национальных русских святых Бориса и Глеба на Арбатской площади. С ним связано и самое первое упоминание названия Арбата в связи с грандиозным пожаром 28 июля 1493 г., летописное свидетельство которого сохранено «Софийским Временником»: «...выгори посад за ...мною от Духа Святого по Черторию и по Борис-Глеб на Арбате»... При этом церковь старше пожара: в другой летописи она упоминается под 1453, пожар не соотносят со свечей, упущенной в арбатском храме Николы на Песках. Почитание Св. Николая, по одной из версий, связывается с особой святостью его имени среди стрельцов, значительное число которых облюбовало Арбат еще в допетровскую эпоху. Отсюда и три посвященных ему церкви.

Наконец, величественный храм Христа Спасителя — одно из значительнейших творений Константина Андреевича Тона, автора Большого Кремлевского дворца и Оружейной палаты. Нарушу даже относительную хронологическую последовательность моих воспоминаний и отмечу, что относятся к храму по-разному. Но, как ни относиться, значение этого построенного на народные средства символа духовного могущества русского народа и великой победы над Наполеоном огромно; взрыв его в 1931 году (происходив-

Церковь Николы Явленного на Арбате. XVII век. Церковь, где крестили автора

Церковь Спаса на Песках в Николо-Песковском переулке

ший на моих глазах) преступен, а сам факт восстановления глубоко справедлив.

Возвращусь к двадцатым годам. Семья моя была религиозной. Ходили либо к Николе Явленному, либо — по праздникам — в храм Христа Спасителя (идти было 10–15 минут), а зимой по воскресеньям отец или Н.Н. Иноземцев (старший) сооружали санный поезд и отправлялись со всеми мальцами в окружавшие храм Христа скверы, где обледеневшие лестницы, сбегавшие во все стороны, служили великолепными горками.

И еще один наплыв памяти. Среди превосходных барельефов, опоясывавших храм, было изображение Св. князя Дмитрия Донского с мечом и круглым русским щитом (было оно, по-моему, со стороны реки).

Вновь история — героическая, одухотворенная, влекущая. Надо ли говорить, что я многократно просил мать повторить мне рассказ о битве на Непрядве, о ранении Дмитрия и бегстве Мамаю. Затем заинтересовался Москвой, ее деревянными, а далее тем же Дмитрием построенными каменными стенами. Водили меня смотреть на Кремль и тогда еще стоявший на своем месте Китай-Город. Конечно же, после этого я пытался построить крепость у себя во дворе, потом (как всегда с Иноземцевыми) отбивал попытку ее штурма ребятами из соседних дворов.

И еще один путь притяжения к истории, кратко уже упоминавшийся. Меня рано стали водить в оперу. Делали это целенаправленно, в тесной связи с нашими историческими беседами. Первым поэтом был «Князь Игорь», далее «Псковитянка», «Царская невеста», позже, уже в 30-е годы, «Сказания о невидимом граде Китеже», которые одно время были разрешены к постановке, но затем запрещены как апогей Православия. «Жизнь за царя» была тогда под запретом, хотя это было время высочайшего подъема русской оперы: спектакли не только вводили в мир блестяще исполненной музыки, но и усиливали обаяние истории. Я люблю оперу, но в ряде случаев русские мастера тех далеких лет, сохранные моими «просветами памяти», и по сей день представляются непревзойденными именно в историческом репертуаре (Василий Петров, Марк Рейзен, Елена Степанова, Надежда Обухова, Ксения Держинская, Леон Савронский, Александр Пирогов, Иван Козловский).

Достаточно рано, в 1928 году, познакомили меня и с драматическим театром, но пока еще вне исторического контекста: тогда существовала негласная традиция в московских семьях, прежде всего, знакомить детей с несравненной «Синей птицей» во МХАТе, далее, уже с ее благословения, пускать в вольное плавание по бесконечно многообразным путям великого русского театра. И вторым моим спектаклем

Арбатская площадь (вид на Гоголевский бульвар)

Сретенские ворота

Арбатская площадь и начало Гоголевского (Пречистенского) бульвара

Переулок Сивцев Вражек

стал в том же году традиционный «Недоросль» в самом любимом моем до нынешних дней Малом театре. А вот дальше — прямое возвращение к истории: в начале 30-х годов «Царь Федор Иоаннович» (с великим Москвиным) во МХАТе и «Дон Карлос» (с великим Садовским) в Малом.

Говорить о прочих овеянных историей спектаклях нет смысла. Настоящий театр формирует человека до конца его дней. Своей же задачей я видел упоминание многообразия тех импульсов, которые привели меня вначале к увлечению историей рода человеческого, а далее — к стремлению самому участвовать в свершениях на том бесконечно далеком, многоликом, а часто и тернистом пути, который ведет к ее постижению.

Отлично понимаю, что импульсов таких «тьмы и тьмы и тьмы» и что они глубоко субъективны. Осознаю, что нельзя объять необъятное, поэтому к приведенным выше обрывкам далеких воспоминаний добавлю только один эпизод.

Я отмечал уже, что в нашем доме жил превосходный русский художник Николай Павлович Ульянов. Был он уже пожилым человеком, обычно они с женой сидели на раскладных стульчиках у подъезда нашего, останавливали детей и беседовали с ними. Меня они знали хорошо: я был ближайшим соседом, отец с матерью бывали у них и иногда брали меня с собой посмотреть их работы. Прежде всего, это были эски-

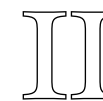
зы к блестящей Пушкиниане — легкие и предельно выразительные черно-белые рисунки: «Пушкин в лицее», «Пушкин с женой перед зеркалом» и др., — но однажды они показали мне («ценителю» было лет шесть) совершенно иную серию. Это были многокрасочные, сотворенные с неповторимым изяществом рисунки к сказкам Шахерезады, причем текст был выполнен от руки и в красках. Дома мне читали, а я с упоением слушал. Сам читать еще не умел. Но это резко расширило мои «исторические познания» и впервые познакомило с иной великой культурой, близко соприкоснуться с которой мне суждено было несколько десятилетий взрослой жизни. Что же касается русской культуры, и прежде всего духовной, то само общение с этими замечательными людьми оставило глубокий след в моей памяти (без скидок на возраст). Тем более что я имел счастье видеть однажды у Ульяновых навестившего их великого русского художника Михаила

*Памятник
Н.В. Гоголю в на-
чале Никитского
бульвара, скульптор
Н.А. Андреева*

Васильевича Нестерова, глубокая духовность которого, исходящая из природы русского мировосприятия («Видение отроку Варфоломею», «На Руси», «Пустынник»), всегда представлялась мне одним из определяющих, стержневых выражений нашей культуры. Жил Михаил Васильевич совсем близко, в Сивцевом Вражке, знаменитом переулке, выходявшем к Пречистенскому бульвару. Прямо на пересечении с ним — дом Н.В. Гоголя, пойдешь вправо — храм Христа Спасителя, пойдешь влево — Арбатская площадь и превосходный памятник Н.В. Гоголю — одно из лучших творений замечательного скульптура Н.А. Андреева. Он был сменен в 1952 году бездарным произведением Н.В. Томского, хотя, к счастью, сохранен во дворе также связанного с Н.В. Гоголем дома в начале Никитского бульвара.

Здесь что ни шаг — все история: то торжественная, то прискорбная, а то и трагическая. И — повторю еще раз — самые различные импульсы возбуждали уже в раннем детском сознании интерес к ней, мысли о ней, увлеченность ею. Так подготавливалась отмеченная выше почва перехода от интуитивного к осознаваемому.

Медведниковская гимназия

В 1902 году в Староконюшенном переулке была открыта девятая частная классическая гимназия, сразу же получившая наименование Медведниковской. История ее, насколько я помню, такова. Купцу I гильдии Медведникову принадлежал в переулке большой участок с облицованным мрамором особняком и свободной площадкой (или аркой? — здесь точных сведений у меня нет). Его сын-гимназист трагически погиб, утонув в Москве-реке. Отец не перенес утраты и завещал жене построить в память о сыне гимназию, какой еще не знает Европа, равно совершенную и в организационном, и в учебном, и в научном, и в социальном, и в эстетическом аспектах. Жена выполнила это фактически завещание с удивительной тщательностью. Гимназия поражала, прежде всего, москвичей. Много ходило историй о ее постройке. В 1920-е годы их еще помнили. Говорили об объединении капиталов Медведниковой и ее сестры и даже о просьбе к императору заложить первый камень постройки. Слухи есть слухи, и фантазии есть фантазии, хотя направленность их мне импонирует, а результат этой направленности в значительной мере ей соответствует. Было здесь одно решительное ее подкрепление — большая, посвященная гимназии книга, изданная еще до I Мировой войны, великолепно иллюстрированная и четко документированная (вплоть до списков учащихся, учителей, спонсоров и пр.). Книгу я имел возможность рассматривать в конце 30-х годов (принадлежала она одному из выпускников в 1920-х годах). И больше достать ее не мог ни в Москве, ни в Париже, где, если память мне не изменяет, она была издана на русском языке. В ней гимназия представлена в первоизданном виде. Это действительно подлинное чудо: широкие мраморные лестницы с шестиугольными площадками на этажах, содержащими витрины с палеонтологическими экспонатами; огромный, украшенный лепниной актовый зал с эстрадой, высота которого превышала 10 м; над ним — второй такой же зал (не

столь высокий), большие классы, часть их были аудиторного типа со ступенчатым расположением столов и примыкавшими лабораторными пристройками; физкультурный зал с прекрасным оборудованием в мансарде под крышей, долгое время оставшийся лучшим в Москве. В постройку включены были вспомогательные помещения (флигель) и особняк самих Медведниковых.

В 1930 году я поступил в эту гимназию, получившую, естественно, новое наименование — 9-я школа (район тоже сменил название — Хамовнический, потом Киевский), позднее же — 59-ая имени Н.В. Гоголя. В этой связи хотел бы заметить, что при глубочайшем преклонении перед гением русской и мировой литературы, имя которого справедливо вознесено на недостижимый уровень, прежде всего, в душах

наших соотечественников и не обойдено официальным признанием во всем мире, формальное и беспочвенное увязывание его имени с еще одной школой, являющейся несомненной заслугой семьи Медведниковых перед Москвой и в целом просвещения в России возмутило бы, прежде всего, самого писателя. Имя же этой семьи, безусловно, должно быть возвращено моей школе.

Главным достоянием школы был ее блестящий педагогический состав. Такие имена, как физик Г.И. Фалеев, географ Н.Н. Булашевич, математик А.И. Фетисов, биолог Е.Н. Жудро навсегда остались в памяти выпускников школы, ибо передавали они не только по своему предмету, но и учили оставаться людьми в предельно тяжелое время. Никогда не забуду, как в годы травли нашего гениального соотечественника Н.И. Вавилова, отразившейся и в школьной программе по биологии, Евгения Николаевна Жудро (завуч школы) прочла нам блестящую лекцию об этом выдающемся ученом, а потом сообщила о «рекомендациях» РайОНО, закончив словами: «Вы уже не дети и ответственны за свои убеждения, делайте же сами соответствующие выводы».

Особую роль в моей жизни сыграл замечательный учитель истории, доцент Дмитрий Николаевич Никифоров. Начинал он свою карьеру еще до 1917 года, был человеком огромной культуры, и уроки его носили творческий характер. Так, один из первых уроков был посвящен Ассирии и Вавилонии, и задано нам было слепить из пластилина модели шадуфов. Позже уроки о Риме иллюстрировались — с широким привлечением учеников — целыми сценами из шекспировского «Юлия Цезаря». Урок о средневековой Испании происходил в музыкальном классе с роялем и сопровождался музыкой: сам учитель играл И. Альбеница и великое «Болеро» Равеля, исполнение было виртуозным. В конце же пятого класса Дмитрий Николаевич возобновил созданную в московских классических гимназиях еще задолго до 1917 года традицию ставить тогда, правда, на греческом одну из древнегреческих трагедий. Была выбрана «Антигона» Софокла. Делалось все очень серьезно. Школы имели тогда шефов, и нашим шефом был Музей изящных искусств, античный отдел которого принял самое активное и дружеское участие в подготовке спектакля. Предполагаемую «труппу» каждый день после школы забирали в музей, знакомили с греческой мифологией, литературой, скульптурой, вазовой живописью, верованиями, традициями. Излишне говорить, насколько было это увлекательно. Кроме того, очередной раз проявилась поразительная взаимосвязь судеб человеческих и событий в подлунном мире. Наибольшее внимание в музее нам уделяли тогда еще молодые сотрудники античного отдела Владимир Дмитриевич Блаватский и его первая

*59 средняя школа
Киевского рай-
она, г. Москвы
(Медведниковская
гимназия)*

Класс «А», выпуск 1940 г.

1 ряд – слева направо: Боровская Наталья, Соболев Елена, Бесхазарова Елизавета, Киреева Раиса;

2 ряд – ребенок, Жулкевич Ядвига, Фетисов Антонин Иванович (математик), Никифоров Дмитрий Николаевич (учитель истории), Шапиро Эсфирь Михайлова (классный руководитель), Жудро Евгения Николаевна (зав. Учебной части школы), Гридасова (Разговорова), Кароваев Павел (погиб на фронте);

3 ряд – Голоулин Павел (погиб на фронте), Штерн Отто, Кенигсберг Тамара, Журавская Гада, Затумовская Хана, Романова Лидя, Федоркова Наташа, Катцен Майя, Гукова Галя, Портафе, Шестеркина Галя, Рабов Сеня, Гурко Гада, Куцакова Валя, Кузичева Нина;

4 ряд – Кракшин Борис (погиб на фронте), Поляновский Саул (погиб на фронте), Голоулин Павел, Сильвановский Андрей (погиб на фронте), Карпов Виктор (инвалид войны), Кропоткин Владислав (инвалид войны), Липштейн Григорий, Хотич Юрий (инвалид войны), Мерперт Николай (инвалид войны), Левин Владимир, Кудинов Михаил;

5 ряд – Водо Андрей (погиб на фронте), (неопознанный товарищ), Фишер Сергей.

На фотографии нет Сергея Тимофеевича Зацепина – многолетнего директора ЦИТО – одного из наследственных блестящих представителей российской медицины, крупнейшего ортопеда страны. Он был на класс младше меня, но «перескочил» через него и добился в области своей поразительных результатов и мирового признания.

Не менее значительной фигурой в русской, и более того, в мировой науке, был старший брат Сергея Тимофеевича Георгий, в начале также учившийся в нашей школе (далее был переведен в школу у Никитских ворот). Один из крупнейших в мире специалистов по физике космических лучей и астрофизике, академик Российской Академии Наук, автор важнейших научных открытий современности. Георгий Тимофеевич снискал глубокое признание в самых авторитетных научных трудах современности, умножая славу русской науки на самых ответственных направлениях.

жена Ирина (безвременно скончавшаяся через несколько лет). Оказалось, что за 23 года до этого в другой Московской гимназии ставили ту же «Антигону» и что Блаватский, тогда еще гимназист, играл в трагедии ту же роль, что предназначалась мне: роль стражника, заставшего Антигону на месте преступного совершения обряда над телом перешедшего на сторону врага брата. И тогда уже влюбленный в античность и активно постигавший ее культуру, Блаватский сделал из жести очень точную и искусную копию боевых древнегреческих доспехов – от коринфского шлема, нагрудника с Медузой Горгоной и до поножей. Доспех сохранился, и Блаватский разрешил мне воспользоваться им во время спектакля, прошедшего с огромным успехом (естественно, прежде всего, именно благодаря доспеху). Забегая вперед, отмечу, что через десять лет профессор В.Д. Блаватский был руководителем моей дипломной работы на кафедре археологии исторического факультета МГУ, а далее долгие годы мы жили с ним и его второй женой Т.В. Бороздиной в одном доме. Постановка же «Антигоны» 1935 года окончательно решила профессиональную мою судьбу и превратила интуитивное влечение в духовное содержание. Возвращаясь к ней, благодаря антиковедам из столь дружественного нам музея (они во главе с В.Д. Блаватским присутствовали на спектакле), были сделаны схематические декорации и подобраны полотнища, подобные хитонам, имитированы украшения. И главное – было два хора. Хорегом (руководитель) одного из них был мой друг и многолетний сосед по парте Владислав Всеволодович Кропоткин, в родстве своем сочетавший две громких фамилии – князя П.А. Кропоткина и знаменитого путешественника Г.Е. Грум-Гржимайло. «Антигона» еще более сблизила нас, причем надолго, более чем на полвека: он тоже стал археологом, доктором наук, крупным специалистом по раннему железному веку, многие годы мы с ним заведовали двумя хронологически последовательными отделами Института археологии Российской академии наук. А в основе и его деятельности, и нашего содружества лежат те же «Антигона» и инициатива незабвенного Дмитрия Николаевича Никифорова. Сейчас, к сожалению, нет уже и Владислава Всеволодовича.

После успеха «Антигоны» Дмитрий Николаевич решил продолжать «театрализацию» постижения нами истории. В 1936 году он предложил нам с Кропоткиным инсценировать знаменитый роман Рафаэлле Джованьоли «Спартак» для постановки его на нашей столь прославившейся сцене. Мы взялись за постановку и работали ежедневно без выходных, проявляя известную изобретательность, и по завершении каждой сцены начинали ее репетировать. В мероприятие это был втянут весь наш класс: нашими соучениками

были созданы эскизы костюмов и декораций (естественно, с помощью того же Музея изящных искусств), и даже написана музыка («Вакханалья») для сцены пиршества у Суллы (играл его я). Все это было оформлено в виде большого рукописного (машинки ни у кого не было) тома.

К сожалению, постановка не осуществилась. Она требовала некоторых средств, пусть минимальных, но их не было, а также профессиональной помощи, но обращение в детский театр Н.И. Сац было не ко времени, а запрос в другие театры не дал результатов.

Но слух о создании отмеченного тома распространился, мы были конституированы как «кружок юных историков» и приглашены на прием к тогдашнему наркому просвещения СССР А.С. Бубнову. Прием состоялся весной 1936 года в его кабинете. Мы вручили ему том, рассказали о наших перипетиях и, перейдя в соседний зал, сыграли «Вакханалью». Нарком был очень благожелателен, сказал, что инициатива должна быть одобрена, и обещал ее поддержать. Есть основания полагать, что слово свое он сдержал в тот ограниченный уже срок, который оставался до его гибели.

Что позволяет мне предполагать это? Вскоре после приема был открыт в Москве Центральный дом пионеров. Тогда располагался он в районе Чистых прудов, в переулке Стопани, в превосходно переоборудованном особняке с театральным залом и целой серией специальных — по тематике занятий — кабинетов, очень удобных и уютных. Мы с Кропоткиным сразу же получили приглашение на открытие (на нем выступал тогдашний 1-й секретарь Московского горкома ВКП(б) Н.С. Хрущев). И уже на следующий день нас зачислили в исторический кабинет, где с момента открытия были созданы три секции: истории Москвы, истории Великой французской революции и археологии, причем функционировать с первого же дня начала именно последняя. Далее она быстро увеличилась, и прежде всего, за счет участников встречи с А.С. Бубновым. Но первые дни нас было двое.

Руководила секцией Нина Иосифовна Рунина, профессиональный археолог, ученица Василия Алексеевича Городцова, прекрасный организатор и очень эрудированный человек. Она в июне 1936 года пригласила нас с Кропоткиным на археологическую разведку. До ее начала Рунина провела с нами несколько коротких бесед об археологии вообще и о русских археологах в особенности, удостоверившись, что начальные представления здесь у нас есть, конечно, благодаря стараниям Дмитрия Николаевича Никифорова. Через нас она с ним познакомилась, а далее — уже в годы войны — вышла за него замуж. Неисповедимы пути Господни!

Нафком просвещения А.С.Бубнов в группе юных историков-учащихся московских школ

Так втроем и отправились мы на полевое археологическое исследование, для нас с Кропоткиным — первое в жизни. На пригородном поезде доехали до Подольска, получив по дороге от Нины Иосифовны общее представление о вятчихах, их погребениях, опознавательных признаках и методах вскрытия курганов. В Подольске нашли извозчика, который и доставил нас к стоящей среди лесных массивов деревне Пузиково. Там Нина Иосифовна стала внимательно всматриваться в окружение деревни, определяя наиболее вероятное расположение курганов. Мы с Кропоткиным даже получили направления поиска и по компасу впервые (все тогда было впервые!) пошли по азимуту. Группа курганов к восторгу нашему была определена очень скоро на самой окраине деревни.

Позже обнаружилось, что в значительной мере это была инсценировка: курганная группа была уже известна Н.И. Руниной, открыла же ее известный археолог Мария Евгеньевна Фосс и сама предложила использовать курганы для вдохновения и обнадеживания новичков. Цель была достигнута полностью: мы прониклись сознанием археологической удачи и, вернувшись в Москву, распространили его на всю возрастающую изо дня в день археологическую сек-

цию исторического кабинета. А возрастание это на первых порах шло, прежде всего, за счет наших товарищей, учеников Дмитрия Николаевича Никифорова. Затем к ним присоединились ученики и других школ, и археологическая секция составила большую часть кабинета истории. Наше «открытие» у деревни Пузиково сыграло здесь решающую роль всеобщей рекламы.

В начале июля 1936 года в деревню Пузиково явилась уже целая экспедиция — человек пятнадцать. Шефство над ней на сей раз взял Государственный исторический музей, а руководил ей Б.А. Рыбаков (ему было тогда 26 лет). В первый же день он очень четко и образно представил нам методику раскопок, разлив положения, о которых говорила Н.И. Рунина. И добавил к этому, что ныне выработана более совершенная методика, названная «раскопками послонно на-снос», когда, в отличие от «колодца», насыпь исследуется и вскрывается целиком. Добавив, что мы как начинающие пока воспользуемся старым методом и лишь один курган ради эксперимента вскроем полностью. Все это было вполне разумно: Борис Александрович просто нас щадил, начиная с более легкого метода, и вместе с тем дал возможность сравнить оба метода и оценить все преимущества последнего.

Энтузиазм участников был предельным. Ведь это были не только первые в нашей жизни раскопки, но и первый методический семинар, где каждое действие должно быть осмысленным. Естественно, основную роль играли здесь четкие и оперативные коррективы Бориса Александровича. Была из ГИМа еще одна молодая сотрудница, но я, к стыду своему, не запомнил ни имени ее, ни фамилии и восстановить их по документам музея не сумел; помню лишь, что в славянском зале висели ее фотографии со всеми видами височных колец. Кажется, она уехала в Тулу, так предполагал В.В. Кропоткин. Во всяком случае, сейчас (через 73 года) я помню ее и сердечно благодарю.

И еще один немаловажный для первых раскопок фактор — везенье. Оно было безусловным. Мы раскопали пять курганов. Среди них не было ни одного разграбленного. Пять классических вятичских погребений хорошей сохранности, с достаточно многообразным и показательным инвентарем: серебряными семилопастными височными кольцами, перстнями и браслетами, сердоликовыми бусами и подвесками и пр. Каждая находка принималась с восторгом и новым взрывом энтузиазма. Ни одного безынвентарного погребения!

Должен сказать, что везенье — феномен абсолютно реальный. Пожалуй, самый поразительный случай, с ним связанный, рассказал мне через десять лет А.В. Арциховский. Копали они однажды с А.Я. Брюсовым большую курганную

группу тех же вятичей. Условились копать «через курган»: один — мой, другой — твой и т. д. Артемий Владимирович раскопал десять превосходных комплексов, Александр Яковлевич — десять пустых курганов. Произошел этот случай в 1920-е годы, а в 1950 году не менее мистический эпизод случился с автором этих строк, причем в его пользу. О нем еще будет идти речь, но чуть позже.

В Москву вернулись, что называется, «на коне». Новорожденный Дом пионеров признал раскопки первым своим практическим успехом. Для их обсуждения и оценки была созвана специальная конференция — тоже первая в нашей жизни и весьма представительная: в ней, помимо Б.А. Рыбакова, Н.И. Руниной и упомянутой мной «незнакомки», участвовали уже прославившиеся представители тогдашнего среднего поколения российских археологов: А.В. Арциховский, А.П. Смирнов, В.Д. Блаватский и др. Была даже первая для нашего поколения дискуссия. Мы при этом оперировали материалами своих (!) раскопок, а также их анализом в книге А.В. Арциховского «Курганы вятичей» и были бесконечно горды присутствием ее автора.

Всю следующую зиму мы продолжали обработку материалов и на еженедельных заседаниях секции выступали с докладами по самым разным проблемам русской археологии и культуры — вплоть до древнерусской религии (мой доклад на последнюю тему ограничился кратким пересказом нескольких глав известной книги Н.М. Никольского: возможности свои я явно переоценил). Но летом 1937 года мы продолжали раскопки у деревни Пузиково, раскопав еще два кургана, на сей раз «оба на-снос». Они оказались ненарушенными и дали столь же типичные и относительно богатые вятичские комплексы. Руководил раскопками вновь Б.А. Рыбаков, сохранился и состав экспедиции, причем в последний раз: в 1938 году сотрудники секции всего кабинета отправились в Севастополь для осмотра античных памятников Северного Причерноморья, и прежде всего Херсонеса. Я в этой поездке не участвовал, слышал лишь, что прошла она очень успешно и, подобно подмосковным курганам, окончательно определила поле интересов ряда начинающих ученых (и не только археологов). Вспоминаю и ряд будущих антиковедов, медиевистов, новых историков, фундамент знаний которых формировался, наряду со школой, подобными мероприятиями Дома пионеров; немало было среди них «медведниковцев» — моих школьных товарищей, учеников Д.Н. Никифорова и В.В. Сказкиной. Назову хотя бы, к сожалению, уже покойного Юрия Львовича Бессмертного, ставшего одним из крупнейших медиевистов, автором превосходных исследований по истории рыцарства. Здесь можно назвать много имен — это было очень активное, целеустремленное и перспектив-

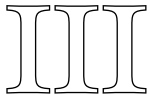
ное поколение. Но настал уже 1938 год: три года осталось до крутого поворота их судеб. А далее:

Плохая им досталась доля –
Немногие вернулись с поля...

Но здесь я забегаю вперед. Доля их в полной мере коснулась и меня, но через три года. В 1939 году нападение нацистской Германии на Польшу положило начало Второй мировой войне. В этой связи был изменен порядок призыва молодежи в армию: теперь он следовал непосредственно по окончании средней школы, условием было лишь достижение в том же году 18 лет. Соответствующий закон имел и обратную силу: выпускники 1939 года, успевшие поступить в высшие учебные заведения, также подлежали призыву. Это повлияло и на судьбу друга моего детства – Николая Иноземцева, призванного в ряды армии в 1939 году, прошедшего всю войну и вернувшегося с четырьмя боевыми орденами лишь летом 1945 года (младший же его брат Александр, самый дорогой человек моего детства, пропал без вести в октябре 1941 года, хотя в моей памяти он живет и будет жить до последнего моего вздоха).

Пока же, в 1938 и 1939 гг., я продолжал копать вятичские курганы, только уже не у Подольска, а фактически в самой Москве, более того, на месте той самой деревни Воробьевки, в которую, как уже отмечалось, в 1925 впервые вывозили меня на дачу. На сей раз, я присоединился к проходившим здесь производственную практику студентам истфака МГУ. Ни деревни, ни яблоневых садов уже и в помине не было, а далее – уже после войны – началось строительство высотной части Московского университета. Так что это были одни из самых последних курганов в самой Москве, и последнее мое участие в раскопках перед уходом в армию. Насколько я помню, за три дня до этого я слушал превосходную публичную лекцию известного историка, слепца Бочкарева о городах Древней Руси, в том числе, Новгороде и Пскове. А уже через несколько дней я прибыл в город Псков для прохождения службы в составе I Мотомеханизированного корпуса Ленинградского военного округа. Совпадение здесь или закономерная последовательность «археологической» линии моей судьбы – пусть читатели решают сами. Мы еще вернемся к этому вопросу, но заранее хочу предупредить, что на дальнейших – «военных» – страницах, на том же «пути» появятся: Старая Русса, Юрьев Monастырь, наконец, Новгород Великий; таким образом, «археологическая» линия заметно обогатится. Но хватило бы и Пскова, где глубокая, истинно русская древность как бы запечатлена и полностью оправдывающей свое название рекой Великой, и суровым мощным

Кремлем, и уникальным собором Мирожского монастыря с его сочетанием монументальности и простоты, и прочих монастырей, начиная с XII в., Псково-Печерским Свято-Успенским мужским монастырем XV века, крепостной стеной с девятью башнями XVI столетия. Здесь уже археология и суровое величие древнерусской культуры проявлялись на каждом шагу. И я не помню второго случая подобной их концентрации как материальной, так и духовной. Для окончательного выбора жизненного пути начало военной службы в предгрозовые 1940 и первую половину 1941 гг. именно на псковской земле – исконном первичном центре русского противостояния западным посягательствам – представлялось и мне фатальным.

Отечественная война

В конце 1939 года началась четырехмесячная советско-финляндская война, отнюдь не преумножившая славы советского оружия. Я не политик и не берусь судить о политическом аспекте этих событий. Да и слишком молод я был для подобных суждений, к тому же слишком подвержен тотальной пропаганде соответствующих наших органов, согласно которой политически только нам присуща абсолютная справедливость (даже если стасемидесятимиллионная страна нападет на пятимиллионную), в военном же отношении пропагандировалось неизбежное и одностороннее шапкозакидательство. Хорошо известно, что обстоятельства сложились совершенно иначе. Маленькая финляндская армия действовала умело и отважно, а оборонительная «линия Маннергейма» оказалась чрезвычайно мощной, ее преодоление потребовало очень больших жертв. В военной же подготовке Советского Союза был выявлен ряд существенных недостатков в самой ее системе, в отсутствии единоначалия, в квалификации командных кадров, особенно, после огромных потерь среди них в длительный период сталинских репрессий, начиная с «процесса военспецов» и вплоть до второй половины 30-х гг., в техническом оснащении, его распространении и использовании в разработке новой стратегии, тактики.

Армия фактически оказалась в состоянии перестройки. Возглавлявший ее 14 лет (с 1925 года) К.Е. Ворошилов был смещен С.К. Тимошенко. Основным же догматом последнего была переподготовка армии в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке. Такой метод представляется мне принципиально правильным. Армейский быт был чрезвычайно суровым, режим — железным, занятия — предельно строгими. Многого не хватало, и прежде всего, высококвалифицированных командиров. Техника поступала с большим запозданием и далеко не всегда соответствовала необходимым стандартам. Танки типа БТ-7 и Т-28, броне-

*Псков.
20 июня
1941 год.
До начала
войны 2 дня*

вики Т-10 (с наименованиями я могу ошибаться, ведь минуло уже почти 70 лет) явно устарели, о знаменитом Т-34 мы еще не слышали, о КВ слышали, но не видели: он оставался на положении былинного богатыря. Боевые мотоциклы (я служил в мотоциклетном полку) так и не были получены вплоть до начала войны (об Иж-8 и Иж-9 лучше не вспоминать). Но при всех этих недостатках делалось все возможное для подготовки и корпуса в целом, и нас, новобранцев. Занятия шли буквально от зари до зари. Проводились далекие, многодневные походы с маневрами и отработкой основных тактических действий как оборонительных, так и наступательных, разбирались и оценивались конкретные операции советско-финляндской войны. Техники не хватало, но то, что было, знали назубок и использовали все более умело. Слаба была техническая подготовка средних и особенно младших командиров — для них проводились специальные занятия, причем привлекались и мы, вчерашние десятиклассники, имевшие «на гражданке» дело с соответствующей техникой в автошколах, мототролках и т. п. Помню, как пытались добывать необходимые учебные пособия, что в условиях Пскова было подлинной проблемой, всячески поощряли преподавателей, выделяя им часы для занятий за счет всеподавляющей шагистики, отмечая их благодарностями в приказах. Даже ввели зафиксированные в официальном расписании занятия по военной истории России, начинавшиеся с походов Святослава и кончавшиеся временем А.А. Брусилова. Автор этих строк принимал участие в этих занятиях и даже получил благодарность и освобождение от мытья полов в казарме.

*Вид на
р. Великую
и Псковский
Кремль*

*Свято-Троицкий
кафедральный
собор*

*Гремячья
Башня
Псковского
Кремля*

Я бы очень не хотел, чтобы эти предельно краткие заметки воспринимались как прокламирование чуть ли не сусального благополучия в пределах одной воинской части. Целый ряд трудностей, касающихся как техники, так и кадров, подсеченных последовательными волнами беспощадных и преступных репрессий, а также и общего развития военного потенциала хорошо известны, и лишь малая доля их отмечена выше. Но я пытался показать, что горькие уроки войны с Финляндией (в которой мое подразделение принимало активное и трагическое участие) вызвали у нового военного руководства определенную реакцию, своего рода «перестройку», к сожалению, лишь начатую, но представляющую мне совершенно закономерной и перспективной. К сожалению, повторяю, она лишь началась. Одно время появилось выражение «Тимошенковская казарма». Оно представляется мне отнюдь не однозначным. В этой казарме я проходил службу и рад, что было именно так.

И добавлю к этому еще один немаловажный штрих. В то предельно напряженное, предгрозовое время мы понятия не имели о дедовщине. За весь период службы — ни до войны, ни на фронте — я просто не слышал этого слова. Если бы кто-то был замечен в чем-то подобном, я бы ему не позавидовал. Эта злокачественная опухоль зародилась и развивалась значительно позже, в иных социальных условиях, и борьба с ней должна быть решительной и беспощадной. Она угрожает не только боеспособности армии, но и состоянию общества в целом.

В противоположность этому пороку в наше предвоенное время были развиты взаимопомощь и взаимовыручка, сыгравшие далеко не последнюю роль в неумолимо накатывающейся Великой Отечественной войне, в которой роль человеческого фактора по значению ничуть не уступала ни технике, ни стратегии.

...Ранним утром 22 июня 1941 года полк был поднят по тревоге. Короткое слово «война» прозвучало сразу же в нескольких инстанциях. Я не помню никакого общего приказа и вообще ничего парадного. Звучали отдельные приказы и деловые указания. Очень скоро началась раздача боекомплектов и смена учебных противогазов на боевые. Почти не было слышно разговоров. Танковый парк находился за городом, и очень скорое начало движения бронетехники определялось лишь по отдаленному реву моторов.

Мотоциклетный полк находился в лагерях, и мне было поручено доставить туда портфель с документами, что я и выполнил. При этом пришлось пересечь весь город. Было спокойно; сознание случившейся ночью тотальной катастрофы еще не овладело людьми. Отдельные группы их стояли у щитов с экстренными выпусками газет, большей

частью люди молчали. Возвращаясь из активно свертывающегося лагеря, я тоже остановился у газеты. Передовица ее начиналась с изображения танка и кончалась словами: «Ну что же, поборемся!». Насколько помню, это была «Правда».

В штабе получил новое поручение, вновь выехал за город, но уже верхом: мотоцикл у меня конфисковали. Возвращался уже следующим утром и вблизи города впервые увидел немецкие самолеты, шедшие на небольшой высоте, но отогнанные зенитным огнем. По-моему, я даже удостоился индивидуального обстрела с одного из них.

На другой день мы покинули Псков, и начались длительные перемещения, о маршруте которых мне трудно судить. Доступная мне информация была весьма ограниченной. Числился я курсантом училища среднего комсостава запаса при названном уже корпусе. Фактически вначале был рядовым, потом помощником командира взвода, очень недолго башенным стрелком танка, далее танкистом лишь числился, зубами держался за черные петлицы и кирзовую форму, а воевал в пехоте: танков не хватало, сохранялись лишь танковые наименования частей. Информацией нас не баловали. Конкретные пункты вспоминаю с трудом, и оказываются они очень разбросанными. Первой помню Гатчину, откуда вернули нас в район Острова, Пскова и Порхова, где начались уже для нас регулярные бои, далее — Старая Русса, Шимск, Ильмень, Юрьев монастырь... А далее — уже Великий Новгород — легенда русской истории, в значительной мере ее героический символ. Очень горько писать мне эти строки. Еще горше было понять, что же происходит? Такой ли представлялась нам будущая война? Разве такой рисовали ее все формы пропаганды тридцатых годов? Такими изображались действия «прославленных полководцев Гражданской войны»?

Осмыслить все это было бесконечно трудно. Да и не до размышлений было. Нужна была Вера: Вера в святость своего долга, в преодоление навязанной народу страшной трагедии, в беспредельность его сил, выдержки, самопожертвования, в вековую, Господом ниспосланную, миссию России кровью своей, жизнью своей спасать мир от варварства. Вера в бессмертие России — неопалимая купина, — возрождающаяся в, казалось бы, самых гибельных, самых безнадежных условиях, и вера не заученная, не навязанная извне, не порожденная тотальной пропагандой, а естественная, интуитивная, пронизывающая все твое существо, определяющая чувство твоей личной ответственности в разрешении судьбоносной ситуации.

И полагаю, что имею право именно в этом аспекте высоко оценить роль моего поколения в этот первоначальный,

может быть, самый трудный, прежде всего психологически, период войны. Вчерашние мальчишки и девчонки, пришедшие в армию перед самой войной, были размещены в пограничных округах, на которые обрушился первый сокрушительный удар находящейся в зените своей мощи, не знавшей поражения германской военной машины. И они выстояли, главное, духовно выстояли («выдюжили», как писал в одной из статей А.Н. Толстой), заложив первые основы перелома, а далее — и разгрома врага.

Собственного же участия в войне коснусь лишь слегка. Прежде всего, кратким было оно само: началось, как я уже отметил, в первые дни войны, а уже в конце июня я получил первое — легкое ранение (осколком авиабомбы), правда, в строю остался, не уходя даже в санбат. Затем было второе ранение — пулей на излете в ногу; в октябре третье — средней тяжести (прикладом автомата по голове); наконец, четвертое — тяжелое (разрывной пулей в локоть левой руки). Еще дважды был контужен, потому в конце марта 1942 года, после почти пятимесячного пребывания в омском военном госпитале я был отчислен из армии, и воинская карьера моя пресеклась (как видите, даже до генерала не дослужился).

Это первое. Второе: я не принимал участия во взятии ни одного города, но участвовал в сдаче многих. Писать об этом тяжело, а прикрываться общей ситуацией — малодушно. Бесследно такие события не проходят, а прокламировать их если и возможно, то с предельной скромностью. Поэтому я ограничусь кратким описанием лишь отдельных эпизодов, прежде всего, в тех редких случаях, когда память сохранила фактические их показатели (никаких дневников я не вел, да это и было строжайше запрещено).

Надо отметить, что отступление корпуса в первые недели войны от линии «старой» (до 1939 года) границы общим направлением на Старую Руссу проводилось очень регулярно, умело и, насколько я могу судить, с минимальными потерями, в чем безусловная заслуга опытного военачальника, командира корпуса — генерал-майора (в конце войны — генерал-лейтенанта и начальника управления боевой подготовки бро-

*Псково-Печерский монастырь.
Звонница XVI в.*

нетанковых войск Советской армии) И.Д. Черняховского. То же следует сказать о командующем 5-ым мотоциклетным полком, входившем в состав корпуса, — полковнике (в конце войны генерал-майоре) К.Н. Виндушеве. В середине июля названный полк столкнулся с крупным соединением немецких войск у села Клин Ленинградской области и в результате упорного двухдневного боя заметно его потеснил. При этом ряд единиц нашего оружия (прежде всего, пушек и минометов) был поврежден, и командование приняло решение заменить его в артиллерийских складах под Старой Руссой, до которой от села Клин было немногим более ста километров. Отмечу, что от участников боя неоднократно приходилось слышать горькое замечание: «Ну вот, уже и до Клина докатились!», — при этом имелся в виду, конечно, город Клин Московской области. Через три месяца шутка превратилась в действительность, и жесточайшие бои шли уже именно под «тем» Клином, правда, это уже знаменовало и первые симптомы разгрома немецкой военной машины, разгрома нарастающего и неотвратимого. Но пока еще речь шла о Клине северо-западном, на старорусском направлении и немецкой группе, сил своих еще не растратившей. Отмеченный выше успех у этого Клина общей ситуации на данном участке фронта изменить не мог.

Машины с поврежденной техникой, подлежащей обмену в Старой Руссе, составили довольно значительную колонну: не менее восемнадцати плюс одна санитарная, даже с сантехником, надеявшимся пополнить комплект медицинских материалов. Командовать эшелоном назначили незнакомого мне пехотного офицера, а помощником его — меня (в упомянутом выше бою я был легко ранен). Вся документация и карты движения были у пехотинца, я же записывал, а больше запоминал названия отдельных деревень, что в дальнейшем оказалось очень полезным. По дороге в Старую Руссу мы подверглись нескольким нападениям немецких самолетов, но не слишком активным и безрезультатным (в некоторых машинах были зенитные пулеметы). Но все же двигались рассредоточенно и отдельными группами. Доехали часа за три без потерь и без особых приключений. Последние начались в городе. На артиллерийских складах вооружение нам не заменили (было исчерпано), но выдали довольно большое количество боеприпасов и несколько новых дяттеревских пулеметов. Оттуда наш пехотный офицер вывел нас в город, по указанию местных патрулей рассредоточил на одном из единичных, не заполненных еще пустырей, приказал ждать и исчез. Ждали долго, несколько часов. Обращение к патрулю и даже в комендатуру ни к чему не привело. Только колонна пополнилась «бронетехникой»: подъехал маленький броневичок (если память не изменяет, Т-20, на шасси

основной тогдашней нашей «легковушки» М-1 — вот этакая мощь), и шофер спросил о пути в одну из запомнившихся мне деревень, после чего присоединился к нам. К нему я и пересел, с трудом нашел грунтовую дорогу, по которой мы приехали, и вывел колонну из города почти вслепую, ориентируясь по случайно сохранившимся в памяти названиям деревень. Местность была почти совсем открытая. В небе полностью господствовали немецкие самолеты (спасибо, единичные). Растянувшаяся колонна буквально проскакивала небольшими группами от деревни к деревне. И стали попадаться отдельные солдаты в расхлестанном виде и остатками пехотной формы, деморализованные; они сообщили (с явным преувеличением), что противник у деревни Клин подтянул новые силы, в том числе танки, прорвал фронт и движется на восток, на Старую Руссу. Достоверность этой информации была невелика, но рисковать эшелоном я не мог. Поэтому, оставив машины под деревьями большого села, я решил произвести разведку на броневичке, продвинувшись к видневшейся в километрах двух-трех впереди роще. И подъехав к ней почти вплотную, попал под довольно активный автоматный обстрел, а также успел увидеть две машины с немецкими солдатами. Силы явно были неравны. Блестяще проявил себя шофер броневичка: он моментально съехал в кювет и буквально вылетел из него развернувшись, нырнул вновь, проехал по низу метров 200 и лишь тогда вынырнул на грунтовую дорогу. Я же при каждой возможности отстреливался из ДТ (дегтяревского танкового пулемета). Очевидно, число немцев в роще было ограниченным, но подходящие машины могли резко изменить обстановку. Во всяком случае, эшелон надо было уводить. Причем ближе к рассвету: дорога оставалась малознакомой, а использовать фары было нельзя. Поэтому вначале были сохранены и станковые пулеметы на флангах, и прочие оборонительные меры, а в третьем часу ночи (было середина июля!), стараясь минимально нарушать тишину, мы почти ощупью двинулись к Старой Руссе. По моим расчетам оставалось до нее километров сорок. Километров за двадцать пять до города мы были остановлены отрядом управления особых отделов (НКВД) и далее ехали с сопровождением. Личное оружие у меня отобрали, а вся документация осталась у исчезнувшего офицера. Машины по приезду в город разместили в большом парке Дома Красной армии и поставили к ним свою охрану. Нас же с шофером броневичка увели в помещение указанного управления и разлучили (больше я его не видел). Дом был уже полностью подготовлен для своих печальных функций: окованные двери, решетки на окнах, часовые на обоих этажах. Поставили в очередь, спасибо, короткую. Из окованных дверей выводили людей с сорванными петлицами, без рем-

ней и шнурков, полагаю, что офицеров. Форма, в основном, прибалтийская. Разговоры были запрещены. Когда пришла моя очередь, меня резко втолкнули в комнату, где перед решеточным окном сидел офицер с лежащим перед ним на столе пистолетом, который тут же был направлен на меня с криком: «Почему сбежал с передовой? Откуда спер боеприпасы, без которых фронт задыхается?». Отвечать всячески не давали, но именно ответы мои и переменили обстановку. Спасла меня святая уверенность в невозможности в нашей стране, а особенно сейчас, никакой несправедливости (о подобных ситуациях я понятия не имел). И оповестив своего «собеседника» о том, что я комсомолец и курсант, я, перекрикивая его, стал излагать всю нашу историю. Тут он сбавил тон и переспросил все, что касалось исчезновения командира эшелона с документацией, а более всего — места моей перестрелки с немцами и расстояния его от города. К счастью, я запомнил название ближайшего к этому месту села: в нем я оставлял эшелон. Явно взволнованный моими сообщениями офицер оставил меня под охраной двух солдат и вышел. Видимо, звонил в артиллерийские склады и «по начальству». Вернулся быстро и уже нормальным тоном сказал: «Пойдешь к коменданту города, все повторишь. Пойдешь под конвоем. Да не вздумай сбежать!». И одному из солдат: «Вернуть оружие!». Далее — абсурд № 1. Иду я по середине улицы Старой Руссы в комендатуру с СВТ (самозарядной винтовкой Токарева) и гранатой Ф-1 под конвоем пожилого хромящего солдата...

Комендант выслушал меня очень взволнованно. Спросил, есть ли у меня машина, кроме полторок. Узнав, что есть санитарка, успокоился: «Езжай немедленно в штаб армии (номер не помню, но назван был), маршрут такой-то, пароли и ответы такие-то в таких-то пунктах. Явишься в оперативный отдел, спросишь полковника и все доложишь подробнейшим образом. И тотчас назад! Не явишься — арестую». Тогда мне все это казалось совершенно нормальным и никаких недоумений не вызывало. Сейчас я этот эпизод именую абсурдом № 2: ведь я только что был в контрразведке и воспринимался чуть ли не как дезертир и похититель боеприпасов, и тут тебе маршруты, номера крупнейших подразделений, пароли, имена. Неисповедимы пути Господни. Распоряжением коменданта я исполнил все как по нотам. К счастью, полковник уже получил сведения, полностью подтверждающие мою информацию. Обещал представить меня к награде, но больше мы с ним не виделись: штаб спешно сворачивался.

Вернувшись в город, я застал главную улицу забитой автомашинами с римской пятеркой на заднем борте: это был «сверхсекретный» знак 5-го мотоциклетного полка. Меня

тотчас втащили в одну из них. Мои слова о необходимости явиться к коменданту во избежание ареста были встречены дружным хохотом. Зато предупредили, чтобы я попытался перехватить подготовленную «похоронку» для отправки моим родителям. Это удалось, как и в двух последующих случаях: официально я «исчезал без вести» трижды.

К коменданту города я так и не попал, от этого визита был освобожден начальником штаба 5-го полка майором Борткевичем, моим непосредственным начальником. Это был опытный офицер, предельно строгий и столько же справедливый. Несмотря на строгость, рейтинг его в полку был беспрецедентно высок как среди старослужащих, так и среди молодежи. Неоднократно можно было слышать слова: «Пока жив майор — есть полк, не станет майора — не станет полка». Слова оказались пророческими: майор погиб 17 августа 1941 года под Великим Новгородом при взрыве снаряда (стоя в пяти шагах от меня).

А тогда, в июле он провел очень искусный маневр, выведя 5-й мотоциклетный полк из основного направления удара значительных новых сил, подтянутых противником в район упоминавшейся деревни Клин чуть ли не одновременно с началом моей старорусской эпопеи.

К основной части полка я присоединился лишь на четвертый день. Последнюю часть пути машин уже не было, они разошлись по своим подразделениям, доставив им долгожданные боеприпасы. Санитарка же забарахлила и осталась «выздоровливать». Я пошел пешком и в одном из крупных сел встретил довольно большую группу милиционеров, стоявшую на главной площади. Удивлялся их новенькой форме. Прошел стороной, за домами, скорее всего, они меня не заметили или не захотели раньше времени дезавуировать себя посередине большого села. А на другой день, уже в расположении одного из батальонов своего полка я услышал предупреждение о том, что немцы забросили в наш район диверсионную группу в советской милицейской форме. Вполне вероятно, что появление ее связано с неоднократно отмеченными самолетами, садившимися как вдали, так и в относительной близости по пути моего следования, но мной неопознанными. Это естественно, поскольку наши самолеты все же появлялись, особенно средние бомбардировщики, хотя и заметно реже германских. С последними, очевидно, связана и высадка вблизи достигнутой мной нашей части значительной группы немецких минометчиков, положивших начало ночному бою, охватившему далее и смежные участки, достигнув определенного напряжения, обусловленного как наращиванием численности войск и техники и усилением напора противника, так и все более упорным противостоянием наших войск. Хорошо помню, с каким ува-

жением и надеждой произносились во многих частях фронта слова «шимская оборона», знаменуя героический отпор, встреченный немцами под, казалось бы, незначительным населенным пунктом, для преодоления которого понадобилось многодневное привлечение крупнейших авиационных подразделений.

Еще раз подчеркну, что я не считаю себя вправе описывать, а тем более — оценивать боевые операции, и ограничусь отдельными эпизодами, представляющимися мне характерными для первых месяцев войны на Северо-Западном фронте. И рассматриваю я их глазами восемнадцатилетнего юнца, лишь год прослужившего в армии, поэтому постараюсь быть предельно кратким.

Полагаю, что судьба оказалась дважды милостивой ко мне в середине июля 1941 г. — первый раз в благополучном разрешении казуса с контрразведкой, второй — во «встрече» с «милиционерами». Своих — танковую роту и минометчиков — нашел уже в сумерках на опушке леса, причем почти одновременно начался обстрел со стороны немцев, наши ответили, огонь продолжался всю ночь, утром двинулись танки (с обеих сторон). Я участвовал в этой операции; она показалась мне успешной: во всяком случае, немецкие (а точнее, чешские) легкие танки уступали нашим БТ-7 по огневой мощи и отошли, а несколько минометов были обезврежены. Сейчас уже не помню даты этого столкновения: думаю, что двадцатые числа июля. Далее был ряд подобных стычек с переменным успехом, и все в районе Старой Руссы западнее р. Ловати, Шимска на Шелони, Дубовицы, Перфино, Поволжья, Сольцов на Колошке и пр.

Вновь оказался я в Старой Руссе перед самой ее сдачей. Она страшно изменилась. К началу августа город совершенно обезлюдел. Жители то ли ее покинули, то ли попрятались. Многие предприятия были уничтожены немецкими авиабомбами, артиллерийскими обстрелами и внутренними взрывами. Отдельные участки были залиты водой: результат нарушения берегов р. Полиста или разрушений водопровода. Стояла странная, мертвая тишина. Настроение было гнетущее: уж лучше бой. И было это после нескольких дней почти непрерывной бомбардировки немецкой авиацией чуть ли не всех населенных пунктов между Старой Руссой и Шимском. Мы составляли арьергард покидающей город русской армии. Уходили в тишине, я бы сказал, в кладбищенской тишине. Не знаю, по какой причине, но противник не торопился с оккупацией города. Был последний день перед ней. Город был как бы ничей. Почти не было слышно выстрелов. Отдельные наши подразделения еще занимали ключевые позиции. Но они таяли, подтягивались к выходам из города, хорошо мне знакомым по описанным выше событи-

Пеший танк БТ-7, состоявший на вооружении армии в 1930–1940-х гг.

ям. Было жарко, очень хотелось пить, но об использовании воды из Полисты и многочисленных воронок нечего было и думать. В парке обнаружили павильон для газированной воды. Самой воды, конечно, не было, но нашли корзины с красной жидкостью в круглодонных бутылочках. На них с жадностью набросились, но это оказался... сироп, ничуть не улучшивший ситуацию. Во второй половине дня стали подтягиваться к северо-западным районам и постепенно покидать Старую Руссу. Для меня из многих, увы, покинутых городов расставание с ней было, может быть, наиболее горьким (и никогда более я в ней не был). А далее — отступающие части нашей армии двигались к Великому Новгороду, одному из начальных центров русской государственности и культуры.

Для меня этот город был легендой, начиная с первых бесед матери о русской истории, с первого знакомства с русскими былинами в очень выразительном изложении их в превосходной книге Авенариуса. Издавна помнил я и самую раннюю его дату — 859 год, и княжение Рюрика, и путь «из варяг в греки», и былинные Василия Буслаева и старчища Андрочища, накрывавшегося многопудовым колоколом, и отважного гостя Садко, и разлившуюся рекой морскую царевну Волхову. Этот былинный цикл воистину гениален и породил великие феномены фактически во всех видах искусства. Естественно, знал я и о Невской битве, и о Ледовом побоище, и о походе к Белому морю, и о спасительной дипломатии Александра Невского, и об искусной политике и дипломатии Новгородской республики. Был для меня Новгород действительно Великим и незыблемым. Никогда не думал я, что впервые увижу его под ударами ежедневных бомбардировок и артиллерийских обстрелов, когда горизонт превращался в сплошное зарево пожаров, буквально адский огонь кото-

рых не только пожирал жилые и хозяйственные постройки, в значительной мере еще деревянные, но подбирались к бесценным и замечательным памятникам Новгородского Кремля. При этом если поражение снарядом знаменитого Софийского собора (1045–1050 гг.) не привело к тотальным разрушениям, то судьба церкви Спаса на Нередице (1198 г.) и Сквородского монастыря (XV–XIV вв.) оказалась трагичной: оба ценнейших памятника были фактически разрушены. Буквально накануне этих варварских бомбардировок я приезжал в Новгород в связи с получением на его складах горючего и боеприпасов. Помню и старый мост, и ряд сохранившихся кварталов, и Кремль с Софийским собором и боевыми башнями, и церковь Спаса на Ильине улице и Федора Стратилата. Все это было крайне скоропалительно, но благодарю Господа, что все же было.

Бои под Новгородом начались после прорыва немцами «шимской обороны» (уже упоминавшейся выше), в середине первой декады августа. Еще раз подчеркну, что не считаю себя вправе судить о правомерности сдачи города, что касается и Старой Руссы. Много в действиях наших войск вызывало недоумение. Насколько я помню, противник вошел в Новгород в середине второй декады (15–16 августа), захватив кремль и т. н. «софийскую сторону» города и почти сразу же форсировал Волхов, овладел восточной, т. н. «торговой» стороной, на которой за полтысячелетия до этого собиралось знаменитое вече Новгородской республики. Создалось впечатление, что такая серьезная преграда, как Волхов, должным образом использована не была. Значительная часть наших войск отошла к востоку на широкую — не менее 500 м — и свободно простреливаемую полосу между восточным краем застройки города и Малым Волховцем — протокой Волхова с деревянным (?) мостом, по которому проходило Ленинградское шоссе. На этой полосе возникла значительная концентрация как боевых частей (в основном, пехоты и артиллерии), так и многочисленных обозов. Число их возрастало за счет в беспорядке покидавших город новых подразделений, беспрепятственно перемещавшихся и все более прижимавшихся к берегу. Ширина не упомянутого выше моста через Малый Волховец была незначительной.

Четкость расположения отдельных подразделений была нарушена, некоторые из них оказались слиты, другие — напротив — разделены. Продолжавшие поступать приказы были подписаны различными, далеко не всем известными фамилиями и в ряде случаев противоречили друг другу. 5-й мотоциклетный полк вошел в состав 125-го танкового, приказы по нему были подписаны полковников Блынским, имя которого как мне, так и никому из моих сослуживцев известно не было. Естественно, все это не способствовало

сколь угодно успешному противостоянию противнику со стороны наших войск, зажатых на ограниченной и, как уже отмечалось, свободно простреливаемой территории между окраиной города и левым берегом Малого Волховца. Между тем, ряд пехотных, артиллерийских, минометных подразделений вопреки всем трудностям продолжали ожесточенное сопротивление. Более того, через день после фактического захвата немцами города (т. е. 17–18 августа) было приказано контратаковать их и освободить Новгород. Кем приказано? — никто толком не знал. Генерал Черняховский и сохранившиеся части его корпуса были переведены на другой участок фронта. Контратака не могла быть подготовлена должным образом, особенно в условиях, трагичность которых я пытался кратко обрисовать выше. Попытки продвижения нашей пехоты и единичных танков с присоединившимися к ним остатками мотоциклетного полка в центральной части города и у Волхова были пресечены ураганным огнем вражеской артиллерии, встречены бросками резко численно превосходящих групп танков при полном господстве в небе «Мессершмидтов» и «Фокке-Вульфов». Уже в первой половине дня неудача операции стала очевидной, и наши части начали откатываться — как массированно, так и отдельными небольшими группами к востоку, вновь к Малому Волховцу. При этом они несли тяжелейшие потери, особенно при форсировании реки через мост, вплавь или с использованием случайных плавучих средств. Немецкие самолеты, фактически не встречая сопротивления, атаковали мост непрерывно с минимальной высоты. Правда, далеко не все бомбы взрывались: сравнительно легкий настил был недостаточным препятствием для взрыва. Но очень скоро он превратился в подлинное решето и при предельной (а вернее — беспредельной) скученности, многократно превышавшей уже отмеченную ограниченность «пропускной способности» моста, и люди, и животные (обозные лошади) массами ломали ноги и получали тяжелые травмы.

Вернусь к уже упоминавшемуся мной печальному моменту — гибели превосходного офицера, начальника штаба 5-го мотоциклетного полка майора Борткевича (да живет вечно его память!). Он отходил одним из самых последних. Я оказался рядом, и он успел назначить меня и.о. помкомвзвода вместо тяжело раненного товарища (конечно, без изменения звания «курсант»). И добавил: «Только не через мост. И вообще, постарайтесь никого к нему не подпускать!» Это были последние его слова... От «моего» взвода осталось человек 12. Я пытался их «воссоединить» и, насколько возможно, уменьшить «наплыв» на мост, самим же через определенный срок приказал форсировать реку вплавь, чему последовала и основная масса скопившихся у моста, и я сам (добрым

словом вспомнив своего отца, научившего меня плавать раньше, чем ходить). Сделано это было

*Иван Данилович Черняховский.
Дважды Герой Советского Союза*

вовремя: немецкие пулеметчики лишь начали выходить к реке, на противоположном же ее берегу густо стоящие стога сена в известной мере «маскировали» переправившихся. Не могу не отметить подлинный подвиг моего товарища по роте Бориса Вьюника: раздобыв в «тихой заводи» оставленную кем-то лодку, он совершил 9 рейсов, перевозя на другой берег брошенное оружие и раненых.

На другом же берегу широкая прибрежная полоса представляла собой обширный луг, частично заболоченный и не очень благоприятный для долговременной обороны. Далее, в 400–500 м от берега характер поверхности менялся, пятна заболоченности кончались, открытые участки чередовались с облесенными, и создание здесь многорядной оборонительной ли-

нии представлялось достаточно оправданным. К этому и приступили незамедлительно, достигнув весьма высокого темпа. Новгородское наступление противника было резко заторможено, а затем и остановлено на Малом Волховце. Этому решительно способствовало оперативное размещение непосредственно позади новой линии обороны в лесной полосе вплоть до р. Мсты мощного заслона артиллерии РГК (резерва главного командования) с дальнебойными 203-миллиметровыми пушками огромной разрушительной силы. РГК вступил в боевые действия фактически одновременно с последним этапом немецкого наступления: двумя попытками форсирования Волхова у Юрьева монастыря и Малого Волховца у Новгорода. Обе попытки были пресечены с огромными потерями для противника: свидетели говорили, что у Юрьева ни один человек не вернулся на западный берег.

Немецкая артиллерия отвечала активным, но менее эффективным огнем. Во всяком случае, мы без серьезных помех «обживались на новом месте», привыкая к почти непрерывному реву наших гигантов и шелесту проходивших на запад над головами крупнокалиберных снарядов. Малыми группами приближались к Волхову, где на сухих местах сооружали небольшие окопы для передовых наблюдательных пунктов

и «секретов» на случай неожиданной активизации противника. Но в целом происходила определенная стабилизация этого участка фронта, и можно было с основанием сказать, что со стороны Новгорода продвижение противника на юго-восток пресечено. И недавний, описанный выше разлад сменился прочным, неуклонно соблюдаемым порядком, сохранившимся вплоть до изгнания немцев и из самого Новгорода, и из области, и из смежных областей. Свидетелем этого я уже не был: был переведен на другой участок Северо-Западного фронта, а затем — тяжело ранен. Но согласно показаниям многочисленных участников боев, в коренном изменении всей ситуации на новгородском фронте огромная заслуга принадлежала одному из самых молодых и талантливых полководцев нашей армии в минувшей войне Ивану Даниловичу Черняховскому, добившемуся перелома на северо-западе, как добивался его на всех постах и на всех фронтах, которыми он командовал. Его ранняя смерть в самом конце войны на посту командующего III Белорусским фронтом была невосполнимой утратой для вооруженных сил страны, а имя навсегда вписано в героическую военную историю России. Я же всегда буду помнить, что, пусть и короткий срок, но входил в состав боевых подразделений, находившихся под его командованием.

IV

*Путь на восток. Бежецк,
Рыбинск, Ярославль.
Сабуров, Омск*

В конце сентября немцы предприняли еще одну попытку наступательных действий к юго-востоку от Новгорода — в направлении Твери, а далее — и Москвы. Исходной территорией стал на этот раз район Демьянска и Валдая, где были сосредоточены значительные их силы. Чтобы парировать готовящийся удар, часть наших войск, занимавших отмеченную выше оборонительную линию к востоку от Новгорода — в правобережье Малого Волховца — была спешно переброшена на юго-восток и включена в состав дислоцированного там 34-го танкового полка. Я был в числе «переброшенных», остатки же «моего» взвода остались на месте, пополнили другой взвод. Танков не было, но их обещали срочно доставить. Через день по прибытии был получен приказ взять деревню Исаково — один из опорных пунктов противника на пути к Валдаю. Прямая атака оказалась неудачной и была остановлена, как и в ряде подобных случаев, сконцентрированным минометным и пулеметным огнем противника при резко пересеченных подступах к деревне. Правда, предпринятая во второй половине дня немецкая контратака также не имела успеха, тут активно действовала наша артиллерия, хотя и со сравнительно дальних позиций. Вечером обе стороны небольшими группами стремились к овладению многочисленными высотами («сопками»), неоднократно переходившими из рук в руки. С рассветом подобные стычки активизировались. В ходе одной из них на болоте между двумя сопками я был ранен пулей, раздробившей мне локоть левой руки. Я видел стрелявшего в меня солдата, и перестрелка наша напоминала дуэль вплоть до его попадания, после которого он исчез. Не исключено, что выстрелили мы одновременно. Во всяком случае, дальнейших выстрелов с его стороны не последовало. У меня хватило сил вернуться на занятую нашими бойцами густо залесенную сопку. Здесь

мне оказали первую помощь и отвели в следующую «инстанцию» — передовой пункт медсанбата, где все оказались переведенными вслед за мной из-под Новгорода. Несмотря на всего лишь недельную разлуку, встретились мы очень тепло, рану мою обработали, а далее я следовал уже не пешком и не на носилках, а на телеге, перевозившей раненых и спасавшей их со времен великого Пирогова. В сумерках привезли меня в большое село, где размещался головной медсанбат с операционной и соответствующим оборудованием. Электричества не было, были большие керосиновые лампы как висевшие под потолком, так и переносные, вполне достаточно освещавшие наскоро сколоченные импровизированные операционные столы. Чистота в этом обычном деревянном доме была поразительная, причем это была не холодная больничная тишина, а специфический деревенский уют. И главное — врачи, сестры, санитарки, весь персонал. Были две смены, но, по-моему, они не менялись, работали одновременно, едва держались на ногах, но ни взглядом, ни жестом не выдавали сверхчеловеческого переутомления и всеми силами старались ободрить раненых, вселить в них надежду, влить новые силы, которые давно были на исходе у них самих. Нельзя было не поражаться самоотверженности, самоотречению, железной выдержке врачей и сестер, значительную часть которых составляли совсем молодые, хрупкие на вид женщины и девушки. В ожидании очереди я присматривался к ним и видел подлинный, ни с чем несравнимый человеческий подвиг, рядовой, повседневный, принявший массовый характер и по своей глубине, многозначительности, гуманизму превышающий все прочие определения этого понятия.

Когда подошла моя очередь, меня тоже попытались ободрить, предупредив, что анестезирующие средства у них дефицитные и что операция может быть сделана и в стационарных условиях. Я отказался и благодарю Бога, давшего мне силы с должной твердостью выдержать ее именно здесь, среди этих людей, воздействие которых сильнее любых анестезирующих средств.

Операция прошла успешно. Через день на той же телеге меня отвезли к большому озеру (очевидно, Валдайскому) и переправили на остров с монастырским зданием, переоборудованным под временный госпиталь. Переоборудование продолжалось, но здание уже было переполнено ранеными. Никакого места мне не досталось, ходить было трудно, я сел на широкую ступень одной из лестниц и сидя заснул. Проснулся от громкого разговора стоявших вокруг меня людей. Один из них — высокий полковник медицинской службы выговаривал прочим за мою ситуацию: оказалось, что я во сне скатился со ступеньки и повредил руку, повязки были

Монастыри на острове Валдайского озера. В годы войны здесь располагался военный госпиталь

пропитаны кровью. Второй врач оправдывался полным отсутствием свободных мест в палатах. Полковник приказал отнести меня в свой кабинет, где сам занялся моим ранением. Я же потерял сознание. Очнулся в большой переполненной палате и лежащим на тюфяке с постельным бельем. Рука была в гипсе, рядом дежурила сестра. А ближайшим соседом оказался мой ровесник, громогласный танкист, который тут же меня узнал: несколько дней мы были в одном экипаже (этот эпизод я пропустил). Он очень скрашивал мне пребывание в палате, где был использован каждый

квадратный метр. Во время обхода неизменно подходил ко мне полковник и подробно расспрашивал о моем состоянии, причем однажды в ответ на мои слова благодарности грустно сказал: «Кто знает? Может быть, сейчас и мой сын...». Он был москвич, и я горько сожалею, что не догадался хотя бы узнать его адрес. Это черная и непростительная неблагодарность... Тем более что и здесь, как и в переоборудованной в операционную деревенской избе персоналом госпиталя делалось фактически невозможное: в кратчайший срок, под постоянной угрозой бомбардировок и обстрела, при огромных трудностях доставки и продовольствия, и всех видов материалов, и, главное, самих раненых на один из островов Валдайского архипелага, царили безусловный порядок, четкость и чувство глубочайшей ответственности. Людей явно не хватало, продолжалось переоборудование, изыскание новых площадей, поддержка нормального режима питания, свежести воздуха, чистоты помещений и белья. Весь персонал был «многофункционален»: врачи осваивали рабочие профессии, а рабочие — медицинские. И здесь никто не считался со временем, боюсь, что, как и в предыдущем прецеденте, работали одновременно обе смены при сохранении строжайшей дисциплины, организованности, инициативы. И все это было весьма существенным фактором как физического, так и духовного воздействия на состояние раненых.

С момента последнего ранения я успел побывать в нескольких прифронтовых лечебных учреждениях различного ранга, и везде характер работы и царящая в них атмосфера вызывали глубокое удовлетворение и гордость. Эта важная сторона нашей военной организации представлялась вполне совершенной.

В последнем госпитале было предпринято определенное распределение: больные с легкими ранениями подлежали переводу в ближайшие госпитали, тяжелораненые — отправке в далекие лечебные учреждения, прежде всего, в Сибирь. Я был причислен к последним. Не без грусти попрощался с валдайским госпиталем, и под вечер состоящий из теплушек поезд двинулся на восток в направлении Рыбинск-Ярославль.

Мои нары были внизу, и я моментально крепчайше заснул. Проснулся уже после рассвета. Поезд стоял на станции Бежецк. Вагон мой был последним. Фактически он был почти пуст. Крыша его была частично сорвана, ворота теплушки почти полностью открыты. В них стояла медицинская сестра — почти девочка. Рядом со мной лежал здоровенный парень, которого я принял за убитого, что он решительно опроверг богатырским храпом: просто нервы у него были еще крепче моих. Я же проспал бомбардировку эшелона, от сестры же узнал, что прилетевший с рассветом немецкий са-

молет сбросил бомбы на уровне нашего вагона, но был отогнан защитным огнем. Между взрывами и эшелон стояло несколько массивных пакгаузов, очевидно, еще дореволюционной постройки. Они «погасили» взрывную волну. Все, кто был в состоянии, с помощью сестер и друг друга покинули вагоны и попрятались кто куда — у насыпи, у тех же пакгаузов, у прочих построек. Считайте это подлинным чудом, но жертв среди раненых не было. С большим трудом они были водворены на свои места.

Забегая же вперед, с тяжелым сердцем сообщу, что самолет вырвался из зоны защитного огня, на перегоне к Рыбинску догнал другой санитарный эшелон и разбомбил его, разрушив и часть железнодорожного пути. Там было значительное число жертв. Нас предупредили, что в связи с этой катастрофой, наш эшелон задержится в Бежецке на несколько часов. Часы эти потянулись бесконечно медленно, все глядели на небо и прислушивались: ждали новых налетов. С проходившей дрезины сообщили, что разрушение пути впереди нас довольно серьезно, но ночью, возможно, ликвидируют. Но пришла ночь и никаких сдвигов. Никто не спал. Стояло почти полное молчание. Утра ждали как Страшного суда. И вдруг радостный крик: «Ребята! Да это туман!». И впрямь: утро давно наступило, но поезд стоял, окутанный густым туманом. Наконец двинулись, и туман, покрыв нас спасительной пеленой, сохранялся до самого Рыбинска, где госпиталь располагался на территории авиазавода.

В Рыбинске госпиталь был еще более благоустроен, чем в Валдае, здесь коек хватало всем, раны наши подверглись очередной обработке, столь же тщательной и умелой, а персонал был также внимателен и неутомим. Через три дня мы отбыли в Ярославль — на сей раз без приключений. И лишь значительно позже из сообщения наших информационных органов узнали, что немцы сообщили о бомбардировке Рыбинского авиационного завода, выведшей его из строя. Опровергая это сообщение, ТАСС указало, что завод этот давно эвакуирован, а бомбардировке подвергся военный госпиталь, имевший все необходимые опознавательные знаки и находящийся под охраной международной конвенции. Так что вторично за одну неделю по Господней милости мы избегли вполне реальной угрозы.

Путь до Ярославля прошел спокойно. Провели мы там, как и в Рыбинске три дня, а в первых числах ноября двинулись в Сибирь. На сей раз уже не в теплушках, а в нормальных пассажирских вагонах, с продолжающимися процедурами и даже с библиотекой, шахматами и радио (в последнем не уверен, мог спутать). Пахло мирной жизнью: за Уралом стояли уже освещенные деревни (от которых мы успели от-

Омск

выкнуть), а на редких остановках возникали традиционные станционные базарчики. В самих вагонах сняли затемнения с окон, поразительная природа Зауралья стала доступной и при дневном освещении, и ночью: небо почти всю дорогу оставалось чистым, степь, отроги гор, лесные массивы сменяли друг друга, создавали фантастические пейзажи, и никакие самолеты и прочие вклинения человеческих «благодеяний» не могли бы их нарушить. Ехали долго, больше недели. Останавливались, помимо станций «во чистом поле», «ходячие» с удовольствием покидали вагоны, под наблюдением, конечно, но без решительных запретов. Вообще, и с медицинским, и с поездным персоналом устанавливались самые дружеские отношения, взаимопонимание и симпатия, а главное — спокойствие — волшебное понятие, которое большинству из нас еще несколько недель назад представлялось несбыточным.

Пункт назначения поездки долгое время оставался неизвестным, высказывались самые различные предположения, вплоть до Барнаула, Иркутска и даже Читы. Наконец, в середине ноября вопрос разрешился: поезд пришел в Омск.

С поездом, уже ставшим привычным особым режимом, встреченными в пути людьми было жалко расставаться, но, вместе с тем, большой, по-сибирски прочный, живущий активной жизнью город был следующей ступенью стабильности в нашем существовании.

Госпиталь, в который нас привезли, находился в центре города, на улице, именованной тогда «улицей МОПРА». Это был самый большой и тоже реконструированный госпиталь: в него поступали все раненые, проходили первое обследование, после чего распределялись по специализиро-

ванным учреждениям в зависимости от характера ранения. Поэтому в нем представлены были врачи фактически всех специальностей, некоторые из них волею судеб превращались в подлинных универсалов. С другой стороны, некоторые из раненых «оседали» в этом — эвакуационном — госпитале до конца лечения. Это считалось большой удачей. И также волею судеб подобной удачи удостоился и я: после обследования, не ограничившегося только последним ранением, меня спросили, не откажусь ли я остаться здесь всерьез и надолго. Я отреагировал на вопрос с энтузиазмом, что и определило судьбу мою на ближайшие четыре месяца. И очень скоро убедился, что те глубоко позитивные характеристики, которые приводились выше в отношении фронтовых госпиталей, в полной мере сохранялись и здесь, за тысячи километров от боевых действий. Четкость, идеальная дисциплина и организованность, но главное — глубочайшая человечность, самое искреннее стремление облегчить состояние раненых, не считаясь с собственным состоянием. Таков был обычный повседневный *modus vivendi* персонала госпиталя. Не исполнение обязанностей, пусть самое добросовестное, но подлинный душевный порыв. Я никогда не вел дневников (кроме рабочих, раскопочных), о чем горько сожалею: уходят из памяти имена, облики, события, ты оказываешься в неоплатном долгу перед людьми, столь много для тебя сделавшими. Лишь несколько имен врачей и сестер омского госпиталя сохранились в памяти: доктор Л.И. Крайчик, сестры В.П. Буркова, А. Маняхина, М. Полякова... А ведь имен было значительно больше...

К сожалению, я мало видел сам город: покидать госпиталь не разрешалось, хотя несколько раз «ходячих» водили в Дом Красной армии в связи с торжественными событиями, основным из которых явилась воодушевившая всех нас решительная победа наших войск в знаменитой Московской битве. Никогда не забуду это торжество. Мне довелось еще в госпитале быть одним из первых слушателей этого незабываемого сообщения. Сразу же стихийно возникли, нет, не митинги с торжественными речами, скорее, моментально охватившие все палаты, кабинеты, службы, лаборатории всех, кто причастен ко вчера еще строгому, напряженному, во многом печальному феномену, всплески беспредельной радости, гордости, надежды, близости и — более того — единства всех, кого отнюдь не радость собрала поначалу в этом доме. Все стали близкими, всех объединила всеохватывающая радость! Бросились искать карты, реквизировали их во всех ближайших магазинах, обсуждали каждый пункт, отбитый у немцев, географические познания и раненых, и персонала госпиталя спонтанно резко возросли. И, конечно, особым вниманием пользовались раненые, прибывшие

*Н.Я. Мерперт
в госпитале
в Омске.
1942 год*

с Московского фронта, фактически герои происходящих событий. К хорошо уже известному, а ныне ставшим легендарным имени Г.К. Жукова присоединился целый сонм талантливых полководцев (И.С. Конев, К.К. Рокоссовский, Л.А. Говоров, А.М. Василевский, А.В. Горбатов, Н.Ф. Ватутин, И.Е. Петров, И.Д. Черняховский и др.), сыгравших решающую роль в разгроме крупнейшей группировки немецких войск, которой было поручено взятие Москвы.

С тех пор прошло около 70 лет. Немало самых тяжелых испытаний выпало на долю нашей страны в оставшиеся три с половиной военных года. Неоднократно испытыва-

Военный госпиталь в Омске

ли мы и предельное напряжение в единоборстве с далеко еще не сломленной мощью германской военной машины. Неоднократно познавали горечь поражений. Достаточно назвать Керчь, Феодосию, Севастополь, Изюм-Барвенково, Северный Кавказ, Демьянск, Ржев, Нижнее Поволжье, Калмыкию. Но ситуация резко изменилась. Одно за другим те же наименования повторялись с победным завершением, знаменуя катастрофический разгром мощнейших германских соединений. В веках будут жить победные операции наших войск и на Нижней Волге, и в Крыму (включая Севастополь), и в Нижнем Поволжье, и на Северном Кавказе, и на Смоленщине. И при всем многообразии военной ситуации на всех этих участках, приведший к ней перелом был обусловлен битвой под Москвой, перелом как собственно военно-стратегический, тактический, технический, так и духовный. Не будет преувеличением говорить о двух принципиально различных периодах в ходе II Мировой войны: до и после Московской битвы. Это различие в значительной мере предопределило развитие событий и на Нижней Волге, и в Ленинграде, и на Курской дуге, и на Днепре, и в Белоруссии, и в Северной Африке, и в Тихом Океане. Резонанс Московской битвы достиг далеких земель и морей, резко нарушив представлявшиеся догмой планы победоносной войны как на западном, так и на восточном ее флангах. Определенным образом коснулось это и новгородского фронта. Активность немецкого натиска заметно ос-

лабла. Касалось это, прежде всего, неприятельских попыток форсировать Волхов и Малый Волховец, предпринимавшихся неоднократно и в равной мере бесплодно: наша оборонительная линия каждый раз четко доказывала свою эффективность. Война здесь принимала все более позиционный характер. Немецкий язык был хорошо слышен с противоположного берега сравнительно узкого Малого Волховца, но он все более сдавал свои позиции и сменялся иным: вначале нам трудно было его понять, потом противник вывесил плакат: «Vivo Franko!». Положение прояснилось. Немцы отозвали свой контингент, заменив его испанцами. Наступило относительное спокойствие. Во всяком случае, никаких серьезных намерений продвижения на восток эта новая «воющая держава» не предпринимала.

V

*Инвалидность.
Отчисление из армии.
Возвращение в Москву*

В феврале 1942 года я подвергся обследованию и был признан негодным к дальнейшей службе в армии по военной инвалидности, а во второй половине месяца был отправлен в Москву. Моя армейская служба кончилась. На ее месте остались контрактура локтевого сустава левой руки и следы нескольких ранений без повреждений костей, осколками снарядов и авиабомб. Мальчишескую гордость вызывал удар прикладом (по-моему, пластмассовым) по голове, но и он был не слишком серьезен — как-никак рукопашная схватка, но и она заметной травмы не вызвала, да и соперник мой оказался достаточно хилым. Во всяком случае, заживали эти ранения (кроме руки) достаточно быстро и никаких осложнений не дали. Поэтому отчисление мое из армии было, безусловно, справедливо. А вот расставание с врачами, сестрами, начальником госпиталя доктором Коганом было, естественно, очень грустным: я уже подчеркивал, что было нас сравнительно немного. Мы считали естественным делиться и радостью, и удачами, и мы очень «прикипели» друг к другу. Перед самым отъездом мне разрешили походить по городу, который навсегда запомнился мне строгостью, деловым настроением, спокойствием, ответственностью, как бы разлитой по всему городу. Остались у меня об этом достойном городе «на диком берегу Иртыша» самые глубокие воспоминания. В следующие годы я неоднократно приезжал в Омск, но, к сожалению, надолго там не останавливался.

Тогда же, в феврале 1942 года, я, естественно, с нетерпением ждал отправления в Москву. Отправились ночью и ехали долго: длительные стоянки поезда на станциях, пропуская воинские эшелоны. В отличие от предыдущего пути в Сибирь, с приближением к Уралу стали выключать свет, хотя никто, конечно, не спал — все стояли у окон, вглядыва-

ясь во тьму, на сей раз уже Европейской России. Конец пути был, как обычно, особенно медленным, но вот замелькали с детства знакомые названия пригородных станций, потом в предрассветной мгле обрисовалась башня Ярославского вокзала и, наконец, Москва. Документы проверили достаточно оперативно, но было это в первом часу ночи, а до шести утра продолжался комендантский час. Так что ночные разговоры были продолжены. В здании вокзала было относительно свободно, и мы получили некоторые сведения о московских событиях, прежде всего, о бомбардировках Большого театра, Музея изящных искусств, Театра им. Е. Вахтангова, одного из старых зданий Московского Университета (на Моховой). Как правило, информация передавалась скупо, без преувеличений и истерических ноток, спокойно и корректно, а некоторые сведения у нас уже были благодаря эвакуации в Омск театра им. Е. Вахтангова, находившегося напротив окон моей госпитальной палаты. В Москве же театр был на Арбате — в нескольких сотнях метров от моего дома. Самолет, сбросивший бомбу на театр (убившую одного из лучших его артистов Василия Васильевича Кузу), сбросил вторую у подъезда моего дома, где дежурил мой отец — бывший офицер, которого с силой отбросило на выбежавшую из дома собаку.

Первым впечатлением от военной Москвы было сравнительно скромное число заметных разрушений. Мало изменилось оно и в дальнейшем. Воздушная оборона столицы была достаточно прочной. Она крайне эффективно дополнялась огнем зенитной артиллерии, умелыми и самоотверженными действиями наших и союзных истребителей, «вездесущность» которых отмечалась фактически круглосуточно «шарами воздушного заграждения», наконец, активными, отважными действиями населения на крышах домов, где были обезврежены многие тысячи зажигательных бомб.

Но не одной воздушной обороной ограничивалась глубокая специфика «военной Москвы». Использовались все природные возможности: рельеф местности, водоемы, растительность, завалы, трещины, а также технические дефекты — словом, все, что могло препятствовать передвижению вражеских групп. К этому должны быть добавлены многочисленные и многообразные специальные технические средства того же назначения.

Таковы отдельные специфические черты «военной Москвы», которые были выработаны, в основном, за последние полгода. И не менее важным фактором была своеобразная «разгрузка» города, эвакуация не только части его населения, но и правительственных, партийных, дипломатических, хозяйственных, общественных, учебных учреждений, что в значительной мере способствовало общей организо-

ванности жизни столицы и устранению многих препятствовавших ей явлений. Запомнился один из первых плакатов, отмеченный на улицах города (зима 1941 год): «Прекрасен, строг и по-военному четок образ столицы нашей Родины в эти грозные дни...». Это имело прямое воздействие на все стороны жизни населения Москвы, его моральный дух, инициативность, уверенность в разгроме противника, усиливавшаяся с каждой новой сводкой с Московского фронта.

Военная Москва. Воссоздание университета

В момент наивысшей опасности, в октябре-ноябре 1941 года, когда враг ценой колоссальных усилий достиг окраин Москвы, был эвакуирован далеко на юго-восток (в Ашхабад) Московский университет, предварительно слитый с Московским институтом истории, философии и литературы, получивший возможность регулярного продолжения и учебного процесса, и исследовательских работ. Нет необходимости пояснять колоссальное значение этого факта и в научном, и в промышленном, и в моральном отношениях. Но в еще большей мере оно возросло в силу решения воссоздать в Москве параллельный университет, значительно повысив все названные аспекты функционирования этого прославленного учреждения. И не последним здесь был моральный фактор: враг — под Гжатском, а Университет растет, функционирует уже в двух центрах, наращивая плодотворность работы.

Опережая события, полагаю возможным подчеркнуть, что основной состав Московского университета вернулся в конце войны в столицу, обогащенный опытом среднеазиатского сотрудничества, и, в свою очередь, позитивно воздействовал на всестороннее развитие научного и образовательного потенциала среднеазиатских регионов.

Такова, как мне представляется, общая логика событий, охвативших Московский университет в конце 1941 — начале 1942 гг. И именно в «воссозданный» после эвакуации основной «ашхабадской» части университет я и поступил по возвращении из госпиталя. Подобное «воссоздание» было делом отнюдь не простым: ведь уехали, в основном, оба состава — и профессорско-преподавательский, и студенческий. По Москве ходил анекдот: «Если военный патруль видит соответствующего возраста человека, его останавливают и спрашивают: «Ты кем хочешь быть в Московском университете — студентом или профессором?». Шутки шутками, но набрали, причем набрали (сужу по гуманитарным факуль-

В.А. Городцов (1860–1945)

тетам) преподавателей, не уступавших основному составу. Назову хоть часть из них. Начну pro domo suo («за свой дом»). Заведовать кафедрой археологии был приглашен патриарх русской археологии В.А. Городцов, профессор кафедры, уже тогда получивший мировое имя сибиревед, и специалист по археологии Центральной Азии С.В. Киселев. Этнографию возглавил вернувшийся с фронта С.П. Толстов, древнюю историю — блестящий антиковед, но одновременно и создатель целой школы греко-римской археологии, выпускник Бернского университета В.Н. Дьяков, историю западного средневековья — Н.П. Грацианский (злодейски убитый осенью 1945 года), восточного — Б.Н. Заходер, новую историю Запада — В.М. Хвостов, Востока — А.А. Губер, славяноведения —

З.Р. Неедлы, народов СССР — И.И. Минц, России — С.В. Бахрушин, Б.Д. Греков, В.Е. Сыроечковский, С.А. Никитин, Н.Л. Рубинштейн, Бушуев и др.

Читатель сам может судить о научной и учебной компетенции перечисленных только руководящих членов группы историков «воссозданной» и оставшейся в Москве части исторического факультета Московского университета. Список этот может быть значительно продолжен (Д.Г. Редер, С. Ляковский), уже не говоря о блестящих представителях московской классической школы — С.И. Соболевской, Я.В. Лавровском, С.И. Радциге, С.К. Богоявленском*.

Эти благородные имена лучших представителей столичной интеллигенции навсегда будут связаны и с героической обороной Москвы, и с судьбами Московского университета в целом.

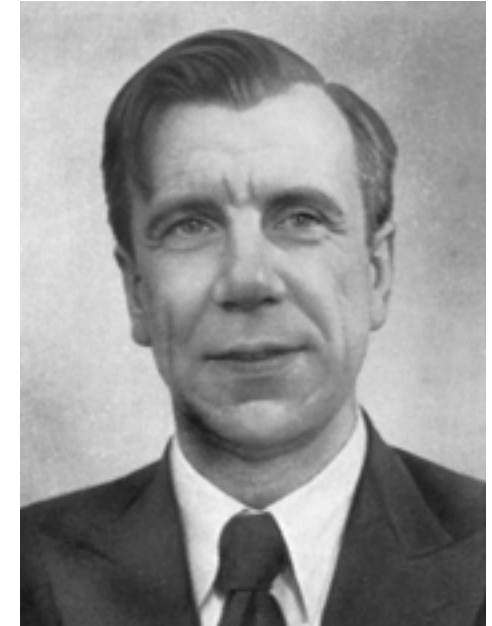
Я безмерно благодарен судьбе за то, что весной 1942 года поступил именно в эту «воссозданную» его часть. Все было еще в состоянии становления, начиная с руководства. Когда я впервые пришел в ректорат в начале марта с заявлением о приеме, ректором был профессор химии Костин, через не-

* Проф. Сергей Константинович Богоявленский на истфаке преподавал латынь, кроме того, он был доктором математических наук. И каждые несколько лет поступал в университет (на 1 курс), заново, считая, что иначе безнадежно отстанет.

делю им стал уже географ профессор Д.П. Орлов.

Первая лекция, выслушанная мной в университете, состоялась в одном из зданий Геофака во дворе Моховой, дом 9. Читал ее доцент Владимир Евгеньевич Сыроечковский, читал замечательно. Внешне он несколько напоминал Я.В. Лавровского: та же внутренняя воодушевленность, те же глубокое проникновение в материал и симпатия к слушателям. Посвящена была лекция городам Северо-Восточной Руси и произвела на меня глубокое впечатление. К сожалению, Владимир Евгеньевич писал редко, но на предельно высоком научном уровне, безусловное свидетельство тому — его превосходная работа «Гости Суражана». Лекции же его были подлинным подарком судьбы. Отмечу, что родной его брат Борис Евгеньевич, тоже историк-русист, на столь же высоком уровне читал в Госпединституте. К глубокому сожалению, Владимир Евгеньевич прожил очень недолго и был сменен тоже прекрасным лектором Сергеем Александровичем Никитиным.

Первая же лекция по археологии состоялась на следующий день в биологической аудитории на Большой Никитской. И читал ее, как и весь курс «Введения в археологию», Сергей Владимирович Киселев — один из самых ярких и талантливых ученых, прошедших через мою долгую жизнь. Нас свяжут многие годы работы, но поразительное обаяние его, образность мышления и речи я почувствовал при первой же лекции, посвященной крито-микенской культуре. Позволю себе утверждать, что помню ее по сей день. Я тут же представился как будущий (в мечтах) археолог и был вновь поражен открытой благожелательностью и радостным ободрением видного уже археолога. Он возбужденно заявил: «Быть тому! Ведь ты первый оттуда!» (с фронта. — *Н.М.*). С тех самых пор Сергей Владимирович никогда не говорил мне «Вы». Уже следующую лекцию я слушал у него дома — по соседству с традиционным домом Истфака, в Шереметьевском переулке. Начала формироваться археологическая группа (помимо автора — М.Г. Воробьева, В. Гесслер, О.Д. Дашевская, М.И. Пикуль, В.М. Раушенбах, Ю.Е. Чистяков и др.), регулярные занятия с которой, начиная с периода камня, взялся проводить В.А. Городцов.

С.В. Киселев (1905–1962)

VIII

*Экспедиции военного времени:
Москва, Царицыно,
Александров, Панфилов*

Я уверен, что в жизни каждого из членов этой группы времени военного лихолетья, занятия с перешагнувшим за девятый десяток корифеем отечественной науки, признанным классиком русской археологии, явились подлинным событием — одним из тех, о которых рассказывают внукам и правнукам. Мои же отношения с Василием Алексеевичем вообще сложились особым образом, особо позволю себе на них и остановиться.

Впервые я встретился с ним в середине 30-х годов у него дома, куда пригласила меня уже неоднократно упоминавшаяся его ученица Нина Иосифовна Рунина, приведшая нас с Крапоткиным из археологического кружка Дома пионеров. И уже тогда он с поразительными простотой и образностью рассказал нам об археологии, ее открытиях и перспективах («...старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил...»). И вот вторая встреча, через десять лет. Она длилась более двух лет и перешла — при всей возрастной разнице — в подлинную близость. Я несколько позже предельно коротко попытаюсь оправдать столь претенциозные слова, но прежде всего, хотел бы в самой сжатой форме представить фигуру В.А. Городцова такой, какой я вижу ее на фоне отечественной и мировой археологической науки.

История русской археологии знает целую плеяду блестящих имен и свершений, с самого момента ее возникновения — от Мельгуновского кургана до Черной Могилы, от Майкопского кургана до Копенского Чаа-таса, от Кармир Блур до Триполья, от прутского Идола до Новгородских берестяных грамот. Но и среди них особое место принадлежит Василию Алексеевичу Городцову — подлинному русскому самородку, научные свершения которого в полной мере были определены его природным талантом, целеустремленностью, блестящей исследовательской интуицией, постоян-

ным стремлением вникнуть в суть явлений, высокой работоспособностью. Оказав решающее воздействие на самый процесс формирования первобытной археологии в России, В.А. Городцов внес неоценимый вклад в изучение фактически всех охваченных ей периодов — от палеолита до раннего железного века, да и всех последующих эпох вплоть до средневековья. Создается впечатление, что ему тесно было в рамках одного периода, одной, пусть и самой широкой, проблемы. Городцову было свойственно постоянное стремление к синтезу определяющих историческое развитие факторов, к широким обобщениям, к созданию теоретической основы, в которой так нуждалась на начальных этапах русская археология.

Вместе с тем, при всем бескрайнем охвате внутрироссийской археологической проблематики, деятельность В.А. Городцова никогда ей не ограничивалась. И в выработке исследовательских методов, и в создании понятийной системы археологии, и в определении путей и возможностей интерпретации ее феноменов, и в теоретических поисках — его деятельность закономерно вписывается в ряд основополагающих зарубежных исследований, определявших в конце XIX — первой трети XX вв. основные научные параметры нашей науки (О. Монтелиус, С. Мюллер, Н. Оберг и др.).

Оригинален (при определенной дискуссионности) и сам подход В.А. Городцова к выработанному тогда (и по сей день сохраняющим свое значение) типологическому методу. Обвинения его в повторении в упрощенной форме положений западной буржуазной науки в наиболее фетишистском их выражении, прозвучавшие в конце недоброй памяти теоретической дискуссии конца 1920-х — начала 1930-х гг., тенденциозны и огульны. Специальный анализ в философском аспекте привел к заключению о «цельности и систематичности подхода» (В.Д. Викторова). Должное внимание к работе В.А. Городцова «Типологический метод в археологии» проявили и сами представители «западной буржуазной науки». Переизданная в США на английском языке, она оказала заметное влияние на разработку методических проблем археологии в американской науке. Ее признали там единственной работой, в которой сделана попытка рассмотреть подтекст типологического метода (Klakhon).

Должное внимание придавал В.А. Городцов и прочим исследовательским методам в археологии: сравнительно-историческому, статистическому, «единому диалектическому». При этом он оставался последовательным приверженцем эволюционистского метода в археологии, придавая вместе с тем особое значение исследованиям орудий труда как основы общего культурного развития.

Особо должен быть подчеркнут историзм, к которому стремился В.А. Городцов в основных своих работах. Здесь он

развивал традицию, имевшую в русской археологии глубокие корни, прокламированную графом А.С. Уваровым еще в 1874 году и выраженную экспозицией Московского исторического музея.

Именно этому принципу следует и чрезвычайно интересный опыт определения взаимодействия древнейших евразийских культур с распространением ряда феноменов из их первичных ближневосточных центров в Европу, принятый В.А. Городцовым уже в 1910 году и обогащенный дальнейшими его исследованиями. Им была подчеркнута решающая роль возникновения на Ближнем Востоке производящих форм экономики — земледелия и скотоводства — и определены пути их распространения на запад, прежде всего, на Балканы и далее — в Восточную Европу. Основу механики этого процесса В.А. Городцов видел не в прямой миграции, а в распространении культурных влияний, обуславливающих образование системы вторичных и последующих очагов. В определенной мере здесь можно говорить о предвосхищении «теории диффузий» знаменитого английского археолога В.Г. Чайлда, сыгравшей столь значительную роль в осмыслении культурного прогресса в древнейшей истории человечества в целом. Подчеркну, что предвосхищение этого в синтетических трудах В.А. Городцова предстало уже в 1908 году («Бытовая археология»), за 15 лет до соответствующих исследований В.Г. Чайлда («Прогресс и археология», «Заря европейской цивилизации», «Древнейший Восток в свете новых раскопок»). Таким образом, два выдающихся ученых — В.А. Городцов и В.Г. Чайлд — при несовпадающих первоначально теоретических посылах и специфике фактического материала, в ряде случаев полностью самостоятельно, своими путями, приходят к весьма близким заключениям, касающимся основы, характера и путей формирования древнейших культур Евразии. И явилось это результатом анализа, прежде всего, археологических исследований, первостепенное значение которых для реконструкции древнейших судеб человечества получило тем самым еще одно фундаментальное обследование.

Что же касается полевых открытий, развития их методики, планирования, специфики вскрытия конкретных объектов и интерпретации как их конструкций, так и связанных с ними человеческих изделий и природных феноменов, то здесь деятельность В.А. Городцова знаменовала переход отечественной археологии на принципиально новую ступень и открыла перед ней бескрайние перспективы. Это касается как целой серии различных эпох, последовательных и непоследовательных, так и самых разнообразных регионов. Наиболее же значительной заслугой В.А. Городцова перед русской и мировой исторической наукой является

Пантикапей. Остатки постфоек

Вход в камеру кургана

фактическое создание древнейшей истории, Черноморско-Каспийских степей и лесостепи на протяжении более трех тысячелетий. Открытия В.А. Городцова в значительной мере инициировали распространение подобной же направленности исследований и в более восточных регионах Азии, и в смежных областях Азовско-Черноморских степей и Кавказа. Неизбежно все это дало мощный импульс включению археологических показателей в разработку этногенетических вопросов, в том числе индоевропейской проблемы,

до сего времени столь противоречивой. Все это резко и позитивно воздействовало на общее состояние праисторических исследований Евразии. И в значительной мере начало этому положено раскопками В.А. Городцова на рубеже XIX и XX веков и знаменитой последовательности ямных, катакомбных и срубных погребений. Они легли в основу и многочисленных дискуссий как частичных, так и принципиальных, а также и резко альтернативных построений.

На этот раз В.А. Городцов планировал два больших курса — каменный период и палеометалл. При этом читать он мог только дома: еще осенью 1942 года он поскользнулся, упал и сломал правую руку. Жил же он фактически один, с ним была лишь бывшая его невестка — немолодая и больная женщина. Мы, студенты, решили установить дежурство в квартире. Но с 24 часов начинался комендантский час, передвижение по городу было запрещено, да и общественный транспорт уже не ходил; последний дежурный лишился возможности возвратиться домой. В исключительном положении оказался лишь я. От транспорта я не зависел, ибо дом мой находился между Пречистенкой и Арбатом — в десяти минутах ходьбы от Василия Алексеевича, жившего между Пречистенкой и Остоженкой. Патрули никогда меня не останавливали: штатской одежды у меня не было, ходил в форме с рукой в гипсе, на перевязи. Поэтому оставался я у В.А. Городцова допоздна к большой его радости: он был превосходным рассказчиком и его воспоминания (увы! — неизданные) были предельно содержательны и интересны (это уже к моей радости!), особенно характеристики его современников и соратников. С большим пиететом и теплотой говорил он о графине Прасковье Сергеевне Уваровой, которая очень быстро определила его научный потенциал и оказывала ему неизменную помощь. В этой связи расскажу об одном интересном факте (боюсь, что ныне я уже единственный тому свидетель). За несколько недель до кончины Василий Алексеевич был награжден высшим знаком отличия страны — орденом Ленина. Для вручения ордена к нему приехал представитель Президиума Верховного Совета СССР (кажется, по фамилии Горский). Я присутствовал при этом, ибо с утра почти ежедневно топил большую русскую печь (центрального отопления в доме не было), для этого надо было напилить и наколоть дрова (поэтому-то меня не удалили). Василий Алексеевич с большим достоинством поблагодарил за честь и повесил орден под фотографией графини П.С. Уваровой.

Я неоднократно слышал прискорбную историю т.н. «Аликановского сосуда», найденного при раскопках раннесредневекового (славянского?) поселения и несшего надпись архаическим, предшествовавшим кириллице, шрифтом.

А.В. Арциховский 1902–1978

На раскопе дежурил Юрий Владимирович Готье, будущий академик. Он на извозчике привез горшок Василию Алексеевичу, находившемуся на базе экспедиции, но на обратном пути упал из пролетки и разбил находку... (впрочем, В.А. в ее интерпретации сомневался).

К концу 1944 года фактически вся кафедра вернулась из эвакуации. Заведование снова поручили А.В. Арциховскому. В январе 1945 г. заседание в последний раз происходило у В.А. Городцова, где сам он выступил с очень содержательным и хорошо фундированным докладом о трипольских глиняных моделях жилищ. Насколько я помню, на заседании присутствовали С.В. Киселев, Б.Н. Граков, В.Д. Блаватский, Т.С. Пасек, Л.А. Евтюхова, М.Е. Фосс и автор этих строк.

3 февраля 1945 года Василий Алексеевич Городцов скончался. 5 февраля декан истфака про-

фессор С.П. Толстов отменил занятия на всем факультете. Гражданская панихида состоялась в Византийском зале Государственного исторического музея, которому отдал столько лет жизни Василий Алексеевич.

Выступая во время прощания с этим выдающимся человеком, Артемий Владимирович Арциховский сказал: «Жизнь кончена. Началось бессмертие».

Четвертый курс 1944–1945 гг. был предельно многоплановым. На кафедре — историографический курс А.В. Арциховского, где его уникальная эрудиция обусловила не только оценку ключевых свершений в истории нашей науки (прежде всего, отечественной), но и место археологии в культурной системе России и других развитых стран, ее соотношение с прочими показателями их общественного и культурного развития в конкретные периоды. Кратко, но с поразительной логикой освещал он и создание собственно археологических методов, выделяя их рациональное зерно и постоянно подчеркивая необходимость последовательного историзма, учитывая, но не копируя методические принципы и формы систематизации исследуемого материала в других, пусть и принципиально близких науках. И именно от Арциховского узнал я имена Оскара Монтелиуса, Софуса Мюллера, Нильса Оберга, принципы их методических уста-

новок, общие и принципиально различные подходы к типологическому методу, к формированию которого все они причастны.

Жил Артемий Владимирович в несуществующем ныне Кречетниковском переулке, рядом с Арбатом. Мы часто встречались с ним, и я фактически выслушал целый дополнительный курс археологической методологии. Кафедра полностью воссоединилась и работала по полной программе.

С.В. Киселев блестяще читал «Бронзовый век», охватив территориально значительную часть Евразии, а хронологически — огромный период от раннего энеолита Передней Азии до сложения скотоводческих обществ евразийских степей и лесостепи, на которые он впервые распространил и процесс образования городов, глубоко оригинальных, но заставивших совершенно по-иному взглянуть на ход социального и культурного процесса значительных областей Центральной Азии.

Очень сложный и многоаспектный курс впервые для программы кафедры представил Б.А. Рыбаков, назвав его «Средний железный век». По сути, это был первый этап великого передвижения народов, охватившего большую часть территории Евразии и приведшего к взаимодействию самых различных хозяйственных, этнических, культурных групп от Дальнего Востока до Центральной Европы при весьма значительном этническом перекраивании немалых регионов, сочетавших постгуннские, пратюркские, кавказские, финно-угорские, индоевропейские элементы. Особое внимание было обращено здесь на евразийское пограничье, отмеченное особо активным сочетанием названных элементов с возникновением ряда гибридных форм. Определение первоначальных компонентов этих сложных процессов очень противоречиво и вызвало горячие дискуссии, а касалось оно в ряде случаев уже прямых предков ряда народов нашей страны и ближайших ее соседей. Внутри этих сложнейших сочетаний постепенно консолидировался ряд конкретных проблем — хазарская, салтово-маяцкая, тюркская, финно-угорская, наконец, славянская. Такое «смешение языщей» в весьма сложном сочетании представлено в Крыму. В нем распространяется значительная готская группа, продвинувшаяся с запада, но ей не уступали хазары, родственные последним «приазовские болгары», до Керченского пролива доходили славянские группы, основавшие свой юго-восточный форпост Тмутаракань, перекрывший смешанный, скорее всего, хазаро-болгарский слой, сменивший дожившую до V в. н. э. Фанагорию.

Традиционную скифскую проблематику, включая принципиально новые, предельно значимые вопросы скифского города, Б.Н. Граков совмещал с активным исследованием

Б.О. Греков 1899–1970

О.А. Кривцова-Гракова 1895–1970

эпиграфических памятников. Вскоре после упоминавшегося выше тщательного осмотра Каменского городища он возобновил широкомасштабные его раскопки, причем, данные осмотра приводились с безусловными свидетельствами функционально выделенных участков, продуманной планировки, учитывавшей интересы обороны поселка, места общих собраний, соотношение построек и т. д. Это первый и, безусловно, эталонный опыт целенаправленного исследования скифского укрепленного поселения, положивший начало разработке этой проблемы и пересмотру общих представлений о характере скифского общества, образе его жизни и характере экономики.

В.Д. Блаватский значительно расширил свой курс античной археологии, введя в него ряд новых разделов. Завершил он и ряд больших общих работ, прежде всего, по античной керамике. Специальная книга посвящена была им Пантикапею, где рассмотрены основные вехи истории и развития культуры этого замечательного города, начиная с догреческого, очень слабо сохранившегося поселка, связанного, скорее всего, с киммерийцами и представленного разрозненными находками, вплоть до столицы Боспорского царства, сочетавшей культурные достижения передовых центров античного мира.

Активное участие в работе кафедры принимал один из крупнейших антропологов профессор Георгий Францевич Дебец. При этом он выработал новые и глубоко оригинальные формы взаимосвязи археологических и антропологических исследований. Показатель тому — одновременное чтение им на кафедре двух блестящих курсов «Общей антропологии» и «Каменного века».

Сразу же по окончании войны широко развернулись полевые археологические исследования.

В 1945–1947 гг. я имел счастье участвовать в проблемно совершенно разных, но знаковых для всей дальнейшей моей жизни экспедициях. Это исследование Пантикапея в 1945 и Великого Новгорода в 1947 годах. Данные обстоятельства дают мне смелость считать, что как полевой археолог я принадлежу школе В.Д. Блаватского и А.В. Арциховского.

Несмотря на опыты раскопок Пантикапея, в той или иной форме охватившие весь XIX век, планового и регулярного характера они тогда не достигли (может быть, за исключением работ К.Е. Думберга).

Но, несомненно, древнейшее мореходство, появление купцов-пиратов из Эгейи в Черном и Азовском морях имели место уже в киммерийскую эпоху. Свидетельство тому — миф о походе аргонавтов за золотым руном в Колхиду, относимый античной традицией к микенскому времени. Версии мифа о проникновении аргонавтов к Танаису свидетельствуют о пусть единичных проникновениях эгейских кораблей в Азовское море. С этим же мифологическим циклом связана версия о наименовании Пантикапея, происходящем от реки Пантикапа, и основании его в глубочайшей древности — более чем за семь веков до ранее надежно засвидетельствованного основания милетской апойкии. Определить рациональное зерно внутри этой сравнительно поздней легенды крайне трудно, здесь закономерен ряд различных предположений, включая наличие поселений на Боспоре еще в догреческое время, древнейших связей с Кавказом, наконец, наличие определенной роли солнечного культа у жителей догреческого Пантикапея. Более определенны, хотя все еще скудны и отрывочны, свидетельства

В.Д. Блаватский 1899–1980

наличия древнейшего письменно зафиксированного здесь народа — киммерийцев.

Долгое время, повторю, и они были крайне скудны, ограничиваясь случайными находками бронзовых изделий, архаичной керамики и примитивной каменной скульптуры, переиспользованной в качестве строительного материала.

Лишь позднее, с 1950-х годов были выявлены достаточно информативные и безусловные слои доантичного времени, причем обнаружены в должном стратиграфическом контексте ряда древних поселений Керченского полуострова. Начало заселения зафиксировано подобными остатками и на месте будущей столицы Боспорского царства Пантикапея, задолго до обоснования там переселенцев из Милета. Памятником зодчества киммерийского времени с должным основанием считает В.Д. Блаватский и «Золотой Курган», находящийся в 4 км к западу от Пантикапея. Это подлинно циклопическое сооружение, диаметр насыпи которого превышал 80 м, а поддерживающая ее крепиды в высоту достигала 11,5 м еще в двадцатых годах XIX в.

Достаточно убедительно к тому же киммерийскому времени относит В.Д. Блаватский и развал бута крепостной стены, разрушенной не позднее V в. до Р.Х., материал для которой был взят из остатков значительно более ранней, догреческой постройки, подобно тому, как в одну из стен другого боспорского города (Дии-Тиритаки) были заложены примитивные скульптуры киммерийского времени. В.Д. Блаватский справедливо подчеркивает отсутствие более определенных свидетельств наличия на Митридатовой горе в конце II тыс. до Р.Х. киммерийского поселения в силу отрывочности и незначительности отмеченных материалов, хотя определенным образом с ними согласуется наличие явно привозных изделий художественных ремесел, но и последние чрезвычайно редки.

Резкие изменения наступают в VII в. до Р.Х., когда торговые связи побережья Понта с греческими городами Эгейского бассейна приобретают регулярный характер, обуславливая возникновение эмпориев, в том числе и на месте Пантикапея (на грани VII и VI вв. до Р.Х.), где фрагменты расписной посуды и остродонных амфор перестают быть редкостью. В период пантикапейского эмпория здесь появляются характерные образцы родосской и самосской посуды с росписью в ковровом стиле, а также подобные предметы и из прочих греческих культурных центров. Точный период существования пантикапейского эмпория пока не установлен. Во всяком случае, он уже функционировал в конце VII в. до Р.Х., в первой же половине VI в. до Р.Х. был сменен полисом, возникновение которого обусловлено ожесточенной социальной борьбой в Милете около 590–580 гг. до Р.Х. Это реф-

лктировало на ситуацию в Пантикапее, где резко возросло число находок на городище, а возникновение полиса было обусловлено борьбой между двумя враждебными партиями милетцев, шедшей с переменным успехом, но при любом варианте резко активизировавшей как экономическую, так и политическую жизнь города, а также объединение вокруг Пантикапея целой серии греческих городов, расположенных по обоим берегам Керченского пролива, образовавших Боспорское государство со столицей в Пантикапее, занимавшей в период расцвета площадь около 100 га. На вершине находился акрополь с храмами и общественными постройками, на опоясывавших холм террасах располагались дома, мастерские, склады. Город обладал удобной гаванью. Но во II–I вв. до Р.Х. бурные политические события (восстания, внутренние и внешние войны, а также природные катаклизмы (землетрясение 60-х гг. I в. до Р.Х.)) нанесли Пантикапею значительный ущерб и потребовали значительных восстановительных работ. Но и после этого город сохранял значение крупного производственного и торгового центра вплоть до конца IV в., когда гуннские и прочие нашествия на суше и пиратские набеги с моря резко подсекали экономическую активность и политическое единство Боспорского царства и его столицы.

Несмотря на тяжелый урон, понесенный Керченским музеем в годы немецкой оккупации, часть коллекций удалось сохранить, как и отдельные участки довоенных раскопок. Музей был не только разграблен, но разорен, разбросан, депаспортизован. И восстановление хранилища уникальных древнегреческих ценностей юга России необходимо было начинать с наведения самого элементарного порядка. А для сохранившихся единичных сотрудников Музея задача была непосильна. Поэтому на соответствующем совещании в ИИМК В.Д. Блаватским было предложено послать в Керчь для помощи двух его учеников-дипломников, специализирующихся по античной археологии и имеющих в этой области пусть и минимальный, но опыт. Выбор пал на Милицу Георгиевну Воробьеву, участвовавшую в раскопках Фанагории еще в довоенные годы и прекрасно себя там зарекомендовавшую, и на автора этих строк. У меня такого опыта не было. Была влюбленность в античность со времен «Антигоны», экспедиция Б. Гракова да семинар В.Д. Блаватского по древнегреческой керамике в ГМИИ. О том же, что необходимо было сделать, представления у нас были весьма смутные. Самым кратким (и неопределенным) ответом могло быть слово «все!».

Со столь конкретной программой мы и прибыли в Симферополь, а точнее, к длинному забору, символизирующему бывший его вокзал. Но нет худа без добра — у М.Г. Воробьевой еще с довоенных времен была знакомая в городе — рабочая из

А.И. Малюкова

музея. Мы решили у нее остановиться и тотчас тронулись, забыв про вещи, в том числе и про четырехмесячную (с лишним) зарплату (на каждого!), оставленную в сумке на упомянутом заборе (а отошли мы уже километра на два). Бросился назад: к глубокому удивлению моему и сумка с деньгами, и весь багаж так и оставались висящими на станционном заборе, а через два дня мы уже были в Керчи.

Впечатление от города было несравнимо ни с чем. Никакого транспорта. Ни одного уцелевшего стекла. Электричество включается по щучьему велению. Водопровод тоже, хотя на многих улицах приходилось переправляться через озероподобные лужи. Вспоминалось уже получившее признание определение трех самых разрушенных войной городов: Сталинград, Ржев, Керчь. Здесь этот трагизм перекрывался славой Керчи, пронесенной через века и тысячелетия, начиная с полумифических поселений киммерийцев, прошедшей через ступень

одного из активнейших причерноморских эмпориев, развившихся до полиса, игравшего ключевую роль в исторических судьбах и экономическом развитии Милета, вплоть до прямого участия в противостоянии внутримилетских группировок. Подчеркну, что Боспорское царство в период римского владычества отказалось подчиниться ему. Судьбы целого ряда народов, социальных систем и культурных образований решались на берегах Боспора. На долю его выпали самые суровые испытания: рознь и морское соперничество с Турцией, претензии на власть над Боспором, принимавшие различные формы в разные периоды, пресловутая защита единоверцев и не менее пресловутые политические, экономические, торговые интересы... Степень стабильности государства заметно колебалась, что в значительной мере обуславливалось экспансионистской политикой усиливающегося Рима и возникновением эллинистических монархий, резко интенсифицировавших эллинско-македонскую колонизацию Переднего Востока. Обстановка в то же время резко ухудшилась и в ближайших к Боспору северочерноморских степях, где большая скифская держава понесла катастрофическое поражение в битве с македонским царем

Атеем. Держава его распалась, сам он погиб. В середине IV века до Р.Х. сарматы перешли Дон и начали захват их кочевий между Доном и Днепром. Все это непосредственно отражалось на поражении Боспорского государства, нарушая его торговые связи со скифами.

Сарматы находились на более низкой ступени экономического и социального развития, чем скифы, что не мешало их военному превосходству над последними. Лишь через определенное время между сарматскими и античными городами Северного Причерноморья установились более тесные экономические связи, и сарматский мир стал потреблять, хотя бы в известной мере, изделия боспорского ремесла, подобно тому, как предшествующие ему скифы потребляли изделия боспорской торевтики.

Археологические свидетельства, в основном, согласуются с нарративными. Небольшой и скромный город VI в. до Р.Х. уже в начале V в. до Р.Х. превратится в активный ремесленно-торговый центр с плановой застройкой, достаточно развитой строительной техникой, фортификациями, сакральными постройками, общественными сооружениями, зернохранилищами. Соперничество милетских переселенцев с развивающимся местным ремеслом, способствовало общему прогрессу и концентрации малых и средних поселков и городов — материковых и островных — вокруг Пантикапея. Процесс не был однозначным: периоды подъема сменялись периодами упадка; — мы уже кратко касались этого в связи со скифо-сарматскими перемещениями и их отголосками на Боспоре. Но в период расцвета площадь Пантикапея достигала 100 га, и в IV в. до Р.Х. все более четко город приобретал столичный облик. Основная его часть располагалась на склонах горы Митридат, опоясанных искусственными земляными террасами, на которых стояли дома, группировавшиеся по сторонам распланированных улиц, которые соединялись переулками — лестницами. Террасы поддерживались подпорными стенами. Торговая и политическая активность столицы обеспечивалась хорошей гаванью. Все это, вопреки отмеченным отдельным периодам упадка, поддерживало определенную стабильность развития города вплоть до III–IV веков, когда серия бурных политических событий (восстание Савмака, вторжение Диофанта, войны Митридата VI) и естественных катастроф (землетрясение 60-х годов I в. до Р.Х.) привели к значительным разрушениям и потребовали больших восстановительных работ, которым резко препятствовала общая нестабильность в регионе, приведшая к бесконтрольному базированию здесь разбойничьих (на суше) и пиратских (на море) групп самого разного рода-племени: готов, боранов, геркулес, карпов и пр. Противостоять им законные жители Пантикапея были не в силах. В конце

IV в. город был разрушен гуннами, и место его было обозначено лишь небольшим поселком с остатками разрушенных фундаментальных построек бывшей столицы Боспорского царства и обширным некрополем, где группы скромных грунтовых погребений сочетались с отдельными курганами над монументальными каменными конструкциями III–IV вв. до Р.Х. и склепами с росписью начала н.э.

Археологические раскопки Пантикапея и его некрополей начались еще в первой половине XIX в., но касались, в основном, погребальных памятников. На городище лишь ограниченные участки вскрыты вне единого плана и при достаточно низкой методике. Исключение составляли лишь раскопки К.Е. Думберга на грани XIX и XX вв. к востоку от экспланадной улицы, где удалось раскопать значительные остатки монументальных построек III–II вв. до Р.Х. и найти первоклассные образцы украшавшей их цветной расписной штукатурки. По предположению В.Д. Блаватского, здесь в указанный период была одна из богатых частей города.

Таково было состояние исследования этого замечательного памятника к моменту нашего приезда в Керчь летом 1945 года. По мере наших сил, мы вместе с полностью обновленным коллективом музея старались навести хотя бы минимальный порядок в том хаосе, который был оставлен оккупантами и в самом музее, и за его пределами — на горе Митридат и в окрестностях Керчи.

Несколько слов о самом музее. Его организационная, ученая, охранная деятельность по отношению к древностям, как и богатство его коллекций, получили широкое признание с начала XX в., особенно при директоре В.В. Шкорпиле, злодейски убитом «счастливчиками» (грабителями древних погребений).

К моменту оккупации директором Керченского музея был профессиональный археолог Ю.Ю. Марти. Насколько мне известно, его археологическая и музейная деятельность никаких порицаний не вызывали. Но он был отстранен от должности, оккупантами же назначен новый директор — некто Шевелев, ранее, по словам очевидцев, бывший фотографом того же музея и женатый на дочери Марти. С именем Шевелева и связывали очевидцы подлинный разгром как экспозиции, так и значительной части фондов музея. К сожалению, у меня нет ни достоверно обоснованных фактов, ни имен виновных в этих позорных акциях лиц. Я могу писать лишь о том, что мы с М.В. Воробьевой видели собственными глазами, что застали в двух традиционных зданиях ставшего уже знаменитым Керченского музея, музея В.В. Шкорпила, глубоко справедливо признанного героем и мучеником боспорской археологии. А увидели мы пустые, а в ряде случаев и разбитые экспозиционные витрины, де-

паспортизованные, переломанные находки, разрозненные комплексы и разбросанную же документацию, что в значительной мере обесценило сохранившиеся находки. В катастрофическом состоянии оказалась библиотека музея — систематично и квалифицированно составленное собрание огромной научной значимости. На этом хотел бы остановиться поподробнее. Сотрудники музея жили в некоторых «освободившихся» служебных комнатах. Среди них был и только что отстраненный от должности бывший директор музея с ласковой фамилией Солнышко. У него не успели еще отобрать ключи от библиотеки, и в первые дни я видел его выходящим из библиотеки с большой пачкой книг, предназначенных для растопки печки в комнате его семьи. Книги, конечно, были конфискованы (среди них оказался «Animal style» великого М.И. Ростовцева). И господин экс-директор пытался сопротивляться... Пришлось обойтись с «солнышком» не слишком ласково: было это более 60 лет назад, и силой меня Господь по тому времени не обидел.

Ограничусь этим эпизодом, но был он не один и не по единому поводу. Хотя надо подчеркнуть, что во всех конфликтных ситуациях городские и партийные (Н.А. Сирота) органы неизменно были предельно лояльны к нам.

Несколько слов о сотрудниках музея в эти далекие годы. Почти одновременно с нашим приездом в Керчь был назначен и новый директор музея Виталий Иванович Юдин, сменивший приснопамятного Солнышко. Я не знаю предшествующей его должности (по-моему, она была связана с дипломатической деятельностью на востоке, кажется, в Монголии). Но, во всяком случае, в Керченском музее он проявил себя наилучшим образом: очень быстро вошел в курс дела, совершенно правильно оценил общую его ситуацию,

*Склеп Деметры. Начало I в. н. э.
Голова Деметры на плафоне склепа*

неустанно и умело добивался последовательного ее улучшения. Безусловная позитивность предпринятых Виталием Ивановичем мероприятий почувствовалась сразу же с появлением его в музее. То же следует сказать и о заместителе Юдина по научной части — Анне Павловне Ивановой — высококвалифицированном археологе-антиковеде, ученице Л.М. Славина, активно и на высоком научном уровне участвовавшей фактически во всех акциях, ведущих к восстановлению музея: в систематизации находок, соотношении их с документацией, сверке и верификации последней, восстановлении инвентарных книг, пересмотре, а при необходимости и переработке экспозиционного плана, наконец, в реставрации многих сотен самых разнообразных объектов, которым Анна Павловна буквально давала «вторую жизнь»: у нее были прекрасные руки, в равной мере восстановившие и керамику, и металл, и камень, и украшения, и архитектурные детали.

Главным хранителем музея был выпускник кафедры истфака МГУ Б. Жеребцов, также активно участвовавший во всех мероприятиях по восстановлению музея, главным образом, требующих физической силы.

Фактически к моменту нашего приезда названными лицами и ограничивался штат музея, что же касается распределения обязанностей, то повторю уже сказанное выше: все занимались всем. Естественно, прежде всего, это касалось самих зданий музея и оборудования, а также коллекций и документов. Не менее актуален был вопрос о музейном оборудовании — как экспозиционном, так и рассчитанном на упорядочение хранения. Но столь же значительные работы предстояли и за пределами музея, на территории городища и примыкающих к нему обширных участках. Особого внимания требовали обширные некрополи, многообразие и богатство которых были засвидетельствованы и работами на протяжении полутора столетий, пусть и разнокачественными. Глубоко справедливы слова В.Д. Блаватского: «История каждого города лишь тогда получит надежную основу, когда будут точно определены границы города и тех изменений, которые они испытывали. При этом подобное исследование только тогда окажется по-настоящему плодотворным, когда параллельно с изучением города будет производиться изучение принадлежащего ему некрополя. Изучение последнего дополняет наши представления не только о топографии, но и культуре данного пункта».

Приведенное определение В.Д. Блаватского полностью соответствует многочисленности и разнообразию погребальных памятников как внутри самого Пантикапея, так и, прежде всего, во всем его регионе: от скромных грунтовых единичных погребений и разновеликих некрополей до мо-

нументальных конструкций, поражающих и размерами, и архитектурным совершенством, и превосходным знанием канонов древнегреческой погребальной архитектуры периода ее расцвета, строительной техники, сочетания прекрасно выработанных компонентов, представленных в глубоко продуманных сочетаниях. Они полностью соответствовали архитектурному совершенству самого города, не уступавшему по основным показателям ни технике, ни эстетизму построек метрополии.

Я не касаюсь целого ряда важнейших исторических и археологических характеристик Пантикапея и беспредельной его информативности. Здесь нет ни ремесла, ни торговли, ни политической истории, ни общей характеристики застройки и районирования города. Я лишь пытался хоть в какой-то мере передать ту необъятную массу впечатлений, чувств и откровений при подлинном соприкосновении с античностью. И, слава Богу, что соприкосновение это было не парадным, не визитерским, а рабочим, с перемещением многопудовых надгробий при восстановлении лапидария в дромосе «Царского кургана», со склейкой сотен сосудов, с попытками восстановления известняков статуй, металлических изделий, каменных украшений при поисках и попытках упорядочения их документации. Пусть акции эти были примитивны, но они были, и это не может не радовать (в середине лета 1945 года была даже открыта временная экспозиция музея, которую посетили многие жители разрушенной Керчи).

Тогда же приехала из Москвы большая экспедиция, руководимая В.Д. Блаватским. Началась новая эра, по сути дела — начало регулярных, масштабных исследований Пантикапея, который ныне имеет основания считаться одним из наиболее систематично исследованных античных городов вообще. Замечу, что Владимир Дмитриевич счел возможность поручить мне небольшой раскоп вблизи раскопа К.Е. Думберга. Для меня это был первый опыт участия в раскопах большого города, существовавшего свыше тысячи лет, и опыт, за который я до конца дней своих буду в неоплатном долгу перед памятью блестящего нашего антиковеда. Напомню, что связан я был с Владимиром Дмитриевичем с 6-го класса школы, далее в МГУ слушал его курс, был на его семинаре и у него же писал дипломную работу.

В октябре того же года я вернулся в Москву, защитил дипломную работу о фанагорийских кровельных черепицах (позднее она была полностью опубликована в МИА № 19) и сдал государственные экзамены. Было все это в декабре 1945 года: какому-то мудрецу (сверху) пришло в голову сократить срок обучения на истфаке до четырех лет, но не получилось. Тогда сократили до 4,5 лет, а вскоре возвратились к исходной ситуации.

VIII

Аспирантура

Весне 1945 года вся кафедра, наконец, объединилась. Вернулись с фронта аспиранты Д.А. Авдусин, А.Ф. Медведев, Б.А. Колчин, Н.И. Сокольский, вернулись ветераны и из старшего поколения: ведущий археолог-антиковед В.Д. Блаватский, антиковед П.Н. Шульц, замечательный специалист по древнерусской культуре и особенно по владими́ро-суздальской архитектуре, герой войны Н.Н. Воронин. По-разному сложились их военные судьбы, но все они с честью прошли страшные испытания и без промедления встали в основной свой строй — археологический*.

Считаю необходимым отметить, что при всей специфике положения Москвы (особенно в 1941–1943 гг.) археологическая жизнь в ней не затухала. Это показано на примерах и воссоздания университета, и регулярных курсов С.В. Киселева и В.А. Городцова. Но, пусть и в очень скромном масштабе, продолжались также и полевые работы. Летом 1942 года по инициативе С.В. Киселева были произведены обследования известных уже памятников в черте города и ближайших районах Подмосковья, к которым вплотную продвинулись передовые германские части. В середине июля возглавляемая Киселевым группа, в которую входили студенты I курса Ефимова и автор этих строк, осмотрела несколько небольших групп средневековых (вятичских) курганов на Воробьевых горах, на месте нынешнего высотного здания Московского университета. Зафиксировав удовлетворительное состояние и отсутствие намеренных повреждений (в самом начале настоящего повествования я упоминал, что впервые именно здесь видел курганы, возможно, эти самые, когда семья моя снимала «дачу» в деревне Воробьевке

* Поскольку работа носит характер мемуаров, я пишу о тех, кого знал, у кого учился, с кем работал и соприкасался непосредственно, т.е. о московских археологах — как из университета, так и из ИИМКА. Поэтому я не касаюсь героических судеб наших санкт-петербургских товарищей.

за 17 лет до описываемых событий). Оттуда мы продвинулись в Черемушки, где осмотрели с тем же результатом другие курганные группы, возможно, те, в раскопках которых мы с Кропоткиным участвовали как добровольцы со студентами кафедры археологии МГУ в 1939 году под руководством А.В. Арциховского.

Далее, не помню уже, с помощью какого вида транспорта, оказались мы на Дьяковом городище, где с увлечением собирали керамику из промоин и слушали яркие объяснения Сергея Владимировича Киселева. Естественно, осмотрели мы и уникальную церковь Рождества в Коломенском, а лекция нашего замечательного руководителя приняла универсальный характер. Хорошо помню, что, для того чтобы дать ему хоть кратковременный отдых, прочитал я там (достаточно громко) «Песню о купце Калашникове», хотя она и не очень вязалась с июлем.

И опять в путь — уже на нескольких трамваях — до вокзала и в Царицыно. Подробный осмотр и новое испытание поразительной эрудиции С.В. Киселева: от него мы впервые услышали великие имена Василия Баженова и Матвея Казакова, чтобы запомнить их на всю жизнь. Узнали и перипетии, связанные со строительством дворца и всего комплекса, к которому приложили руку два первых уникальных мастера отечественной архитектуры.

Такова была однодневная археологическая разведка в составе трех человек в июле 1942 года. Немецкие войска стояли тогда в 130 км от Москвы. Остается добавить, что в ходе осмотра Царицыно мы зафиксировали еще несколько курганных групп, наметив тем самым перспективу дальнейших, уже экспедиционных работ и подлинных раскопок.

К началу следующего учебного года число студентов, специализирующихся по археологии, возросло за счет отдельных фронтовиков и «репатриантов» из Ашхабада с короткой пересадкой в Екатеринбурге, а к весне возвратились фактически и все преподаватели. Сразу же приступили к работе семинары А.В. Арциховского, Б.Н. Гракова, Б.А. Рыбакова, М.В. Воеводского, Г.Ф. Дебеца, помещений кафедры на втором этаже традиционного истфака явно не хватало. С.В. Киселев, как и ранее, часто вел занятия у себя дома или в Историческом музее, В.Д. Блаватский — в Музее изящных искусств или даже в Институте театрального искусства. Продолжались и лекции В.А. Городцова у него дома, среди его слушателей были теперь Т.Б. Попова, М.А. Итина. Сектор археологии был создан в Институте этнографии — здесь был свой актив, готовившийся к возобновлению начатых перед войной феноменальных исследований в Хорезмском оазисе. Конечно, с нетерпением ждали весны и подготовки полевого сезона. Но он-то в 1943 году не состо-

ялся. Студенты МГУ на весь срок каникул были отправлены на хозяйственные работы — в основном, на дровозаготовку. Естественно, это вызвало разочарование и своего рода блокаду ректората. Но потом смирились в надежде на следующий сезон. На сей раз ожидания наши оправдались. После резко расширившихся лекционных и семинарских занятий 1943–1944 учебного года с началом лета начался и подлинный полевой сезон. Дождались своего часа царицынские курганы, масштабные раскопки которых дали значительное число неграбленных вятических погребений с достаточно выразительным инвентарем. Заметно возросла методическая подготовка участников раскопок. Она стала более многообразной и совершенной, поскольку руководили ими, сменяя друг друга, все перечисленные выше специалисты: каждый вносил свое, совершенствуя процесс раскопок, обучая специфическим приемам и расчистки, и фиксации, и консервации. Да и само общение студентов со специалистами различного профиля (а приезжали к нам и почвоведы, и палеоботаники, и пр.) существенно расширяло их представления об источниках спектре вскрытия курганов. Поэтому полагаю, что масштабные раскопки пусть давно уже известных скромных вятических курганов и в научном, и в учебном аспектах полностью себя оправдали. И не только для непосредственных их участников: интерес к археологии резко возрос на факультете в целом.

Для кафедры же этими раскопками сезон не кончился. Предстояли еще работы общегосударственной важности, непосредственно связанные и со страшными потерями продолжающейся войны, с безусловно приближающейся победой и правом, более того, необходимостью спросить с противника за все злодеяния на временно захваченных территориях, за все формы ущерба, нанесенного нашей стране. Ущерб этот глубоко специфичен в различных областях жизни страны, в прямых потерях ее населения, экономики, науки, культуры. Самым непосредственным образом касалось это и археологии, бесценные памятники которой часто оказывались в зоне военных действий, подвергаясь опасности повреждения и даже уничтожения, в ряде случаев умышленного. Возмещение этого ущерба требовало точных подсчетов и прочного обоснования, обуславливающих счет для предъявления захватчику. Для этого был создан ряд учреждений, объединяемых Всесоюзной чрезвычайной комиссией по расследованию преступлений фашистов. Мандаты этой комиссии были предоставлены и археологам. Один из них был вручен Борису Николаевичу Гракову — крупнейшему ученому, сочетавшему всестороннюю археологическую подготовку с блестящим знанием классических языков и эпиграфики, особенно в аспекте связей античного мира с

Северным Причерноморьем и населявшими его группами различного характера, — прежде всего, скифского этнического. Одним из центральных регионов самих скифов, средоточия их поселений и гигантских курганов с т. н. «царскими» погребениями, уникальные находки которых давно уже получили мировую известность, было среднее Поднепровье, области Днепропетровска, Запорожья и Никополя; в районе последнего до войны плодотворные исследования на высочайшем методическом уровне проводил и сам Борис Николаевич. Им была поставлена и разработана принципиально важная проблема скифских городищ. И, естественно, о лучшем эксперте по определению состояния скифских памятников и ущерба, нанесенного им фашистскими захватчиками, и мечтать было нечего. И более — само общение с этим замечательным человеком по-настоящему обогащало и профессионально, и во многих аспектах общей культуры. Мы были счастливы, узнав, что Борис Николаевич создал для выполнения своей миссии экспедицию, включив в нее четырех участников своего семинара на четвертом курсе истфака МГУ: А.И. Мелюкову, И.В. Яценко, Н.О. Онайко и автора этих строк. И вскоре после царицынских курганов, в августе 1944 года мы отправились в Запорожье, а из него — в Никополь.

С самого начала в этом небольшом, ранее столь тихом и уютном украинском городе бросались в глаза варварские разрушения: отдельные дома и даже улицы были стерты с лица земли. К счастью, далеко не все. Чудом уцелел музей и многие его коллекции, в чем, по свидетельствам уцелевших сотрудников, основная заслуга принадлежит остававшемуся в городе директору музея Николаю Карловичу Цегеру — немцу по национальности, настоящему русскому патриоту и порядочнейшему человеку. Мы имели счастье видеться с ним и пользоваться его помощью.

В период же оккупации именно Н.К. Цегер сумел скрыть в глубоких подвалах музея целые серии вещей, в том числе из довоенных раскопок Б.Н. Гракова, прежде всего, на Никопольском курганном могильнике. Мои спутницы тщательно фиксировали и рисовали эти находки, что позволило в дальнейшем ввести их в научный оборот.

Очень скоро начались и наши маршруты, в ряде случаев охватывавшие десятки километров. В ближайших селах крестьяне узнавали Бориса Николаевича и встречали очень тепло: в домах некоторых из них он со своими сотрудниками жил в годы довоенных исследований. От них мы узнали ряд подробностей оккупации и ее позорного конца. Весной 1944 года сильная распутица вызвала значительную концентрацию немецких войск близ Никополя и фактически заперла их здесь. Особенно это касалось во-

енной техники, застрявшей в плавнях, как бы сросшейся с ними и оказавшейся абсолютно беспомощной. И проходя через плавни, мы видели совершенно фантастические, неправдоподобные картины: густая, непроходимая растительность и причудливо выступающие из нее стволы самоходных орудий, борта танков, шестивольтных минометов, напоминавших гигантских рептилий. Всесокрушающий удар войск маршала И.С. Конева и впрямь выбросил эти чудовища из современности, да пожалуй, и из реальности, в потусторонний мир, немецких же солдат вверх в паническое бегство.

Возвращаясь же к реальности, мы с глубокой благодарностью слушали разъяснения Бориса Николаевича, касающиеся определения, казалось бы, полностью исчезнувших курганов со смытыми природными водами или нивелированными человеческой распашкой насыпями. Что же касается военного ущерба курганным полям, то было выяснено, что он ограничивался в основном крупными насыпями, пригодными для установки больших орудий или сооружений. Рядовых могильников военные действия коснулись неизмеримо меньше.

Весьма плодотворным был осмотр Каменского городища с его обилием самых разнообразных находок и конструктивных элементов, начиная с возможной цитадели до следов существования на городище металлургического производства, выработанной техники домостроительства, производства как круговой, так и лепной посуды и общей ремесленной активности.

Небольшие разведывательные раскопки позволили нам уточнить хронологические соотношения конкретных участков Каменского городища. Известную роль сыграли они в определении характера дальнейших работ как на самом городище, так и на Никопольщине в целом.

Специальный маршрут был предпринят для осмотра знаменитого кургана Солоха, поразившего своей грандиозностью, информативностью стратиграфии, значение которой было подчеркнуто Б.Н. Граковым, особо указывавшим на необходимость полного исследования курганной насыпи с точной фиксацией расположения составляющих ее слоев.

Из курганов, к тому времени еще не исследованных, осмотру подверглись два самых крупных — Нечаева и Орлова могилы, расположенные в 65 км к северо-западу от Никополя. Оба оказались заметно нарушенными различными сооружениями военного времени, существенно искажившими целостность структуры грандиозных памятников и приведшими к частичному уничтожению находившихся в насыпи археологических комплексов, связанных с различными элементами погребального ритуала, доста-

точно вероятного как для основного, так и для впускных погребений.

Я никогда не слыл скифологом, но считаю, что эту ярчайшую страницу истории огромных просторов черноморско-каспийских степей, лесостепи и черноморско-азовского побережья, их соотношения с греко-римским, фракийским, иранским миром необходимо знать каждому историку нашей страны. Она сыграла колоссальную роль во всех дальнейших судьбах России, во всех формах социального, экономического, этнического и особенно культурного развития ее народов. Проблематика ее неисчерпаема, и я счастлив, что мне пришлось на заре своего исторического образования соприкоснуться и — пусть очень коротко — сотрудничать с одним из крупнейших и талантливейших ее исследователей, уроки которого, от полевой практики и понимания основных параметров памятника до основных вопросов документированной эпохи, незабываемы. Поразительные скромность и простота сочетались в нем с подлинным ярким талантом, умением сразу же войти в суть дела, увидеть главное в исследуемой проблеме и решительно отсеять все наносное, случайное и особенно тенденциозное. В последнем он мог быть предельно резок, но всегда оставался неизменно справедлив. И недаром с чувством глубокой симпатии и доверия относились к нему самые разные соприкасавшиеся с ним люди: от его учеников до русских и украинских крестьян, у которых он жил и с которыми работал.

Я подчеркиваю это, поскольку уверен, что его труд во многом недооценен.

Завершая этот небольшой раздел, хочу вспомнить один, казалось бы, посторонний, но очень дорогой мне эпизод. Уезжали мы из Никополя поздно вечером: должен был подоспеть рабочий поезд до Запорожья, где была пересадка на Москву. Поезд этот пришел лишь на рассвете. Была дивная южная ночь: мириады звезд и ни единого облачка. Борис Николаевич был в прекрасном настроении и всю ночь читал мне наизусть по-гречески Святое Евангелие от Иоанна.

Что же касается задания Чрезвычайной комиссии по расследованию преступления фашистов на временно оккупированных территориях нашей страны, обусловившего работу нашей экспедиции, то оно было полностью выполнено. По каждому из тщательно обследованных объектов — от Каменского городища до гигантских «Царских курганов», а также почти нивелированных рядовых курганных полей — были представлены необходимые документы: описания, схемы, планы, чертежи нарушавших археологические памятники объектов — от отдельных вклинений, площадок для установки боевой техники, блиндажей и оборонительных шурфов до ходов сообщения, разрушений объектов, сооружения

подземных складов боеприпасов, укрытий для артиллерии, минометов, транспортных средств и т. п. Вся эта документация была выполнена с «археологической тщательностью». Так что и это задание было экспедицией выполнено в должном объеме и необходимой форме.

IX

Царицыно и Беседа

В силу отмеченных пертурбаций я сдавал последний государственный экзамен в самом конце декабря 1945 года, а окончание мной университета отнесено уже к 1946 году. Весной того же года я поступил в аспирантуру, которую проходил под руководством Артемия Владимировича Арциховского. Беспрецедентная широта его знаний (относительно не ограничивавшихся славяно-русской археологией) определила многообразие предложенной мне программы аспирантской подготовки. Она включала археологию мусульманского средневековья, археологию викингов, историю оружия населения Восточной Европы в раннем средневековье. При этом очень логично предусматривался максимально широкий тематический спектр, что очень помогало мне на протяжении многих десятилетий при неоднократной смене проблематики и хронологии моей археологической деятельности. Само общение с таким уникальным эрудитом, как Артемий Владимирович, давало основное направление для адаптации в самых различных и сложных проблемах. Это был учитель в самом высоком понимании этого слова, а уроки его в значительной мере помогали мне и при широких раскопках столицы Чингисхана XIII века, и при многолетних кампаниях по исследованию первобытных памятников Египта, Месопотамии и Балкан, и при создании сводных работ по энеолиту и бронзовому веку бескрайней зоны евразийских степей.

В качестве темы кандидатского исследования А.В. Арциховский предложил мне салтовскую культуру — один из сложнейших археологических феноменов VIII–X вв., сыгравший значительную роль в сложении культурных и этнических общностей на огромной территории Восточной Европы. В сочетании с рядом других факторов салтовская культура определила появление единого наименования письменных, а далее — и государственных образований в противоположных концах этого крайне сложного по историческим своим

судьбам региона: Дунайская Булгария — на западе, Волжская Булгария — на востоке. При этом в сложении первого пришлые с востока, первоначально тюркоязычные, проболгарские племена взаимодействовали со значительным массивом придунайского славянского населения. На востоке другая проболгарская группа в подобном же процессе взаимодействовала с родственными по языку и культуре хазарами, а также с приуральскими уграми, а возможно, и отдельными, продвигавшимися с запада, славянскими группами. Значительную роль в этом сложнейшем этнокультурном конгломерате играли предкавказские, прежде всего, аланские традиции, продолжавшие автохтонную, восходящую к сарматской основе, линию развития. Именно эту сложную многокомпонентность с сочетанием местных и привнесённых в постгуннскую эпоху элементов пытался я обосновать и конкретизировать.

Диссертация была защищена в 1949 году, но дискуссии по поводу салтовской культуры, сложения ее компонентов и этнического содержания продолжают по сей день. Мне довелось впервые исследовать ее предельно выразительные памятники на территории будущей Волжской Булгарии и на месте ознакомиться с фактически идентичными им памятниками Дунайской Булгарии. Это подтверждало предложенную в диссертации гипотезу об общей их основе — Приазовской («Великой» или «Серебряной») Булгарии VI–VII вв., население которой несколько позднее мигрировало двумя группами на Дунай и в Волго-Камье, где обрело культурную и этническую специфику, обусловленную взаимодействием со своим новым окружением.

В 1950 году мне удалось встретиться и с первооткрывателем Салтовской культуры в самом начале XX в. — Василием Алексеевичем Бабенко, жившем в том же селе Верхнее Салтово вблизи Харькова, где он учительствовал уже много десятилетий. Очень красивый, великолепно сохранившийся старик с увлечением рассказывал нам, т.е. членам возглавляемой Б.А. Рыбаковым Северскодонецкой экспедиции, об открытии могильника и был нашим гидом на нем. Тогда еще сохранялся целый ряд вскрытий в ходе первых раскопок катакомб, В.А. Бабенко легко спускался в них, а в отдельных случаях даже вспоминал их номера, особенно если они выделялись размерами, спецификой конструкции или богатством инвентаря. Комментарии первооткрывателя способствовали нашим представлениям о весьма значительных масштабах этого поразительного некрополя: ведь одновременно с ним масштабные раскопки проводил здесь А.М. Покровский, а позднее — в середине XX в. — С.А. Семенов-Зусер.

Но памятная встреча с В.А. Бабенко произошла в 1950 году: я здесь несколько опередил события. Сейчас же

Село Беседы

1 ряд (слева направо): Т.Н. Никольская, Г.А. Авдусина, А.В. Арциховский, С.Л. Изюмова;

2 ряд Д.А. Авдусина, Б.А. Колчин, Кира (жена Медведева) А.Ф. Медведев, М.П. Журжалина, Н.Я. Мерперт

вернусь к середине 40-х годов, вторая половина которых оказалась для меня чрезвычайно насыщенной и многообразной. Еще летом 1944 года, студентом, я участвовал в раскопках вятичских курганов с типичным и достаточно богатым инвентарем в Царицыно. Тогда нами руководили по очереди все члены кафедры, уже перечисленные выше, что было очень полезно и методически, и в общем познании археологии: Арциховский, Киселев, Блаватский, Дебец, Граков, Воеводский очень щедро делились с нами своим опытом, читали «микро-лекции» и разъясняли специфику своей отрасли археологии. Оттуда я уехал вначале в Никополь, потом — в Пантикапей. И вот опять курганы вятичей, с которых я начинал в 1936 году.

На сей раз — летом 1946 года — исследования вятических курганов были продолжены мной в составе руководимой А.В. Арциховским экспедиции у подмосковного села Беседы; на правом высоком берегу р. Москвы, отмеченном замеча-

тельной шатровой церковью Р.Х. XVI в. — более скромным, чем в Коломенском, но типичным образцом этого замечательного стиля. Большая курганная группа располагалась как вблизи села, так и в нем самом среди садов, хозяйственные работы в которых, безусловно, сократили число курганов, еще достаточно многочисленных в 1879 году, когда они были внесены в печатный список курганов Московской губернии М.А. Сабининым.

Эту небольшую экспедицию я вспоминаю с особым чувством: свет и обаяние ее сохраняются в моей жизни вот более 60-ти лет. Она объединила всех аспирантов А.В. Арциховского и всех его сотрудников того периода; вместе они представляли поразительный пример единства и мысли, и действия, и стремления, а также глубокой взаимной симпатии. Авдусин, Колчин, Медведев, Авдусина, Журжалина, Вахтурская, Изюмова, Никольская, автор этих строк. Одно из основных звеньев коллектива кафедры — прямой результат глубокой динамики формирования и функционирования нашей группы, ее активности и цельности во всех проявлениях. И эта активность совершенно естественна, она порождена поразительной заинтересованностью каждого в каждом, которая сплачивала экспедицию, сближала всех нас. И именно эта специфика характерна не только для воистину дружеской экспедиции: она постепенно охватила весь институт, выгодно отличая его от смежных учреждений.

Вернусь к Беседам. Пятисотлетняя церковь действовала, и мы сняли основную часть дома священника, он же с матушкой переселился вниз, в подклет, искренне радуясь появлению таких соседей: мы активно общались, часто и подолгу беседуя. Священник уже был очень стар: в начале века он служил полковым священником в Средней Азии у известного впоследствии — по началу Первой Мировой войны — генерала А.В. Самсонова, о котором он очень тепло (и по заслугам!) отзывался. В селе батюшка пользовался большим уважением, определенным образом распространявшимся и на нас: раскопки наши он упоминал в проповедях. Дом его стоял на окраине, курганы же начинались почти непосредственно от него.

Повторю, что первоначально курганная группа была весьма значительной и насчитывала 29 насыпей, но заметно сокращалась с активизацией хозяйственных работ. При обследовании А.В. Збруевой в 1937 году их было 26, кроме того, часть курганов располагались за оврагом. В 1945 году их осталось 18, а в 1946 — 11 (еще 3 были разрушены на огородах). Высота курганов незначительна (около 1 м), за исключением одного, располагавшегося изолированно (№ 12). Он явно выпадал из основной группы: высота его достигала

4,73 м. Это самый высокий курган Подмосковья. Он отмечен постепными многолетними подсыпками, кольцевым рвом, фрагментами архаичной керамики. Вскрытие первого же кургана зафиксировало труположение и обнаружило удовлетворительную сохранность погребенных. В отдельных случаях встречены впускные захоронения, но при основных, совершенных на горизонте. Обычное положение — вытянуто на спине, основная ориентировка — головой на запад. Наиболее характерный инвентарь типичен, прежде всего, для вятичских погребений — плоскодонные сосуды в виде сероглиняного усеченного конуса с четко выраженным пухлым венчиком и прочерченным линейным или волнистым орнаментом, семилопастными бронзовыми или серебряными височными кольцами, витыми тройными металлическими перстнями, рубчатыми перстнями, сердоликовыми пирамидальными бусами. Достаточно четко выделяющееся пятно древесного перегноя документирует наличие гроба. Обряд и положение погребенного, а также сопровождающий его инвентарь позволяют говорить о строгом сохранении единого обрядового трафарета, представленного лишь с незначительной вариабельностью во всех вятичских некрополях московского региона, к раскопкам которых я возвращался на протяжении десятилетий, начиная с деревни Пузиково близ Подольска вплоть до самой Москвы с Черемушками, Коломенским и окрестностями, в том числе и Беседами.

Крайне интересными были и часы досуга в этой экспедиции. Они целиком заполнялись самой разнообразной деятельностью. Артемий Владимирович предлагал очень интересные дискуссии, где с альтернативных точек зрения рассматривались и оценивались исторические события, культурные феномены, философские заключения. Превосходно рисовавший А.Ф. Медведев по всем стенам развесил карикатуры как на всех участников этих умствований, так и на само их творчество. Абсолютной противоположностью этому своего рода «райку» были сугубо академические, с предельной серьезностью разрабатываемые Б.А. Колчиным планы внедрения в раскопки больших городов тяжелой техники, прежде всего, транспортеров. Его расчеты резко контрасти-

Б.А. Колчин 1914–1984

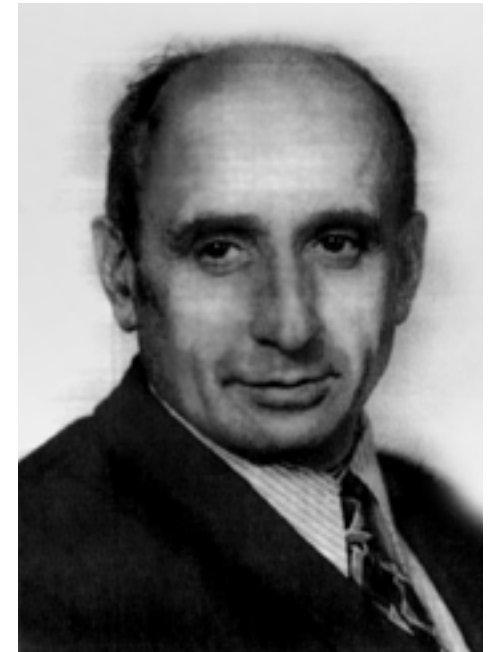
ровали с юмористической атмосферой в свободные часы экспедиции. Боюсь, что лишь один А.В. Арциховский считал включение столь громоздких машин в деликатную раскопчную технику, безусловно, перспективным. Но карикатуры и куплеты, посвященные транспортерам, появились незамедлительно. Опережая события, должен признаться, что через год именно массированное и подчиненное определенному плану использование транспортеров фактически ознаменовало новую эру в результативности, масштабности и темпах исследования уникального памятника городской культуры древней Руси — Великого Новгорода, а далее — и прочих наших городов. Этот факт обусловил пересмотр не только степени технического уровня, но и общего развития древнерусской культуры.

Начало этой новой эры происходило у меня на глазах, и я счастлив, что имел возможность в нем участвовать, пусть на очень ограниченный срок. Несколько подробнее я остановлюсь на этом чуть позже; ныне же вернусь к Беседам.

Наибольшая нагрузка легла здесь на плечи Д.В. Авдусина. Выше я упоминал, что один из одиннадцати курганов исследуемой группы резко отличался от других и своими размерами, и прочими характеристиками, включая трудоемкость его вскрытия. Естественно, он получил особое наименование «Большой курган», прочие курганы ограничивались номерами. Вскрытие последних занимало два-три дня, причем копали все участники экспедиции, один из которых назначался старшим и вел всю документацию. Потом менялись местами. Даниилу же Антоновичу были переданы все немногочисленные нанятые рабочие, но вел курган он один с начала до конца — никто его не сменял и с документацией не занимался, что, естественно, соответствующим образом обыгрывалось: спасибо, он всегда прекрасно понимал шутки. И, конечно же, курган ему достался экстраординарный и по размерам, и по конструкции, и по особенностям обряда. В нем полностью отсутствовали столь характерные изделия вятичских погребальных комплексов, очевидно, еще не сложившихся к моменту сооружения кургана весьма возможно, относящегося к более ранней эпохе и иной культуре. В этой связи можно вспомнить широкое распространение урн с сожжением на различных территориях позднебронзового и раннего железного века Европы, в отдельных случаях охватывающие и восточные ее регионы вплоть до середины I тыс. н. э. Но этот курган представлял собой явление исключительного белого пятна в исследовании железного века московского региона.

Надо отдельно подчеркнуть особый интерес всех основных археологических учреждений Москвы к раскопкам в Беседах, что объяснялось как методической их стороной, отмеченной А.В. Арциховским, так и атмосферой

экспедиции, определявшейся всем коллективом. Достаточно часто к нам приезжали гости — коллеги, друзья. Возникали дискуссии — и вполне серьезные, и вполне шуточные. Навещал нас и один из лучших полевых методистов и исследователей железного века огромных территории Поволжья, Прикамья, Приуралья, фактический создатель древней и средневековой истории Волжской Булгарии, Казанского ханства, Чувашии, Башкирии, Марий Эл — Алексей Петрович Смирнов. Судьба даровала мне дружбу и плодотворное сотрудничество с ним на протяжении более десятилетия в 50-е годы, что сыграло исключительную роль во всей моей деятельности, главным образом, в указанных регионах Центральной России. Благодарную память об этом замечательном человеке я сохранил навсегда.

А.П. Смирнов

В Беседы Алексей Петрович приезжал в сопровождении одиннадцатилетнего сына Кирилла, в дальнейшем оказавшегося достойным продолжателем как исследовательской, так и научно-организационной деятельности отца. Он продолжил широчайшую проблематику последнего, явившись подлинным научным его наследником, и в то же время, с большим достоинством исполнял ответственные обязанности ученого секретаря института, а заместителем директора многие годы с предельной самоотверженностью был сам Алексей Петрович.

Неоднократно нашим гостем в Беседах был крупнейший историк Древней Руси, причем таких ключевых ее проблем, как «Русская Правда» и градостроительство древнейшего периода, академик Михаил Николаевич Тихомиров. И каждый такой визит был подлинным праздником не только благодаря его блестящим, поразительно глубоким советам и оценкам, но и в силу подлинно искрометных по яркости и остроумию шуточных эссе. Без преувеличения его можно считать отдельным явлением отечественной культуры. Очень интересны поэтические его опыты, особенно сатирические. Приведу здесь один пример. Приехали они вдвоем с Михаилом Григорьевичем Рабиновичем. Последнему разрешили набрать в колхозном саду малины, а он ошибся и оказался в саду частном, что вызвало соответствующую ре-

акцию собственника, в свою очередь, отраженную в поэтическом опусе Михаила Николаевича, который автору этих строк удалось запомнить:

Деревня, где копал Артемий,
Была прелестный уголок.
Туда с собою он приволок
Копальщиков лихое племя.

Копать с утра до трех часов
Законом было непреложным.
А если был кто не готов,
То голос слышался тревожный.
Кричит Артемий, встав чуть свет:
«Рабочие пришли наверно,
А никого на месте нет,
Копать сегодня будем скверно...»

И вот к раскопу все спешат,
Несут дрючки, лопаты, палки,
Кричат испуганные галки,
И телки жалобно мычат.

Археология — наука,
Ей надо жертвы приносить,
Хотя копать на солнце мука
И хочется воды испить.

Хотя так сладко ветер веет
И влагой бьет с реки в лицо,
У них одна лишь дума зреет —
Найти височное кольцо.

Когда-то вятичи здесь жили,
Своих покойников любили.
И погребальный их обряд
Оставил нам курганов ряд.

Теперь кощунственной рукой
Их кости смешаны в труху,
И бусы в кувшинах с водою
Девицы варят на уху.

Прости им, Боже, прегрешенья,
Не каждый знает, что творит,
Глядишь — копальщик без зазрения
В чужом малиннике сидит.

Трясет он бородою рыжей
И ручкою малину — хватя!
Вдруг вятич руганью бесстыжей
Ему припоминает мать!...

X

Встреча в Рязани

Я прерву и тематическую, и археологическую последовательность изложения ради очень краткого упоминания одной абсолютно неожиданной встречи. Она фактически неправдоподобна, и мои попытки ее описать вызывали тотальное недоверие и категорическое утверждение абсолютной ее невозможности в силу хронологических показателей. Боюсь, что будь я не информатором, а слушателем, я отнесся бы к этому эпизоду с таким же недоверием. Но здесь я сам информатор и при всей невероятности информации не могу отречься от того, что видел собственными глазами, что слышал и узнавал из первоисточника осенью 1946 года. Коллеги из Государственного исторического музея обратились ко мне с просьбой в силу дефицита в музее молодых мужчин (тогда мне было 24 года) отвезти в Рязань ткани из довоенных раскопок, реставрированные в соответствующих мастерских музея и найденные в Старой Рязани. Просьба была поддержана Николаем Николаевичем Ворониным. Я согласился, тем более, что поездка давала мне возможность увидеть рязанский Кремль с замечательным Успенским собором (архитектор Я.Г. Бухвостов, 1693–1699 гг.), а также превосходную экспозицию музея, содержащую не только археологические коллекции, но и материалы, связанные со знаменитыми рязанцами: моим учителем В.А. Городцовым, великим лингвистом академиком И.И. Срезенским, прославленным полководцем генералом А.А. Брусиловым и др., поэтому я задержался там на несколько дней. В Педагогическом институте Рязани кафедрой истории заведовал тогда Николай Петрович Милонов – русист и археолог, ученик Б.Д. Грекова. Он пригласил меня к себе в гости, где я познакомился с очень пожилой и поразительно интересной дамой. В ходе занимательной беседы с ней выяснилось, что ряд лет она находилась в тесном рабочем контакте с крупнейшим русским политическим деятелем, военным министром правительства Царя-Освободителя фельдмаршалом

Д.С. Милютиным – человеком, отменившим рекрутчину и учредившим в армии ликвидацию безграмотности и юридические права солдат, с именем которого связан целый ряд прогрессивных преобразований. Принадлежат ему и огромные политические заслуги перед страной: фактически он предотвратил создание антирусской военной коалиции Наполеона III, Бисмарка и Дизраэли в связи с победным для России финалом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и пресловутым вопросом о статусе проливов. Полагаю, что, если бы не фельдмаршал Д.С. Милютин, Первая мировая война могла бы начаться на четверть века раньше. Вся долгая жизнь фельдмаршала (1816–1912) была посвящена неустанному и самоотверженному служению России.

Я уверен, что каждый из наших сограждан должен знать и почитать его имя. К глубокому сожалению, я не записал данных моей собеседницы, но встречу с ней, сведения о нашем замечательном соотечественнике, почерпнутые фактически из первоисточника, я считаю подлинным подарком судьбы.

К сожалению, собеседницы своей я никогда больше не видел, но видел объемные пакеты с сохраненной ей перепиской с графом. Скорее всего, она была в близком родстве с Н.П. Милюковым.

XI

Вновь Великий Новгород

В одной из предыдущих глав я пытался поделиться с читателями горькими воспоминаниями о трагических событиях середины августа 1941 года: прорыв немецких войск в районе озера Ильмень, Старой Руссы, Сольцов, Юрьева монастыря, наконец, взятия Великого Новгорода. Не беру на себя смелость оценивать эти операции, хотя и был непосредственным их участником. Во всяком случае, к концу 1943 года и немцы, и поддержавший их «дивизион испанских добровольцев» были из Новгорода (как и из прочих примыкавших к нему регионов) вышвырнуты. Естественно, состояние бесценных памятников культуры великого русского города, известного с 859 г. и в 1136–1478 гг. являвшегося столицей уникальной Новгородской республики, вызывало глубокое беспокойство, что в полной мере касалось и археологии. Уже довоенные раскопки Великого Новгорода показали поразительную их перспективность (забегая вперед, подчеркну, что представления были в дальнейшем превзойдены открытиями здесь подлинно мирового значения, принципиально изменившими источниковую базу археологии и историческую ее информативность). Не будет преувеличением говорить о «новой эре» в русской археологии, наступившей в 1951 году. Но сейчас вернемся в 1947 год. Ждать первой берестяной грамоты осталось недолго: всего 5 лет. Но, к сожалению, в исследованиях Новгорода «новой эры» — эры берестяных грамот — мне участвовать не довелось.

Археологические исследования Великого Новгорода имели уже определенную традицию: до Великой Отечественной войны они приобрели масштабный характер (работы А.В. Арциховского, М.К. Каргера и др.) и позволили обосновать ряд существенных заключений, касающихся структуры этого уникального памятника, его планировки, соответствия последней социальной специфике древнейшей столицы восточных славян. Уже тогда были определены огромные перспективы использования археологических материалов

Великий Новгород.
Софийский Собор

Великий
Новгород.
Церковь Спаса на
Нередице. Общий
вид

Великий Новгород. А.В. Арциховский и А.Ф. Медведев

в установлении места Великого Новгорода и Новгородской республики в целом в общих судьбах древней Руси, во всех отраслях ее культуры, религии, ремесла, политических и торговых связях, дипломатии и пр. Безусловность и многообразие этих перспектив совершенно закономерно поставили вопрос об их воплощении сразу же по окончании войны в числе первоочередных задач отечественной археологии. При этом по инициативе А.В. Арциховского речь шла об исследованиях и по масштабу, и по длительности своей резко превышающих все аналоги в истории славяно-русской археологии. Это касалось уже и плана первого послевоенного сезона экспедиции. В подготовке и в проведении его участвовала не только большая часть кафедры археологии, но и чуть ли не половина первого курса студентов истфака МГУ, как и многие представители последующих курсов, увлеченные этим грандиозным по тому времени мероприятием.

Подготовка экспедиции заняла большую часть лета и включала упорядочение обширной документации, добычу необычно многообразных технических средств, включая транспортеры, вагонетки с рельсами, серию различных фотоаппаратов и измерительных приборов и пр. К ней была привлечена большая группа как опытных археологов, в том числе с довоенным стажем и «новгородским опытом», так и специалистов разного профиля: фотографов, художников, топографов, техников. Значительность происходящего была ясна всем будущим участникам экспедиции, пока еще формирующейся и лишь начинающей «внутреннюю специализацию» своих участников. Но Новгород есть Новгород. Безусловное обаяние этого имени равно воодушевляло весь формирующийся коллектив — от А.В. Арциховского и всей группы его учеников в Беседах до вчерашних первокурсников, впервые соприкоснувшихся здесь с истоками русской государственности и культуры, да еще в форме «новгородской романтики»: легендарных Василия Буслаева и старчища Андрончища и реальных Рюрика, Игоря, Олега, Святой Равноапостольной Ольги...

Для меня же эта романтика, воспринятая с молоком матери, сочеталась с суровой реальностью, с жестоко-

Великий Новгород 1947 г. Участники экспедиции с А.В. Арциховским. Слева направо – В. Смирин, Н. Мерперт, А. Медведев, А.В. Арциховский, В. Седов

Великий Новгород, 1947 г. На первом плане Н. Мерперт за ним справа Кирьянова, Б.А. Колчин, В.М. Смирин, А.В. Кирьянов, В.Л. Янин, Г.А. Авдусина в центре А.В. Арциховский, за ним слева Н. Журжалина (ниже Н. Вахутская) Д.А. Авдусин, А.Ф. Медведев

*Великий Новгород 1947.
Внутри кремля, Лихудов корпус*

Великий Новгород. Пароходик «Экстра», ежедневно переправлял археологов через Волхов

стью совсем еще недавних лет, именно здесь, под Великим Новгородом унесших в небытие столь многих моих друзей и соратников. Осенью 1941 года немцы были остановлены на северо-западном берегу Волхова (у Юрьева монастыря) и Малого Волховца. Начиная с восточного берега последнего, была создана многорядная оборонительная система. Она простиралась почти до Мсты с разрывами на многочисленных заболоченных участках, особенно частых у Волховца, где создание сплошных траншей было сильно затруднено: приходилось ограничиваться короткими отрезками, из которых просматривались северо-западные прибрежные участки. «Микро-гарнизоны» таких «секретов» сменялись каждые сутки, одновременно оборонительная система регулярно продвигалась к востоку. Теперь машины экспедиции также углублялись в оборонительную систему, но в обратном — западном — направлении. При этом значительные участки траншей и прочих сооружений сохранились в моей памяти и идентифицировались мной достаточно четко. В немногих случаях отождествлялись и отдельные могилы, хотя чаще они были нивелированы, а временные памятники разрушены. И все же некоторые имена были мне знакомы и принадлежали защитникам новгородского правобережья, оставшимся здесь после нашего перевода на валдайско-демьянский участок. В целом же остатки оборонительной системы осени 1941 года сохранились в значительной мере: знакомым казался буквально каждый квадратный метр, вызывая горестные воспоминания. Уже семь лет отделяли нас от них, но мне они казались вчерашним днем, и это чувство обострялось с отождествлением каждого нового участка. Особенно горько было опознание могил, оно не всегда оправдывалось, но я неоднократно просил остановить машину для более тщательного осмотра места и попытки вызова соответствующих ассоциаций. Иногда это удавалось, но далеко не всегда. И чем ближе к Волхову, тем реже: я уже отмечал все более значительное распространение там заболоченных участков и открытых пространств, подвергавшихся ежедневным интенсивным обстрелам. Немногочисленные сохранившиеся могилы сооружались в кустарнике, рощах и ограждении шоссе, поэтому лишь в единичных случаях удавалось определить их и возложить к ним цветы, недостатка в которых в разгар лета 1947 года здесь не ощущалось. Далее — многострадальный в самом прямом смысле этого слова мост через реку Малый Волховец, а потом — и через Волхов, построенный заново несколько южнее разрушенного довоенного моста, но также ведущего непосредственно в Кремль. Новые и восстановленные постройки, упорядоченные улицы и целые кварталы, несмотря на сохраняющиеся отдельные разрушения, решительно изменили как колорит

*Д.А. Авдусин. Великий Новгород,
1947 г.*

возрождающегося великого города, так и восприятие его экспедицией. Уже при самом въезде была со вздохом облегчения констатирована сохранность ряда всемирно известных шедевров новгородской средневековой архитектуры как сакрального, так и светского характера. Касалось это и Кремля со знаменитым собором Святой Софии (1045–1052 гг.), мощными фортификациями — каменными стенами и боевыми башнями — и ряда замечательных соборов внутри города и за его пределами: Георгиевского собора Юрьева монастыря (1117 г.), Новгородищенского собора (1113 г.), Николая Чудотворца, что на Ярославском двореце (1111 г.), Собора Рождества Богородицы Антониева монастыря, Федора Стратилата на Ручье (1360–1361 гг.), церкви Спаса на Ильине улице (1374 г.), церкви Спаса на Ковалеве (1345 г.), церкви Успения на Волотовом поле (1362 г.), Башни «Часозвона» Новгородского Кремля.

Жили мы в Лихудовом корпусе — насколько я помнил — Д.А. Авдусин, А.Ф. Медведев, Б.А. Колчин, вскоре переехавший в другой корпус к А.В. Арциховскому и А.Л. Монгайту. Жили дружно и весело, подшучивали друг над другом, смеялись над всеми происшествиями, над которыми стоило, а иногда и не стоило смеяться.

Надо отметить, что замечательная новгородская архитектура и, прежде всего, Софийский собор стали объектом специального исследования экспедиции Академии архитектуры СССР, существовавшей тогда. Возглавлял ее превосходный специалист — профессор Николай Иванович Брунов. Он обратился к А.В. Арциховскому с просьбой поручить одному из археологов вскрыть шурф в центре Софийского собора для определения уровня первоначального пола времени князя Ярослава, поднявшегося, естественно, в ходе дальнейших веков. Шурф был поручен мне. Во вскрытии участвовали студенты, перешедшие на второй курс истфака МГУ: В.В. Седов, В.Л. Янин, В. Берестов. Копали пленные немцы. Первоначальный пол оказался на глубине 1,10 м, и когда мы спустились на его поверхность, собор предстал в совершенно ином виде: пропорции его резко изменились, он в полном смысле слова уплывал ввысь. Накопившийся же слой содержал остатки ряда погребений новгородских

*А.Ф. Медведев. Великий Новгород,
1947 г.*

священников, в том числе и высокопоставленных, останки которых стали в дальнейшем объектами изучения и моделирования исследователем М.М. Герасимовым. Вскрытие шурфа определенным образом уточнило сведения о соборе как в архитектурном, так и в археологическом аспектах. Последний был обогащен точно датированным слоем, соответствующим закладке Софийского собора.

Обнаружение же остатков ряда погребений в превышающей метр толщине, перекрывавшей первоначальный пол, также способствовала уточнению микростратиграфии и соответствующей хронологии центрального участка Софийской стороны города. Архитектурный же аспект, в свою очередь, обогащен пересмотром определения общих пропорций и соотношения высот конкретных деталей этого замечательного сооружения.

Определенный интерес к шурфу проявили и копавшие его военнопленные, спрашивавшие о целесообразности подобного нарушения древней святыни. Даже вспоминали некоторые подобные акции в германских соборах. Впрочем, таких были единицы. Другие же оставались вполне удовлетворены столь спокойным участком работы при полнейшем безразличии к ее содержанию. Мои попытки объяснений воспринимались с нескрываемой скукой. Зато явное оживление вызвала убитая ворона, принесенная одним из рабочих со словами «карош зуп» («хороший суп»).

Далее к нам в Лихуды присоединился еще один человек, много старше нас, но полностью вписавшийся в нашу компанию и украсивший ее. Это был блестящий знаток русского искусства, начиная с самого его появления — Николай Петрович Сычев. До событий 1917 года он работал в Русском музее в Санкт-Петербурге, затем был выслан, но допущен к участию в возглавлявшихся известнейшим историком архитектуры Н.И. Бруновым исследованиях Софии Новгородской (выше уже упоминалось проведенное под моим руководством вскрытие внутри собора специального шурфа для определения уровня первоначальных его полов, заложенных еще князем Ярославом). Счастлив отметить, что в дальнейшем Н.П. Сычев был полностью реабилитирован. «Вина» же его была означена в одном из номеров «Известий

Императорской Археологической Комиссии», где упоминалось посещение Русского музея царской семьей. Статья завершилась словами: «объяснение августейшим посетителям имел счастье давать младший хранитель Н.П. Сычев». На сей раз профессор Н.П. Сычев стал нашим сотоварищем по Лихудам.

Основной раскоп, порученный Д.А. Авдусину, располагался на восточном берегу Волхова; нас же и остальных аспирантов привлекли к работам на западном берегу. Как уже отмечалось ранее, мы всячески старались разнообразить свою жизнь. Довольно скоро после начала раскопок возник новгородский фольклор XX века, причем развивался он довольно быстро. Использовались мелодии песен самых разных лет, главным образом, времен гражданской войны.

Самым популярным героем песен был Колчин — превосходный археолог, создатель, по сути дела, археологии черной металлургии, согласно программе, разработанной им и лабораторией естественных методов нашего института. Он обладал рядом специфических черт: был тверд и даже жесток в своих оценках, распоряжался всем, что соприкасалось с техникой в нашей экспедиции, старался всячески рационализировать сам процесс раскопок и особенно увлекался впервые им использованной техникой — транспортерами. Он старался механизировать процесс раскопок, впервые применив эти технические средства, и, когда на раскопках, всегда ограничивавшихся совком, лопатой и т. д. появились почти что палеонтологические гиганты, это, конечно, вызвало с одной стороны восторг, с другой — приступ вдохновения. Надо было не только отметить в своем творчестве это достижение, но и придать ему комичную, шуточную форму. Причем, естественно, рядом с техникой был и ее «хозяин» Колчин — мы ничего в этой технике поначалу не понимали: всему учились у него.

Приведу некоторые детали, чтобы было ясно, о чем идет речь. Во-первых, экспедиция была довольно многочисленной. Чуть ли не половина курса кафедры археологии МГУ была увлечена этим, по тому времени грандиозным мероприятием. При этом Новгород есть Новгород, с ним связано зарождение самой истории страны. Он овеян духом далекого прошлого и новгородской романтики: и Василий Буслаев, и Старчище Андрончище, накрывшийся громадным соборным колоколом в своей битве с Василием Буслаевым. Последний огромной осью лупил по колоколу, а Старчище вопил из-под колокола. Иными словами, выдумки, романтики, юмора здесь хватало. Артемий Владимирович Арциховский это поддерживал, хохотал вместе со всеми участниками экспедиции, которым это все преподносилось как приправа либо к обеду, либо к ужину. Часть экспедиции утром должна была

переправляться на Ярославово дворище и поступать в распоряжение Дани Авдусина. Переправлялись через Волхов, оставляли там десант, во второй половине дня его возвращали, причем, самым активным существом (употреблю это слово), хотя дело идет о неодушевленном предмете, а мы его воспринимали как одушевленный, был маленький пароходик под названием «Экстра», исполнявший эти операции, и вот, используя давно известные сюжеты и мелодии, мы, а именно: Гаида Андреевна Авдусина, Валентин Лаврентьевич Янин, Валентин Берестов, Даниил Антонович Авдусин и ваш покорный слуга — написали первую песню, посвященную «Экстре», и не только посвященную, но и прославлявшую ее. При этом имитировались уже получившие известность песни послереволюционного периода. Первая из них обязана особой популярностью Леониду Осиповичу Утесову, называлась она «Раскинулось море широко» и первоначально в исполнении этого эстрадного артиста имела трагическое звучание, повествуя о смерти некоего корабельного кочегара, который тяжело заболел и не в силах был исполнять свои обязанности.

В созданном нами новом варианте был задействован ряд ведущих персонажей Новгородской экспедиции, начиная с А.В. Арциховского и его заместителя А.Л. Монгайта. Место умирающего кочегара было предоставлено Мерперту, а трезину правил Колчин. Не остался в стороне и Институт. Тогда он именовался Институтом истории материальной культуры (ИИМК). Полный текст звучал следующим образом:

Раскинулся Волхов широко,
По Волхову «Экстра» спешит.
Как вспомнишь — вздохнешь ты глубоко,
Слеза на глаза набезит.
«Такой неожиданно крупный успех, —
Сказал Арциховский Монгайту, —
Чтоб ярость богов не стубила нас всех,
Вы жертву Перуну воздайте!»
В ту пору в Лихудах собрался Симклит,
Чтоб не было Богу обиды,
Авдусина трубку решили топить,
А с ней целый ящик Козиды.
Козиду Борис Александрыч зажал,
А трубку не приняли волны,
И целые сутки Перун бушевал,
Обиды и ярости полный.
Ты, Мерперт, колодец, свиарник нашел,
Нашел ты и перстень янтарный,
И с этим ты честно в науку вошел,
И все мы тебе благодарны.

Ты Богу спокойствие должен вернуть,
 Хотим попросить мы любезно,
 Чтоб ты разрешил свое тело швырнуть
 Перуну в разверстую бездну.
 А Мерперт сурово нахмурил чело
 И всех оглядел он надменно:
 «Готов я, — ответил, — спуститься на дно,
 Готов я стать жертвой священной!»
 Ответственным быстро назначил себя
 Борис Александрович Колчин,
 И к Волхову все собрались скорбя,
 Простились угрюмо и молча.
 «Ну что де, прощайте, не надобно слез,
 Пора вам и тризной заняться,
 Бросайте со мной транспортер и насос,
 Лопаты ж и здесь пригодятся».
 К ногам привязали ему транспортер
 И лентою труп обернули,
 Борис Александрович руку простер,
 И слезы у многих блеснули.
 Ты скажешь — «в ИИМКе ждут Колю домой» —
 Плевать им, они заседают.
 А волны у «Экстры» бегут за кормой,
 И след их вдали пропадет.

Вторая песня, созданная этим же «авторским коллективом», также посвящена Борису Александровичу Колчину. Она является версией песни времен Гражданской войны. Одна из строк была такая: «Товарищ Троцкий с отрядом флотских нас провожал на бой с врагом». В нашем варианте действует уже «Товарищ Колчин» в условиях, приближенных к экспедиционным. Звучит это так:

А в воскресенье, не спеша,
 Мы откололи антраша,
 Товарищ Колчин, со взглядом волчьим,
 Налил нам витамину «ША».
 Мы проглотили витамин
 И принялись за бензин.
 Товарищ Колчин, со взглядом волчьим,
 Запряг всех нас в свой лимузин.
 Тот лимузин слетел под мост
 И отдал Борису хвост.
 Товарищ Колчин, со взглядом волчьим,
 Разбил очки и нос расплющил.
 Потом вышел на Ярый двор,
 Уж там маячил мухомор,
 Товарищ Колчин, со взглядом волчьим,

Крутил дурацкий транспортер.
 А в понедельник наши все
 Проснулись чуть позднее, чем в семь.
 Товарищ Колчин, со взглядом волчьим,
 Не дал нам завтракать совсем.
 Потом пришли мы на постой,
 Нас ожидал обед пустой,
 Товарищ Колчин, со взглядом волчьим,
 Следил за каждой куской.
 А Коля Мерперт лишний съел,
 И у него живот болел.
 Товарищ Колчин, со взглядом волчьим,
 Копать могилу повелел.
 Когда отрыли тот могил,
 То Мерперт дико завопил,
 Товарищ Колчин, со взглядом волчьим,
 Его любезно попросил.
 Когда пришли мы на покой,
 Нам приключился сон плохой,
 Товарищ Колчин, со взглядом волчьим,
 Следил за каждой куской.

Все это, конечно, в шутку, все мы прекрасно сознавали, сколь значительную роль играл в экспедиции Б.А. Колчин. Над ним просто подтрунивали, как подтрунивали все над всеми, выискивая для этого самые различные причины. А тут и искать не надо — все лежит на поверхности: ведь Борис Александрович, наряду с археологическими своими обязанностями, ведал весьма щекотливыми вопросами питания столь значительного коллектива, а, следовательно, и добычей, распределением и использованием продуктов. Здесь причин для подтрунивания — пруд пруди; естественно, оно успешно процветало. Может быть, где-то перегибали палку, хотя в целом всегда оставались в рамках добродушия и товарищества, тем более что сам Колчин прекрасно это понимал и зачастую весьма успешно парировал. И, главное, далеко не он один являлся объектом такого подтрунивания. Оно затрагивало почти каждого из нас и выражалось в самых различных формах. Разве приведенные выше стихи не подтверждают это? Разве не затронуло подтрунивание всю экспедицию — от руководства до последнего лаборанта? Не стали исключением даже наши рабочие, военнопленные немцы. От нас требовали сугубой официальности отношений с ними. Далеко не всегда получалось. Люди есть люди. Всех не пострижешь под одну гребенку. Так или иначе, мы здесь должны были сотрудничать, и это сотрудничество не могло не воздействовать на отношения между нами, которые были достаточно многообразны: присутствовали и безразличие,

и непробиваемое отчуждение, автоматическое исполнение требуемого рабочего минимума, — но были и совершенно иные формы взаимодействия. У вчерашних солдат возникал интерес к происходящему, появлялись вопросы, осмысленное и даже заинтересованное отношение к своей работе. Можно даже отметить определенное нарастание подобных изменений в атмосфере работ. Возникали ситуации, достойные упоминания. Расскажу об одной из них. Я уже писал, что уже в первый же послевоенный сезон раскопки охватили достаточно значительную площадь древнего города. Основная ее часть располагалась на известном из письменных свидетельств Ярославовом дворище — восточной зоне Новгорода. Здесь располагались три основных раскопа, главная часть исследуемой площади. По другую сторону Волхова были разбиты два более скромных по размерам раскопа в районе древней Чудинцевой улицы. Размеры каждого из них первоначально были 12 × 10 м, руководили раскопками покойная Татьяна Николаевна Никольская и автор этих строк.

Великий Новгород. Первое применение транспортеров на раскопках

Опишу один комичный случай, связанный с работой на этом участке и получивший интересное и неожиданное продолжение.

Здесь также работали немецкие военнопленные, каждая группа которых имела своего бригадира. Моя группа возглавлялась господином Гансом Парадой. Он был польским немцем небольшого роста, предельно добросовестным. Работа его совершенно не тяготила, а выражение лица всегда было торжественно радостным. Меня он смущал лишь тем, что каждое утро отдавал рапорт, в котором подробно описывал, как каждый из его подопечных провел ночь. Кроме того, он представлял каждого нового рабочего (с краткой характеристикой). И вот однажды Парада доложил мне: «У нас новый рабочий — Карл Вильгельм Штруве — по-нашему «гитлерюгенд», по-вашему — «хулиган». И появился очень худой растерянный молодой парень, который всем существом своим выражал постоянное невезенье во всем; дальше разыгралась следующая сцена. На моем раскопе был найден колодец XIV века с деревянными трубами, настолько превосходно сохранившийся, что его можно было бы взять вырезкой, но предварительно вычерпав. Последнее было необходимо в любом случае. Но работа была нелегкой: колодец был наполнен грязной жижей. Я спросил, не найдется ли доброволец? Таковой тут же нашелся: самый сильный и добродушный из рабочих, по имени Ганс. В войне он вообще не участвовал и был «захвачен» в кино при «чистке» зрительного зала в середине 1946 года. Работал он весело и добросовестно. Мы должны были отмечать качество работы каждого землекопа, выражая его в процентах. Ему я всегда ставил 300%, и на сей раз Ганс чисто по-русски плюнул на ладони, растер их и полез в колодец. Стал вычерпывать жижу ведром и подавать его наверх. Принимал ведро названный выше Карл Вильгельм Штруве и случайно плеснул жижи на Ганса. Тот поднял глаза и добродушно выругался, Карл растерялся и из второго ведра плеснул вновь, облив Ганса посильнее. Последний возмутился и обозвал Карла «Schweinehund'ом» («сволочь») — это очень сильное немецкое ругательство, но из следующего ведра бедняге Гансу досталось еще сильнее, и он, подумав,

Н.Я. Мерперт. Великий Новгород, 1947 г.

Великий Новгород, 1947 г. А.В. Арциховский с группой сотрудников экспедиции

выругал Карла уже по-русски. Тогда я, прекратив работу, попросил Парадю выяснить у Ганса, понимает ли он смысл сказанного. Не надо было мне этого делать: объяснение длилось не менее получаса, и все немцы были в восторге: это была длительная непредусмотренная передышка. Парада же отрапортовал мне: «Господин начальник! Рабочий Ганс сообщил, что общий смысл он улавливает. Причем тут Бог — не понимает». Прошли годы, и на одной из археологических конференций в Киеве академик Валентин Лаврентьевич Янин узнал от членов немецкой делегации, что его хочет специально приветствовать генеральный директор музея города Ольденбурга в Северной Германии г-н Карл Вильгельм Штруве. Появился полностью уже «опрофессорившийся» господин, схватил Янина обеими руками и радостно заговорил: «Вот видите, работа у вас помогла мне подняться, получить подлинную профессию и по мере сил своих добиться развития музейного дела и т. д. Но вообще-то я ученик Арциховского и представляю русскую школу археологии!».

Во всяком случае, тогда уверенно говорили, что это тот самый Карл Вильгельм Штруве, который никак не мог удержать ведро у колодца XIV века, чем вызвал столь ярое возмущение Ганса. Связь с ним некоторое время поддерживалась, но вскоре он скончался.

Я попытался дать читателю самое общее представление о фактическом начале новгородской экспедиции и об атмос-

Чудинцевский раскоп. Слева направо — А.В. Арциховский, Н.Я. Мерперт, чертежник, А.В. Кирьянов, О.А. Кирьянова, А.Ф. Медведев

*Празднование 800-летия Москвы.
Стоят — слева направо: Фомичев, Н.Г. Варшамова, А.В. Кирьянова, В.В. Седов, К. Кривицкий, А. Левандовский, Н.П. Журжалина, А.Л. Монгайт, А.В. Арциховский, М.Н. Тихомиров; Сидят — О. Баташева, А. Бойман, А. Червяков, В. Янин, В. Берестов, Т.Н. Никольская, Э. Викторова, Н. Запорожец, Н.Я. Мерперт, А.Ф. Медведев. Чертежник*

фере внутри нее именно в этот начальный период. Подробно останавливаться на сугубо научных моментах, а тем более результатах, представляется преждевременным, поэтому коснусь их лишь в форме констатации первых акций по выработке плана исследований, определений первоначальных центров и дальнейшей динамики их развития. Ограничусь самой краткой характеристикой первых заложенных раскопов, дабы дать общее представление об их масштабах в первом послевоенном сезоне, общих принципах стратификации и планиграфии, специфике конкретных участков и первоначальных их показателях.

Прежде всего, о Ярославовом дворище (еще раз напоминаю, что речь идет только о 1947 годе). Здесь, прежде всего, учитывалась топография участка, согласно письменным показателям являвшегося фактическим социальным и экономическим центром древнего города, что требовало предельной масштабности вскрываемой площади. Соответственно, здесь были заложены три раскопа, вплотную примыкавшие друг к другу: по существу, единая, весьма значительная площадь на естественном склоне к Волхову. На Ярославовом дворище начаты опыты стратификации культурного слоя. Мощность последнего достигает 380 см, он разделен на пласты толщиной 20 см. Верхний — перемешанный слой, содержащий поздние материалы: строительный мусор, деревянные настилы, бревна, железные изделия, поздняя керамика. Слой охватывает 6 верхних пластов. Ниже заметно возрастает доля серой керамики с отогнутым, а ниже 4-го пласта — прямым венчиком. На том же уровне остатки литейного производства. Ниже — та же серая керамика, но с пухлым венчиком, деревянные настилы, срубы колодцев. В керамике пухлые венчики сочетаются с волнистым, иногда штампованным орнаментом. В 9-м пласте — основание колодца с девятью венцами. Деревянные трубы. В 10-м пласте основание еще одного колодца с деревянной трубой, рядом лежал стальной граненый кинжал. Деревянные поделки: гребень, весло, лопата, ковш, блюдо, сосуд. В 11-м пласте — обгоревшее зерно, железные поделки — нож, заостренный стержень, шиферное пряслице, топор железный, деревянный орнаментированный гребень, ложки; продолжается вниз сруб колодца. 12-й пласт содержит уже ту же серую керамику, что и перекрывающие его. И все еще уходит вглубь колодец с деревянной трубой. Среди находок: костяной гребень, медная булавка, деревянное, обтянутое кожей весло, гребни, вилы, железный нож. Подобные керамические, деревянные, костяные, железные, каменные изделия представляют определенный комплекс, истоки которого уходят, по меньшей мере, в 19-й пласт, зафиксированный на глубине около четырех метров.

Конечно, эти первичные наблюдения носят сугубо условный характер, как и двадцатисантиметровые слои, позволяющие проследить последовательное распределение во времени перечисленных выше находок и, прежде всего, соотношение их между собой и сложение упомянутого выше комплекса.

В этом плане представляют безусловный интерес раскопки на западной стороне Волхова, в районе древней Чудинцевой улицы, результаты которых в значительной мере согласуются с предварительными стратиграфическими наблюдениями на Ярославовом дворище и тем самым подкрепляют их. Там заложены два раскопа, прилегающих друг к другу. Длина каждого с юга на север — 12 м, ширина с востока на запад — 10 м. Первый (руководитель Н.Я. Мерперт) отмечен как раскоп «Чуд. 1», второй (руководитель Т.Н. Никольская) как раскоп «Чуд. 2». Стратиграфическая ситуация обоих раскопов идентична. 10 их верхних пластов могут быть признаны поздними, поскольку они содержали изразцовые пластины Никоновского типа (XVII в.).

В 11 пласте найдены венцы колодца, полностью идентичного найденному в соответствующем пласте Ярославового дворища. То же следует сказать о 12 пласте, где наряду с венцами подобных колодцев найдены типичный для XIII века янтарный трилистник, обломок бронзового витого тройного браслета, шиферные пряслица, превосходный янтарный перстень того же времени, наконец, характерная керамика «общеславянского типа» и стеклянные браслеты.

Таким образом, здесь речь идет уже не о предположительных датах, основанных лишь на стратиграфических показателях, в том числе и на перемешанных слоях, а о целом комплексе прямых и безусловных датирующих индикаторов, позволяющих говорить о крупных научных достижениях уже первого послевоенного сезона исследований Великого Новгорода.

XII

*Институт истории
материальной культуры
и его коридоры*

Лето 1945 года для всех было, прежде всего, окрашено в цвета Великой Победы. Перспективы казались бескрайними и радужными. Силы — неисчерпаемыми. Любые свершения — достижимыми. А все окружающие — братьями и сестрами. И эти незабываемые месяцы, как и последующие за ними первые послевоенные осень и зима, были предельно насыщены событиями, каждое из которых через призму победы казалось значительным и торжественным.

Для меня большая часть этого уникального периода связана с уже описанной выше увлекательной и поучительной работой по восстановлению Керченского музея, а далее с участием в раскопках Пантикапея. К концу сезона мне был даже поручен небольшой, но самостоятельный раскоп.

Вернувшись в Москву я защитил дипломную работу.

К концу 1945 года были сданы государственные экзамены, но событие это официально было отнесено к февралю уже следующего, 1946 года, ибо мудрецам из Наркомпросвещения пришлось в голову сократить курс исторических факультетов университетов до четырех лет. Воплотить эту великую реформу не успели, остановились на четырех с половиной годах, а позже о ней забыли. Таким образом, число я окончившим МГУ в феврале 1946 года.

Тогда же В.Д. Блаватский уехал в длительную командировку в Германию, мне же было предложено сдавать экзамены в аспирантуру Института истории материальной культуры Академии наук СССР (ИИМК), где моим руководителем стал А.В. Арциховский, а темой кандидатской диссертации была утверждена «Салтовская культура».

Формально разработка этой темы входила в план сектора славяно-русской археологии института. Естественно, она потребовала определенной переориентации моей подготовки, исторического ее содержания я коснусь отдельно. Но, во

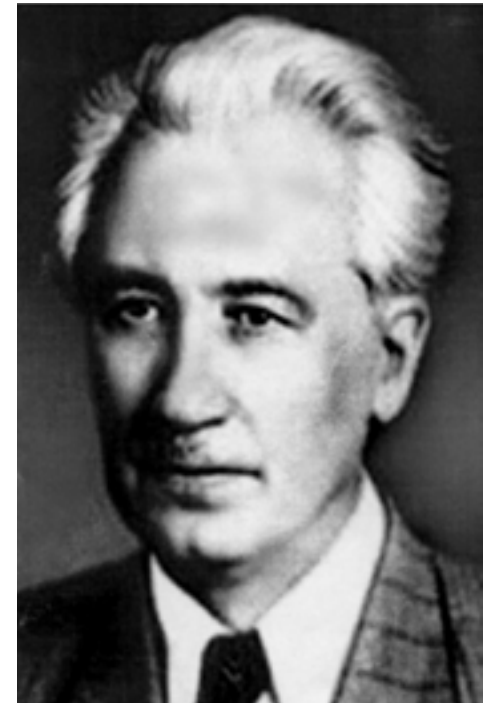
всяком случае, нисколько об этом не жалею. Интерес и значение славяно-русской проблематики комментариев не требуют, а подобное расширение поля моих интересов и познаний казалось мне тогда под силу и радовало меня так же, как и предстоящее продолжение общения с А.В. Арциховским, огромный талант и глубокие знания которого сыграли особую роль в моем «становлении», что также уже отмечалось выше и получало все новые проявления. В этой связи с удовольствием еще раз упомяну замечательные по всем своим параметрам, а прежде всего, по своему колориту, раскопки вятичских курганов под Москвой, у села Беседы.

Упомяну и еще об одной дорогой мне памяти. Сектором славяно-русской археологии ИИМК заведовал тогда профессор Н.Н. Воронин — превосходный ученый, истинно влюбленный в чудо, именуемое культурой древней Руси (особенно во Владимиро-Суздальскую архитектуру) и умевший с несравненной простотой ввести вас в ее волшебную сущность.

Ко мне он был очень внимателен, неоднократно приглашал к себе (насколько я помню, в деревянный двухэтажный дом на Плющихе), брал с собой во Владимир, Боголюбово, Суздаль, Переславль Залесский, Ростов Великий.

Очень интересно говорил об отражении античных сюжетов в разных — больших и малых — формах древнерусского искусства (Китоврас, Кибела и пр. в архитектурных рельефах, резьбе по кости и пр.), но не избегал и более острых моментов. Помню один из них.

Около 1950 года в газете «Правда» появилась статья некоего Иванова под названием (насколько я помню) «Об одной порочной концепции», «изничтожавшая» хазарскую проблему и изгонявшая хазар из раннесредневековой истории Восточной Европы. Отправным поводом «изничтожения» явилось еще довоенное издание очень хорошей книги тогдашнего директора нашего института (еще в Ленинграде) Михаила Илларионовича Артамонова «Очерки истории хазар». Позднее книга была развернута в фундаментальную монографию, но тогда ее нарекли «антиисторичной» и вред-

*Академик Б.Д. Греков, директор
института Истории материальной
культуры АН СССР, 1944 г.*

А.Д. Удальцов. 1883–1959

П.Н. Третьяков. 1906–1976

Н.Н. Воронин. 1904–1976

Д.Б. Шелов. 1919–1993

ной, предписав, как обычно, немедленно ее обсудить, что и было произведено в переполненном зале на Волхонке, 14. По причинам, для меня таинственным, основной доклад был поручен мне (я находился в возрасте 29 лет). Накануне позвонил Николай Николаевич и коротко сказал: «Михаил Илларионович и ученый прекрасный, и человек достойнейший. Помните это!» Я постарался высмеять положения статьи господина Иванова одно за другим, объединив их оценкой «тенденциозная антинаука». Вспоминаю об этом с удовлетворением. Как ни странно, никакой реакции господина Иванова или его вдохновителей не последовало.

Что касается хазарской проблемы, то мне пришлось еще неоднократно касаться ее в дальнейшем, и далеко не все мои суждения по этой проблематике того времени представляются мне правильными, но основной своей позиции я не менял, она принципиально была оправданной и, судя по результатам отмеченного обсуждения, своевременной. Решающую роль сыграли здесь и упоминавшаяся публикация превосходного исследования М.И. Артамонова, и серия специальных работ С.А. Плетневой.

Между тем, в проблематике моей аспирантской подготовки произошел очередной, достаточно резкий пово-

рот. Связан он был с одним из ярчайших ученых института и основных моих учителей по университету Сергеем Владимировичем Киселевым, человеком широчайшего научного профиля, членом-корреспондентом Академии наук, крупнейшим специалистом по энеолиту и бронзовому веку Евразии. Достаточно сказать, что в университете я слушал его общий курс «Введение в археологию», специальные курсы бронзового века Ближнего Востока, Центральной Азии, Монголии, крито-микенской культуры, участвовал в семинаре по методике городских раскопок. Уже более пятидесяти лет нет его с нами, но это абсолютно несовместимо с его образом, жизненной энергией, темпераментом, охватом им безошибочно избранной, предельно актуальной и блестяще воплощенной научной проблематики. Дело не только в фактическом раскрытии хода исторического процесса, охватившего на протяжении нескольких тысячелетий ряд важнейших регионов Евразии, включая бескрайние просторы Сибири и Центральной Азии, не только в открытии беспримерных по исторической значимости, информативности, материальной и духовной насыщенности археологических феноменов, дело — в коренном и принципиальном пересмотре методики и методологии использования архе-

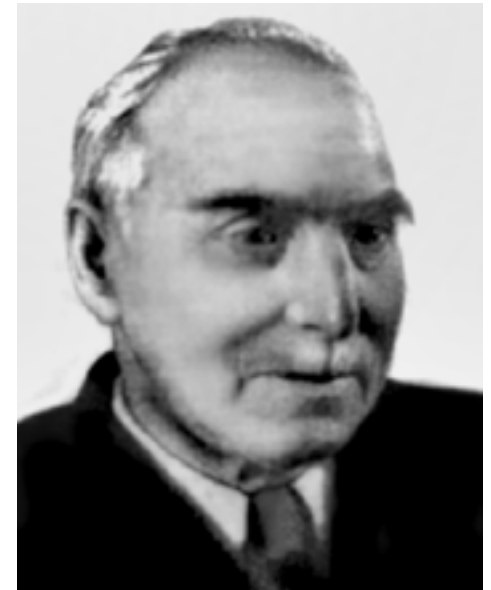
Б.А. Рыбаков. 1908–2001

Е.И. Крупнов. 1904–1970

П.Н. Шульц. 1900–1983

А.Я. Брюсов. 1885–1966

ологического материала многочисленных, в значительной мере «немых» ранее народов, в воссоздании общей схемы древнейшей истории значительной части Евразии с определением подлинной роли конкретных групп ее многообразного населения в конкретные периоды этой истории. Эти проблемы фактически потребовали пересмотра на основании новой, апробированной С.В. Киселевым методики. Это оказало весьма позитивное воздействие на ряд складывающихся в первой половине XX в. специальных направлений в археологии. Среди них должны быть выделены такие важнейшие феномены как археологические свидетельства перехода от присваивающей к производящей экономике, «поселенческая археология», истоки и развитие урбанизационного процесса, а также специфика его в самых различных экологических и историко-культурных условиях, начало, развитие и формы кочевого скотоводства и пр. И при всей безусловной значительности этих проблем и их интерпретации, для С.В. Киселева они являлись, прежде всего, основой широких исторических построений. В этом аспекте имя ученого по праву должно стоять рядом с именами классиков исторической археологии, таких как Ф. Петри, Ж. Дешелле, В.Г. Чайлд, К. Шухардт, В.А. Городцов, Г. Франкфорт, А. Парро. Вся же деятельность С.В. Киселева получила широкое и единодушное признание как в отечественной, так и в зарубежной науке. Особо подчеркиваются его заслуги как в направленности, так и в самом положении, структуре и ор-

ганизации археологии внутри русской исторической науки, опередившие всемирно известные ее достижения во всех хронологических срезах, во всех регионах, во всех областях ее проблематики. Полагаю, что методологическое, методическое, идейное наследие замечательного ученого еще далеко не исчерпано и многие десятилетия будет способствовать как расширению и обогащению археологической практики, так и непрестанному плодотворному развитию творческих идей.

Остановлюсь на некоторых основных факторах, определивших творческий путь С.В. Киселева. Прежде всего — историко-археологическое отделение факультета общественных наук Московского университета, где замечательные лекции классика русской археологии В.А. Городцова решительно способствовали избранию юным студентом археологии как основной области интересов, а в дальнейшем и блестящей деятельности. С самого начала Сергей Владимирович проявил себя горячим приверженцем историзма археологии, вывода археологических исследований на уровень исторических обобщений. В университетские годы в формировании такой направленности ученого наряду с городцовским семинаром, существенную роль сыграло активное общение его с такими выдающимися учеными-историками, как Ю.В. Готье, Д.М. Петрушевский, С.В. Бахрушин. Благотворное воздействие последнего обусловило особый интерес С.В. Киселева к сибирской и центрально-азиатской проблематике. Но при

Л.А. Евтюхова. 1903–1974

этом общий спектр интересов Сергея Владимировича не престанно расширялся, что предопределило беспрецедентное по многообразию обращение его к самым различным регионам от Центральной Европы до Юго-Восточной Азии, хронологическим периодам (от палеолита до позднего Средневековья), историко-культурным областям, от гигантских обобщений, подобных «Древней истории Южной Сибири», до фортификаций позднесредневековой Москвы или техники скальных рисунков. И все это совмещалось с работой в Историческом музее, где непосредственное изучение коллекций явилось одним из факторов освоения специфики анализа археологических источников.

Полученные там навыки были плодотворно использованы в 1928 году при первой же поездке С.В. Киселева в Сибирь в начале его тридцатилетней сибирской эпопеи — одного из наиболее научно-значимых и всеобъемлющих свершений отечественной археологии минувшего века. Беспрецедентные по масштабам, целенаправленности и результативности исследования на всех этапах осуществлялись под постоянным и непосредственным руководством С.В. Киселева и его супруги Лидии Алексеевны Евтюховой — также превосходного археолога и одаренного человека в целом.

Полевые исследования в Южной Сибири охватывали все новые территории (Минусинскую котловину, Хакасию,

Т.С. Пасек. 1903–1968

О.Н. Бадер. 1903–1979

Алтай, Туву, Забайкалье) и все новые периоды (от раннего бронзового века до позднего средневековья). Многие из открытий приобрели широкую известность. Их насчитывалось тысячи. Достаточно назвать галерею таштыкских глиняных погребальных масок и металлических украшений — замечательных произведений искусства древнехакасской знати из Копенского частаса, остатки дворца ханьского полководца Ли Лина под Абаканом, многочисленные, часто художественно оформленные клевцы и прочие образцы бронзового вооружения тагарской эпохи, золотые, бронзовые, железные изделия, а также грандиозные погребальные конструкции. Все эти находки заставили коренным образом пересмотреть представления об уровне развития и социальной структуре их создателей — далеких предков хакасского народа, и не только их. Начиная с конца 1940-х гг. исследования С.В. Киселева охватили еще одну важнейшую область, сопредельную Южной Сибири. Это была Монголия, чьи земли явились эпицентром, а далее и основной ареной важнейших событий, решительно повлиявших на ход исторического процесса значительной части Евразии. Впервые в археологии именно этот эпицентр подвергся масштабным и всесторонним исследованиям, предпринятым С.В. Киселевым при участии автора этих строк, очередной раз расширившим свою не только проблемную

М.Е. Фосс. 1899–1955

М.А. Дэвет

и эпохальную ориентацию: основным объектом исследований 1948–1949 гг. явился основанный Чингисханом город Каракорум — столица Монгольской империи при первых Чингизидах вплоть до переноса ее ханом Хубилаем в 70-х гг. XIII в. в Хан-балык (ныне Пекин). Этими масштабными раскопками была безусловно доказана справедливость впервые выдвинутой С.В. Киселевым проблемы существования средневековых городов как у монголов, так и у исторически близких им этнических групп Восточной Азии (прежде всего, уйгуров и прочих тюркоязычных племенных массивов). Города играли весьма значительную роль в развитии этих групп наряду с «кочевым феодализмом», который ранее рассматривался как единственная его форма — в этом значительный вклад С.В. Киселева в древнюю историю Сибири и Центральной Азии.

Неменьшее значение имела и чрезвычайно активная деятельность его как организатора научной деятельности. Здесь, прежде всего, необходимо помнить, что в 1944 году руководящие органы института были перемещены из Санкт-Петербурга в Москву, и далее шла речь о выработке наиболее рациональных структурных форм взаимодействия двух равнозначных и отмеченных определенной спецификой и давними традициями научных коллективов. В этом отноше-

В.Н. Чернецов. 1905–1970

В.В. Кропоткин. 1922–1993

нии основная, безусловно, позитивная роль принадлежала С.В. Киселеву, отстаивавшему единство головного археологического учреждения России. Нарушение этого принципа в последующие годы представляется мне глубоко ошибочным.

В Москве же Сергей Владимирович заведовал отделом (тогда сектором) неолита и бронзового века — самым большим и многообразным по тематике, географическому и хронологическому охвату. Следуя своим принципам, он выработал четкую, хорошо продуманную программу деятельности сектора, учитывающую как общие закономерности, так и конкретное своеобразие развития основных регионов гигантских территорий, их гомогенный или гетерогенный характер, соотношение во времени и пространстве, а главное — взаимодействие в историческом процессе. При этом С.В. Киселев постоянно стимулировал рост фонда источников и заботился об оперативном включении их в обобщающие исследования, число которых во второй четверти — середине XX в. по тематике сектора неолита и бронзового века превышало все прочие, причем это определяло и «белые пятна», на ликвидацию которых обращалось далее особое внимание. Назову лишь некоторые из появившихся в тот период монографий: по неолиту и энеолиту Юго-Восточной Европы (Т.С. Пассек), по неолиту севера центра Восточной

Г.К. Вагнер. 1908–1995

В.В. Седов

Европы (А.Я. Брюсов), по неолиту центра Восточной Европы (М.Е. Фосс), по неолиту и бронзовому веку Черноморско-Каспийских степей (О.А. Кравцова-Гракова, Н.Я. Мерперт) и пр. При этом были возрождены и резко активизированы археологические центры в Воронеже, Казани, Самаре, Чебоксарах, Саратове, Волгограде и ряде других городов, в том числе Урала и Сибири. Сектор играл во всех этих позитивных актах самую активную роль, что обусловило и осведомленность его о последних открытиях и возможность использовать и материалы в своих исследованиях и публикациях.

Выработанную таким образом «стратегию» деятельности сектора после кончины С.В. Киселева в ноябре 1962 года использовал и сменивший его Евгений Игнатьевич Крупнов, прекрасный кавказовед, поднявший эту, ставшую уже традиционной для русской археологии проблематику на уровень одной из важнейших в евразийской праистории. Е.И. Крупнов расширил рамки своих исследований феномена Кавказа в целом, в том числе его особой роли как северного форпоста древнейших в мире ближневосточных цивилизаций на территориях, смежных с Восточной Европой и Центральной Азией и в значительной мере обусловивших весь ход дальнейшего развития Старого Света. Огромной заслугой Е.И. Крупнова стало установление постоянного плодотворного контакта с Закавказскими и Северокавказскими

научными центрами, поддержка их, особенно, в деле подготовки высококвалифицированных научных кадров, что привело к расширению и всемерному углублению археологических исследований всех регионов Кавказа, прежде всего, в периоды ранее почти неизвестного неолита с формированием и развитием раннеземледельческих культур до блестящих энеолита и бронзового века, явившихся одними из значительнейших феноменов в истории становления, развития и распространения древней металлургии.

В секторе появилась целая группа талантливых и предельно активных учеников Е.И. Крупнова, прежде всего, Р.М. Мунчаев, очень быстро завоевавший почетное место и под кавказским, и под московским солнцем, возглавляющий ныне работу над отмеченной выше проблематикой, а также В.И. Марковин, И.Г. Нариманов, Т.А. Бунятов, В.В. Бжания и др. Полевые исследования охватили районы, остававшиеся ранее terra incognita, такие как горный (да и равнинный) Дагестан, Абхазия, Чечня, Ингушетия и пр. Появились специальные монографии, посвященные как Кавказу (особенно Северному) в целом, так и конкретным его регионам, всем основным периодам праистории и конкретным их культурам, общим проблемам исторического масштаба (подобных переходу от присваивающей экономики к производящей) и местным их проявлениям. Е.И. Крупнов инициировал дальнейшее развитие сформулированной еще Б.А. Куфтиным и А.А. Иссеном изучения роли Кавказа в распространении воздействий ближневосточных цивилизаций на значительную часть Евразии. Я вспоминаю, с какой искренней радостью он помогал мне осветить эту тему в курсе «Археология древнего Востока», который я читал в Московском университете в семидесятые годы минувшего века.

Вместе с тем, он уделял должное внимание исследованию фактически всех прочих регионов страны, где именно при его руководстве сектором в актив следует вписать важнейшие открытия памятников северного мезолита (С.В. Ошибкина), верхнего палеолита центра европейской России (Д.А. Крайнов, Л.В. Кольцов, А.В. Сорокин) и бронзового века Урала (В.Н. Чернецов, В.И. Мошинская), Западной

В.И. Цалкин. 1903–1970

Сибири (М.Ф. Косарев) и Центральной и Восточной Сибири (Ю. Гришин, М.А. Дэвлет). В этот же период заметно расширены зарубежные исследования сотрудников сектора как в классических областях Ближнего Востока (Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер) и в Афганистане (Р.М. Мунчаев, Г.А. Кошеленко), так и в ранее абсолютно неисследованных областях Заполярья.

Большое внимание, в частности, было уделено исследованиям Н.О. Бадера в Каповой пещере на Урале, где впервые на территории нашей страны были открыты памятники монументальной палеолитической живописи, прежде всего, фигуры мамонтов. Вообще, палеолитическая проблематика, плодотворное развитие которой ранее было связано, прежде всего, с Санкт-Петербургом (С.Н. Замятин, Б.Б. Борисовский, З.А. Абрамова) стала активно разрабатываться именно в указанное время.

XIII

Монголия, Каракорум

Ранней весной 1948 года я встретил Киселева, и он мне задал абсолютно неожиданный вопрос: «Вы на лето ангажированы?». Я сказал: «Нет».

Я никогда не работал в поле с Киселевым, кроме экспедиции 1942 года, когда мы обследовали на окраинах Москвы и Подмосковье древние сооружения, прежде всего церкви, начиная с Коломенского и кончая Царицыным, где нас и немцев разделяли лишь десятки километров. Тогда это была единственная, боюсь, что во всем Советском Союзе, экспедиция, состоящая из трех человек: Киселева, меня и моей соученицы по фамилии Ефимова (судьба мне ее неизвестна, я не помню даже ее имени). Пригласил нас Сергей Владимирович как слушателей его превосходного курса «Введение в археологию», который был ему поручен вместо традиционного курса заведующего кафедрой археологии профессора А.В. Арциховского, уехавшего в эвакуацию в Ашхабад вместе со всем университетом. Я уже упоминал о решении руководства страны воссоздать университет в Москве, вопреки тяжелому положению на фронте. Решению абсолютно правильном... Заведующим кафедрой археологии в Москве стал профессор В.А. Городцов. В целом же процесс создания параллельной группы превосходных профессоров МГУ, в том числе и истфака, достоин особого рассказа, потому что собирали буквально с бору по сосенке, эвакуированы были все: и студенты, и профессора, и преподаватели МИФЛИ, который был слит с университетом... Но здесь не место для подробного рассмотрения этого процесса.

Поэтому Киселев мне как полевому работнику цены не знал. Это был очень отважный поступок с его стороны. И прямо на улице он резюмировал: «Не ангажированы? Отлично! Вы про Монголию слышали?» Надо сказать, что тогда было заключено соглашение между Монголией и Советским Союзом о помощи последнего в создании шести-

томной истории монгольского народа. Договорились встретиться вечером у Киселева. По поводу Монголии у него была своя теория: «Никто не верит, что у монголов были города, монгол должен быть обязательно верхом и должен кочевать. Были кочевья, становища, но города... А я уверен, что города были. Закономерная ступень в истории человеческого общества, и почему она должна миновать Монголию, я никогда не понимал. Впрочем, я недавно был в Монголии и в этом убедился. Страна непечатых возможностей. Там если и были археологические исследования, то палеолита. Копали американцы. Времени прошло много, я уж и палеолитчик, копал в южной Монголии. Ни средневековые древности, ни более поздние, ни все перипетии, связанные с гигантской империей, в свое время завоевавшей чуть ли не половину мира, археологически были не тронуты».

Киселев объездил всю Монголию. Был везде. Осмотрел все памятники. Основной музей был в Улан-Баторе. Я даже не знаю, были ли музеи хоть в одном другом городе, а определенные хранилища у частных лиц и в государственных учреждениях были не систематизированы, но очень ограничено картографированы и представляли собой большое белое пятно. Киселев буквально наскреб там разновременные материалы, большей частью очень ограниченные, но убедился в безусловной перспективности больших работ в Монголии. Все это он мне рассказывал в один памятный вечер. «Вот, — говорит, — и будем мы пионерами. И начнем со столицы Чингисхана, города Каракорума. Он фактически археологически не тронут, очень велик, сохранились его описания XIII в., времени создания города и двух-трех веков, последовавших за ним. Есть описание, созданное двумя европейцами, присланными один Папой — римлянин Плато Карпини, другой — французским королем — Вильгельм Рубрук, описания подробные. Им не верят. Вот видите, выписка из энциклопедии Americana 30-х годов: «Каракорум — тюркское Харахари — легендарный город в Центральной Азии». Какой легендарный? Короче говоря, готовьтесь. Это будут очень длительные сезоны, речь пойдет о годах».

Выслушав все это, я, конечно, очень заинтересовался, вообще считалось, да и вошло в научную литературу, что русские археологи никогда не вели работ за границей. Но, по моему, следовало тенденции, согласно которой до 1917 года вообще не было русского вклада в мировую археологическую науку. Потом это оказалось откровенной клеветой на Россию и на определенные отрасли ее научной и культурной жизни. При этом предавались забвению феноменальные открытия в Иерусалиме в конце XIX в. архимандрита Антонина, работы Я. Смирнова и Н. Кондакова в Сирии и Палестине, Б.В. Фармаковского в Константинополе, П.Н. Милюкова в

Македонии, М.И. Ростовцева в Тивериаде, Ф.И. Успенского в Болгарии.

«Готовьтесь, читайте соответствующую литературу, очевидно, летом поедем», — Киселев всю жизнь отличался поразительным оптимизмом. Поэтому я с удовольствием взялся за ознакомление с литературой, хотя и в полной уверенности, что меня не выпустят: фамилия не понравится, и батюшка был офицером русской армии — тогда защита родины до революции считалась, видимо, чем-то зазорным. Но готовиться продолжал. В «Вестнике академии наук» была опубликована большая статья Киселева о поездке в Монголию и ее памятниках; великолепная статья, я ее чуть ли не наизусть выучил, а кроме того, читал П.М. Пржевальского, П.К. Козлова, Г.И. Потанина — то, что касалось так называемого «Урянхайского края», внешней Монголии, входившей тогда в состав Китая, перед Первой мировой войной и так далее. Затем, в начале лета, а в то лето я был на 4-м курсе университета, мы вели достаточно успешные раскопки вятичских курганов в Царицыне. Основной кафедральный состав уже вернулся — война закончилась, и вся кафедра участвовала в раскопках этих курганов, вне зависимости от специализации того или иного ученого.

Подробности этих работ я пропущу, хотя там были даже достаточно серьезные находки и очень забавные моменты, лишь один из которых позволю себе привести. Был на моем курсе один студент, исключенный из университета за полную бесперспективность. Но это не помешало ему оказаться корреспондентом одной из московских газет и в этой ипостаси явиться в Царицыно за соответствующей информацией, которую он потребовал весьма категоричным тоном. Работами там руководил покойный профессор Б.Н. Граков, к которому это новоиспеченное светило и обратилось: занят, мол, очень занят, срочно сведения обоснованных результатов! Борис Николаевич был в благодушном настроении и кивнул ему на меня: «Благодетель! Вон, видите, парень стоит, на меня кивает. Вот идите к нему, он вам все расскажет». А в одном из вятичских погребений нашли цепочку. Он подходит ко мне и говорит: «Указано вам дать мне разъяснения ко всему». На меня напало какое-то хулиганское настроение, и я сказал: «Вот видите, цепочку несут. Это от велосипеда. Вятичский велосипед, примерно XIII века, известно, что велосипед — русское изобретение, раньше велосипедов не было». — «Вы что, серьезно?» — «Абсолютно серьезно. Приезжайте завтра, будут раму вынимать». Он пошел к Гракову и это все изложил. Тут у Гракова резко изменилось настроение, потому что он вспомнил, что когда-то этот человек учился на истфаке, и он закричал: «Вон отсюда, невежда!» И так далее. Самое поразительное, что парень в

своей газете тиснул нечто подобное, вот, мол, древнейшее славянское изобретение.

Весной началось оформление. Тогда оно было весьма и весьма оригинальным. Надо было заполнять огромную анкету. Нет, не помню, сколько страниц, но то, что больше восьми, помню хорошо. Заполнять нужно было лиловыми чернилами, обыкновенным пером, пользоваться шариковой ручкой строжайше запрещалось, да их тогда и не было, а на каждый вопрос нужно было отвечать, полностью его повторяя. Например, обозначив в самом начале анкеты, что я не женат, однако, на вопрос «были ли родственники вашей жены членами императорского правительства 1, 2, 3 или 4 созыва, государственной думы 1, 3 или 4 созыва», я должен был переписать весь вопрос и только в самом конце мог указать, что нет. Мы с Киселевым, как послушные ученики, сидели у него дома и три дня заполняли эти анкеты.

Кроме нас предполагались членами экспедиции: знаменитый наш антрополог профессор Г.Ф. Дебец, супруга Киселева — Л.А. Евтюхова, этнограф К.В. Вяткина, уже пожилой человек. Она была дочерью чаеоторговца, а торговля чаем до революции была только с Китаем. Вяткина — единственная из нас знала монгольский язык, поскольку «штаб» чаеоторговли размещался в городе Троицко-Савске, на границе внешней Монголии, потом он был переименован в Кяхту, а рядом была таможня, которая и тогда, до революции, называлась Кяхтой.

Вот такой был состав... Все мы были вызваны к заведующему отделом кадров президиума Академии наук. Обстановка была не слишком приятная, и я, будучи полностью уверенным, что меня не пропустят, когда пришла моя очередь, сразу ткнул в тот пункт, который был посвящен службе в армии моего отца всю Первую мировую войну. Я не помню, указывал ли сведения о матери, потому что она служила хирургической сестрой в фронтовом санитарном поезде. Ткнул, очевидно, но этот высокопоставленный чиновник почему-то сказал: «Не лезьте со своими вопросами, я сам разберусь. Эти сведения меня не интересуют. Вот лучше ответьте, штурмбанфюрер СС Меркварт вам не родственник?» После выяснения моей генеалогии он благожелательно кивнул, и я понял, что пропущен. Не пропустили Г.Ф. Дебца. На то была очень веская причина: он пришел в президиум в сапогах и толстовке. Допрашивающий спросил: «Вы что, за границу думаете ехать в таком виде?» Дебец, человек крайне оригинальный, спросил — а он полужиданец, полусибиряк, картавил: «Вам не нравится мой вид? Вы думаете и им там, за рубежом, не понравится? Так пусть приезжают ко мне, плевать я на них хотел». Тот возмутился, и Дебец выпал. А жаль, у него уже тогда было мировое имя.

Монголия 1948 г, Улан-Батор.
Монастырь Гандон. В центре Киселев

Монголия 1948 г, Улан-Батор. Монастырь Гандон,
слева направо — М. Брагин, лама, Н.Я. Мерперт,
С.В. Киселев, К.В. Вяткина (этнограф)

Чуть отвлекусь от Монголии... Через много лет был я с Р.М. Мунчаевым и еще небольшой группой — В.И. Гуляевым, В.А. Башиловым, Н.О. Бадером — в США, в Музее естественной истории, с моей точки зрения, одном из лучших музеев мира. Директор его, известнейший палеонтолог, настолько уважаем, что даже был освобожден от возрастного ценза (ему было около 80). Однажды он пригласил нас в свой кабинет, когда мы осматривали музей. На меня приятно пахло родиной — все было заставлено ящиками, шкафами с разными коллекциями, не помещавшимися в музей. В кабинете директора стояли рабочие столы, было очень тесно, но один стол привлек мое внимание, потому что на нем большие гвоздики лежали по диагонали стола; работать за ним было бы невозможно. Я подошел и прочитал записку: «За стол не садиться. За этим столом работал крупнейший антрополог современности русский профессор Георгий Дебец». Тогда я вспомнил, как его в первый раз не пустили в Монголию.

Потом началась подготовка. В основном она заключалась, во-первых, в получении многочисленного оборудования, теодолитов, фото- и чертежных принадлежностей, был куплен фотоаппарат «Контакт», последняя новинка в фототехнике, и даже кинокамера. Грузилось все на трехтонки, продовольствие на полгода, оборудование, материалы — все это было довольно трудоемко, но мы уже были уверены, что мероприятие, казавшееся вчера фантазией, становится реальностью, и с удовольствием участвовали в его подготовке. В самом начале июля выехали. На Ярославском вокзале нас провожали семьи, а также Татьяна Сергеевна Пассек и Михаил Михайлович Герасимов, передавший со мной для кяхтинского музея восстановленный им по черепу портретный бюст древнего уйгура.

С глубокой грустью думаю о том, что никого ни из провожающих, ни из спутников моих уже давно нет в живых, а сам я окружен навсегда дорогими мне теньями. Тогда же настроение было приподнятое, нас не покидало сознание экстраординарности происходящего — начала первой зарубежной советской археологической экспедиции (тогда мы и не вспомнили даже, что для России она была отнюдь не первой, но об этом позже). Багажа у нас было совсем немного: я уже упоминал предварительно отправленный на трех платформах основной груз, заполнявший три трехтонки в сопровождении двух шоферов (третьего сначала не пустили, он прилетел позже). «Воссоединиться» мы должны были на пограничной станции Наушки, от которой рукой подать до г. Кяхта, где строилась железная дорога Москва-Пекин, которая ответвлялась у Улан-Удэ. Тогда только начинали ее строить... Там должна была нас ждать машина с грузом. Почти не умолкая, очень много рассказывал Киселев, ведь

Монголия 1948 г, Улан-Батор. Монастырь Гандон, слева направо — М. Брагин, С.В. Киселев, Н.Я. Мерперт, лама в устрашающей маске

он, наряду разве что с Михаилом Петровичем Грязновым, был крупнейшим из археологов, обследовавших, а потом активно копавших памятники Южной Сибири именно в районах Минусинска, Иркутска, Улан-Удэ, и поэтому рассказ о каждой местности, которую он описывал, оказывался крайне интересным... описание местностей чередовалось с описанием людей, причастных к ней, живших здесь сейчас или сто лет тому назад, но не забытых, много сделавших, очень заслуженных. Ехать было очень интересно. Наконец, приехали мы в столицу Бурятии Улан-Удэ. Здесь нам нужно было пересечь на рабочий поезд, идущий в Наушки.

Тогда на все была поставлена печать экстраординарности. Есть даже специальная книжка одной из сотрудниц Президиума Академии наук «Зарубежные связи наших

историков». Археологии там было посвящено больше всего страниц, потому что она имела реальные результаты. Достаточной была подготовка экспедиции. У нас имелась и рабочая одежда, и обувь, и новые палатки, и новое оборудование, и, наконец, продовольствие. Мешками! Для того времени все это было бесценно. С.В. Киселев получил достаточно информацию и прекрасно подготовил экспедицию. Но все-таки Монголия — страна не из богатых, и что мы сможем там получить, а чего не сможем, никто не знал, поэтому и мука, и крупы, и консервы, и консервированные овощи — все это грузилось на платформы, которые должны были нас там ждать — и ждали — а это тоже была целая операция.

В дороге Киселев рассказывал о тех русских, кто предшествовал нам, не археологам, а путешественникам, естествоиспытателям, географам. Некоторые из них были нам хорошо известны. Естественно, книги П.К. Козлова и Н.М. Пржевальского были изданы незадолго до того большими тиражами: и «Мертвый город Хорохота», и другие книги путешественников. Конечно же, мы их конспектировали, даже некоторые английские книги, статьи в энциклопедиях. Тогда это было еще очень бедно, сейчас Россия имеет прочную традицию исследований Монголии, и в самой Монголии появились уже собственные кадры, правда, все созданные русской наукой. Вписаны туда и имена Киселева, Окладникова и их учеников, Деревянко, Волкова и прочих хорошо известны. Теперь можно с полной уверенностью говорить о существовании монгольской археологии. Одним из первых был Дмитрий Демьянович Букиннич, имя сейчас, увы, забытое, а Киселев подробно рассказывал мне об этом ученом по дороге. Дмитрий Демьянович начинал немного в другой ипостаси. Он был кавалергардом желтого ее величества императрицы кавалергардского отряда, но потом у него что-то произошло, даже сам Киселев не знал что, но очень прозрачно сказал: «Вы знаете, что-то напоминающее даже историю отца Сергия». Он подал в отставку, стал активным женоненавистником, кончил мелиоративный институт и как мелиоратор активно исследовал Памир, другие горные системы Южной Сибири, а затем и Монголию. Мечтал, не помню уже в каком из нынешних среднеазиатских государств, открыть археологический институт. Местных академий тогда еще не было или в них не было археологических институтов. Жил впроголодь, ходил соответственно одетый и всю свою зарплату откладывал на создание этого института, но деньги собрал — построил институт! Было это в конце 20-х и начале 30-х, я имел дело с его дневниками в Комитете наук Монголии, тогда у них не было Академии наук, а был Комитет наук. Вскоре после наших раскопок ее открыли. Было торжественное заседание, он сказал речь, даже купил

к этому событию костюм и галстук, потом попросил извинения, сказал, что на несколько минут удалится, пришел в свой кабинет, где была табличка с его именем, открыл дверь, запер ее с внутренней стороны, снял двустоволку, вставил дуло в рот и спустил курок...

В Монголии я имел дело с весьма интересными и квалифицированными его дневниками, но скорее природоведческими, мелиоративными по содержанию. Археологический отчет там тоже был. Но попытка Д.Д. Букиннича провести раскопки Каракорума, локализовавшегося — тогда предположительно — у буддийского монастыря XV в. Эрдэни-Дзу, оказалась неудачной. Фактически его ввело в заблуждение именно совпадение локализации Каракорума и Эрдэни-Дзу, более того, прямое использование последним части территории (весьма незначительной) и материальных остатков бывшей столицы.

Каракорум был основан в 1224 году и просуществовал как столица до конца 60-х — начала 70-х годов того же века. А вот в XV веке на его месте был построен монастырь Эрдэни-Дзу, что значит «прекрасной Дзу», который считался древнейшим буддийским монастырем Монголии. Это квадрат со стороной 250 метров, и внутри этого квадрата было чуть ли не 20 буддийских храмов. При его строительстве широко использовались материалы разрушенного Каракорума, который прекратил существовать где-то в XIV веке. Жители Каракорума сначала пытались протестовать против перенесения столицы Хубилаем, но неудачно. Что касается Эрдэни-Дзу, то это был самый популярный буддийский монастырь Монголии, хотя и не самый большой. В нем были китайские и тибетские, собственно монгольские храмы, так что разностильный, многообразный, сам по себе очень живописно стоящий в спускающейся вниз долине, подходящей к реке Архону. Архон — приток Селенги, а она уже считается нашей территорией. Таким образом, все это находилось к северо-западу от Улан-Батора и входило в Архангайский аймак; Монголия делилась на аймаки, дальше были уже пограничные территории. Есть там красивые своим простором, своими видами на многие-многие десятки километров высокогорные степи. Букиннич решил провести раскопки. Тогда еще и сам он, и сопровождавшие его монголы ни в чем не были уверены: Каракорум или не Каракорум, здесь он или не здесь, а вот в том, что здесь Эрдэни-Дзу никто не сомневался. Он стал копать. И его средних размеров раскоп оказался расположенным в районе функционирующих столетиями, вплоть до его времени, мастерских монастыря, забытых Буддами, и, кстати, мастерских однофункциональных: Будды пятисантиметровые, Будды трехметровые, Будды неудавшегося производства, Будды, вышедшие из употребления... И Букиннич

На пути в Каракорум. Лидия Алексеевна Евтюхова и Николай Яковлевич Мерперт

решил, что никакого Каракорума там не было, это поздний буддийский памятник, а то, что вокруг есть следы юрт и сооружений на очень большой территории, только маленькая часть которой занята монастырем, этого он не учел, потерял интерес и больше раскопки не продолжал. Кроме того, Букинич составил план. Он человек был не только грамотный, но и талантливый. Я не знаю, дошел ли его план к нам в оригинале, или с него снимали копии (скорее всего, так), но, во всяком случае, в нем была одна явная ошибка: север был показан на юге, а юг на севере. Исправляли это уже мы, когда приехали на место.

Наушки были терминалом пути. Сейчас через них проходит железная дорога Москва-Пекин, она же идет через Улан-Батор, и люди ездят нормально. Тогда нас только предупредили, что строят только русские, монголов даже рабочих там нет, и что отнюдь не всегда там спокойно. Многие

бегут. Китай был тогда Гоминьдановским, встречались и ужасные случаи, когда беглецы вырезали на своем пути целые монгольские аймаки, было очень тревожно, поэтому абсолютное спокойствие сохранялось только пока мы были в Троицко-Савске. Этот город гордился тем, что у него замки в дверях лишь нескольких зданий: банка, милиции, и я уж не помню, что там еще следовало запирасть? К северу находилась запретная зона со своей охраной, к югу — граница, там тишина. Внутри Троицко-Савск был очень симпатичен и напоминал мне маленькие, уютные украинские городки. Тротуары из больших светло-серых плит, каменные брандмауэры между деревянными домами, какой-то особый уют. Видно, он поддерживался, благодаря тому что туда не возмешь билет и не поедешь — запретная зона. В нем мы осмотрели музей, который был создан подвижниками русской науки и в том числе русской археологии, директором его был бурят, Родион Яковлевич Тугутов, культурнейший и замечательный русский человек. Главным хранителем была Алевтина Николаевна Орлова, да будет ей земля пухом, она прожила долгую и достойную восхищения жизнь, ныне ее уже нет. Здесь опять интересная и трогательная история. В ранней молодости эта женщина была очень близка великому нашему геологу, палеонтологу и путешественнику академику Обручеву. И в дальнейшем Обручев — одна из светлейших фигур русской науки; до самых преклонных лет он продолжал активно и плодотворно работать, несчетное количество раз получал Сталинские премии, которые переводились Алевтине Николаевне, а от нее — в Кяхтинский музей, вычищенный идеально, как больничные палаты, высокоинформативный по направленности и по всему содержанию экспозиции. Когда я увидел Алевтину Николаевну в наш первый (или второй? сейчас уже не помню) сезон, отмечалось шестидесятилетие ее членства в русском Императорском географическом обществе. Ее ждали в музее, чтобы отметить это событие, она приехала верхом. Маленькая, ладная женщина в сапогах, наездница. Осмотрели мы превосходный музей, экспозиция которого произвела на нас самое глубокое впечатление не только богатством коллекций, но и подлинно научным их осмыслением — истинный подвиг Алевтины Николаевны и Родиона Яковлевича.

С сожалением расстались мы с этими замечательными людьми: время не ждало, надо было трогаться к границе. Правда, третьего шофера все еще не было: появился он недели через две, когда мы давно уже были в Улан-Баторе. Но тогда — в Троицко-Савске — С.В. Киселев нашел выход в назначении третьим шофером меня: как бывший танкист машину я водил, хотя и отнюдь не совершенно. Мы переехали к Кяхте (то же название носил тогда еще и Троицко-Савск, надеюсь,

что ныне подлинное название ему возвращено). В Кяхте я впервые в жизни пересек государственную границу и подвергся осмотру в таможне и паспортному контролю. Тогда заграничные паспорта были такого размера, что не входили ни в один карман. А ехали мы из Москвы, я был самый младший, и мне взяли обычное плацкартное место, Сергей Владимирович и Лидия Алексеевна ехали в международном вагоне, но когда они увидели этот паспорт, то заявили, что у меня его обязательно украдут. Заплатили разницу, и я тут же оказался в международном вагоне; они вдвоем в одном купе, а я с К.В. Вяткиной — в другом. Ее нет сейчас в живых: в 1948 году мы отпраздновали ее шестидесятилетие. Она была очень добрым и хорошим человеком, прекрасно знала монгольский и бурятский языки, знала их этнографию. Ее было до боли жалко. Она пережила блокаду и прятала корки, сухари к себе под подушку в международном вагоне... прошло слишком много времени, сейчас можно говорить все... была она, с моей точки зрения, очень несчастным человеком. Всю жизнь была влюблена в писателя В.А. Шишкова, который написал «Угрюм-реку», «Емельяна Пугачева» и пр. В Москве он жил на Тверской. Кроме того, у него была огромная петербургская квартира, но ему как очень талантливому писателю дали квартиру от Моссовета. И всю жизнь был такой треугольник: он был женат. И когда он умер, Капитолине Васильевне оставили в Санкт-Петербурге в его квартире одну очень большую комнату. Она была абсолютно одинока и всеми средствами старалась этого не показывать, поэтому, с одной стороны, сдвиги, связанные с пережитой блокадой, с другой — очень нелегкие отношения с Шишковым, позволяют мне сказать, что это был человек очень несчастный. Она была, повторю, дочерью очень крупного чаеоторговца, а Кяхта была городом ее детства. Язык она знала и монгольский, и бурятский. Это довольно грустное воспоминание... И еще одно, повеселее. Я, когда ездил в Санкт-Петербург, бывал у нее... Титула она не имела, но в знающих кругах считалась лучшей пельменьщицей в Советском Союзе. Нередко к ней являлась буйная компания: Станиславский, Качалов, Леонидов, Москвин — на пельмени. Когда я однажды был у нее зимой, она меня угощала пельменями, боюсь, что сортами двадцатью: разными способами приготовленными, вплоть до холодных.

Итак, разместились мы в своих трехтонках и переезжали границу еще без третьего шофера, вместо него был я. Наконец, мы двинулись в путь. Начиналась великая монгольская степь. Но, если несколько забежать вперед и вспомнить наше возвращение, то рисуется оно так: шла однообразная степь, и обязательно был виден лес на юге от дороги, довольно далеко, и сколь ни едешь, он отъезжает от тебя. Мы

ни разу к нему не приблизились. Потом подъезжаешь к довольно резкому спуску, если я правильно помню, повторяю, все-таки это было очень давно, в 1948 году. Такой пологий спуск, и то, что ты раньше по рельефу местности не видел, все обнажается; и с места в карьер — тайга, а на ее краю строения, которые дают понять, что тут ты прибыл в настоящую страну. Екатерининская таможня с мощнейшим квадратом стен без бойниц, но зато огромной толщины. Этаким форпост, и огромный мраморный собор. Это поразительно эффектно. Пересекли мы это все и въехали в город Сухэ-Батор, но не все вместе. Меня на «моей» машине отправили изначального одного. Пересек я границу, а там, уже в Сухэ-Баторе, была бригада наших «героев», которые строили железную дорогу. Не очень уютно было... Они посматривали на нашу груженую машину, а я на всякий случай перетащил в шоферскую кабину двустволку. Простоял, наверное, часа четыре. С.В. Киселев продолжал оформление на границе. Наконец двинулись. Степь да степь кругом. До Улан-Батора около пятисот километров. На другой день въехали в до-революционную Ургу, ныне Улан-Батор. Предместий там нет, шоссе непосредственно переходит в центральный проспект. Несколько районов европейской застройки с дворцом Чайболсана, гигантская площадь с конной статуей Сухэ-Батора в центре. Монголы с гордостью говорили, что она больше Красной площади в Москве. Действительно, огромная площадь. Строящийся театр (напоминаю читателю, что речь идет здесь о 1948 году) с трагическими античными масками, но монголоидной расы. Очень большое здание цирка, которое в то время служило и для съездов, и других больших действий. Расходящиеся улицы с европейскими постройками. Дальше — море юрт. С улицами, со всем прочим, но море юрт. С тех пор я там не был, но город, конечно же, если менялся и распространялся, то от центра, а так, чтобы появились новые районы застройки, тогда и думать было нечего. Киселев уже все знал, он уже жил там. Повернули мы от главной площади и въехали в такой массив — карэ, европейских домов, которые обрамляли огромный двор. Это были дома, в основном, для правительственных чиновников, причем с некоторыми высокопоставленными, и даже в одном из домов, на одной лестничной площадке с нами, жил Бумацендэ, председатель Президиума Верховного хурала, то есть президент Монголии. Когда мы приехали, то нам дали квартиру, ведь ни у кого из нас в Москве собственных квартир не было, все жили в коммуналках. Здесь же, если мне память не изменяет, четырехкомнатная квартира: одна комната очень большая, в ней огромный стол, на котором мы уже после экспедиции раскладывали керамику. В одном углу спал я. Комната была до этого, видимо, необитаемой.

Вид центральной части монастыря. На переднем плане древнемонгольские стелы, юрта и майхан экспедиции

*Орхон (?)
Монголия
1948 г.*

*Монастырь
Эрдэни-Дзу
на месте
Каракорума.
Внутри юрты*

Затем в двух комнатах жили Лидия Алексеевна и Сергей Владимирович, и две комнаты были очень хорошо обставлены, в том числе там было пианино, одно из очень немногих имевшихся в городе. Я бы даже сказал, обставлено было уютно. Причина столь особого внимания к нам выяснилась очень скоро. В экспедицию формально входил еще один замечательный человек, являвшийся членом редакционной коллегии предполагаемого шеститомника монгольской истории. Звали его Иннокентий Николаевич Устюжанинов. Было ему 60 лет. Биография его воистину фантастична. Активный анархист, глава одного из кронштадтских восстаний, экономист — дипломант Лондонского университета, музыкант — ученик Н.А.Римского-Корсакова, профессор русского языка Токийского университета, обладавший бесчисленным количеством всевозможных званий. С Монголией у него были особые связи: вначале руководство подпольной марксистской группы, где среди учеников были Сухэ-Батор и Чойбалсан, далее первый консул нашей страны, проведший здесь финансовую реформу и сочинивший государственный гимн, долгое время активно участвовавший во всех сторонах жизни молодого государства. Когда он опять приехал, чтобы как представитель Академии наук СССР работать на пользу монгольской науки и культуры, естественно, что ему оказан был соответствующий прием, распространившийся на всю экспедицию.

В Москве спущенное свыше задание экспедиции включало обнаружение Каракорума и обоснование его. Я спросил Сергея Владимировича о реальности этого задания и о последствиях в случае его невыполнения. С.В. Киселев возмутился: «Что я, камикадзе? Где находится Каракорум известно давным-давно. И едем мы не искать его, а копать. Подробное описание Каракорума оставили Плато Карпини и Вильгельм де Рубрук еще в XIII веке при внуке Чингисхана хане Хубиласе. А если локализация его допускала еще дискуссионные вопросы, то они были в значительной мере сняты превосходными исследованиями наших соотечественников Н.М. Ядринцева и А.М. Позднеева в конце XIX — начале XX вв. Забегая вперед, подчеркну все же, что окончательно точку здесь поставили руководимые самим Сергеем Владимировичем Киселевым, уникальные по масштабу и результативности раскопки нашей экспедиции, когда и идентификация Каракорума, и его локализация были прочно доказаны прямыми показателями всех категорий археологических материалов и полного соответствия их данным письменных источников.

В Улан-Баторе мы, естественно, осмотрели замечательные буддийские храмы и были на богослужении в действующем монастыре Гандан. Но главным была всесторонняя подготовка к отъезду в Эрдэни-Дзу.

Она включала, в частности, получение оружия. Это было обязательно и обуславливалось двумя моментами: 1) уже отмеченными случаями бегства уголовников со строительства железной дороги; 2) в целях предотвращения заболеваний холерой или чумой.

Тарбаган — крупный грызун с хорошим мехом, и в то же время, один из наиболее активных разносчиков опаснейших эпидемических заболеваний — чумы и холеры. В силу этого в ряде районов страны создаются большие, охраняемые войсками карантинные зоны, а истреблению этих разносчиков эпидемий придан массовый характер. Тарбаганы шкуры даже подсчитывались. Нас это, конечно, не касалось, но оружие должны были получить все, во всяком случае, мужчины.

Дальнейшая задержка выезда экспедиции в Каракорум (в безусловной связи которого с возникшим на месте его развалин монастырем Эрдэни-Дзу никто здесь не сомневался) была вызвана началом самого популярного в стране праздника — Надома, имевшего буддийские корни, но к тому времени полностью преобразованного, резко политизированного, но не утратившего ни огромной своей популярности, ни многообразия и красочности, поэтому задержка наша была полностью компенсирована.

Очень кратко остановлюсь на основных моментах праздника. Прежде всего, его действия охватывали обширные естественные площадки на противоположном берегу реки Толы у подножья «священной горы» (Богдо-Улы). Туда фактически перемещалась значительная часть города: сотни юрт и легких деревянных построек, в основном, трибун, обширных павильонов, больших шатров (майханов), частных или созданных определенными организациями и равно наполненными щедрым угощением, с обязательными чанами кумыса, пересеченными сверху планками — местом хозяина, наполнявшего кумысом чаши и вручавшего их входящим.

Абсолютно также был аранжирован очень большой павильон, где во второй половине дня проходил основной праздничный прием в присутствии высшего руководства страны (в том числе Чойбалсана и Бумацендэ) для дипломатического корпуса и прочих иностранных гостей. Он последовал непосредственно за серией мероприятий первой половины дня: военного парада, демонстрации трудящихся и разнообразных спортивных состязаний, среди которых выделялась знаменитая монгольская борьба: в 1948 году боролись 612 пар, причем борцы выбегали на огромную площадку (стадион), подражая полету орла в сопровождении соответствующего числа секундантов. За борьбой следовала стрельба из лука, в которой участвовало все правительство,

и массовые конские состязания, которые выиграл десятилетний мальчик.

Все победители подбегали к трибуне, где руководители государства вручали им подарки и — обязательно — горсть борцов (небольших долек запеченного теста), часть которых победители бросали вверх — духу. Надо подчеркнуть, что все это выполнялось с большим воодушевлением и искусством.

По окончании надомского праздника, продолжавшегося фактически не менее недели, город постепенно вернулся к делам. Для нас это выразилось в направлении для раскопок Каракорума девяноста рабочих по комсомольскому (по нашей терминологии) набору. Правда, в дальнейшем выяснилось, что часть этого набора была не в ладах с законом. Но это не помешало им получить винтовки подобно всем нам. Затем выяснилось, что С.В. Киселеву нужно на время остаться в Улан-Баторе для завершения переговоров в Комитете наук и в посольстве. Меня же попросили прочитать лекцию по становлению монгольского государства и древнейшей его истории для слушателей Высшей партшколы МНРП. Пришлось срочно ее подготовить, положив в основу упоминавшуюся в начале данного раздела статью С.В. Киселева. Впрочем, лекция была слушателями шумно одобрена и продолжилась далеко за полночь.

А на другой день, в самом конце июля, мы погрузились, с трудом разместив в машинах весь «комсомольский набор», распрощались с Сергеем Владимировичем и К.В. Вяткиной, которой предстоял свой маршрут, и двинулись в путь. Опять степь, всхолмления, лес на горизонте, рельеф отнюдь не монотонный, а пейзажи часто очень красивы, заметный подъем к горному хребту. Вблизи перевала — ночлег. Поразительное зрелище усыпанного бесчисленными звездами какого-то первозданного неба. Спать не хотелось. Все было абсолютно новым и манящим. Это ощущение новизны и таинственности буквально нас обволакивало.

Когда же расцвело, увидели заметный спуск к долине, ведущей на запад, а вдаль — очертания первоначально не опознанного всхолмления, принятого мной вначале за стадо овец, но оно оставалось неподвижно: это был известнейший буддийский монастырь Монголии Эрдэни-Дзу со священными белыми башенками-субурганами, расчленяющими красные кирпичные стены. Создан он был в 1586 году Абатай-ханом и завоевал прочное признание как один из наиболее значительных на территории Монголии памятников ламаистской буддийской желтошарочной церкви тибетского толка. Влияние последней все более усиливалось в последующие столетия, начало же его было заметно уточнено уже в первом сезоне работ нашей экспедиции, когда очень

Монголия 1948 г., первый день раскопок столицы Чингисхана, города Каракорума

выразительные остатки буддийского храма с великолепной росписью были открыты непосредственно под наиболее ранним дворцовым комплексом Каракорума времени самого Чингисхана (1224 г.), что позволяет определить *terminus post quem* для начала регулярного распространения буддизма тибетского толка в Монголии. Это форма крайне сложной и многообразной буддийской религии, как и неразрывно связанного с ней ламаизма (буддийского монашества), возникла в VIII в. в Тибете, откуда активно распространилась на смежные территории Китая (Тибета, Внутренней Монголии), Непала, Индии, Монголии. В последней она занимала наиболее абсолютистские позиции не только в религиозной, но и в политической, экономической и культурной жизни страны. Число монастырей и населявших их лам неизменно возрастало, особенно после возникновения государства Чингисхана в XIII в., а далее — и империи Чингизидов. Идеологически ламаизм — буддийское монашество — добилось абсолютного господства над основной массой населения страны; ламой становился каждый пятый мужчина, получая неограниченную власть над прочими: и не только над имуществом, но и над честью и самой жизнью, — что причиняло неисчислимый вред всем сторонам жизни страны, вплоть до самой возможности общего ее прогресса и психологии населения. Между тем, именно консерватизм ламаизма обусловил в 1911 году объявление Монголии теократическим государством с постепенным подчинением его прямой агрессии со стороны милитаристской Японии и го-

миндановского Китая. Только резкая активизация патриотических сил и прямая помощь России, ее дальневосточная политика позволили пресечь эти пагубные тенденции и обусловили провозглашение в июле 1921 года независимости Монголии.

Но ликвидация прямой угрозы складывающемуся молодому государству еще не означала ликвидации «монгольского узла» в целом. И прежде всего, это касалось ламаизма, составлявшего фактически суть этого «узла» и определявшего внутренние его противоречия. Ламаизм был несколько ограничен и потеснен, но он отнюдь не сдал позиции и не отказался от привилегий. Противостояние принимало то более, то менее резкие формы. Ламаизм сохранил еще многих сторонников. Они были хорошо вооружены (сохранив, в частности, оружие армии барона Унгерна) и умело использовали просчеты власти в преждевременном и искусственном насаждении прокоммунистической идеологии, внешней и внутренней политики. Противопоставление переросло в серию ламских восстаний, особенно обострившихся в тридцатые годы XIX века и обусловивших ширококомасштабную военную помощь России с применением авиации и прочей тяжелой военной техники. Восстание подавили и создали мелкобуржуазное правительство Амера, непоследовательность и слабость которого вызвало новую вспышку восстания и на сей раз волны решительного его подавления, включая массовое участие русской военной техники и самих войск, закрытие подавляющего большинства монастырей, масштабные репрессии против лам, вплоть до полного пресечения пагубного влияния ламаизма на жизнь страны, ее экономику, внешнюю и внутреннюю политику, а в определенной мере и на духовную культуру. Но в отношении последней была проявлена необходимая здесь осторожность. Пример тому Эрдэни-Дзу: как один из древнейших и наиболее почитаемых монастырей страны, уже в 40-е годы он, вопреки прекращению функционирования и выселению всех лам, был восстановлен, причем на очень высоком уровне, пусть не полностью, поскольку в нем было 250 храмов, но, в всяком случае, в основных своих звеньях, с учетом специфики архитектурных традиций и их источников — китайской, тибетской, собственно монгольской буддийской храмовой архитектуры. Специальная стена ограждала два китайских храма, превосходно реставрированных. Их первые этажи содержали большие и даже огромные статуи Будды, на вторых же была тысяча Будд, сидящих на искусно сделанных ветвях деревьев. В центре монастыря находился большой тибетский храм и перед ним огромный субурган того же стиля. Напомню: субурган — ламаистское культовое сооружение для сохранения священных реликвий или гробница лам в

виде перевернутого колокола, располагается на высоком основании и увенчивается шпилем. В Эрдэни-Дзу красные ступенчатые субурганы установлены через каждые 25 м вдоль карэ внешних стен, образующих квадрат со стороной 250 м.

В момент нашего приезда действующих монастырей в Эрдэни-Дзу не было, но уже началось освобождение арестованных в годы восстания лам, стремившихся поселиться рядом со своей святыней, где они сооружали лачуги из камня, глины, фанеры, тряпья, картона, строительного мусора Каракорума. Некоторые из возвратившихся носили широкополые золоченые шляпы характерной формы: это были доктора богословия.

В самом монастыре был очень величественный комендант Баир, тоже бывший лама, но живший по-мирски с женой в хорошо обставленном деревянном доме. Мы вручили ему подарки, в том числе модную тогда зеленую шляпу, которую он тут же надел, а слугам приказал поставить нам шестирешетчатую (очень большую) юрту. Лидия Алексеевна быстро обустроила это необычное для нас, но очень рациональное жилище. Эта замечательная женщина, постоянно величественная и невозмутимая, была многосторонне одаренной и активной: она прекрасно ездил верхом, прекрасно водила машину, профессионально и на высочайшем уровне рисовала, писала безусловно талантливые стихи (об этом несколько позже) и была превосходным товарищем в самых неожиданных, в том числе и очень нелегких ситуациях как природных, так и человеческих. Помню, что именно она заметила первой ошибку в первоначальном плане Каракорума Д.Д. Букинича. До сих пор помню ее абсолютно спокойное восклицание: «Коль! У Букинича север с югом перепутаны!» И ни тебе раздражения, ни тебе издевки! А ее многочасовые уединения на первом этаже китайского храма в обществе громадных Будд с их таинственными улыбками, как бы оценивающими создание каждой новой страницы ее уникального альбома каракорумской керамики! И еще один случай. Где-то в начале ноября я упал с лошади в уже отнюдь не ласковые воды Орхона, запутавшись при этом в стремях. К счастью, Лидия Алексеевна случайно оказалась рядом, и я никогда не забуду ее спокойствия и абсолютно точных, быстрых и уверенных движений, вызволивших меня из этой оригинальной «ванны».

Но вернусь к первым нашим дням в Эрдэни-Дзу. Привезенные нами рабочие решили отметить это событие спортивными состязаниями (как бы продолжением Надома). Были борьба, бокс и стрельба в цель, только не из лука, а из винтовки. Стреляли в поставленную на табурет пустую бутылку, с дистанцией 25–30 м. Позвали и меня, решив, что тут-то они меня и прижучат. Называли меня «сурухча»,

Гранитная черепаха у дворца Угедея в Каракоруме

что значит «инструктор». Причем С.В. Киселев тоже был сурухчой: «дарга» — начальник, к не монголу относиться не могло. С известной издевкой сказали мне: «Сурухча, попади в бутылку...» Говорили через переводчика по имени Церен-Дорж, ранее он был смотрителем уланбаторских тюрем. Я говорю ему: «Хорошо. Но в бутылку попадет и младенец. Выложите ее горлом ко мне. Дно отбейте и наденьте на него пустую консервную банку». Надо сказать, что в армии, еще до войны, стрелял я очень метко и неоднократно побеждал в состязаниях. Но все же задача была не из легких. Горлышко бутылки от моей самоуверенности не расширилось, а дистанция не сократилась. Промах здесь был вполне вероятен. И тут помог Святой Николай: первый выстрел, и — звон улетевшей консервной банки. Повезло мне и в борьбе, после чего бывший смотритель тюрем сказал: «Теперь можете делать с бригадой все, что хотите. Прошел слух, что Вы шайтан, что убить Вас можно только серебряной пулей, а где серебро взять. А Вы можете убить кого угодно и без оружия...» Этот случай определил мое положение в экспедиции на оба сезона ее работ. Более того, слух этот выплыл вторично в другом контексте, на сей раз трагическом. У рабочих был бригадир Наван — красивый, стройный, высокий парень, не связанный с уголовным миром и очень жестко поддерживающий дисциплину в бригаде. Он заболел одновременно сып-

Монголия 1948 г. Утренний выезд на работу

ным и брюшным тифом. Когда это выяснилось, его соотечественники разбежались по разным концам монастыря и не походили близко к больному, лежавшему в полуразрушенном тибетском храме, где я, как умел, ухаживал за ним, передвигал, мыл, кормил. Рабочие смотрели на это со страхом и недоумением, повторяя фактически прежний слух обо мне: «Вот видите, его и тиф не берет!». Спасти парня, к сожалению, не удалось. Слух о его болезни непонятным мне путем дошел до Улан-Батора (это более 400 км). Его родственники приехали и забрали его, несмотря на наши предупреждения об опасности такого шага. В дороге, в 40 км от Эрдэни-Дзу он скончался от перитонита.

Все это произошло в первые дни нашего пребывания в Эрдэни-Дзу, но уже в конце первой недели подготовительный период, хозяйственное обустройство, размещение участников экспедиции, добыча продовольствия, подготовка инструментов и приборов были позади, и близился момент начала первых регулярных раскопок первой столицы Монгольской империи, основанной Тэмуджином (Чингисханом).

Несмотря на предельную насыщенность первых дней, мы старались как можно скорее перейти к основной работе. Уже на второй день по приезду, утром перед нашей юртой стояли две оседланные лошади с прекрасной сбруей — Лидии Алексеевне и мне. Тот же Церен-Дорж, вручив мне поводья,

торжественно объявил: «Теперь это ваш конь... иноходец. На нем и будете ездить. Второй — для мадам». Откуда появились эти чудесные существа, мы не знали, но в ближайшие дни конной стала и вся бригада рабочих. Тогда же — на второй день — мы с Лидией Алексеевной объехали значительную часть территории древнемонгольской столицы.

Развалины Каракорума покрывали вытянутый с юго-востока на северо-запад участок, длиной 2500 и шириной до 1750 м. Уже первое ознакомление с рельефом поверхности позволило подтвердить наличие земляного вала, ограждавшего город, расположение дворца Угедея в юго-западном углу очерченной валом территории и многочисленные, отраженные на поверхности остатки строительных комплексов, в основном в центральной и южной частях столицы. Уже при этом первом визуальном обследовании мы отметили сохранившиеся элементы общей планировки значительных участков города и планов его конкретных комплексов. Достаточно точно было определено и соотношение города с монастырем Эрдэни-Дзу, примкнувшим к Каракоруму с юга и представлявшим собой квадрат стен длиной около 700 м с 13 ступенчатыми субурганами на каждой стене и массивными воротами, обрамленными плитами из Каракорума.

Уже тогда, в ходе упомянутого осмотра мы с Лидией Алексеевной наметили площадь первых раскопов, прежде всего, на месте хорошо отраженного рельефом и следами стен в центре города перекрестка двух строительных комплексов, фактически двух улиц. На третий день здесь были заложены довольно значительные раскопы, сразу же подтвердившие наличие здесь перекрестка двух тесно застроенных улиц с сырцовыми стенами, рядом печей с отходящими от них узкими отопительными каналами — каннами — весьма совершенная китайская система отопления. При этом ее можно признать полуобожженной: она создавалась горячим воздухом, идущим от печей на ближайших к ним участках, и даже была обуглена, на более же отдаленных от печей участках обжиг выражен значительно слабее. Но, в целом, повторяю — это очень серьезная система. С.В. Киселев абсолютно прав, когда говорит о древнемонгольском городе, воспринявшем высокоразвитую китайскую градостроительную технику, но во многом оригинальном и сочетающем сугубо городские показатели с поразительной мобильностью и выработкой глубоко специфических форм жилого и хозяйственного строительства, способствовавшего предельно оперативному перемещению значительных масс населения. Оперативность эта охватывала и освоение огромных территорий, темп распространения технических и хозяйственных инноваций и сочетание наиболее рациональных технических, экономических,

политических, военных, торговых, религиозных традиций самых различных стран и народов. Каракорум здесь очень показательный пример. Приведенные выше факторы обусловили спонтанное его возникновение с превращением в огромный город, столицу гигантской империи с концентрацией крупнейших достижений человеческого развития в самых различных областях, но и быстрое его затухание с переводом столицы ханом Хубилаем в Хан-Балык (Пекин) в том же XIII веке, хотя Каракорум продолжал существовать еще лет 300. Крайне важно, что в спонтанном его возникновении было восприятие буддизма еще до возведения первого дворца Чингисхана; наши раскопки безусловно установили это по прямым стратиграфическими показателям: значительные скопления цветной штукатурки с многокрасочными человеческими изображениями и типичными для буддийской фресковой росписи атрибутов определяют развал храма. Перекрыты они, в основном, сравнительно хорошо сохранившимися остатками дворца Угедея, но непосредственно сама прослойка между ними имеет плохую сохранность и позволяет говорить о наиболее раннем дворцовом сооружении, разрушенном при перестройке Угедея и непосредственно перекрывавшем остатки буддийского храма. Отнесение этого сооружения ко времени Чингисхана стратиграфически наиболее вероятно, перекрытие же его остатками буддийского храма безусловно; удревнение же начала распространения буддизма в Монголии и отнесение его ко времени самого Чингисхана или несколько ранее — важнейший результат начального периода работ экспедиции.

Долгожданный приезд В. Киселева, с обычным для него темпераментом одобрявшего первые наши результаты, явился решающим импульсом дальнейшего расширения исследуемой площади, постепенно охватывающей центр и южные районы городища. Особую радость Сергея Владимировича вызвал уже накопившийся за первые недели весьма значительный материал: превосходная (и четко датированная) китайская керамика (фаянс, фарфор, селадон), бронзовые, костяные, деревянные изделия, десятки монет (позднее они будут исчисляться сотнями), стрелы и обломки сабель, тончайшие украшения, знаменитые китайские бронзовые зеркала и булавки, массивные цуны — железные втулки для колес тяжелых телег огромных обозов, обеспечивающих регулярность снабжения монгольских армии. «Тринадцатый век! Почти только тринадцатый век, — радостно восклицал Киселев, разбирая находки. — Какие там поздние монастырские мастерские! Бедный Букинич!». С таким же бурным одобрением знакомился Сергей Владимирович с полевой документацией и великолепными рисунками Лидии Алексеевны.

Каракорум 1948. Первая выставка находок. Слева направо: студент Доржисурэн, археолог Перенлай (позднее монгольский академик), Н.Я. Мерперт, С.В. Киселев

Монголия 1948 г. Каракорум. Стены домов и отопительные каналы (каны)

«Здорово у вас здесь, — резюмировал он за первым же обедом. — Жаль, задержался в Улан-Баторе. Со спокойной душой возьму второй объект. Поищу уйгурский город».

Город он нашел: после короткой разведки открыл одну из уйгурских столиц X века — Хара-Балгас — мрачный укрепленный город-лагерь с мощным донжоном в центре. Здесь ему сопутствовала удача, но в этих раскопках я не участвовал.

В Каракоруме же блестящая интуиция Киселева и прекрасное знание им специфики поселенческих памятников исследуемого района Юго-Восточной Азии позволили уже к концу первого сезона, длившегося 6 месяцев, определить основные показатели топографии города. «Смотрите-ка! — говорил он. — Казалось бы, беспорядочно разбросанные слабо выраженные возвышения, а на плане они выстраиваются в определенном порядке... Целые улицы вычерчиваются! В центре застройка густая, очень густая, а к северу резко идет на убыль, перед обводным валом фактически большой пустырь. Зато вал четко выражен». Мои сомнения относительно этого невысокого и отнюдь не грозного вала, Киселев решительно парировал: «Да он, скорее всего, имел лишь фискальное значение, никак не оборонительное: кто мог угрожать тогда столице мировой империи? А вот в юго-западном углу хорошо прослеживаемое внутреннее укрепление. Стены его помощнее, и холмы за ними куда больше и выразительнее! Явно особый участок, и заслуживает особого внимания. Здесь будем копать. Но не только здесь. Раскопы надо расположить так, чтобы определить основные моменты топографии города. И в центре, и на периферии. Даже за валом. Это одна из основных задач. Вторая же — стратегия. Надо исправить ошибку Букинича, расчленив слои, найти основные его составные... Слои здесь должны быть значительными, охватывающими по несколько веков. Главное, не смешать их, выявить их границы и специфику, попытаться найти исторические привязки».

Выполнение этих задач и определило весь ход раскопок, продолжавшихся два длительных полевых сезона в 1948 и 1949 гг.

Раскопы охватили уже упомянутый «особый участок» в юго-западном углу городища, наиболее густо застроенную часть его центра, пересеченного крест-накрест двумя главными улицами, район восточных ворот, северный участок городского вала и отдельные постройки за его пределами. Специфика этих участков оказалась достаточной и позволила в значительной мере документировать общую топографию города и его районирование. Всего же на городище было вскрыто около 7000 м² площади.

За четырехугольником стен юго-западного «особого участка» вскрыты остатки знаменитого дворца Ваньан-гун,

построенного Угедеем в 1235 году и столько поражавшего европейских путешественников. Последние, прежде всего, Вильгельм де Рубрук, оставили восторженные его описания, а результаты раскопок в значительной мере им соответствовали. Элементы дворцового комплекса располагались на большом центральном и четырех боковых холмах, первоначально представлявших собой искусственные платформы, сооруженные из суглинка и песка. Большую часть центрального холма занимал огромный парадный зал, конструктивную основу которого создавали 64 деревянные колонны, опиравшиеся на массивные каменные базы, чаще всего кубической формы. На колонны опиралась кровля, покрытая черепицей и украшенная глиняной скульптурой (изображениями львов, драконов и т. п.). Черепица как зеленого, так и красного цвета, а последний, как сразу же было отмечено Киселевым, в древнем Китае считался цветом императорским. Парапет здания и ведущая с юга к парадному залу широкая лестница были облицованы гранитом. Специальные переходы соединяли зал с расположенными позади него жилыми покоями (их отличало обилие бытовых изделий и костей животных). Эти помещения также имели деревянные колонны с каменными базами, деревом же были покрыты их полы. Жилой и хозяйственный характер носили и постройки на четырех прочих холмах комплекса, причем все они были обращены фасадами к главному зданию дворца. К дворцовому участку с запада подходили каналы, подводящие воду из расположенной в полутора километрах реки Орхон, а следы обширной впадины позволяют предполагать наличие здесь озера, возможно, искусственного. «Пофантазируйте, представьте себе яркий солнечный день и большой многоцветный дворец, отражающийся в водах озера», — увлеченно говорил Сергей Владимирович.

Но при всем огромном своем значении дворцовый участок показывает характер культурного слоя далеко не в полном его объеме. Самая нижняя его часть расчищена и нивелирована при создании упомянутых искусственных террас. В середине XVI в. в период существования Эрдэни-Дзу та же участь постигла и последующую часть слоя, поскольку на сей раз расчистке и нивелировке подверглись поверхности самих террас, на главной из которых, в преддверье монастыря, был сооружен большой субурган (возможно, и другие культовые сооружения).

Зато в полной мере культурный слой представлен в центральной части города, на месте пересечения двух главных улиц, где его толщина достигала 6 м. Заложенный здесь и доведенный до материка большой раскоп был назван «Домом на перекрестке»: он позволил выяснить историю большого комплекса сочлененных построек, неоднократно разрушав-

Монастырь Эрдени-Дзу. Обед С.В. Киселев и лама Чадобата

шихся и восстанавливавшихся. «Он дважды горел, ваш «Дом на перекрестке», — говорил мне Киселев, — трижды строился...». Достаточно массивные и совершенные конструкции этого комплекса свидетельствуют об уверенном владении различными материалами (сырец, глина, камень, дерево) и о хорошо выработанных, прежде всего, в китайской архитектуре, каннов (системы отопительных каналов — каннов и т. п.). Все сооружения носили четко выраженный производственный, складской или торговый характер. Сырцовые стены отштукатурены и в ряде помещений расписаны, причем и с внутренней, и с внешней стороны (наиболее популярные мотивы росписи — бабочки и иероглифы). Концевые диски черепичных кровель украшались зооморфными изображениями, чаще всего, дракона с оленьими рогами. Ремесленные мастерские и лавки отапливались: здесь в ряде мест расчищены уже упоминавшиеся подпольные отопительные каналы — канны. Комплекс был весьма долговечным: выше уже приводились слова Киселева о неоднократных его разрушениях и последующих восстановлении, причем, по тому же плану и с теми же техническими и орнаментальными деталями. Сохранилась и отмеченная функциональная специфика комплекса; наиболее ярко представлены здесь свидетельства металлообрабатывающих ремесел, достигших высокого совершенства и значительных масштабов. Здесь найдены до десяти плавильных горнов, кузница и многие сотни железных, стальных, чугунных изделий.

Состав их весьма показателен. Это и сельскохозяйственные орудия, но, более всего, предметы вооружения и снаряжения монгольской армии: находки втулок к осям огромных телег, подков, сабель, наконечников стрел и копий, походных котлов — и все это в пределах одного исследованного пока комплекса! Между тем, густота расположения и безусловная взаимосвязь подобных сооружений, занимавших фактически всю центральную часть города, делает весьма вероятным распространение той же функциональной специфики и на них. Этот довольно большой район пользовался особым вниманием высшей власти: недаром, именно в «Доме на перекрестке» найдена обугленная, но превосходно сохранившаяся деревянная печать со словом «иджи» («приказание»), которым начинались указы от имени императрицы.

Во всяком случае, Киселев имел все основания заключить, что металлургия города была рассчитана на вооружение и снаряжение монгольской армии, а сам Каракорум «предстоит перед нами, прежде всего, как военно-металлургическая база государства».

Прямым приближением изучения функциональной специфики конкретных районов Каракорума явилось вскрытие участка у восточных ворот, где начиналась одна из главных дорог в Китай и шла активная торговля, что отмечено еще Вильгельмом де Рубруком. Сами ворота представляли собой широкий коридор с верхней опирающейся на массивные деревянные колонны надстройкой. По обеим сторонам подводящей к воротам улицы располагались лавки и связанные с ними хранилища, отмеченные скоплением как местных, так и привозных изделий. Обильно была представлена здесь уже отмеченная продукция каракорумских металлургов. Не менее обильны иноземные, прежде всего, китайские товары: керамика, фарфор, фаянс, селадон, бронза, камень — и многие сотни китайских монет. Фрагменты огромных хумов и скоплений зерна свидетельствуют о наличии здесь зернохранилищ: именно с восточными воротами Рубрук связывает торговлю хлебом. Киселев же указывает, что с регламентацией последней соотносится расположение здесь одной из четырех каменных черепаш, находившихся по разным концам городской границы; на панцирях у них располагались каменные плиты с ханскими указами, осуществлявшими эту регламентацию. К этому процессу имело отношение и тщательно оформленное, отапливавшееся помещение, предназначенное для стражи хранимого или своего рода таможни.

К северу от описанных центральных торгово-промышленных районов обширные участки вплоть до городского вала лишены фундаментальных построек, хотя бытовые остатки: керамика, скопления золы и угля — встречались здесь достаточно регулярно, что и позволило Киселеву свя-

зять их с жилым районом, занятым легкими сооружениями, прежде всего, юртами.

Так были определены основные моменты топографии и районирования Каракорума. Есть основания полагать, что первая задача, поставленная Киселевым перед исследованиями древнемонгольской столицы и указанная выше, была, в основном, выполнена.

То же следует сказать и о второй задаче — стратификации культурного слоя памятника. Наиболее показательными в это аспекте явились данные центрального раскопа — «Дома на перекрестке». Накопление культурного слоя в этом ремесленном районе шло наиболее активно, и мощность его приблизилась к 6 м. Киселев сразу же отметил внутри слоя наличие нескольких строительных уровней, разделенных свидетельствами пожаров и разрушений. Наиболее значительными были два пожара, охватившие весь район, а скорее всего, и весь город, ибо свидетельства их зафиксированы и на других раскопах. Первый пожар, документированный четко выделяющейся сплошной зольно-угольной прослойкой, ограничивал нижний строительный горизонт, с которым связаны основание и быстрое развитие рассмотренного комплекса. Именно для этой, наиболее ранней части слоя отмечена особая концентрация свидетельств металлообрабатывающего производства и самой его продукции. Все датирующие архитектурные детали и стенная роспись, печать императрицы и прочие экстраординарные находки позволяют с уверенностью отнести нижний горизонт к XIII в., то есть ко времени столичного статуса Каракорума и непосредственно последовавшим десятилетием. Большой пожар, определяющий верхнюю хронологическую границу горизонта, Киселев первоначально связал со взятием восставшего города (после переноса столицы в Хан-Балык) войсками Хубилая в 1260–1261 гг. Позднее же, после всестороннего анализа материалов, он обосновал связь пожара с разграблением Каракорума преемником Хубилая в 1295 году, когда начальник обоза императорской армии «разгромил и разграбил базары и амбары города». Однако существенного хронологического разрыва в истории города не было. Он был быстро восстановлен, причем с сохранением планов и характера построек первого горизонта, во всяком случае, на исследованном участке. Остатки конструкций второго горизонта непосредственно перекрывали следы первого пожара. Мощность этого горизонта весьма значительна, внутри него отмечены следы ряда реконструкций и несколько уровней полов. Здесь фиксируются следы металлообрабатывающих ремесел, а также резко активизирующегося керамического производства. Последнее документировано остатками ряда керамических обжигательных печей и, конечно, самими изделиями, предельно многообразными при господстве китайских технологий и форм, а также

Каракорум 1948. Объезд раскопа

оформления сосудов (сунская синяя и голубая поливная посуда и пр.). Высшие сорта посуды (Цы Чжоу, фарфор, салатон) привозились из самого Китая: импорт добавлялся к местному производству. Встречена керамика и иного происхождения; Киселев предполагал даже наличие в Каракоруме пленных русских ремесленников.

Прямые стратиграфические показатели позволили отнести этот горизонт к XIV веку. Сверху он был ограничен следами второго большого пожара, который сопрягался Киселевым с зафиксированными китайскими летописями разрушениями Каракорума в 1368 году войсками Минской династии освободившегося Китая. В отличие от первого, второй пожар знаменовал начало резкого упадка города, а возможно, и полного его запустения и превращения в развалины, источник ценных строительных материалов, использованных мастерами Абатай-хана с 1586 года при строительстве монастыря Эрдэни-Дзу. С созданием последнего жизнь здесь опять разогрелась и приняла весьма активные формы, стимулируя формирование третьего, не уступавшего по мощности предыдущим, культурного слоя, предельно насыщенного принадлежностями буддийского культа и остатками мастерских по их изготовлению. Это и ввело в

заблуждение Д.Д. Букиничча. Внутри каждого из трех указанных горизонтов Киселевым было выделено по несколько конкретных строительных уровней. Всего их намечено 11. К ним нужно добавить подстилающие первый горизонт, а конкретнее – платформу дворцовых сооружений, остатки большого буддийского храма времени Чингисхана, то есть периода основания Каракорума или непосредственно ему предшествовавшего.

Стратификация культурного слоя явилась одним из наиболее значительных результатов выработанной Киселевым стратегии исследований Каракорума. Мы с Лидией Алексеевной Евтюховой были свидетелями и посильными помощниками Сергея Владимировича в этом знаменательном процессе (здесь следует вспомнить также монгольских ученых, участвовавших в нашей экспедиции – Переклая и Доржисурена).

Надо сказать, что жили мы с Лидией Алексеевной душа в душу и при всем напряжении исследований столицы Монгольской империи находили время и силы для развлечений, скрашивавших жизнь не только нам, но и Сергею Владимировичу, постоянному и благодарному нашему слушателю. Решили писать стихи. Употребляя монгольские слова в абсолютно ином, полностью абсурдном смысле. Придумывали общую тему, представляя Монголию таинственной страной, где происходят самые невероятные вещи. Лидия Алексеевна написала, с моей точки зрения, превосходное стихотворение, имитируя Н.С. Гумилева:

Никогда и нигде, ни в какой стране света
Ты не встретишь подобных чудовищ.
Вся душа черным бархатом мрака одета
У искателей старых сокровищ.
На развалинах древнего Каракорума
Злобно воют седые турпаны*.
Эту мрачную песнь у разбитого хума
Подхватили у них субурганы.
Ты не вздумай их трогать,
Проходи лучше мимо
И укройся скорей в тростниках у Орхона,
Ты песчинка перед ними,
Только чудом хранима
У подножья великого Трона.

Я ей ответил, имитируя Валерия Брюсова:

В ночной тиши над спящею землею,
В стране, где царствует ученья Шакья-Муни,

* Турпан – маленький голубь.

Воспоминания встают туманной чередой
Сквозь бледный цвет увядших полнолуний.
Средь мрачных скал, над бездною Орхона,
Гремят костями могильные хушоры*,
И трубным ревом вечного закона
Оглашены бескрайние просторы.
Все гуще мрак, бледнеет звезд мерцанье,
Лишь глаз чудовищ виден блеск ужасный,
Но я в забвеньи самосозерцанья
Сижу меж них спокойный и бесстрастный.
И знаю, скоро над горами дикими
Раздастся вой голодного Бурхана**,
И тьмы чудовищ с жалобными криками
Исчезнут в пасти злого торбагана.

Итак, весьма успешно проведенные и, безусловно, перспективные исследования в Монголии были пресечены в 1950 году по далеким от науки причинам. Никогда более ни С.В. Киселев, ни я в Монголию не вернулись, хотя Сергей Владимирович посвятил этой проблематике еще ряд превосходных статей и успел при участии Лидии Алексеевны и автора этих строк завершить работу над подготовленными к печати материалами раскопок Каракорума, фактически полностью включенных в обширную монографию «Древнемонгольские города», изданную в 1965 году. Отмечу, что акция эта была отнюдь не беспроблемной. Завершение ее совпало с резким обострением отношений между Советским Союзом и Китаем, что и обусловило серьезные препятствия выходу готовой уже книги. Благополучному разрешению ситуации с изданием монографии способствовало решительное вмешательство монгольской стороны: прежде всего, хорошо нас помнившего крупнейшего научного и политического деятеля Монголии, президента Академии наук Шерындыпа. Этот выдающийся человек прожил очень долгую плодотворную жизнь, я с радостью и благодарностью встречался с ним вплоть до 1990-х годов. Он обычно отдыхал в санатории «Узкое». Книга вышла и остается до сего времени единственным фундаментальным трудом по истории Монгольской империи, основанным, наряду с письменными источниками, на огромных материалах наших раскопок 1948–1949 гг., но полевые исследования, повторяю, были пресечены. Мне же в последний раз довелось участвовать в разработке монгольской проблематики в 1962 году, когда в связи с уже упомянутыми противоречиями с Китаем, академику Л.В. Черепнину, члену-корреспонденту АН СССР

* Хушоры – пирожки с мясом.

** Бурхан – божество.

В.Т. Пашуто и мне было поручено создание статьи, отражающей разработанную в нашей науке оценку личности Чингисхана и связанных с ним событий XIII века. Статья была напечатана в журнале «История СССР», получила широкую огласку и переиздана в тогдашних странах народной демократии и в США.

XIV

Волжская эпопея

В 1950 году мы полностью подготовились к третьему сезону. На неоднократных встречах с Сергеем Владимировичем был выработан план, участки раскопок и их направление как для Каракорума, так и для Хаара-Балгаса, а также широких разведок, но сезон не состоялся. Когда это стало окончательно ясно, я уехал с Б.А. Рыбаковым в связанную с салтовской проблематикой и также затронутую выше разведывательную экспедицию на Северский Донец. В то время я планировал сделать эту проблематику — раннее средневековье Юго-Восточной и Восточной Европы — основной для себя. Кандидатскую диссертацию я уже защитил, коснувшись в заключительных главах соотношения местного развития указанной территории с пришлыми элементами, начиная с постгуннского периода вплоть до времени сложения болгарских этносов, а далее и государств в двух экстремальных областях указанной территории — на Средней Волге и в Нижнем Подунавье.

В середине лета 1950 года начались грандиозные работы по созданию гидроэлектростанций огромной мощности на Волге, в районах Куйбышева (ныне Самары) и Сталинграда (ныне Волгограда). Планы их предусматривали образование гигантских зон затоплений, в обоих случаях превышавших 500 км в длину и нескольких (а иногда и десятков) километров в ширину. При этом затапливались как замечательные по природным богатствам участки, так и стоявшие сотни лет поволжские села, трудами десятков поколений достигшие высокого развития продуктивности своего хозяйства, а также многие тысячи археологических памятников — неповторимых свидетельств всех периодов человеческого существования и самых различных этнических, языковых, культурных групп, определивших процесс развития ряда народов нашей страны.

Я не энергетик и не берусь судить о целесообразности этой гигантомании. Мне трудно и больно писать о населе-

нии затопляемых территорий, согнанном с веками насижен-ных мест, лишеного созданных рядом поколений хозяй-ственных и культурных традиций. Но здесь была хоть какая-то перспектива восстановления. Что же касается неповто-римых свидетельств веков и тысячелетий, здесь совершенно закономерно предельное напряжение археологической ак-тивности, оперативное создание специальных экспедиций, охватывавших зоны затоплений и стремящихся к спасению для науки максимального числа памятников, не поступаясь при этом самым строгим соблюдением раскопной ме-тодики. Первой была создана Куйбышевская экспедиция, исследования которой должны были охватить огромную территорию Среднего Поволжья от Камы до Ставрополя Волжского (ныне Тольятти). Начальником ее был назна-чен один из крупнейших советских археологов — профессор А.П. Смирнов.

Несколько слов об этом замечательном человеке, много-летние сотрудничество и дружба с которым явились для меня подлинным, неоценимым подарком судьба. Ученик В.А. Го-родцова и Ю.В. Готье, А.П. Смирнов был ученым широчай-шего профиля, блестящим организатором, подлинным рус-ским интеллигентом и защитником России в двух мировых войнах. Главное направление в его научном творчестве — археология финно-угорских племен и Волжской Булгарии. В обеих областях труды его являются основополагающими, но значительное внимание уделял он и скифской проблеме, к которой обращался как в самом начале, так и в послед-ние годы своего творчества. Им прослежены сложные про-цессы культурного развития населения Среднего Поволжья и Приуралья, приведшие к формированию финно-угорского этноса и его культуры, в дальнейшем же подвергшихся тюр-кизации с приходом тюркоязычных болгар из Приазовья и Подонья в VII–VIII вв. В этом событии он справедливо ви-дел истоки формирования Волжской Булгарии. Культура по-следней подвергнута им всестороннему исследованию, в ре-зультате которого были определены ее основные компонен-ты, этапы развития и дальнейшие судьбы. Археологической базой этих работ явились многолетние широкомасштабные раскопки Алексеем Петровичем болгарских городов, пре-жде всего, Суvara и Булгара, а также малых городов и сел. Блестящий полевой методист, он в значительной мере спо-собствовал выработке эталонных методов полевых исследо-ваний средневековых поселенческих памятников. Наконец, огромный организационный опыт Алексея Петровича, ак-тивно участвовавшего в руководстве, как нашим институтом, так и Московским Государственным Историческим Музеем, где долгие годы он был фактическим директором, позволил ему в кратчайший срок сформировать Куйбышевскую экспе-

дицию, обеспечить ее людьми, оборудованием, определить локализацию пяти составляющих ее отрядов (по сути полно-ценных экспедиций), поставить перед ними конкретные за-дачи.

Мне было поручено руководство вторым отрядом экс-педиции, а территория его исследований обозначена в Ставропольском районе волжского левобережья (через год Алексей Петрович перевел меня на должность своего за-местителя). В предшествующие периоды археологические работы были здесь ограничены: в 1920-х годах обследо-вание и выборочные раскопки проведены В.В. Гольметен, а несколько позже — у села Кайбелы курганы бронзового века успешно раскопал В.А. Городцов, в 1938 году разведы-вательные работы и вскрытие единичных курганов произ-водилось Институтом истории материальной культуры АН СССР (уже тогда под общим руководством А.П. Смирнова) и Куйбышевским музеем, последний продолжил их в 1939 году.

Я, в соответствии с отмеченными выше тогдашними своими раннесредневековыми интересами, надеялся на от-крытие в те годы еще неизвестных, изначальных болгарских материалов салтовского типа. Обилие и яркость памятников бронзового века поглотило и увлекло небольшой мой отряд, включавший трех московских студентов — Б.Б. Жеромского, Фортинского и В. Богословского — и опытного краеведа из Куйбышевского музея Бакшеева, оказавшего нам весьма су-щественную помощь. Все же раннеболгарские материалы, причем абсолютно салтовского типа, появились — пусть на четвертый год работ — и тогда же получили абсолютные ана-логии в Дунайской Булгарии, но об этом позже. Добавлю, что материалы исследований Куйбышевской экспедиции изданы полностью, поэтому я буду останавливаться лишь на принципиально важных объектах.

Мы выехали из Москвы компактно, четыре отряда из пяти: первый отряд возглавлялся Анной Епифановной Алиховой, второй — мной, третий — Анной Васильевной Збруевой, четвертый — самим Алексеем Петровичем. Пятый отряд имел полностью рязанский состав и возглавлялся Н.К. Калининим. Затем мы разделились: Алексей Петрович и его московские сотрудники — в Казань, далее к перепра-ве через Камум — в Булгар; мы с А.Е. Алиховой — на Пензу и Сызрань, далее — до ее «концессии» в Правобережье. Мой отряд машины не имел: она только отвозила нас до места ра-бот, а затем возвращалась к А.Е. Алиховой. Но вначале мы проводили ее, затем продолжали путь через Жигули и были потрясены красотой и многообразием края. На правом бе-регу Волги виднелись уже постройки Самары, а на левом — переправа и перед ней небольшой цыганский табор. Мы спустились к нему, и все вместе спокойно переправились к

Слева направо – Р.М. Мунчаев, Л.П. Зяблин, И.Л. Межеричев, Н.Я. Мерперт.
1952 г.

городу. Разыскали музей: был он в помещении кирхи, ныне восстановленной. Поставили машину с одного из торцов и были разбужены уже упоминавшимся сотрудником музея Бакшеевым. Представились, обсудили ситуацию. Я тут же предложил ему должность в нашем отряде. К моей радости, он согласился, значительно облегчив нам поиски памятников, и сразу же предложил начать с села Ягодного. На другой день, ознакомившись с музейной экспозицией, описями, инвентарными книгами и прочей документацией и продолжили путь. К вечеру мы приехали в Ставрополь и были приятно удивлены радушным приемом со стороны председателя райисполкома Бурматова и одного из секретарей райкома КПСС А.Ф. Мельниковой. Они связались с сельсоветом с. Ягодного, отрекомендовали нас, поручили помогать нам и сами в дальнейшем регулярно нас посещали.

На следующий день рано утром отравились в Ягодное и отпустили машину. Нас поселили в очень неплохом здании сельской школы. В сельсовете отнеслись к нам внимательно, но твердо сказали, что никакой помощи людьми оказать не могут, и я прекрасно их понимал: где им взять людей под дамокловым мечом переселения деревни наверх, в голую безводную степь третьей надпойменной террасы.

А наши проблемы... Как известно: спасение утопающих есть дело рук самих утопающих... Так мы и поступили. Начались ежедневные пешие разведывательные маршруты,

иногда достаточно далекие. О ряде курганных групп мы знали благодаря картотеке Куйбышевского музея; к другим приводил нас Бакшеев, третьи мы открывали сами. Раскопанные курганы были единичны и принадлежали основной культуре позднего бронзового века Каспийско-черноморских степей и лесостепи, открытой в начале XX века В.А. Городцовым и названной им срубной (вторая половина II тыс. до н. э.). Она же была им зафиксирована и в Среднем Поволжье, но вначале ограниченным числом курганов. Здесь же, в 1920-е годы работала одна из крупнейших исследователей Поволжья Вера Владимировна Гольмстен, положившая начало составлению соответствующей археологической карты. В 1938 и 1939 годах в эти работы включились экспедиции ИИМК и Куйбышевского музея. Первой руководил А.П. Смирнов, участвовали в них известные московские археологи А.В. Збруева и К.И. Горюнова, причем последняя работала непосредственно у южной окраины Ягодного, где начала раскопки необычно большого для срубной культуры кургана. В центре зафиксировано грандиозное ритуальное кострище диаметром 5 м и толщиной зольно-угольного слоя 0,80 м. На его поверхности лежал скелет коровы, а в южной части траншеи были найдены четыре вставленных друг в друга срубных сосуда. Никаких следов погребения найдено тогда не было, и объект в отчете так и сохранил наименование «кургана под коровой». А.П. Смирнов не согласился с этим и просил меня снять насыпь полностью. Мы выполнили его указание. Должен особо подчеркнуть, что анализ антропологических и остеологических материалов из наших раскопок был произведен такими крупнейшими учеными, как Г.Ф. Дебеч и В.И. Цалкин.

Но кто же копал? Откуда взялись рабочие? Первые дни было трудновато. Жили мы на южном конце села, длина которого превышала 3,5 км, а курганы были в 6 км севернее села; итого – 9,5 км. Потом впятером машем лопатой, потом – вторая прогулка до южного края села, а на мне еще дневник и чертежи: все мои спутники на раскопках впервые. Мы развесили объявления по всему селу, их читали и не скрывали сомнительных усмешек. Где-то на второй неделе, смущаясь, пришли три пятиклассника, из них одна девочка. Мы, как могли, приласкали их и в тот же день оплатили их труд по максимуму. На другой день рабочих было более 20-ти, половина из них взрослые, правда, больше женщин. В деревне все радушно кланялись, благодарили, угощали. Было это подлинным чудом, но и впрямь мы были единственными работодателями, а через полтора месяца приехал Алексей Петрович. Он горячо одобрил первые наши результаты и повторил просьбу о довершении вскрытия «кургана над коровой». Было исполнено и это.

Здесь, прежде всего, надо вспомнить библейскую притчу: «Камень, отвергнутый строителями, лег во главу угла». Ушло на это немногим меньше месяца при полном комплекте рабочих в будни — не менее тридцати, в воскресенье (тогда еще выходные) — близко к сотне, включая членов сельсовета, столь категоричных в вопросе о «рабочей силе» в первые дни нашего пребывания в селе. На сей раз курган был вскрыт послойно-на-снос. Выше были приведены основные его параметры. В отчете Е.И. Горюновой за 1938 год подчеркнуто отмеченное нами наличие «грандиозного кострища», диаметром 4 м с мощным зольным слоем. На нем лежал скелет коровы, положенной на левый бок с подогнутыми ногами (т.е. и здесь срубный стандарт! — *Н.М.*). Прекращение работ Екатерина Ивановна связывала с наступлением проливных дождей. Ни одного погребения она не зафиксировала, хотя сама осознавала незавершенность работ, а погребения оказались. Их было тридцать, причем ближайшее из них отстояло от траншеи Е.И. Горюновой всего на 25 см. Они чудом сохранились вместе со стенкой траншеи.

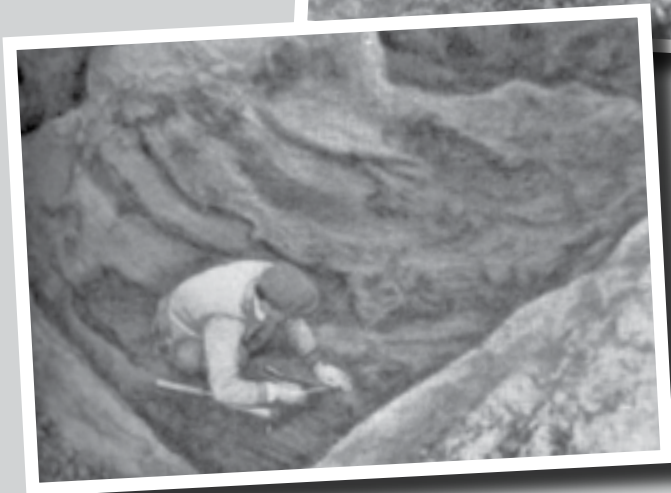
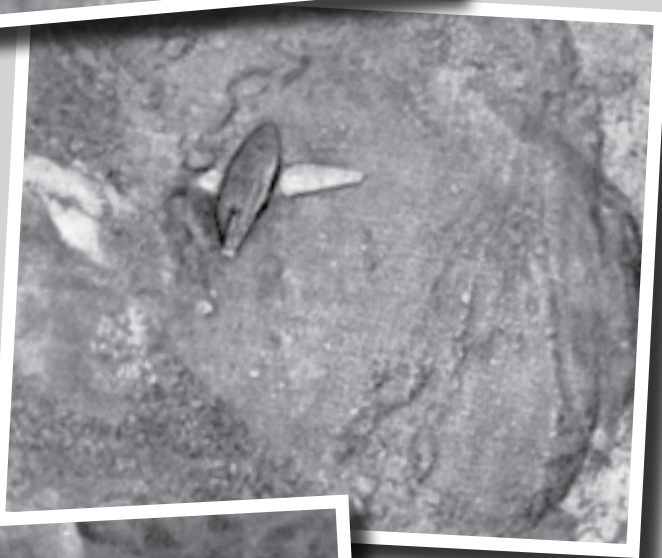
Подавляющее большинство погребений объединяется сходностью как обряда, так и инвентаря. Обряд этот поразительно единообразен: костяки лежали скорченно на левом боку, с подогнутыми руками и ногами, кисти рук в большинстве случаев — перед лицом. Едина и ориентировка: почти все костяки лежат головой на север, лишь крайние восточные отклонены к западу, что подчеркивает подчинение их общей тенденции расположения вокруг центрального жертвенника (следует добавить, что в зольном слое последнего был найден ряд измельченных и перегоревших костей животных, остается открытым вопрос и о человеческих останках). Круг не замкнут: северо-восточный сектор его не дал ни единого погребения. Центральный жертвенник обрамлен двумя «подковами» погребений. Весьма важна половая принадлежность составляющих «подковы» погребений. Во внешней почти все определенные Г.Ф. Дебецом погребения принадлежали мужчинам молодого и среднего возраста. Они были перекрыты накатниками из толстых бревен или располагались в срубках, впущенных в глубокие материковые ямы. Толщина бревен достигала 40 см. Погребения внутренней «подковы» ни по одному из показателей не отличаются от внешних и, несомненно, синхронны им. Однако по характеру погребальных сооружений и характеру самих костяков можно отметить ряд отличий от них. Лишь семь из шестнадцати погребений здесь совершены в материковых ямах, пять — в почвенных и четыре — в насыпи кургана. Накатники отмечены лишь в пяти случаях, и сложены они не из бревен, а из жердей. Большая же часть этих погребений совсем не имела накатников. Крайне важно, что во всех определяемых

Куйбышевская экспедиция, село Ягодное, 1950 г.

случаях во внутренней «подкове» оказывались погребения женщин, в двух ямах — с детьми. Распределение разнополых погребений по двум различным «подковам», безусловно преднамеренно. Внешняя — мужская — «подкова» с ее мощными накатниками составляла как бы оборонительную линию, ограждавшую внутреннюю «подкову» с погребениями женщин и детей.

Расскажу еще об одном крайне интересном наблюдении в этом кургане. В центре внешней «подковы», прямо на юг от центра кургана найдено погребение, явно выделенное из числа прочих. Оно перекрыто громадным накатником из двух рядов массивных бревен. Яма под ним достигала 2,15 м глубины от уровня погребенной почвы. Верхний накатник,

Курган у села Ягодного

направленный с востока на запад, имел длину 3,50 м и ширину 2,8 м. Подстилавший его второй (внутренний) накатник был направлен с севера на юг и отличался особой массивностью бревен, толщина которых достигала 0,70 м. Толщина же обоеих настилов превышала 1,00 м. Лежавший на дне ямы костяк принадлежал мужчине очень высокого роста — не менее 1,90 м, положенному на левый бок головой на север, лицом на восток. При погребенном найдены два необычно больших горшка (диаметром до 0,30 м), под одним из них — два бронзовых ножа с деревянными футлярами из продольных половин, соединенных кожаными шнурами, продетыми в специальные отверстия. Кроме того, здесь же найдено бронзовое шило с рукояткой из свиной кости.

Все это позволяет предполагать, что исследованный курган являлся не только местом захоронения, но и культовым местом, жертвенником определенного коллектива. Основное кострище жертвенника первоначально располагалось на уровне древнего горизонта, на котором найден и ряд других кострищ в основании кургана. Сооружение жертвенника было связано, очевидно, с основным погребением кургана, каковым по всему комплексу показателей было погребение, принадлежавшее, вероятно, патриархально-семейной общине, одной из сложившихся в наших степях в эпоху срубных погребений.

Впоследствии вокруг большого родового жертвенника, вблизи могилы вождя возникло кладбище общины, первоначально бескурганное и подчиненное определенной традиции (и даже иерархии размещения умерших), отражающей особенности социальной организации патриархальной общины, в том числе половую и возрастную дифференциацию.

Мне представлялось, что курган был насыпан единовременно над возникшим ранее бескурганном кладбищем, центром которого послужили большой общинный жертвенник и, возможно, связанное с ним основное погребение общинного вождя, которому еще долгое время приносились жертвы, что и обусловило возрастание зольно-угольного слоя жертвенника. Таким образом, можно предполагать сакральный импульс возникновения кладбища. Не исключена возможность того, что оно было перекрыто насыпью до его полного заполнения: об этом свидетельствует абсолютно свободный от погребений северо-восточный сектор кургана. Решающим же доказательством первоначального наличия бескурганного кладбища является расположение четко выраженных выбросов из могильных ям (ярко-желтой глины) на едином уровне древнего горизонта (чернозема).

Во всяком случае, довершение исследования этого памятника резко расширило представление об общей информативности охватывающих огромную территорию погреб-

бальных памятников срубной культурно-исторической области.

Я умышленно подробно остановился на раскопках срубных курганов у села Ягодного, поскольку, во-первых, они в значительной мере позволяют судить о специфике погребальных памятников одной из основных культур позднего бронзового века Среднего Поволжья в целом; во-вторых, заметно расширяют и меняют представления об их информативных возможностях. Эти направления исследования были продолжены и значительно развиты в последующие годы. Уже в 1951 году второй отряд экспедиции в район села Хрящевки, являвшимся прямым продолжением района Ягодного, был заметно пополнен. Из прежнего состава можно назвать студента МГУ В.Богословского и самарского археолога Бакшеева. В состав экспедиции вошел поступивший в аспирантуру нашего Института Р.М. Мунчаев, впоследствии крупнейший специалист по первобытной археологии Кавказа и Ближнего Востока, ученый с мировым именем, 11 лет возглавлявший наш институт. Именно Хрящевка 1951 года положила начало нашей дружбе и сотрудничеству, продолжающимся поныне, т.е. около 60-ти лет. Три сезона проработал Рауф Магомедович в Куйбышевской экспедиции, завоевав глубокую симпатию местного населения. Помню один забавный случай, относящийся к 1955 году и подтверждающий это. Крестьянки деревни Русские Выселки (близ Кайбел, к которым мы вскоре обратимся) обсуждали вопрос о национальности Рауфа Магомедовича. И одна из них заключила: «Да что вы, бабоньки! Все они русские! Это только нация у них другая...».

Еще поехали в первую свою экспедицию в Хрящевку Ольга Евтюхова, Элеонора Федорова-Давыдова, Маргарита Герасимова, Юрий Новиков, профессиональный фотограф — мой фронтовой друг Игорь Леонидович Межеричер. Несколько позднее к нам присоединился тоже заслуженный фронтовик и превосходный полевой археолог Леонид Павлович Зяблин. Появилась у нас и своя машина — знаменитая полуторка, которая активно и уже, конечно, безвозмездно передавалась нами крестьянам, покидавшим трехсотлетнее село и переселявшимся на третью террасу, в степь. Иногда, правда, она возвращалась с арбузом, а то и с рыбой. Село Хрящевка было еще больше Ягодного. Были в нем приходы, из них два с каменными церквями, была главная площадь — «Биржевая» — с паровой мельницей. Был свой причал... Подошел ко мне председатель сельсовета, говорит: «Яковлевич! Ну что мне делать наверху, если пожар! Поставили бур, сверлим-сверлим, 18-го метра достигли, а воды все нет!». Стало очень горько! Относились к нам в селе замечательно. Поселили, как и в Ягодном, в старой, прегра-

Л.Н. Петров, Н.Я. Мерперт, А.П. Смирнов. 1953 г.

но сохранившейся земской школе, в глаза называли благодетелями, вспоминаю это со щемлящим чувством. Формально я был перемещен на должность заместителя начальника экспедиции, но второй отряд оставил за собой, так же как и сам А.П. Смирнов в первом отряде в Булгаре Великом. К задачам же отряда были присоединены поиски палеолитических памятников, порученные превосходному специалисту в этой области Марии Захаровне Паничкиной. Также в компетенции отряда были и памятники времени сложения Волжской Болгарии, салтовские культурные элементы, которые, хоть и в мало выразительном виде, были зафиксированы при единичных погребениях курганов у с. Ягодного.

Хрящевка была буквально окружена курганными группами и остатками разновременных, а иногда и многослойных поселений, что обусловлено превосходными природными условиями района: тучными черноземами, заливными лугами, реками (Черемшан, Сускан, Шейкиан) и озерами (здесь начинаются знаменитые аксаковские места), пойменными рощами. Срубные курганы составляют явное большинство памятников и в целом близки по основным параметрам, но они разнообразнее по отдельным показателям и чаще содержат впускные погребения более поздних периодов. С другой стороны, здесь встречены и курганные погребения, предшествовавшие срубным и относящиеся к еще очень мало изученным или вообще неизученным группам (весьма условно они связываются с полтавкинской культурой). В общем

Куйбышевская экспедиция 1951 г. Второй отряд. Хрущевка. На подвозе сена

плане правильно отмечалась их древнейшая подоснова, но дальнейшая эволюция последней, факторы, обусловившие ее процесс, и результаты оставались невыясненными. И в этом плане работы Куйбышевской экспедиции позволили несколько прояснить положение. Был зафиксирован ряд курганных групп, включавших от трех до двух курганов в районе между Хрящевкой и Ставрополем. Размеры курганов различны: от очень небольших — диаметром 10 м и высотой 0,50 м до весьма крупных — диаметром до 60 м и высотой до 4 м. Для них всех характерна круглая в плане форма и четко выраженная полушаровидная насыпь, что резко отличает их от сильно уплощенных и часто овальных срубных курганов этого района. Два таких кургана вскрыты у с. Светлое Озеро — один малый (диаметр 15 м, высота около 1 м), второй большой — диаметр 3,5, высота 2,7 м. В первом найдено одно погребение: погребенный, лежавший скорченно на спине головой на северо-северо-восток, был густо покрыт охрой у черепа и ступней. Во втором кургане два основных — погребения мужское и женское — в отдельных материковых ямах. Оба костяка лежали на спине лицом вверх, головой на северо-северо-восток, мужской костяк с вытянутыми, женский с согнутыми руками. Оба основных погребения безымянные.

В насыпи же кургана найдены два впускных погребения. Одно явно позднее, с костяком, вытянутым головой на запад и принадлежавшим ребенку 2-х лет. Вещей при нем не было. Вторым же было типичное срубное погребение со срубным

горшком. Наиболее же интересен третий курган — одиночный и самый большой: диаметр его 60 м и высота близка к 4 м. Будучи господствующей высотой этого участка, он пользовался особым вниманием в самые различные эпохи, вплоть до современности, когда на нем совершались весенние празднества. В разных слоях его насыпи открыты остатки кострищ и зольных пятен. В 1 м от поверхности раскопки показали наличие значительного пятна материковой глины, и в нем локтевая и часть лучевой кости человека. И много ниже, на материке, на этом же месте вскрыта большая круглая яма (диаметром 2,50 и глубиной 1,40 м), в которой найдены отдельные кости человека, коровы, барана и козули, а также скопления золы и угля.

Могильная яма располагалась под центром насыпи. Форма ее близка квадрату с сильно округленными углами. Сторона ее 3,50 м, глубина в материке около 2 м. Удалось проследить темно-красную прослойку и следы перегнившей бересты, на которых и лежал погребенный — на спине, головой на северо-северо-восток. У ног погребенного стоял раздавленный землей горшок. Вся поверхность покрыта орнаментом. Сосуд оригинален, но как форма его, так и основные элементы орнаментации, несомненно, связаны с керамикой полтавкинских погребений, причем с наиболее ранними ее формами, сохраняющими еще древнейшие

Куйбышевская экспедиция. Поволжье, с. Хрущевка, 1952 г. Слева направо: Н.Я. Мерперт, М.З. Паничкина, Д.И. Архангельский, А.П. Смирнов

традиции и вместе с орнаментацией свидетельствующие о генетической связи между последовательными ступенями развития бронзового века лесостепного Заволжья.

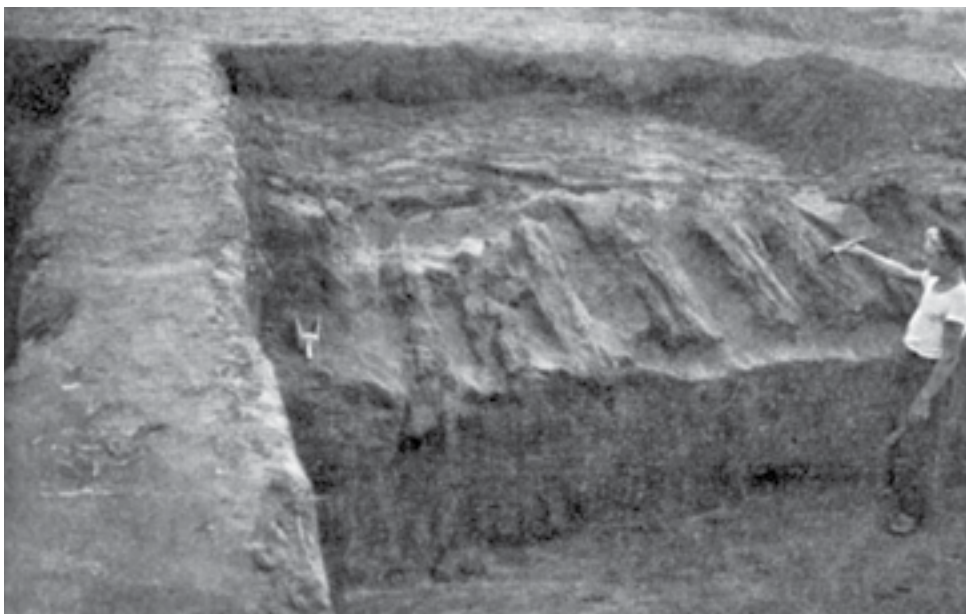
Находка сосуда в погребении «Крестового Кургана» при тождестве обряда погребения всех трех курганов у Светлого Озера позволила уточнить датировку всей этой оригинальной группы, поскольку совмещение их показателей свидетельствует о несомненной преемственности между древнеямными погребениями и описанными курганами светлоозерской и подобных ей групп. Вместе с тем последние приобретают и новые черты, позволяющие говорить о полтавкинской культуре, в свою очередь явившейся одним из компонентов срубной культуры Среднего Заволжья. Открытие наиболее раннего этапа этого достаточно сложного и многокомпонентного процесса явилось определенным вкладом в общее развитие проблематики бронзового века степного и лесостепного Поволжья.

До сего времени мои описания памятников срубной культуры Среднего Поволжья касались лишь погребальных памятников, поскольку погребальный обряд и инвентарь (прежде всего, керамика) наиболее информативны для определения культурной принадлежности и хронологии памятников. Поселения значительно реже и в гораздо большей мере подвержены разрушениям. Но, все же, ряд их остатков был открыт нашей экспедицией и в отдельных случаях может быть отнесен к наиболее информативным памятникам всей срубной культурно-исторической области.

Значительно менее стационарно довелось мне работать в смежных Среднему Поволжью областях. К югу от него — в степях Нижнего Поволжья — я сменил К.Ф. Смирнова на посту начальника Сталинградской экспедиции в 1957 году, за два года до ее завершения. Предварительно, в 1956 году, по окончании Куйбышевской экспедиции я по приглашению нашего ведущего кавказоведа Е.И. Крупнова принял участие в рекогносцировке на значительной территории Северного Кавказа — от Грозного до Кисловодска. После этого мы отправились в Махачкалу и посетили некоторые из дагестанских экспедиций. Я был поражен и фантастической красотой Кавказа, и поразительными археологическими его богатствами, а также тесными связями северокавказской и степной проблематики. Последняя, естественно, серьезно заинтересовала меня в ходе исследования памятников срубной культуры Среднего Поволжья, а для выяснения ее корней весьма благодатным оказался «сдвиг к югу» в степное Поволжье — от Мелекеса до Прискапия — т.е. в пределы тогда еще фактически не изученной, но лежащей в основе всего дальнейшего развития юга Восточной Европы от Западного Причерноморья до Прискапия древнеямной культурно-

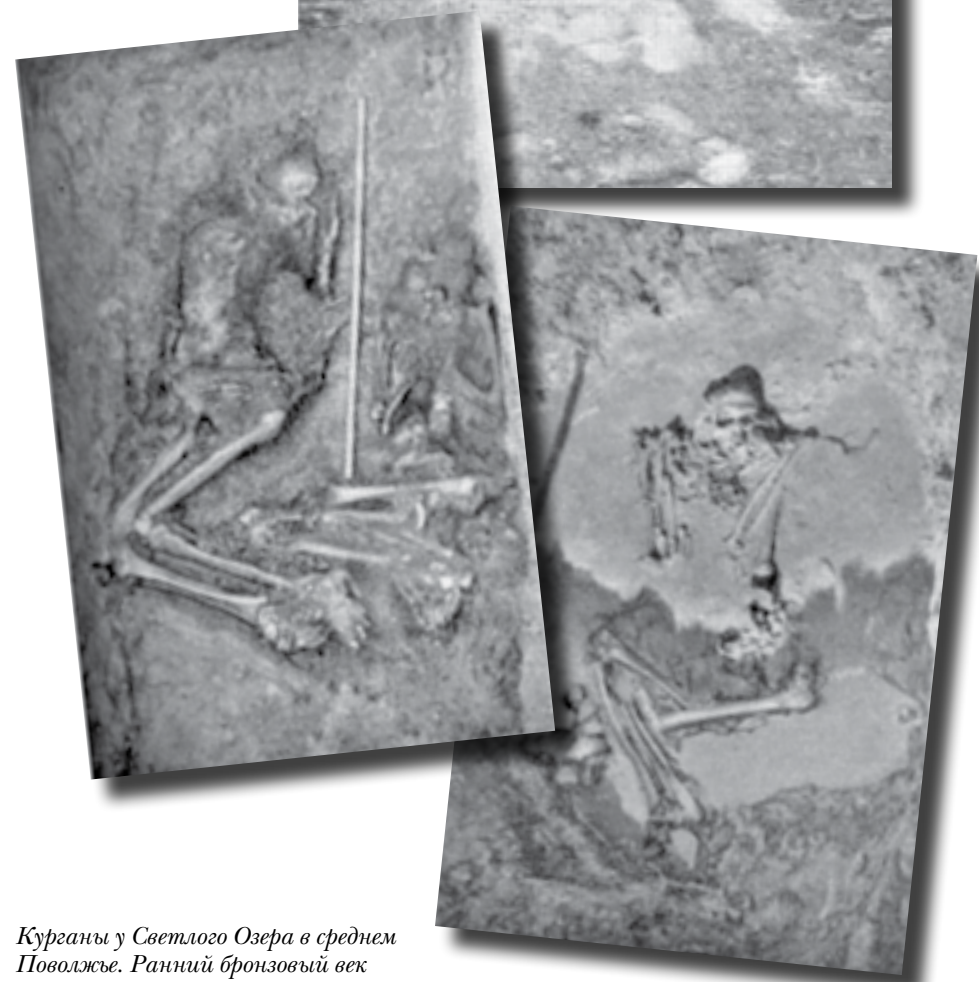
Раскопки кургана № 1 у села Хрущевки, поздний бронзовый век

Остатки погребального дома в кургане № 1

исторической области. С ее памятниками я впервые соприкоснулся в 1957 году у села Быково и хутора Красная звезда, где совместно с В.П. Шиловым продолжил широкие раскопки древнеямных курганов, начатые К.Ф. Смирновым и введшие меня в сложный процесс первичного освоения степных пространств, сложения простейших форм подвижного скотоводства, а следовательно, специфического варианта «неолитической революции», взаимодействия с древнейшими раннеземледельческими центрами. Именно в Нижнем Поволжье и Предкавказье сложилась одна из основных зон соприкосновения и взаимодействия раннеземледельческого и степного миров, сыгравших столь значительную роль в исторических судьбах Евразии. Вместе с тем, изучение того же взаимодействия неизбежно влекло за собой его расширение за счет охвата новых регионов, новых форм связей, втянутых в этот процесс.

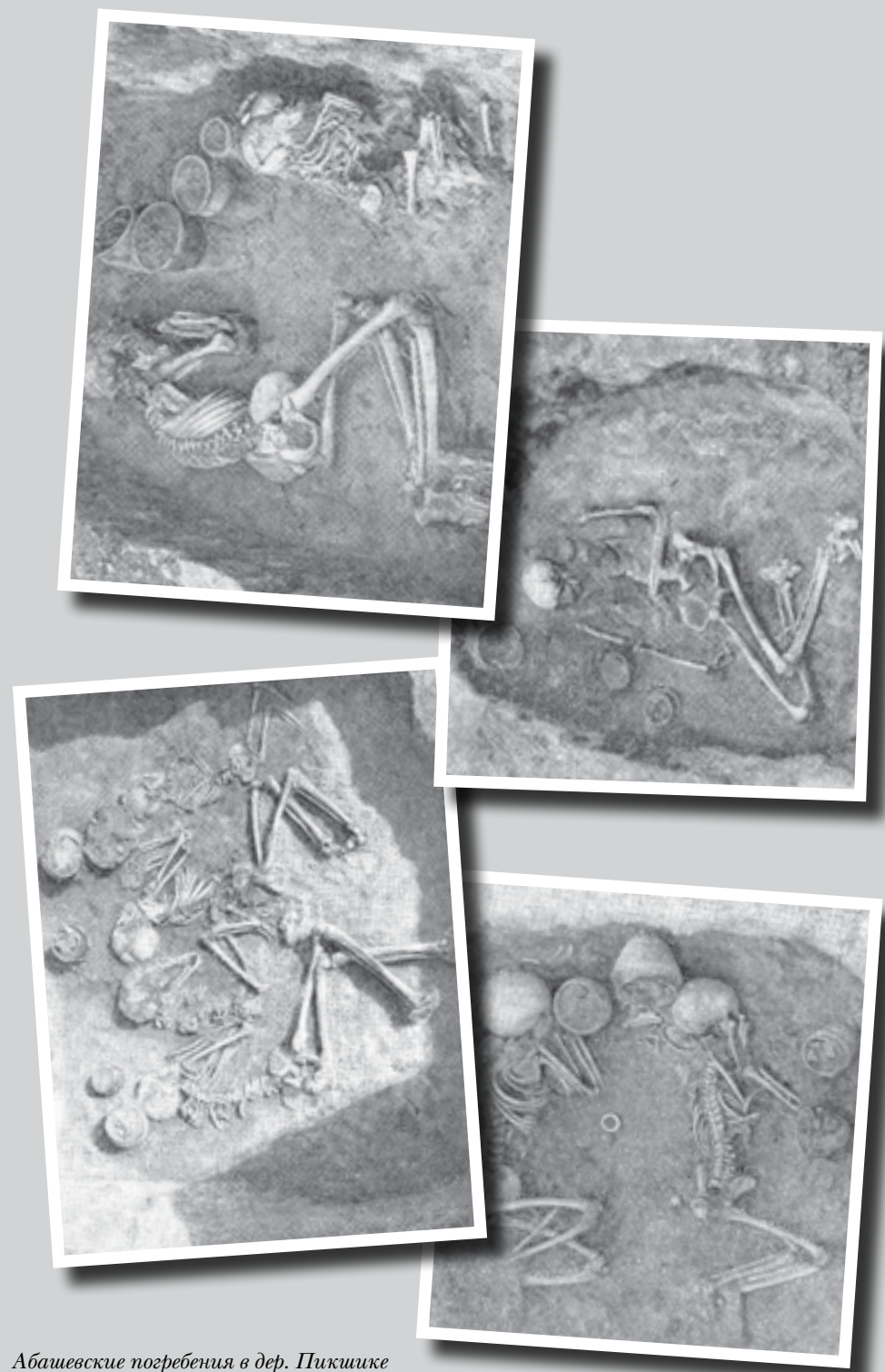
Эта важнейшая проблематика, которая стала для меня основной на 50-е и 60-е годы, территориально выходит далеко за пределы Нижнего и Среднего Поволжья, но именно последнее явилось главным импульсом для соответствующих моих исследований. Предшествующие разделы посвящены, за редким исключением (Быково, Красная звезда, Светлое озеро), памятникам срубной культуры — наиболее поздней и развитой, я бы сказал, финальной для степных и лесостепных культур, возникших на подоснове древнеям-

Курганы у Светлого Озера в среднем Поволжье. Ранний бронзовый век

ной культурно-исторической области, где наиболее сильны были южные, юго-западные и юго-восточные компоненты. Но в эпохи среднего и позднего бронзового века, с распространением производящих форм хозяйства и формированием вторичных его центров на широких территориях и Центральной, и Южной Европы, и западной Азии, положение резко усложнилось. Определяющее воздействие в том же лесостепном Поволжье имели уже не только южные импульсы, но и ряд прочих — от центральноевропейских до западноазиатских. Результатом их воздействий (а точнее взаимодействия) явилось формирование ряда сложных и многокомпонентных феноменов. Одним из наиболее значительных явлений такого рода была абашевская культура позднего бронзового века с первоначальным центром сложения в чувашском правобережье Поволжья, распространявшаяся на ряд районов Волго-Донского междуречья и Южного Приуралья. Определенная территориальная разобщенность охваченных регионов и нерегулярность исследований обусловили некоторые разночтения, касающиеся ряда основных проблем этой культуры: места и времени ее сложения, основных компонентов соотношения территориальных групп, путей распространения, связей с окружением в указанных регионах.

Открыта культура была еще в 1925 году замечательным поволжским археологом В.Ф. Смолиным, раскопки ее памятников вели в 1926–1927 гг. П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков, далее — после длительного перерыва — в 1945 году О.А. Кравцова-Гракова, в 1947 и 1949 гг. — М. Акимова, во второй половине прошлого века — А.Х. Халиков, А.Д. Пряхин, О.В. Кузьмина, Н.Я. Мерперт. Отдельная и заметно удаленная от Чувашской, но поразительно сходная с ней группа открыта К.В. Сальниковым на Южном Урале. Ныне памятники, связанные с абашевской культурой, стали известны на огромной территории, в местах, разделенных сотнями километров. Под Воронежем и под Челябинском, на Средней Волге и в Приуралье были открыты могильники, отдельные комплексы, наконец, единичные находки, связанные с все более усложнявшейся абашевской проблемой. Возник ряд сложных аспектов, касавшихся территории и характера распространения абашевских памятников, степени их сходства, основных компонентов, связей с фатьяновской среднепетровской, срубной культурами. Дискуссионными оставались даже вопросы основной территории и выделения собственно абашевского комплекса на ней. Традиционным эталоном культуры оставались чувашские памятники, но число их было невелико, а расположение разрозненным. В.Ф. Смолиным в 1925 году было исследовано 11 погребений, О.А. Кравцовой-Граковой. В 1945 году — 17 погребений, П.П. Ефименко и

Абашевские погребения в дер. Пикшишке

Абашевский могильник у д. Пикшик (реконструкция выполнена по эскизам автора)

П.Н. Третьяковым в 1926–1927 гг. у деревень Тауш-Касы, Катергиноц, Тебе-Касы и др. — наибольшее число (несколько десятков), М.С. Акимовой в 1947–1949 гг. у Тауш-Касы и Катергиной — 25 погребений. Все это составляет очень небольшой процент памятников, разведанных на территории Чувашии, концентрирующихся в определенных районах севера республики и близких по внешним своим индикаторам. В силу этого в 1957–1958 гг. полевые археологические исследования в этих районах Чувашии были возобновлены автором этих строк при активном участии В.Ф. Каховского, Э.Н. Албутовой, Л.П. Вознесенской, П.П. Павлова и др.

Раскопки начались с вскрытия последних двух памятников анонимной группы, где найдены 3 погребения, столько же найдено и в группе у дер. Большое Янгильдино, далее — на протяжении сезонов 1957 и 1958 годов — раскопкам подверглись памятники большой группы у дер. Пикшик, где вскрыто 29 погребений в «курганах». Именно в Пикшиках в первом же сезоне было установлено, что абашевский погребальный обряд достаточно сложен, а наши представления о нем были далеко неполны, в ряде ключевых моментов и ошибочны. В первую очередь это касалось термина «курган», который до этого считался одним из основных индикаторов абашевской культуры, наряду со скорченными на спине ко-

стяжками, ориентировкой в северном секторе и характерной керамикой, связанной с центральноевропейской традицией культур шнуровой керамики и ее восточноевропейских фатьяновского и средневропейского дериватов. Исходя из этих соображений, я считал правильным ставить термин в кавычках, подчеркивая, что к числу подлинно «курганских культур» южной зоны (связанных с древнеямной традицией) абашевская культура ни в коей мере не относится, что не исключает отдельных южных влияний на нее. Основой ее собственной традиции погребальных сооружений была отнюдь не земляная насыпь. Примененный впервые в Пикшиках (превосходным полевым археологом Людмилой Павловной Вознесенской) метод «микростратиграфии» — вскрытие погребенной почвы последовательными малыми слоями при тщательной, иногда неоднократной зачистке поверхности материка — позволил не только уточнить, но во многом изменить представления об абашевском погребальном обряде, что и явилось основным результатом исследований. Прежде всего, была четко документирована особая роль дерева в создании погребального сооружения, начиная с частогокола, обрамлявшего определенные участки расчищенной на уровне погребенной почвы площадки, и кончая обрамлением кольями стен самой ямы. При этом древесный слой заполнял пространство между внешним и внутренним периметрами ямы. Это лишь общая схема оформления могильной камеры, представленной в нескольких вариантах. В ряде случаев на уровне погребенной почвы, прежде всего, в центральной части площадки отмечены остатки сооружений из кольев и массивных бревен. Все они связаны с погребальными конструкциями, хотя конкретизировать это положение можно отнюдь не всегда. Сочетание их со скоплениями угля позволяет здесь говорить о связи с ритуальными кострищами, а ямы от больших, вертикально поставленных столбов со следами обжига и обработанными окончаниями — о наличии идолов, что свидетельствует о сакральном характере могильных комплексов.

Весь могильник выглядел в эпоху его создания весьма живописно. На лесной поляне в окружении дубов, берез и осин стояли высокие колья оград семейных склепов — круглые, овальные, квадратные, прямоугольные. За ними виднелись зеленые надмогильные холмы; высокие массивные столбы с грубо высеченными строгими ликами идолов возвышались над оградами. Дым многочисленных костров, возведенных вокруг склепов, поднимался над поляной.

Господствующая ориентировка вскрытых нами погребений юго-восточная, она же преобладает и у других групп абашевской культуры Поволжья, что свидетельствует о прочности погребальной традиции у племен в пределах одного

семейного склепа. Нарушения этого правила обусловлены конструктивными особенностями данного сооружения.

Этим вовсе не ограничиваются сложности абашевско-го погребального обряда. Перечислю лишь некоторых из них — это пустые могилы, частичные захоронения, обезглавленные костяки, другие виды расчлененных погребений и прочие экстраординарные захоронения; следы воздействия этих обрядов хорошо прослеживаются в пограничных с абашевскими пределами срубной культурно-исторической области. Несколько слов об инвентаре вскрытых нами погребений. Я уже отмечал, что основная его категория — керамика — резко отлична от степного и лесостепного юга и свидетельствует о решающем воздействии более западных восточно- и центральноевропейских традиций (таких как шнуrowая керамика, шаровидные амфоры и др.).

Подчеркну, что здесь кратко рассматриваются лишь материалы исследований нашей экспедиции, которыми отнюдь не исчерпываются характеристики основных категорий изделий абашевской культуры в целом. Тем более что и в последнем случае они немногочисленны, а в наших раскопках ограничены бронзовым браслетом, тремя серебряными подвесками в полтора оборота и кремневым наконечником стрелы из Пикшик, хотя они и позволяют наметить ориентировочную дату содержащих их погребений, начиная с середины XV до середины XIV вв. до Р.Х.

XV

*Неожиданная встреча.
В. Г. Чайлд*

А грани 1940-х и 1950-х гг. я пришел заниматься в рабочий зал научных сотрудников Государственного исторического музея. В зале было лишь два человека, сидевших между стеллажами справа от входа и оживленно беседовавших по-английски. Один из них был известный специалист по неолиту наших северных областей Александр Яковлевич Брюсов. Увидя меня, он сказал собеседнику: «А вот новый наш сотрудник, тоже праисторик, но уже повоевать успел; он совсем немного, но понимает по-английски». Я представился. «Гордон Чайлд», — с улыбкой ответил собеседник Брюсова и без всякого перехода спросил, люблю ли я химию? Брюсов пояснил, что речь у них шла о первых сообщениях о сенсационном открытии профессора У.Ф. Либби метода радиоуглеродного анализа. Я не мог поверить своим глазам, что вижу живого Чайлда! Ответил же, что по химии в школе была у меня четверка... Выяснив (с помощью А.Я. Брюсова), что это означает, он добродушно рассмеялся. «На этот раз, — сказал он, — отметку не ставили. Ограничились Нобелевской премией!» И спросил А.Я. Брюсова: «А какая у вас самая высокая отметка?» Тот ответил. Чайлд опять рассмеялся: «Вот видите! Если бы не премия, Либби может быть даже пятерку бы получил!». После этого уже совершенно серьезно растолковал мне, в чем величие открытия У.Ф. Либби, объяснил настолько доходчиво, что пятерку я бы поставил ему.

Имя В.Г. Чайлда я узнал от А.В. Арциховского. Когда он возвратился из эвакуации в Ашхабад, я оказался его близким соседом в приарбатских переулках: он — в Кречетниковском, я — в Староконюшенном. Его живо интересовали все новости о кафедре, об истфаке, об университете в целом в его отсутствие и не только об университете, но и о новом в научной и культурной жизни Москвы. Сам же он щедро делился своими бескрайними знаниями и фактов, и событий, и проблем, и лиц. Касалось это не только истории: он безошибочно разъяснил мне значение деятельности Н.И. Вавилова и разворачивавшейся тогда «лы-

Выф Гордон Чайлд (1892–1957)

сенковщины», открыл для меня поэзию русского Серебряного века, прокомментировал всю Третьяковскую галерею и античные залы Музея изящных искусств. Естественно, он постоянно возвращался к археологии, более всего касаясь и зарубежных ученых О. Монтелиуса, С. Мюллера, Ж. Дешле, Э. Миннза и В.Г. Чайлда. Творчество последнего ценил более всего, подчеркивая его многосторонность, последовательность историзма, широчайший размах во времени и пространстве с охватом основных общеисторических проблем. Сказал, что переписывается с ним и многое черпает из этой переписки, и обязал меня незамедлительно познакомиться с основными трудами замечательного английского исследователя.

Я начал, естественно, с «Зари европейской цивилизации»; в дальнейшем же многократно возвращался к мудрым исследованиям В.Г. Чайлда, находя в них путеводную нить для разработки самой различной проблематики: от типологического метода до «неолитической революции» и сложения цивилизаций, от каменного века до средневековья, от Подунавья до Центральной Азии, от южно-русских степей до Египта и Месопотамии, от возникновения письменности до классических языков и великих памятников древневосточной и античной литературы. По уровню охвата доисторических материалов, всестороннего их анализа и превращения в систему подлинных исторических источников В.Г. Чайлд остается непревзойденным поныне. Он впервые окончательно разрешил коренной вопрос о характере археологии как науки общественной и необходимости соответствующего осмысления ее феноменов.

Неоднозначным было отношение к Чайлду при его жизни. Его обвиняли в приверженности положениям исторического материализма и в недостаточной последовательности их воплощения, в переоценке роли диффузий в процессе экономического и культурного развития человечества и в их же недооценке, во введении якобы неправомерного термина «неолитическая революция» и в ошибочном его раскрытии, в порочности им же предложенного понятия «городской революции» и в чрезмерном внимании к вопросам социальных отношений древних обществ, даже в апологии по отношению к советской археологии и к ее же гиперкритике.

Ныне В.Г. Чайлду отведено место на археологическом Олимпе. Имя его известно каждому археологу, каждому специалисту по древнейшей истории всех континентов Старого Света, да и всей ойкумены в целом. Столетие со дня его рождения обострило интерес к его научному наследию, и вновь оценка последнего неоднозначна. Происходит смещение акцента с тривиального изучения и описания материальных свидетельств человеческой деятельности на изучение общества, восстанавливаемого на их основании (подобных акций). Соответственно, Чайлд рассматривал переход от первобытности к цивилизации как следствие двух основополагающих успешных революций. Первая — неолитическая революция — переход от присваивающего хозяйства к производящему, от присвоения даров природы к оптимизации процесса добычи пищи, к ее производству, земледелию и скотоводству, обусловившим коренные изменения в ряде важнейших жизненных параметров (начиная с оседлости, структуры сельских коллективов и пр.). Вторая — урбанистическая — революция закономерно возникла на базе первой и ознаменовалась появлением городов, государственных институтов, письменности и прочих элементов цивилизации (оба понятия были введены самим Чайлдом, причём первое из них получило более полное и решительное признание, чем второе, что вызывает удивление, поскольку оба явления явно взаимосвязаны и второе обусловлено первым).

При любых уточнениях эти заключения Чайлда сыграли решающую роль во всей дальнейшей направленности нашей науки и в историзации представлений о древнейших периодах человеческого развития. Филолог-классик по университетскому образованию, Чайлд почти 40 лет жизни отдал археологии, с равными увлеченностью и профессионализмом занимаясь самыми различными ее отраслями.

15 лет тому назад мне пришлось коснуться этого вопроса в связи с публикацией письма самого Чайлда российским археологам с серьезной и, в основном, справедливой критикой их деятельности. Тогда на Западе вновь появились резкие статьи с обвинением Чайлда в приверженности к положениям исторического материализма, я же пытался в двух специальных статьях рассмотреть обе тенденции (см.: Мерперт Н.Я. К публикации письма В.Г. Чайлда. Российская археология. 1992. № 4; Мерперт Н.Я. К оценке деятельности В.Г. Чайлда. «Вестник древней истории», 1993).

Прежде всего, хотел бы отметить следующее. Ни один ученый не сделал столько для историзации археологии и, главным образом, археологии бесписьменных периодов, где вещественные памятники являются единственным видом исторических источников. Блестящий синтез фактически всех известных в первой половине XX в. ма-

териалов по первобытной археологии Старого Света позволил В.Г. Чайлду создать глубоко обоснованную картину древнейшей истории Европы и значительной части Азии и Африки. При этом в отличие от своих предшественников в понятие «Древний Восток», наряду с классическими областями Египта, юга Месопотамии и Палестины, В.Г. Чайлд включил Сахару, Судан, север Месопотамии, Сирию, Иран, Белуджистан и Северную Индию. Таково же его понимание древнейшей истории Европы, археологические культуры которой рассмотрены для всей территории континента — от Шотландии и Скандинавии до Северного Средиземноморья и от Атлантики до Центральной России. Вообще, В.Г. Чайлду свойственно стремление максимально подчеркивать *всеобщность* процесса культурного развития, значения вклада в него самых многообразных и различных по характеру и историческим судьбам человеческих групп, поэтому его синтезирующие построения противостоят и расизму, и теориям «исторических» и «неисторических» народов, а также попыткам свести историю древнейшей культуры к воздействиям традиционно выделенных единичных ее очагов на всю ойкумену. Недаром одну из своих лучших книг «Прогресс и археология» В.Г. Чайлд начинает со слов об особом значении археологии в постоянном расширении территориальных и хронологических рамок древнейшей истории, в выводе на ее авансцену все новых, казавшихся ранее близкими, человеческих групп, в доказательстве активности и оригинальности их культуротворчества.

Это не противоречит приверженности В.Г. Чайлда концепции «диффузионизма», согласно которой распространение основных культурных достижений шло из первоначальных единых центров и обуславливалось системой последовательных заимствований, отдельных миграций и, главное, диффузий идей, конкретных культурных элементов и даже культур в целом. В.Г. Чайлд никогда не занимал здесь экстремистских позиций. Глубокий анализ огромного числа археологических материалов, изучение конкретных явлений как европейской, так и ближневосточной и центральноазиатской праистории, а также учет опыта и критических замечаний его коллег, в том числе и русских ученых, побудили его смягчить категоричность ряда положений диффузионистской концепции. В значительной мере это явилось результатом глубокого интереса В.Г. Чайлда к философии истории, в том числе и к концепции исторического материализма, основные положения которого он принимал и использовал. Ряд положений исторического материализма открывал здесь значительные исследовательские перспективы. Именно использование этих положений русскими археологами привлекло

внимание В.Г. Чайлда, и прежде всего, в аспекте разработки вопросов внутреннего развития общества: исследования такого направления представляются ему «...более историческими, чем перечень вторжений, и солидно обоснованными». Вместе с тем он предупреждал об опасности «псевдомарксистского материализма», приводящего к примитивизации исторического процесса и «стадиальному схематизму». Последний он считал определенным извращением, отнюдь не отражающим сути рассматриваемого явления. Должное же внимание он закономерно уделял положениям, касающимся роли развития производительных сил в прогрессе общества, в распространении производящего хозяйства и росте прибавочного продукта, зарождении ремесел и активизации обмена, а далее и торговли, усложнении общественных структур, возникновении имущественного неравенства, частной собственности, городской жизни, государственности, цивилизации. В этом аспекте использование археологического материала для конкретных исторических реконструкций оказало очень плодотворным и еще раз подтвердило перспективность отмеченных методологических положений.

Весьма показательным, что близкий подход к изучению и интерпретации культурных феноменов мы найдем у В.П. Алексева. «Те или иные культурные особенности или характеризующие их признаки, — пишет он, — могут иметь длительную историю своего развития на протяжении многих поколений, могут быть внедрены со стороны в результате действий многих исторических причин — прямого культурного взаимодействия и ассимиляции, завоевания и насильственной ассимиляции или даже аккультурации, постепенно идущей аккультурации, диффузии, наконец, чисто случайных процессов встречи или столкновения представителей разных культур».

В этой связи еще раз подчеркнем, что в исследованиях В.Г. Чайлда пристальное внимание к внутреннему развитию конкретных обществ органично сочетается с основными положениями диффузионизма и признанием определенной роли миграций.

Можно было бы еще очень многое сказать о целом ряде значительных направлений археологических теорий и практики, принципиальные сдвиги, в разработке которых связаны с именем В.Г. Чайлда. Здесь же ограничусь кратким рассмотрением лишь вопроса о введенном В.Г. Чайлдом понятии «неолитическая революция», вызывающем достаточно резкую критику у его оппонентов. Последние обвиняют автора в тенденциозности, определенной политизации исследования, пристрастии к революционной терминологии и самому феномену революции.

Несколько слов о содержании понятия. Оно было сформулировано в 1925 году для обозначения сложнейшего процесса перехода от господствовавшей многие сотни тысяч лет присваивающей экономики к ее производящим формам. Его противники считают неправомерным применение здесь термина «революция», поскольку последний связывается обычно с явлением социального характера и спонтанного претворения. Полагают, что этот процесс, длившийся даже в первичных своих очагах много сотен лет, а в масштабах ойкумены значительно дольше, полностью укладывается в эволюционную схему. Однако в этой связи следует напомнить, что по своим последствиям переход от экономики присваивающей к производящей сравним лишь с самим феноменом антропогенеза — выделения человека из прочего органического мира. Он вызвал коренные изменения во всех аспектах человеческого существования — от производственной деятельности до мировосприятия и духовного мира. «Эти изменения в большей мере, чем любые другие преобразили культурные условия и трансформировали не только окружающую человека среду и его биологию, но и в какой-то степени и всю нашу планету». Они обусловили весь дальнейший ход человеческого развития со всеми его достижениями и ошибками. Можно соглашаться или не соглашаться здесь с термином «революция», но революционный характер изменений едва ли может быть оспорен, правомерность же применения подобного термина отнюдь не ограничивается социальной сферой, достаточное подтверждение тому — термины «промышленная революция» и «научно-техническая революция», которые являются общепринятыми и принципиальных возражений не вызывающими. Что же касается сроков, то в применении к древнейшей истории понятия о них весьма относительны, особенно, когда речь идет о событиях такого масштаба. Добавлю к этому, что и названные только что революции, относящиеся уже к новому и новейшему времени, отнюдь не могут быть признаны спонтанными. Темпы же явлений неизмеримо большего масштаба, происходивших за девять — десять тысячелетий до нашего времени, с темпами этих революций не сопоставимы.

В силу выше изложенного термин «неолитическая революция» представляется достаточно правомерным. Суть заключена не в термине, а в самой проблеме, впервые сформулированной В.Г. Чайлдом и фактически превратившейся в особую отрасль праистории. Последняя плодотворно разрабатывается ныне на материалах Старого и Нового света. С ней связана уже значительная серия ценнейших исследований и острых дискуссий, создан целый ряд оригинальных концепций, касающихся причин, условий, механики и результатов перехода к производящему хозяйству, специфики

этого процесса в различных регионах и конкретных центрах вопросов первичных и вторичных очагов новой экономики, путей ее распространения и т. п. Эти концепции, опирающиеся на системный подход к проблеме перехода и на тезис о его безусловном полицентризме, уже заметно отличны от первоначальной моноцентристской концепции самого В.Г. Чайлда, что ни в коей мере не умаляет его роли создателя направления в целом.

Коротко хотелось бы рассказать о «горьком» письме В.Г. Чайлда к советским археологам с критикой их деятельности. Письмо переведено и издано мной в 1992 году в сопровождении специальной статьи с его разбором и ответом на него (см.: Советская археология. 1992. № 4).

На протяжении всей своей деятельности Чайлд с неизменным интересом относился к археологии нашей страны. Он с радостью пропагандировал ее достижения и тем более остро видел ее недостатки. Критичность, в ряде случаев достаточно резкая, характерна для многих его работ. Изучение ряда конкретных явлений как европейской, так и ближневосточной и центральноазиатской праистории, а также учет опыта советских исследователей побудили Чайлда смягчить категоричность ряда положений этой концепции, признав, что, наряду с внешними воздействиями, изменения культуры и связанная с ними «обширная область археологических фактов» могут быть объяснены внутренним социальным и техническим развитием.

Пристальное внимание к различным методологическим принципам, объективное сопоставление, а в ряде случаев, и совмещение их в значительной мере обусловили научную прочность и подлинно концептуальный характер синтетических построений ученого. Вместе с тем, придя к признанию материалистических принципов при интерпретации археологических данных и, более того, при объяснении самого исторического процесса, В.Г. Чайлд последовательно их отстаивал вопреки резкому противодействию его коллег и в самой Англии, и в других западных странах. Принципиальность, прямота и научная (и человеческая) стойкость сильно усложняли его жизнь и заметно воздействовали на всю его судьбу, но они же обусловили и величие его научного наследия.

Мне хотелось бы отметить еще одну значительную проблему, разрабатывавшуюся В.Г. Чайлдом и, возможно, обусловившую его особый интерес к археологическим памятникам нашей страны. Я имею в виду извечно дискуссионную индоевропейскую проблему, которая увлекла В.Г. Чайлда еще в самом начале его научной деятельности.

В ходе работы над этой проблемой В.Г. Чайлд, естественно, столкнулся с материалами русской и украинской

территорий и соответствующей научной литературой. Это заметно расширило круг его научных интересов. В результате в последующих изданиях его книги «The Dawn of European Civilization» рассмотрены верхнепалеолитические и мезолитические памятники Крыма, трипольская культура, Мариупольский и Нальчикский могильники, памятники майкопского и новосвободненского типа, курганы всех последовательных ступеней развития степного бронзового века, фатьяновская культура и пр.

Выше отмечался особый интерес В.Г. Чайлда к методологическому и методическому аспектам деятельности наших археологов. Уже в 30-е и 40-е годы он подчеркивал их особое внимание к внутреннему развитию общества, обусловившее исследования, которые представляются ему «более историческими, чем перечень вторжений, и солидно обоснованными». Отмечал он и пагубный характер «псевдомарксистского материализма», приводящего к примитивизации исторического процесса и «стадиальному схематизму». Последнее представляется совершенно справедливым и характеризует одну из негативных тенденций в теоретическом аспекте нашей археологии после известных дискуссий конца 1920-х — начала 1930-х годов.

С этим связан, как я полагаю, ряд основных положений упомянутого выше письма. Оно не требует ни оправданий, ни тем более, опровержений. Еще раз повторю: письмо написано ученым, высоко компетентным во всех поднятых там вопросах, искренне симпатизировавшим нашей науке и с большой горечью констатировавшим ее значительные недостатки: прежде всего, несоответствие между широкими заявлениями о выработке принципиально новой методологии, о создании подлинно марксистской истории материальной культуры и соответствующей ее задачам методики, с одной стороны, и подлинной исследовательской практикой — с другой. По сути, к этому несоответствию и сводятся основные положения письма. Ни одно из них не может быть сочтено ни безосновательным, ни предвзятым, но чтобы судить о них, необходимо, прежде всего, учитывать специфику того конкретного периода в истории нашей науки, к которому относятся отмеченные положения, и само письмо, т.е. времени первого послевоенного десятилетия.

Так, если методика раскопок поселений большими площадями и курганов на снос была выработана советскими археологами еще до войны, то широкое внедрение она получила уже в 1950-е годы, а отражение в публикациях техники раскопок и соответствующих их показателей долгое время было явно неудовлетворительным. По отношению к нашим археологическим публикациям указанного периода замечания В.Г. Чайлда о значительных недостатках графической

документации, отсутствии детальных разрезов и планов раскопанных объектов, а также данных аэрофотосъемки, позволяющих обнаружить древние поля, загоны для скота, дороги и пр., абсолютно правомерны. То же следует сказать и о замечаниях, касающихся ряда хронологических схем советских археологов, шаткости обоснования датировок определенных стадий (Триполье) и конкретных комплексов (Бородинский клад), неполного и недостаточно корректного использования ближневосточных и эгейских хронологических индикаторов, несовершенства опубликованных в нашей стране пыльцевых диаграмм. Здесь, безусловно, сказались оторванность от западной науки, отсутствие взаимодействия с ней и регулярного обмена информацией. Наконец, вопрос о понятии археологической культуры и принципах ее выделения. В.Г. Чайлд пишет о фактическом отсутствии таких установок по отношению к указанному понятию и соответствующей его расплывчатости в советской археологии. Это совершенно закономерно: данное понятие в период застоя «стадиального схематизма» и борьбы с «буржуазной идеологией» оказалось в глухой опале. Специальных позитивных разработок, посвященных ему, долгие годы не было, отсюда и расплывчатость.

«Реабилитация» этого понятия и значительное повышение интереса к теоретическому его осмыслению связаны с огромным накоплением новых материалов в результате резкой активизации полевых исследований начиная с 1950-х годов. Тогда же были пересмотрены и в значительной мере отринуты установки «стадиального схематизма». Должное место заняли изучение конкретных общностей, систематизация и анализ их материалов, опирающиеся на традиционные и вновь вырабатываемые археологические методы. С этим связано и возрождение разработки теоретических проблем нашей науки. В 1960-е годы началось активное обсуждение вопросов археологических дефиниций и, прежде всего, понятия археологической культуры. Последнему вопросу был посвящен ряд специальных дискуссий и значительная серия публикаций, многие из которых представляют безусловный интерес. Теоретическая наука 30–40-х годов начала постепенно заполняться, и ныне положение в этой области заметно отличается от середины 1950-х годов, когда было написано обсуждаемое письмо, но, все же, вопрос об археологической культуре и по сей день не утратил своей дискуссионности, а критическое предупреждение В.Г. Чайлда — актуальности. Здесь предстоит еще большая и достаточно сложная работа.

Это в полной мере касается и других аспектов отечественной археологии, состояние которых в середине 1950-х годов вызвало критические замечания В.Г. Чайлда. За истекший период со времени появления этого письма произошли весь-

ма значительные прогрессивные изменения. Резкое повышение методического и технического уровня как раскопок, так и всех видов аналитической обработки материалов, выработка целого ряда новых методов, технических приемов, фиксационных систем и пр. делают несравнимыми уровень современной нашей науки и ее состояние на 1956 год. Ряд содержащихся в письме замечаний давно реализован, но все же, и в нашей раскопной и публикационной практике, и во внедрении новой методики, и в системах обоснования датировок, и в определении степени близости и общего соотношения различных археологических феноменов еще достаточно много существенных недостатков. Многие нуждаются в постоянном внимании и совершенствовании. В этом плане давнее (и по понятным причинам до 1992 года не опубликованное) письмо одного из крупнейших археологов нашего века не потеряло ни актуальности, ни значимости.

XVI

Окно в Европу

В октябре 1959 года в Чехословакии состоялся симпозиум «Европа в конце каменного века». Начиная с 1954 года значительно оживились связи археологов нашей страны со своими зарубежными коллегами. Если вначале связи касались лишь генеральных мероприятий — Международных конгрессов праисторических и протоисторических наук в Риме и Гамбурге, то в конце 50-х годов они распространились и на рабочие симпозиумы, посвященные конкретным проблемам мировой археологии, ее методам.

Одной из таких проблем должен быть признан в наши дни еще дописьменный период развития европейского населения, непосредственно предшествующий началу бронзового века. Проблема эта являлась ключевой и имела определенную специфику в различных европейских регионах. На обширной территории Европейской России, Северного Кавказа, Украины, Белоруссии и Молдавии специфика эта проявляется с особой четкостью, в целом демонстрируя многообразие форм производящей экономики.

Основных аспектов было два. Первый — раннеземледельческий. Сразу вспоминаем знаменитое Триполье. И его не менее знаменитую исследовательницу Татьяну Сергеевну Пассек. Второй — комплексное хозяйство бескрайней степной и лесостепной полосы, с выработкой специфической экономики с сочетанием подвижного и полуседлого укладов.

В институте получили приглашение. Ученый совет предложил принять участие в конференции и послать на нее в тогдашнюю Чехословакию Татьяну Сергеевну и меня. Спешно подготовили доклады — Татьяна Сергеевна о Триполье, я о ямной культурно-исторической области.

До открытия конференции оставалось еще дней десять, и все эти дни мы с Татьяной Сергеевной оставались в подвешенном состоянии: из тогдашнего иностранного отдела не прозвучало ни «да», ни «нет». Благополучный конец был чи-

Замок Либлице: место проведения симпозиума

Прага. Карлов Мост

стой случайностью. В те дни Борис Александрович Рыбаков был в командировке в Праге. Там он был принят президентом чехословацкой Академии наук академиком Зденеком Неедлы. Зденек Романович в годы войны работал в Москве, где читал курс славяноведения в университете. Я сдавал ему экзамен, и он меня запомнил как одного из первых студентов — инвалидов войны. Относительно конференции он был в курсе дела и знал имена обоих ожидаемых в Праге русских археологов. Б.А. Рыбаков (тогда он еще не был директором нашего института) был возмущен бюрократическим равнодушием иностранного отдела, они вместе с академиком З. Неедлы немедленно приняли меры, и, пусть с некоторым опозданием, в самом конце церемонии открытия конференции, поздно вечером 5 октября 1959 года, мы с Татьяной Сергеевной появились в замке Либлице, где нам предстояло жить, работать и общаться фактически со всей элитой европейской первобытной археологии.

С тех пор минуло полвека, большую часть этого срока я провел за рубежом — в экспедициях, на пленумах, конференциях, симпозиумах, совещаниях, съездах. Но Прага-Либлице 1959 года навсегда останется для меня первым и подлинно незабываемым событием, предельно насыщенным и в научном, и в культурном аспектах и, что наиболее ценно, обеспечившим возможность свободных и широких контактов с выдающимися деятелями нашей науки из более чем двадцати европейских стран, в том числе и из США.

Большая часть участников конференции — поколение ровесников первой половины — середины XX в., из которых рекрутировалась блестящая археологическая когорта, чья деятельность в области праистории нашего континента на протяжении нескольких тысячелетий была в известной мере подытожена конференцией 1959 года. Ее проблемный хронологический, методический и географический охваты достаточно значительны.

...В замок Либлице нас привез с аэродрома ученый секретарь археологического института Чехословацкой академии наук Иржи Грала, уже добрый мой знакомый; я занимал ту же должность в нашем институте и, естественно, в Москве нас связывали активные контакты. При входе в замок нас приветствовал академик Ярослав Бем — один из ведущих археологов Европы, возглавляющий археологический институт Пражской академии. Он же днем открывал конференцию.

Сейчас же был поздний вечер. Но весь конгресс был в замке, на третьем этаже, в своего рода «зоне свободного общения». Там, под крышей, было два зала — большой и малый. В первом было много молодежи как делегатов конференции, так и рядовых ее участников, очень оживленно обсуждался первый день, уже появились карикатуры на прибывших ко-

Т.С. Пасек и Мария Гимбутас (США)

рифеев, абстрактные и реалистические рисунки, слышались взрывы хохота, прогнозировались дискуссии. Нас встретили очень тепло: в целом обстановка была превосходной, пусть для нас и непривычной. Меня забросали вопросами, но академик Я. Бем тут же увел меня дальше, к малому залу, где общались «носители хрестоматийно известных имен», а проще — крупнейшие праисторики из 22-х стран Европы и из Америки. Здесь разбегались и глаза, и мысли.

Первыми на конференции были поставлены доклады, представлявшие памятники Балкан, Нижнего Подунавья и Западного Причерноморья. Авторы их: М. Гарашанин из Белграда, Г. Георгиев из Софии, Д. Берчу из Бухареста и Т.С. Пасек из Москвы — не нуждаются в представлении.

Следующим утром была продолжена уже регулярная работа конференции, сразу же поразившая меня организованностью, четкостью и качеством докладов, каждый из которых давал исчерпывающее представление.

М. Гарашанин — крупнейший сербский ученый, за много десятилетий своей деятельности охватил все основные проблемы праистории Балкан и Нижнего Подунавья. В своем докладе на конференции он рассмотрел их с максимальной широтой с всесторонним анализом материалов каждого памятника, каждой ступени его развития. Основная тема — переход от неолита к энеолиту — сохраняет свое стержневое

положение в докладе, но представлена она на прочной базе всего предшествующего развития региона.

При широте охвата доклада М. Гарашанина, определении особого места Балкано-Дунайского региона в праистории Европы и эталонном характере рассмотренных докладчиком памятников для исполнения стоящей перед конференцией основной задачи, по яркости, информативности и характеру материала ему не уступал второй доклад, посвященный тому же Балкано-Дунайскому региону и той же проблеме — переходу от неолита к энеолиту.

На этот раз основное внимание конференции было сосредоточено на обширной территории Верхне-Фракийской долины, охватившей широкой полосой центральную часть Болгарии на площади свыше 400 км от сербской границы на западе до Причерноморья на востоке, от Средней горы и низовий Дунавья на севере до Родопского хребта на юге. На этой полосе насчитывается не менее 500 разновеликих, но в большинстве своем крупных теллей, в том числе знаменитое Караново близ г. Новой Загоры с семью отдельными слоями, достигающими толщины 12,40 м.

Телли Верхне-Фракийской долины давно привлекли внимание как болгарских, так и зарубежных исследователей. Русский археолог В.А. Городцов еще в 20-х гг. XX в. справедливо указал огромную перспективность этих исследований и необходимость придать им масштабный характер, но долгое время раскопки теллей имели зондажный характер. Это коснулось и Каранова, где первые раскопки В. Микова в 1936 году носили спасательный характер, ограничившись небольшим шурфом. Лишь в 1947 году уже под общим руководством В. Микова и Г. Георгиева начались широкомасштабные раскопки Каранова. Раскопки продолжались вплоть до 1957 года — десять. Основание памятника времени его первичного заселения в раннем неолите представляло собой эллипс размерами 250 × 150 м. Профессор Г.И. Георгиев подробно остановился на стратиграфии. Им в целом обосновано наличие семи слоев.

Если доклады М. Гарашанина и Г. Георгиева могут быть эталонными для Юго-Восточной Европы, то в наименьшей мере это относится и к территории Румынии. Она отмечена чрезвычайно ранними, начиная с докерамического, в определенной мере обусловленными прямыми контактами с раннеземледельческим неолитом Ближнего Востока, но севернее непосредственно усложненными как прямыми, так и опосредованными воздействиями центрально- и восточно-европейских неолитических культур. И эта непростая ситуация детально была представлена в двух больших докладах Д. Берчу. Первый касался относительной хронологии неолита Нижнего Подунавья в свете новейших румынских

исследований. В нем с неизменной последовательностью охарактеризованы все основные культурные общности Румынского Подунавья. Автором отмечены основные параметры последовательных этапов развития, начиная от протонеолита.

Автором выделены три группы раннего неолита, эволюция которых охватила три субпериода, различных по ритму и сроку окончания. В Добрудже не было отмечено никакого разрыва между ранним и средним неолитом, культура Хаманджия продолжала свое собственное развитие вплоть до начала культуры Гумельница (в ее южнодунайском варианте). Подобный характер развития с хронологической спецификой регионов отмечен для юго-запада Олтении (культура Винча развивается почти синхронно периоду Винча — Плочник I вплоть до возникновения культуры Салкуца). И подобные колебания локальных хронологических соотношений отмечены для целого ряда районов. Дальнейшее развитие древнего неолита привело к формированию уже на базе двух предшествующих групп — Прото-Криш и Прото-Хаманджия — четырех общностей: Старчево-Криш, Винча (ранняя фаза А и В, или Винча Турдош), обе южно-эгейского происхождения; культура линейной керамики центрально-европейского происхождения и культура Хаманджия средиземноморского характера.

...К серии докладов о блестящей нео-энеолитической эре в истории юго-восточных регионов нашего континента относился доклад Т.С. Пассек «Проблемы энеолита юго-запада Восточной Европы». Имя это было уже хорошо известно и в России, и за ее пределами. Выйдя из высшего эшелона Санкт-Петербургской интеллигенции, Татьяна Сергеевна была природой отмечена поразительной красотой, неповторимым обаянием, умением придать шарм и грацию всем своим действиям, вселять поэзию в самую, казалось бы, сугубую археологическую прозу.

Семья Пассек была воистину легендарной. Были они то ли в родстве, то ли в свойстве с А.И. Герценом. Бабушка ее была другом и соратником Гарибальди и прошла с ним его великие походы. Рано занявшись археологией, Татьяна Сергеевна сумела уже одной из первых познакомиться и с начинающимися исследованиями Южного Кавказа, и с бескрайними просторами Черноморско-Каспийских степей и наконец абсолютно закономерно заняла главенствующую позицию в разработке основных проблем трипольской культуры, выработав новую методику раскопок ее памятников, установив их периодизацию и специфику отдельных групп, их место в трипольской общности, а последней — в раннеземледельческом энеолите Юго-Восточной Европы.

М. Гумбутас и Н.Я. Мерперт

Еще в 1930-е годы Т.С. Пассек поставила вопрос об основных компонентах трипольской общности. Основным критерием была здесь превосходная расписная керамика, уже тогда подвергнутая классификации, позволившая внутри общности определить конкретные группировки в энеолите и поставить вопрос об их корнях в предшествующих неолитических культурах. Так, в систему были включены собственно трипольские племена лесостепной зоны между речья Днестра и Днестра. В Поднепровье вторая группировка связывалась с неолитической культурой Боян, явившейся одной из основ раннетрипольской культуры, тогда как третья группу, частично охватывающую Верхнее и Среднее Поднепровье, составили неолитические племена культуры линейно-ленточной керамики в среднем периоде их развития. Четвертая группировка, тогда еще только открытая трудами самой Татьяны Сергеевны на Буге и среднем Днестре, обусловлена позднеэнеолитическими памятниками южно-бугской культуры, соответствовавшей культуре типа Кереш в бассейне Прута.

Хозяйство конкретных трипольских территориальных групп специфично, что определяется особенностями его экологии и исторического окружения. Наряду с земледелием развивается животноводство, причем на ранних этапах доля одомашненных животных еще не уступает доле объектов охоты. Основным материалом для производства орудий остается камень, но медь уже представлена такими малыми формами, как шилья, рыболовные крючья, бусы. Керамика примитивна и включает три основные группы: с углубленным спиральным орнаментом, тонкостенную, лощеную с каннелюрами и грубую кухонную. Росписи еще нет, но появляется покраска и углубленный орнамент с заполнением белой пастой. Появляются женские глиняные

культовые статуэтки, традиционные для земледельческих племен.

На среднем этапе число и размеры поселений заметно возрастают, насчитывая до 200 домов. Поселения же в целом часто окружались оборонительными рвами. Для керамики среднего этапа наиболее характерны сосуды со спиральной росписью красной, черной и белой красками, хотя сохраняются и раннетрипольские формы с углубленным орнаментом и примесью шамота в глиняном тесте, широко распространенные на раннем этапе.

В хозяйстве среднего этапа вновь усиливается роль земледелия и скотоводства, что способствует также дальнейшей активизации межплеменного обмена, включая заметное увеличение медных изделий на средне- и поздне трипольских памятниках (включая изготовленные из чистой меди плоские клиновидные топоры, секиры, кольца. Широко используются богатые выходы кремня Поднепровья).

Особое внимание на конференции 1959 года было уделено дискуссионным вопросам расселения и судеб трипольского населения, последовавшим за периодом его расцвета. В процессе возрастающих переселений они распространяются в верховьях Днестра и по Днепру, на севере занимают южные окраины Волынского полесья, на востоке переходят на левый берег Днепра и в бассейн Десны, на юге из Южного Побужья продвигаются в степные пространства к берегам Черного моря (Усатово). Отдельные находки встречены и в излучине Днепра. Продвигаясь в новые районы, трипольские племена приобретают новые черты, характерные для населения степных и лесостепных областей. Наряду с расписной посудой у них распространяется керамика с примесью в тесте мелкотолченой раковины и украшенная оттисками перевитой веревочки. Но вместе с тем Т.С. Пассек определенно подчеркнула, что комплекс находок в целом остается характерным для трипольской культуры (поселения и жилища, формы и роспись сосудов, антропоморфные статуэтки, орудия труда). Отдельные инновации, отмеченные на позднем этапе, объясняются воздействием вклинивавшихся в их среду степных племен.

С особым вниманием выслушали сообщение Марии Гимбутас (тогда сотрудника Кембриджского университета США) – первый доклад о древнейшей культуре наших Каспийско-Черноморских степей на западном археологическом форуме. Узнал я о нем с известным предубеждением, поскольку сам заявил ту же тему, но доклад произвел на меня благоприятное впечатление: мы успели обсудить с Марией все наиболее острые вопросы и пришли к полному согласию по ним.

В дальнейшем нас связали тесное научное сотрудничество, истинная дружба и совместная разработка крупных на-

Объезд археологических объектов Чехии. 1959 г.

учных проблем (прежде всего, индоевропейской). Они продолжались более 30 лет, вплоть до ее кончины в 1994 году. И здесь я хотел бы посвятить несколько строк памяти этого крупного ученого, внесшего весомый вклад в первобытную археологию и древнюю историю Европы. Она прожила 73 года и прошла очень нелегкий путь от эмигрантки, вынужденной покинуть свою родную Литву, до одного из самых авторитетных археологов США, автора свыше двадцати монографий и двухсот статей.

Особо значимо для нас исключительное внимание, которое на всех этапах своей деятельности уделялось М. Гимбутас открытиям в области первобытной археологии европейской России и в смежных ей регионах Прибалтики, Белоруссии, Украины, Молдовы. Ее ценная монография 1956 года, охватившая огромный период от раннего неолита до среднего бронзового века, явилась для западной археологической литературы наиболее полным и адекватным отражением состояния археологических исследований на этой территории вплоть до середины XX века. И не менее информативна, в том числе и для русского читателя, следующая монография М. Гимбутас, расширявшая географические и хронологические рамки ее исследования до Центральной и Восточной Европы в целом. Дальнейшая ее деятельность в области археологии подчинена двум проблемным направлениям: индоевропейской проблеме и предшествующему индоевропеизации нео-энеолитическому периоду истории нашего континента. С последним связаны ее плодотворные полевые исследования многослойных поселений неолита, энеолита и раннего бронзового века Боснии, Македонии, Греции. Что же касается индоевропейцев, то будучи последовательным сторонником гипотезы восточно-европейской степной прародины индоевропейцев, М. Гимбутас в ряде крупных работ предложила свою версию обоснования как самой прародины, так и путей и этапов продвижения и индоевропеизации остального континента, а далее и некоторых районов Передней Азии.

...Но вернусь к конференции. Уже доклад Т.С. Пассек, как и последующие сообщения, состоялись не в Либлице, а в Брно, куда переместилась конференция. При этом наши чешские хозяева выработали маршрут, позволивший нам посетить ряд известных археологических объектов, в том числе и нео- и энеолитических, поражающих продуманностью и совершенством методики их вскрытия. Особое впечатление произвело на нас снискавшее мировую известность поселение Биланы. При осмотре его целый ряд прецедентов неолитических базовых слоев, включившихся в процесс перехода к энеолиту, был прокомментирован нам профессором Богумилом Соудским, подчеркнувшим, что процесс носил в

Роберт Эрлих (США)

П.Р. Гийо (Франция)

Чешский секретариат симпозиума. На заднем плане Ст. Пигготт (крайний слева), П.Р. Гийо, Э. Вогт (Швейцария), Э. Плелова (впереди слева)

*Академик Милутан Гарашанин
(Югославия)*

Антон Точек (Словения)

основном характер «продолжающейся эволюции», что крайне важно для понимания специфики развития культуры линейно-ленточной керамики — одной из самых значительных в Центральной Европе.

Естественно, посетили мы и Пражский национальный музей с его превосходной, принципиально новой экспозицией, позволяющей единовременное обозрение синхронных, но отличных значительной спецификой, а иногда и заметно различных памятников многих регионов страны, демонстрируя многообразие их развития, внутреннее соотношение и характер внешних связей. Ознакомление с экспозицией сопровождалось ярким комментарием директора музея, известного чешского археолога профессора Иржи Неуступного. Он напомнил о первых этапах разработки энеолитических проблем в начале XX века в Моравии Я. Паллиарди, в Богемии А. Стоцким, каждый из которых основывал свою концепцию энеолита на своей трактовке стратиграфии Старого Замка в Йевишовице (Юго-Западная Моравия). Они связывали энеолит с различными группами населения, тогда как Аксамит и Менгина видели здесь этап укрепления постройки.

Чрезвычайно сложная проблематика энеолитических культур Центральной Европы, охватывавшая территории

Венгрии, Чехии, Словакии, Польши, Восточной Германии была представлена на конференции рядом крупнейших специалистов названных стран — Я. Баннерам, И. Куциан, И. Неуступным, Е. Неуступным, А. Точеком, К. Яздравским, Я. Ковальчиком, В. Мухой, Э. Пресловой, М. Запотоцким, Б. Соудским, Г. Беренсом, И. Прессом, У. Фишером. Трудно отдать предпочтение одному или нескольким из них, да и не в этом состояла цель организаторов этого замечательного мероприятия. Хотел бы отметить превосходный доклад профессора Иржи Неуступного о самом зарождении термина «энеолит», его историческом содержании, специфике конкретных регионов Чехии и Словакии, с которыми он связан и своим происхождением, и первыми дискуссиями по всем основным его параметрам, и именами.

Появившись на грани XIX и XX веков термин «энеолит» был тогда же принят главой Российской Императорской археологической комиссии графом А.А. Бобринским. Не менее своеобразно происходил переход к энеолиту, как, впрочем, и формирование базовых для него неолитических культур, и в регионах Западной и Северной Европы, где самобытность и полицентризм обоих процессов сочетались с усиливавшимися воздействиями средиземноморского и переднеазиатского круга. И здесь возникали культурные образования различных масштабов и культурной насыщенности, сыгравшие большую, а в ряде случаев и огромную роль в заселении, экономике и культурном развитии этой части континента. Всем им на конференции (симпозиуме) было уделено максимальное внимание, их проблематика рассматривалась такими корифеями европейской праистории, как Стюарт Пигготт и Глен Дэниэл (Великобритания). Первый из них рассмотрел фактически сложнейшую проблему первичного заселения Британских островов, роль в этом процессе материковых воздействий и собственного последовательного развития. Вопрос о происхождении Уиндмилл-Хиллской культуры достаточно сложен, но преобладает версия о западных ее корнях. Хотя они и поставлены ныне под сомнение и соответствующая дискуссия по этой проблеме продолжается. Ст. Пигготт представил создавшуюся ситуацию всесторонне с учетом всех pro и contra каждой версии. Впрочем, это отличает всю многообразную деятельность замечательного английского ученого, творчеством которого я заинтересовался еще в аспирантские годы в связи с... арийской проблемой и древней историей Индии. Оказалось, что еще в 30-е годы, находясь на военной службе в этой стране (где возглавлял топографические работы), он достаточно скоро написал одну из лучших монографий по ее археологии и древней истории. Несколько позже им же была создана лучшая по настоящее время монография по важнейшей

проблеме возникновения и истории колесного транспорта. Уже не говоря о классических трудах по первобытной археологии Англии и Шотландии.

Я имел счастье в дальнейшем многократно встречаться с С. Пигготтом и всегда поражался его железной логике и эрудиции. Он неизменно интересовался российскими археологическими открытиями, но не только: восхищался, например, Галиной Улановой. А в Англии мне сообщили, что он очень даровитый поэт, но публикуется под строго засекреченным псевдонимом. Пройдет пятнадцать лет и на другой конференции — британско-русской, посвященной ближневосточной проблематике, Пигготт радостно вспоминал нашу первую встречу и всячески поддерживал русскую делегацию. Как и С. Пигготт, Г. Дэниэл живо интересовался археологическими открытиями в России, особенно в Северном Причерноморье и на Кавказе.

Вслед за докладами английских ученых симпозиум рассмотрел проблемы неолита Франции, представленные в обзорном докладе Жерара Бейлуа. Известным дополнением к этому обзору явился доклад Жерара Байу о распространении «культуры хлебных блюд», включенной в обширную Михельсбергскую культурную область, охватившую Францию, Бельгию, Рейнскую область Германии, частично Швейцарию.

Естественно, культуры северного неолита с их быстрым развитием, обилием и многообразием вариантов, распространение как к западу и северо-западу, так и к востоку и юго-востоку, начиная с культуры воронковидных кубков и далее до трансформации позднепалеолитических культур в ранненеолитические, заняли должное место в работах конференции. Этой проблематике было посвящено фактически большинство докладов, подготовленных представителями различных стран и школ.

Прежде всего, рассматривался вопрос о начале южно-скандинавской культуры воронковидных кубков. На симпозиуме этой сложной проблеме было уделено особое внимание. В частности был представлен доклад известного германского специалиста по неолиту Европы Г. Беренса, который доказал наличие трех основных компонентов, определивших формирование большой культурной области воронковидных сосудов ресенской ранненеолитической культуры Южной Скандинавии — с одной стороны, и северо-западной германской культурной керамики с глубокими наколами — с другой.

Распространение культур воронковидных кубков, особенно на средних и поздних ступенях их развития, на различные регионы континента заметно усложнило археологическую ситуацию в этих регионах. Особенно коснулось

это смежных областей Центральной и Восточной Европы, в этом плане особый интерес представляли доклады польских, чешских, венгерских, словацких ученых, среди которых были такие корифеи, как Конрад Язджевский, Янош Баннер, Ида Куциан и др. Польский археолог Ян Ковальчик представил, например, доклад «Культура воронковидных кубков и триполье».

XVIII

Древняямная культурно-историческая область

Выше я уже сказал, что указанный археологический феномен был предложен симпозиуму в качестве темы доклада сразу двумя его участниками — М. Гимбутас из США и автором этих строк от России. Оба, узнав об этом в последний момент, были несколько обескуражены и насторожены. Знакомы мы еще не были. У меня были все основания полагать, что М. Гимбутас лучше меня знает и соответствующую западную литературу вопроса (после блестящих работ давно ушедшего А.М. Тальгрена мало кого из европейцев интересовали внутренние проблемы российской праистории). При любой дискуссии основные козыри были в руках Марии. Но материалы последних исследований древнеямных памятников (например, на Нижней Волге, в зоне работ Сталинградской экспедиции) были, естественно, при мне. Поэтому сразу же после встречи в Либлице мы начали «выяснять отношения». И оказалось, что выяснять нечего. Почти по всем коренным вопросам проблемы мы фактически придерживались единых или достаточно близких взглядов, в том числе и на основные параметры культуры, такие как распространение, в основном с востока на запад, с охватом огромного пространства Каспийско-Черноморских степей.

Подвижные в основе скотоводческие группы стремились к максимально активным контактам с оседлыми соседями, вступая с ними в обмен широкого спектра и синтезируя их производственные, культурные, организационные достижения. Прежде всего, это касалось раннеземледельческих культур, как бы подстилавших степную полосу с юга и соприкасавшихся с ней через Западный Прикаспий, далее — через оренбургские степи и Южное Приуралье, где еще недавно были известны лишь единичные древнеямные курганы. Ныне же Н.Л. Моргуновой всесторонне исследован важнейший ряд курганных некрополей восточного фланга той же культуры, а Е.Н. Черных — уникальный меднорудный рудник Ай-Бунар, функционирование которого охватывало и энео-

лит. Эти замечательные открытия значительно обогатили представления об исходном периоде древнеямной культуры и степного скотоводческого энеолита в целом. С ними связано и заключение о западном направлении распространения его по южнорусской степной полосе, где этапы его зафиксированы взаимодействием древнеямной культуры Нижнего Поволжья и майкопской культуры Надтеречного района Северного Кавказа, причем, там сочетаются земледелие, животноводство, обработка меди и курганный обряд. И те же сочетания в Нижнем Поволжье, на Северном Донце, Дону, Днепре, в Днепро-Бугском лимане, Балкано-Дунайском регионе, Карпатском бассейне. Таким образом, мы видим две линии развития энеолита: южноевропейская — с доминантой земледелия и восточноевропейская — с доминантой животноводства.

И еще несколько замечаний, касающихся энеолита, в основном восточноевропейского. Распространение по гигантским территориям, использование самых различных ресурсов, традиций, инноваций, наконец, сам образ жизни и экономического развития возможны лишь при одном условии: доместикация лошади. С этим связаны и борьба за пастбище, и выделение вождей, и отдельные укрепленные поселки, и символика «вождества». Не здесь ли корни той специфики Каспийско-Черноморских степей, той особой ее окраски, которая сохранялась здесь на многие века?

Выше я коснулся представленной в моем докладе конца 1950-х гг. попытки определения параметров древнеямной проблематики. В силу этого пришлось обращаться ко все новым участкам степного энеолита и к смежным им регионам, прежде всего, к первичным очагам производящей экономики, взаимодействие с которыми выявило саму возможность заселения степных пространств, выработку ряда обусловивших это хозяйственных форм, подвижного скотоводства, обогащение их как собственными, так и заимствованными инновациями.

Итак, совершенно естественно наличие внутри огромной территории древнеямной культурно-исторической области ряда вариантов, соответствующих большим племенным группам. Уже к моменту симпозиума были выделены южноуральская, нижневолжская, средневолжская, донецкая, днепро-азовская, прудо-днестровская группы. С тех пор число групп и их значительность неизменно возрастали, наибольший архаизм был определен для восточных — южноуральской и нижневолжской групп, сочетание подвижного скотоводства с земледелием и оседлыми, в том числе укрепленными поселениями были зафиксированы в днепро-азовской группе, наличие северокавказских (майкопских) воздействий — в Нижневолжской группе, средневропей-

ских — на верхнем Днепре. Для каждой из групп выработана своя хронологическая шкала в общих пределах второй половины IV — III тысячелетиях до Р.Х.

Несмотря на очень раннее появление древнеямных культурных элементов на Украине, Поднепровье не может считаться территорией их происхождения. Неолитические культуры Поднепровья, Приднестровья и Крыма специфичны и при всем своем многообразии не находят закономерного продолжения в развитии собственно ямных культурных явлений. Ход развития культур с остродонной керамикой (сурско-днепровская культура, выделенная В.Н. Даниленко в Поднепровье) задолго до появления древнеямных памятников прерывается, распространяется иной культурой со своеобразной (реберчато-накольчатой) керамикой, возникшей задолго до появления древнеямных памятников. Еще более отлична неолитическая погребальная традиция этого района. Древнеямные погребальные памятники с их курганами, индивидуальными скорченными погребениями не могли быть связаны с этой традицией и явно появились извне. Судя по антропологическим данным, физический тип их населения также несколько отличается от населения, оставившего древнеямные захоронения.

Все это позволяет считать, что Поднепровье явилось территорией очень раннего распространения древнеямных племен и их культурных воздействий, но ареалом их происхождения оно не было. Здесь они вступили в длительное и сложное взаимодействие с близкими им по уровню развития, но обладавшими значительным культурным своеобразием, местными племенными группами. Результатом этого взаимодействия явилось, с одной стороны — создание культурной общности, с включением ее в древнеямную культурно-историческую область, с другой — значительная специфика развития местных вариантов этой области, связанная с собственными местными традициями.

На момент симпозиума 1959 года наиболее вероятной территорией формирования «собственно древнеямных» племен представлялась степная полоса от Южного Приуралья до Нижнего Поволжья. Здесь локализируются наиболее ранние специфические древнеямные комплексы. Не исключена возможность активного участия в этом процессе и более восточных, смежных уже Средней Азии областей, это касается как глубоко архаичных неолитических памятников (Джебел), так и энеолитических, синхронных древнеямным (Заман-Баба I).

Наконец, важнейший вопрос этнической принадлежности племен древнеямной культурно-исторической области может быть поставлен лишь на очень широком историческом фоне с ретроспективным рассмотрением древнейшей

истории степной полосы, начиная с раннего железного века, т.е. со времени появления здесь первых безусловных лингвистических свидетельств. Эти данные достаточно определены и позволяют с уверенностью говорить о распространении здесь в I тысячелетии до Р.Х. больших лингвистически индо-европейских групп: скифов, меотов, сарматов, савроматов и др. Всесторонние комплексные и, прежде всего, археолого-лингвистические исследования их корней и исторических судеб (Б.Н. Граков, А.И. Мелюкова) позволили существенно углубить исследования, установив их определяющие связи как в пространстве, так и во времени. Рассматриваются они, прежде всего, путем изучения внутренней механики развития археологических культур, преемственности между ними по всем основным показателям археологических материалов. Эта преемственность связывается со всеми основными моментами экономического и общественного развития. Путем таких исследований выясняется глубокая генетическая связь культуры ираноязычных народов раннего железного века с культурами развитого и позднего бронзового века Черноморско-Каспийских степей. Эта связь настолько глубока и многостороння, что принадлежность племен основной историко-культурной области отмеченной территории (срубной) к индоевропейской языковой семье представляется несомненной вне зависимости от того, как будет решен вопрос о месте и характере происхождения каждого из названных выше народов.

Процесс развития срубной культурно-исторической области прослежен ныне на протяжении всего II тысячелетия до Р.Х. Это процесс развития большого массива родственных племен, не нарушаемый историческими катаклизмами. Никаких свидетельств смены населения или вторжения больших групп, которые могли бы привести к резким языковым изменениям, в этот период нет. Это, конечно, не исключает возможности отдельных перемещений и самых широких связей. Одним из значительных достижений последнего времени является выявление восточной ориентации этих связей как основной, установление значительного культурного (а скорее всего, и этнического) единства «срубной культуры» с культурой племен развитой бронзы Средней Азии, живших на границе великих земледельческих цивилизаций Иранского нагорья и юга Средней Азии.

Не менее значительно установление несомненной генетической преемственности между «срубной культурой» и предшествовавшей ей ямной культурно-исторической общностью. Эта преемственность доказывается всем комплексом археологических данных, в том числе таким значительным этнографическим признаком как погребальный обряд. Подтверждается это и данными антропологии.

Таким образом, по археологическим данным генетические связи населения индоевропейской группы Причерноморья и Прикаспия I тысячелетия до Р.Х. уходят в глубочайшую древность. Вместе с тем археологический материал свидетельствует о постоянных и все усиливающихся связях этих территорий с востоком, с территориями древнейших цивилизаций, в более позднюю эпоху — распространения ирано-язычных племен.

В этих построениях в силу специфики рассматриваемой территории археологическому материалу принадлежит основная роль. Однако и возможности лингвистического анализа и сопоставления с археологическими данными здесь расширились за счет изучения реминисценций индоевропейских языков в языках неиндоевропейских народов лесной полосы Восточной Европы. Такие исследования показали, что эти реминисценции относятся к весьма древним ступеням развития индоевропейских языков (до расчленения на славянские, германские и балтийские), включают отдельные индоиранские элементы и прослеживаются в областях, где северные племена контактировали с южными в эпоху неолита и бронзы.

Все это позволяет связывать древнеямную культурно-историческую область с одной из групп индоевропейских племен. Длительный период развития этой группы, расселение ее на огромной территории, включение в состав культурно-исторической области многочисленных племенных групп определили большую сложность исторического процесса энеолитической эпохи в степной полосе и особое значение его для этнической и культурной истории Восточной Европы.

XVIII

Северный Кавказ

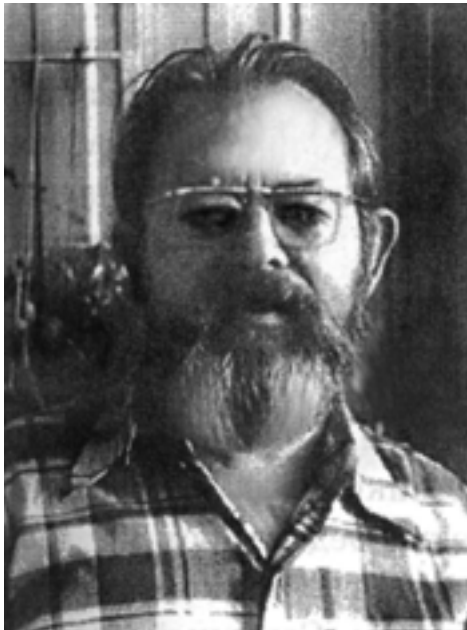
Об особой роли Кавказа в древнейшей и средневековой истории Евразии впервые услышал я еще студентом от В.А. Городцова, который был там лишь однажды, но сумел оценить насыщенность этого региона археологическими памятниками, ключевыми для самых различных эпох — от первого на нашей территории появления металла, земледелия и восприятия воздействий древнейших в мире цивилизаций Ближнего Востока до создания оригинальнейших культур раннего и зрелого средневековья. Далее помню, как в общем курсе археологии С.В. Кислева еще в 1943 году прозвучала мысль о Кавказе как о форпосте ближневосточной цивилизации на востоке и важнейшей роли в распространении ее на значительные области Старого Света. Далее мы — начинающие — с восторгом воспринимали сведения о замечательных открытиях Б.А. Куфтина, Б.Б. Пиотровского, А.И. Джавахишвили, С.Н. Джанашия, О.М. Джапаридзе, Е.И. Крупнова; и казалось нам, что речь идет о фантастических открытиях в другом мире. Потом обстановка оптимизировалась, «миры» сблизилась, начались регулярные связи, кавказская археология стала закономерной и неотрывной частью тематики нашего коллектива. Очень большую роль имела активная деятельность Е.И. Крупнова, в лучшем смысле этого слова влюбленного в Кавказ, его древности, его научный потенциал. И еще значительную роль сыграло поступление в нашу аспирантуру молодых кавказских специалистов Р.М. Мунчаева, Н. Шейхова, И.Г. Нариманова, Т.А. Бунятова, В.А. Кузнецова и др., общение с которыми «приобщило» нас к многообразной и увлекательной кавказской проблематике, началось экспедиционное общение, определялись существенные проблемы, требующие совместных исследований, все большего научного и человеческого сближения. Я уже писал, что Р.М. Мунчаев с самого начала Куйбышевской экспедиции трижды участвовал в ее исследованиях совместно со мной и А.П. Смирновым, то же следует

сказать и о Н. Шейхове, И.Г. Нариманове и др. Естественно, многие из нас были крайне заинтересованы в обоюдности наших контактов и в ознакомлении на месте с состоянием и проблемами кавказской археологии.

XIX

Мекенские курганы

В 1956 году Е.И. Крупнов пригласил меня принять участие в большой экспедиции по ряду городов и областей Северного Кавказа для ознакомления и с конкретными районами, и с памятниками. В поездке принимали участие Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин и другие находящиеся на подъеме кавказоведы, общение с которыми делало весьма показательным каждый объект и восприятие его с определенной подготовкой, с открытыми глазами. Поездка началась в Грозном, охватила ряд поразительных по природным богатствам и красоте районов и интереснейших ранних и поздних памятников: особенно помню Татартубский минарет, Нальчик с его музеем, Пятигорск с музеем и лермонтовскими местами и, наконец, Кисловодск, где в парке санатория им. Горького мы даже произвели вскрытие двух погребений раннего железного века, обнаруженных случайно при создании парковой оранжереи и еще в древности частично разграбленных. По окончании этой памятной поездки мы с Евгением Игнатьевичем посетили Махачкалу, где он не только показал мне очень оригинальный приморский город, интереснейшую экспозицию Республиканского музея, свидетельствующую об огромных перспективах дальнейшего развертывания здесь широких археологических исследований, но и съездил со мной в одну из действующих экспедиций. Насколько я помню, возглавлял ее работавший тогда в Дагестане С. Канивец, и была она в долине Сулака, которая произвела на меня огромное впечатление, как и результаты весьма интересных раскопок. Конечно, в восприятии абсолютно нового для меня материала Дагестана бронзового века основную роль сыграли комментарии Евгения Игнатьевича, выходявшие далеко за рамки определенных археологических периодов в археологии вообще и Дагестана географически, но оставаясь посвященными Кавказу, его прошлому, научному и историческому наследию, культуре, величественным и трагическим периодам

Марковин Владимир Иванович

его многострадальной истории. Я очень рад, что несколько позже мне довелось и самому провести два сезона полевых исследований на Северном Кавказе в тесном контакте с этим замечательным человеком и моими друзьями-кавказоведами, прежде всего, с Рауфом Магомедовичем Мунчаевым, рабочие контакты, а далее и совместные исследования с которым, превратились в подлинную традицию, охватившую и ставшие совместными проблемы, и самые различные территории. Десятки лет вели совместные раскопки сложнейших памятников, но это позже; тогда же, Рауф Магомедович решительно способствовал моей адаптации в проблематике и методике кавказских исследований. Более того, оба моих «кавказских сезона» я продолжал раскопки памятников,

ранее открытых Р.М. Мунчаевым.

Первым объектом явилась здесь гигантская курганная группа, примыкающая к высокому краю надпойменной террасы Терека. Курганы покрывают здесь участок длиной 2300 м одним или двумя рядами, тянутся с запада на восток, замыкаясь особенно крупными насыпями. Только на указанном участке у станицы Мекенской было зафиксировано 44 кургана, но распространены они и за пределами группы, особенно в уходящих к северу степных просторах.

Средняя высота насыпей — 2 м, но немало и подлинных великанов, достигавших 6 м и даже 9 м. Характер двенадцати погребений, вскрытых Е.И. Крупновым и Р.М. Мунчаевым в первом сезоне раскопок в 1956 году, позволил предполагать наличие здесь наряду со специфическими северокавказскими элементами, начиная с майкопской культуры раннего бронзового века, также и культурных признаков, присущих степным культурам — ямной и срубной. Уже тогда появились основания говорить об индикаторах контактной зоны в притерских степях.

Мекенские курганы образуют ряд групп. Раскопки оба сезона — 1956 года и 1959 года велись в восточной группе. Они располагались в один или два ряда и на востоке замыкались большим курганом, в высоту превышавшим 6 м.

В 1956 году Е.И. Крупновым и Р.М. Мунчаевым были вскрыты три кургана и исследованы 12 погребений, отно-

сящихся, в основном, к раннему и среднему бронзовому веку Сев. Кавказа. Но уже тогда оба исследователя подчеркивали, что наряду с ними, и в насыпях, и во впускных погребениях были найдены свидетельства проникновения в кавказскую среду элементов степных культур (прежде всего, катакомбной, предположительно также древнеямной и срубной). При этом подчеркивалась важность нахождения кавказских и степных культурных элементов под едиными курганными насыпями. И все же наиболее важные и ранние свидетельства сосуществования и степных и кавказских элементов здесь сочетаются еще со словом «предположительно» в силу и характера находок, и условий их расположения. В устранении подобных сомнений основная роль перешла вновь к раскопкам у ст. Мекенской, порученным в 1959 году Е.И. Крупновым мне.

В западной части той же курганной группы были вскрыты еще три крупных кургана, высота которых приближалась к 4 м, а диаметр превышал 40 м. В курганах оказалось 34 погребения. В раскопках участвовали Л.А. Соловьева, М.П. Севастьянов, М. Усманов, С. Ибрагимов из Грозного, а из Москвы — моя многократная и дорогая спутница — и в Поволжье, и здесь, на Кавказе — Ольга Николаевна Аксенова (тогда Евтюхова) из семьи незабвенных С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой. Для меня они никогда не уйдут, и Оля символизирует продолжение этой связи, проходящей через всю мою жизнь.

Мекенская была терской казачьей станицей, а жители ее крепкими и гостеприимными хозяевами. Такова была наша хозяйка, казачка-вдова. Очень внимательна была она и ко мне, особенно когда узнала, что я сын офицера — кавалериста Первой мировой войны. Сразу же познакомила меня со своей родней из соседней станицы Наурской — резиденции районной власти — и мы сразу же получили там скрепер, что решительно облегчило нам вскрытие очень крупных курганов. Надо сказать еще об одном памятном моменте. Утром, минута в минуту, пригонял он скрепер и, вздыхая, смотрел на меня (предварительно узнав, что на фронте я был танкистом). Что же, пришлось осваивать новую профессию.

Аксенова (Евтюхова) Ольга Николаевна

Оказалось это сравнительно просто. Весь научный состав шел непосредственно за скрепером и при первых же признаках могильной ямы оповещал меня, поэтому ни одно погребение не было нарушено. И стратиграфические позиции каждого определялись с предельной четкостью. Намечались даже горизонты хронологически близких погребений, порядок которых был близок во всех трех исследованных курганах. Это позволяло полагать, что курганы единой территориальной группы функционировали примерно в единый период при определенном разбросе хронологически близких типов. Такие периоды могут быть условно названы горизонтами. И во всех трех курганах нижний горизонт содержит майкопские погребения, в том числе основные с характерной деревянной конструкцией, «классической» майкопской керамикой и богатым прочим инвентарем, включая золотые кольцевидные подвески.

Раскопки 1959 года у станицы Мекенской явились прямым продолжением исследований 1956 года. При этом производились они в пределах той же курганной группы. Была продолжена и начатая в 1956 году нумерация курганов. Несколько отвлекаясь, должен сказать, что наименование памятника вызвало некоторое недоумение, особенно у иностранных коллег: путали наши скромные Мекены с всемирно прославленными Микенами Г. Шлимана; я получил в связи с этим несколько открыток с вопросами и даже поздравлениями. Здесь пришлось спуститься с небес на грешную землю, но раскопками этими я вполне доволен: пусть «И» сменимо на «Е», но поставленная перед нами задача была выполнена. А задача была следующей.

Издавна особое внимание археологов привлекали древнейшие связи Кавказа с Каспийско-Черноморскими степями. Для каждой эпохи смысл этого вопроса был специфичен. Уже для раннего палеолита был поставлен вопрос о древнейшем этапе заселения человеком как самой степной, так и гигантской смежной с ней территории через Кавказ. Здесь можно вспомнить добром такого талантливый исследователь, как Сергей Николаевич Бибиков. Нас связывала с ним многолетняя дружба. И он тотчас же написал мне письмо по этому поводу, подчеркивая необходимость предельного внимания к контактам между обоими регионами в смене последовательных эпох. Сразу же указал мне на значительную информативность в этом аспекте мезолитических материалов, что в дальнейшем было безусловно доказано исследованиями соответствующих памятников Х.А. Амирханова, Р.М. Мунчаева, А.А. Формозова и др. Исчерпывающе доказано активное взаимодействие обоих регионов на грани эпохи бронзы и раннего железного века. Вопрос о связях степных и северокавказских племен в энеолите и раннем бронзовом

веке ставился неоднократно, причем особое внимание обращалось на значительное воздействие кавказских феноменов на степь в различных аспектах, прежде всего, в металлургии и металлообработке. Но в аспекте общеисторическом вопрос о кавказско-степных связях детально не разрабатывался. И, повторяю, несмотря на превосходные исследования конкретных проблем Б.А. Куфтиным, А.А. Иесеным, Е.И. Крупновым, Р.М. Мунчаевым специальных целенаправленных работ на указанную, весьма нелегкую, но принципиально важную тему не было. Да и материал для создания ее был еще не достаточен. И вот он-то и был существенно пополнен раскопками у станицы Мекенской.

При безусловном значении прямых и на сей раз безусловных свидетельств связей и взаимодействия кавказских и степных групп населения в энеолите и бронзовом веке, этим не исчерпывается общая информативность Мекенской курганной группы. Ряд моментов касается здесь внутренних вопросов, затрагивающих специфику сугубо кавказских памятников.

Прежде всего — стратиграфические наблюдения. В трех курганах удалось выделить первоначальную насыпь, перекрывающую основное погребение. Определенный период эта насыпь существовала самостоятельно и не была еще перекрыта мощным верхним слоем, создающим современные очертания курганов. Основные погребения составляют первый, древнейший горизонт. Погребения же, впущенные в первоначальную насыпь, составляют второй горизонт. После совершения каждого из этих погребений поверхности насыпи вновь придавалась правильная форма. Иногда производились небольшие присыпки к полам кургана.

Естественно, периоды существования первоначальных насыпей у различных курганов могут быть различны. Однако в исследованных курганах общие хронологические рамки выделенных горизонтов принципиально совпадают.

Одним из важных реперов определения культурной принадлежности первого древнейшего горизонта мекенских курганов явился небольшой тонкостенный сосудик с черной лощеной поверхностью, лежавший на боку перед лицевыми костями основного погребения 16 кургана 4. Именно он имеет наиболее близкие аналогии в памятниках Прикубанья, но не меньшая близость его фиксируется и с находками раннебронзового века в Закавказье.

Создается впечатление, что появление на Северном Кавказе металлургии и металлообработки меди, создание первых курганов и формирование ряда сторон погребального обряда — скорченного труположения — на боку или на спине с посыпкой дна ямы золой являются взаимосвязанными акциями, последовательными ступенями единого процесса.

Стратиграфические данные кургана № 6 мекенской группы весьма важны для рассмотрения проблемы хронологического соотношения ямной и майкопской культур. Они доказывают синхронность определенных этапов обеих культур. В данном случае они важны как еще одно доказательство глубокой древности майкопских курганов и наличия нарастающего воздействия их создателей на культуры обширных степных и смежных им территорий. Во взаимодействии же двух древнейших культур безусловен приоритет майкопской, о чем четко свидетельствует и характер памятников, и количественное соотношение культурных элементов, и значение их в развитии обоих массивов населения.

Во втором горизонте мекенских курганов положение заметно изменилось. Правда, во всех случаях верхняя дата этого периода не выходит за пределы среднего бронзового века. Наиболее четко граница второго горизонта прослеживается в кургане 4, где в древнейшем погребении найдена архаичного типа курильница, принадлежавшая катакомбной культуре, сменившей древнеямную в черноморско-каспийских степях. И как бы ни решался вопрос в происхождении последней, с кавказским культурным миром она взаимодействовала с севера, сыграв значительную роль в формировании ряда культур среднего бронзового века, объединяемых в северокавказскую культуру. Большая часть погребений второго горизонта относится как раз к различным этапам развития северокавказской культуры.

Таким образом, если можно было для нижнего горизонта говорить о вклинении единичных древнеямных элементов в основной кавказский контекст, то на следующем этапе многообразная и высокоразвитая катакомбная культура в степном своем варианте оказывает решительное влияние на сам кавказский контекст, трудно отличимый теперь от основных степных катакомбных индикаторов.

Таким образом, зона стыка северокавказской и катакомбной культур выражена здесь с предельной четкостью. Только в зоне контакта возможно сочетание погребального обряда и инвентаря катакомбной культуры с металлическими изделиями, украшениями и прочими свидетельствами северокавказской культуры со специфическими формами керамики, характерными для древних культур Восточного Предкавказья.

Третий стратиграфический горизонт мекенских курганов связан уже с созданием большой насыпи, перекрывшей первоначальную. Древнейшие погребения также относятся в большинстве своем к северокавказской, а в отдельных случаях — к катакомбной культуре. Погребения третьего горизонта свидетельствуют о продолжающихся связях со степными племенами, хотя здесь менее ярко, чем во втором

горизонте. Это касается, прежде всего, вопроса о связях со срубной культурой. Некоторые особенности погребения 1 и 2 кургана 2 — характер скорченности, положение на левом боку, северо-восточная ориентировка, отсутствие краски — позволяют предполагать связь этих погребений со срубной культурой. Отдельные признаки срубной культуры в Предкавказье были прослежены вплоть до предгорных районов (в нижнем слое Алхастинского поселения в Ассинском ущелье), под Моздоком и на Черных землях.

И здесь, как и в раннем и среднем бронзовом веке, Северный Кавказ сыграл свою роль в процессе становления срубной металлургии и металлообработки, высокоразвитые центры которой плодотворно исследованы ныне в Подонье, Поволжье, Приуралье и по всей срубной ойкумене. Эта линия связи прослеживается до раннего железного века, причастны к нему и мекенские курганы, в одном из которых был открыт выразительный сарматский комплекс. В целом же, Мекенская курганная группа уникальна по информативности для изучения последовательных периодов кавказско-степного взаимодействия.

XX

Поселение Сержень-Юрт

В 1960 году я вновь имел удовольствие участвовать в раскопках на Северном Кавказе, причем на сей раз исследованию подвергались не курганы, а достаточно сложные культурные слои очень специфического поселения с двумя различными периодами существования. Поселение располагалось у села Сержень-Юрт в Чечне и было открыто в 1959 году Р.М. Мунчаевым, положившим начало его раскопкам и четко определившим наличие двух слоев: нижнего — эпохи ранней бронзы и переходного периода от бронзового к раннему железному веку (кобанской культуры). Мне было поручено продолжить раскопки памятника и, прежде всего, расширить вскрытие верхнего слоя, поскольку переходный период к раннему железному веку Северного Кавказа — одна из важнейших проблем древней его истории. Для разработки ее особенно важны материалы бытовых памятников, поскольку в те годы они были единичны. Только в двух случаях можно было говорить о широких, давших обильный, подлинно информативный материал поселенческих раскопках в центральной части Северного Кавказа — это Алхастинское и Змейское поселения. Вопрос ставился как об общем характере переходного периода, так и о его специфике в конкретных районах, о наличии локальных вариантов. Первые же материалы, полученные Р.М. Мунчаевым на Сержень-Юрте, обусловили необходимость широкомасштабного исследования.

В составе моего отряда успешно работали мои коллеги и друзья по институту археологии РАН Ольга Николаевна Аксенова и Валентина Ивановна Козенкова. Последняя, приняв со следующего сезона отряд, придала исследованиям Сержень-Юрта широчайшую масштабность, сделала ряд подлинных открытий и превратила поселение в эталонный объект, данные которого осветили ряд ключевых проблем северокавказской археологии и древней истории.

Поселение располагалось на высоком холме с очень крутыми склонами и высотой до 9 м. Оно имело овальную форму, в длину достигало 125 м, а в ширину 63 м.

В 1960 году для вскрытия была избрана площадь, непосредственно примыкавшая к раскопу Р.М. Мунчаева 1959 года. Толщина культурного слоя здесь достигала 0,8 м при значительной его насыщенности фрагментами керамики, а также строительными остатками (в основном, обожженными глиняными блоками), металлическими, каменными и костяными изделиями.

Такое состояние слоя связано с многочисленными ямами-хранилищами, прорезавшими более раннюю часть верхнего культурного слоя. Они занимают значительную часть площади. В 1960 г. их найдено 47. Формы их многообразны: круглые, овальные, прямоугольные в плане; цилиндрические, полукруглые, грушевидные в разрезе, с обмазанными глиной стенами и дном или без обмазки, не дающие никаких стратиграфических реперов, кроме свидетельства о наличии «горизонта ям», врезавшегося в более ранний горизонт того же верхнего слоя, единого по характеру керамики, а также прочих находок внутри ям и между ними. Разнообразны размеры ям, их диаметр, глубина (от 0,50 × 2,50 м) и, наконец, их функции: хранение мясных продуктов, зернохранилища, кладовые. Все в ямах было перемешано и дестратифицировано.

У самого юго-западного края поселения на наиболее высоком участке холма открыты остатки оригинальной и интересной постройки. Это пятиугольник со стороной примерно 4 м. Стены сложены из обожженных глиняных блоков необычной формы и конструкции; уложены блоки в два ряда по толщине стены. Основания стен здания (которые лишь условно можно назвать фундаментом) по углам были дополнительно укреплены особой системой глиняных блоков и выкладкой из больших камней, причем на двух углах среди камней лежали зернотерки. Открытая внутри здания перегородка была глинобитной, основу ее составлял ряд вертикальных столбов.

Полом здания служила материковая глина, покрытая слоем мелкой гальки. В центре у стены были открыты очаги. Вблизи очагов обнаружены большие завалы керамики, особенно фрагменты красноглиняных, хорошо обожженных сосудов с «пачкающим черепком», абсолютно нехарактерных для основной верхней части культурного слоя. Закономерно возник вопрос о хронологическом соотношении этого слоя с обоими его подразделениями и пятиугольной постройкой. Установлено, что они разделены весьма значительным отрезком времени. Это подтверждается следами разрушений ряда элементов пятиугольного здания впущенными до их уровня ямами. Во всяком случае, для «создателей ям» пятиугольник был уже своего рода археологическим объектом; остатки его были перекрыты землей. Следовательно, верх-

Металлические и костяные изделия из верхней части культурного слоя

- 1 — тесло бронзовое,
- 2 — стрела костяная,
- 3 — стрела бронзовая,
- 4 — нашивные пластинки,
- 5 — перстень бронзовый со спиралями,
- 6 — фронизки,
- 7 — костяной наконечник стрелы

няя часть культурного слоя наслаивалась на уже нивелированные временем остатки пятиугольной постройки.

Факты свидетельствуют о длительности жизни поселения и о реальности выделения двух периодов его существования. Подтверждение этому дает и анализ находок. Уже с самого начала раскопок бросалось в глаза незакономерное сочетание таких абсолютно несовместимых находок, как железные серпы и кремневые вкладыши составных серпов; бронзовое тесло, характерное для начала I тысячелетия до Р.Х., и грубые каменные тесла, распространенные в энеолите и начале раннего бронзового века, развитые формы бронзовых наконечников двушипных стрел с длинным черенком и архаичные треугольные кремневые наконечники с вогнутым основанием. Стратиграфические показатели внесли ясность в этот вопрос и позволили отделить находки верхней части культурного слоя, связанной с созданием обширной системы ям-хранилищ, от более ранних находок, синхронных постройке из глиняных блоков (пятиугольнику) и стратиграфически ей однозначных. И, прежде всего, эти ранние находки представлены фрагментами красноглиняных сосудов, которые по форме своей, качеству глины, обжигу и оформлению поверхности заметно выделяются из общей массы керамики поселения. Это характерные грушевидные горшки с мягким перегибом тулова и уплощенным дном; поверхность их шероховатая, красная или красно-бурая, обжиг ровный, черепок пачкающий.

К нижнему же слою должны быть отнесены многочисленные кремневые вкладыши серпов с зубчатым рабочим краем, архаические кремневые ножи, каменные зернотерки и шаровидные наконечники булав из змеевика.

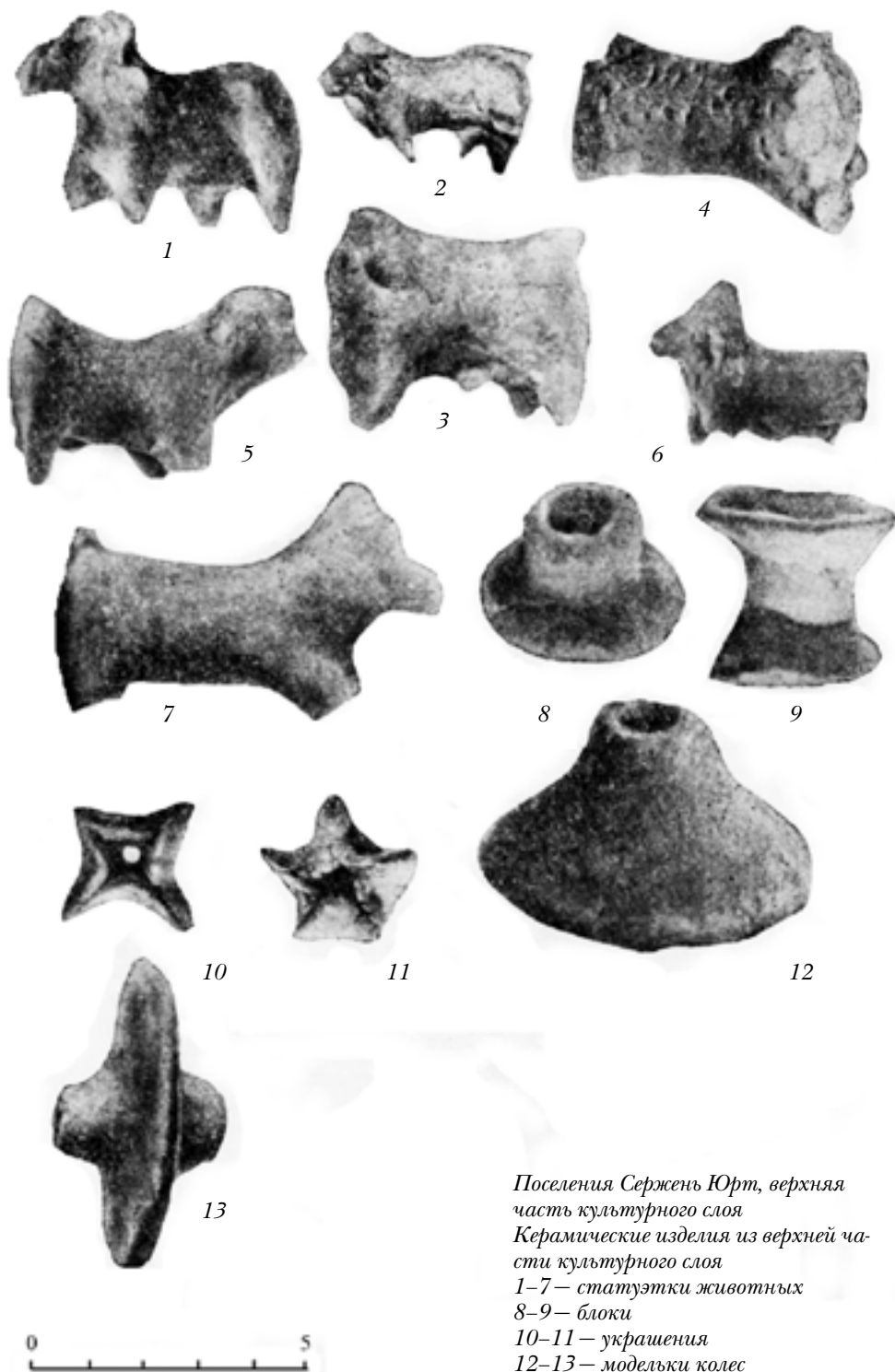
Вопрос о дате первого периода существования поселения потребовал тщательной разработки. Конструкция пятиугольника оригинальна и не находит прямых аналогий ни на Кавказе, ни на Ближнем Востоке. Однако отсутствие котлована для основания стен и закрепления нижних блоков на обрамлявшей внутренний котлован глиняной полосе могут рассматриваться как архаичный признак. Для красноглиняных сосудов с «пачкающим черепком» есть достаточно близкие аналоги керамики раннего бронзового века Северного Кавказа (например, среди находок в культурных слоях Долинского и Лугового поселений), а также и в погребальных памятниках, прежде всего, в исследованных Р.М. Мунчаевым Бамутских курганах, успешные раскопки которых я в том же году имел возможность посетить по приглашению их авторов. Треугольные наконечники стрел с выямчатым основанием, характерные бронзовые тесла с перехватом у обуха, вкладыши с прямым и зубчатым рабочим краем, несмотря на многократно нарушенный, перемешан-

ный характер слоя обуславливают выделение двух хронологически разрозненных периодов существования поселения, с отнесением первого из них к энеолиту или началу раннего бронзового века.

Верхний же слой поселения был гораздо полнее насыщен четко датированными изделиями, и вопрос о его дате разрешался на основе целых серий безусловных индикаторов, прежде всего, керамики, хорошо известной в комплексах первой четверти I тысячелетия до Р.Х. Северного Кавказа. Вместе с тем керамический комплекс нашего поселения оригинален и значительно обогащает представления о керамике указанного периода. То же надо сказать о глиняных статуэтках баранов, лошадей, свиней, собак. Широкое распространение получают уже медные и появившиеся бронзовые изделия — от пронизок до наконечников стрел и тяжелых тесел. Что же касается столь значительной системы ям-хранилищ, определяющих функциональную и конструктивную специфику второго верхнего культурного слоя Сержень-Юрта, то в указанный период они, очевидно, служили убежищем для населения ряда открытых селищ на случай вражеского нападения. К этому располагали и природные особенности высокого холма с крутыми склонами, и следы фортификаций, и бронзовые наконечники стрел, и пращевые пули, и массивные каменные ядра. А следы пожаров и разрушений документируют, очевидно, трагический финал поселения.

К сожалению, должен сказать, что мое участие в исследованиях поселений Сержень-Юрт было достаточно скромным и ограничилось одним сезоном, в ходе которого удалось заметно расширить вскрытую площадь, полностью подтвердить заключения Р.М. Мунчаева о двуслойности памятника и получить новый, достаточно специфичный материал из обоих слоев. Для меня самого было чрезвычайно интересно и важно соприкосновение с еще одним сложным и очень информативным памятником кавказской археологии. Но дело, прежде всего, в перспективе. Я рад, что в какой-то мере способствовал ее развитию.

Полагаю, что именно эта перспектива значительно более, нежели результаты сезона 1960 года, оправдывает мою причастность к исследованиям Сержень-Юрта.

*Поселения Сержень Юрт, верхняя часть культурного слоя
Керамические изделия из верхней части культурного слоя
1-7 — статуэтки животных
8-9 — блоки
10-11 — украшения
12-13 — модельки колес*

XXI

Болгария

Весной 1954 года начал приподниматься железный занавес. На сессию отделения исторических наук и пленум нашего института, посвященные итогам археологических исследований 1953 года, после многолетнего перерыва приехала большая группа археологов из социалистического лагеря, в том числе ряд крупных специалистов. Они с большим интересом обсуждали результаты полевых исследований в нашей стране, и сами выступили с серией докладов значительного тематического спектра. Возобновились научные дискуссии, столь плодотворные во времена В.А. Городцова и А.М. Тальгрена, и оперативное обсуждение новейших материалов ряда регионов, собранных с участием крупнейших зарубежных ученых. Не буду, естественно, приводить их полный список, но назову такие имена, как И. Неуступный, И. Поулик, Ян Айснер (Чехословакия), Р. Раду-Вульпе (Румыния), П. Гримм (ГДР), К.И. Миятев (Болгария), Ф. Фюлепп (Венгрия), Пэн Венчжин (Китайская Народная Республика), Ст. Пигготти и Г. Даниэл (Англия), М. Гимбутас и Р. Эрих (США).

В помощь зарубежным коллегам были выделены от Института этнографии С.И. Брук, от нашего института — А.А. Формозов и автор этих строк. Я больше всего стремился к контакту с академиком К.И. Миятевым, в то время директором археологического института Болгарской академии наук. Он поразил меня глубокими и разносторонними знаниями ключевых проблем, разрабатывавшихся тогда болгарскими учеными, в области как древней, так и средневековой истории, глубокой интеллигентностью и мудростью. От него первого я получил информацию о замечательных исследованиях академика Владимира Георгиева в области изучения прагреческих языков Балкан (предвосхитивших гениальные работы Вентриса) и в то же время — о роли севера Балкан в распространении в Европе древнейшего земледелия, а далее и о сложном процессе болгарского этногенеза. Кристо

Иванович говорил о ряде разнохарактерных путей связей севера Балкан с ближневосточными центрами древнейшего земледелия и степными — древнейшего животноводства. Говорил очень осторожно, не абсолютизируя ни один из источников внешнего воздействия, но признавая роль их взаимодействия наряду с поразительными природными богатствами самого балкано-дунайского региона, начиная с определения здесь еще великим Вавиловым одного из центров происхождения диких злаков. В то же время, переходя к раннему средневековью, составлявшему тогда второй круг моих интересов (и прежде всего, в связи с проблемой праболгар и их связи с азово-причерноморскими степями и лесостепью), К.И. Миятев предупреждал о необходимости избегать здесь однозначного решения и призывал учитывать взаимодействия различных компонентов.

Беседы с этим мудрым человеком произвели на меня глубокое впечатление. По многим пунктам наши представления были близки, и мой интерес к Болгарии, начало которому было положено работой с салтовскими материалами, значительно расширился, охватив и более ранние эпохи. Особенно заинтересовало меня изначальное — начавшееся еще в раннем неолите — сочетание на севере Балкан ближневосточных и центрально-европейских воздействий с постепенным усилением последних и даже определенным культурным переоформлением вплоть до обратных воздействий.

Профессор Г. Георгиев

К.И. Миятев

Мне представилось возможным это, еще сугубо предварительное, наблюдение связи с нижними слоями Гисарлыка (болгарское название Хисарлыка. — *Ред.*), более чем на тысячелетие подстилавшими слой 7-а, принадлежавший гомеровской Трое. К.И. Миятев одобрил такое направление исследования, что очень меня воодушевило, и обещал в дальнейшем пригласить меня в Болгарию для участия в разработке этой проблемы. При этом он даже отметил некоторые материалы из собственных раскопок. «И, прежде всего, следует обратить внимание на Ранний бронзовый век, — предупредил Христо Иванович, — слои которого меньше и менее выразительны более ранних, но, безусловно, содержат анатолийские элементы, с одной стороны, и центрально-европейские (подобные

баденским) — с другой. Не исключена возможность, — продолжал мой собеседник, — наличия здесь явления активного синкретизма, резкой культурной смены, охватившей как балкано-дунайский регион, так и саму западную Анатолию, европейские связи которой именно с началом раннего бронзового века заметно активизируются».

Повторю, что мне глубоко импонировало такое направление исследования, при котором была заметно конкретизирована проблема евразийских контактов на грани энеолита и раннего бронзового века, и определен один из важнейших путей этих активных и двусторонних контактов, заметно воздействующих на исторические судьбы обоих континентов. Естественно, болгарская первобытная тематика очень увлекала меня, знакомство с ней открывало все более значительные перспективы. И конечно, я с нетерпением ждал участия в непосредственной ее разработке. В 1957 году я впервые получил от К.И. Миятева приглашение в Болгарию. Отправились мы вдвоем. Спутницей моей была М.М. Кобылина — видный специалист по античной археологии и опытный полевой работник. В этой поездке Мария Михайловна получила возможность непосредственно ознакомиться с античными памятниками Западного Причерноморья, а я — с одним из древнейших очагов европейской цивилизации. Первые же километры Болгарии поразили нас красотой, многообразием и исторической насы-

щенностью. Сменяли друг друга зеленые долины, живописные всхолмления, причудливые скальные выходы и горные массивы. Проехали знаменитую Плевну (Плевен), помянули доблесть и блестящее воинское искусство русских солдат и полководцев М.В. Скобелева, И.В. Гурко, Ф.Ф. Радецкого, А.Н. Куропаткина и других, далее миновали многочисленные туннели и выехали в пределы Софийского поля. На вокзале встречала нас Мария Чичикова — известный специалист по фракийской археологии, супруга академика Дмитрия (Димитра. — *Н.М.*) Димитрова, ведущего антиковеда и фраколога, за год до того посетившего Москву. Сразу же были установлены самые дружеские контакты. На следующий день нас повели по Софии — оригинальной и поразительно красивой болгарской столицы. Превосходны и предельно многообразны памятники церковной архитектуры, начиная со Святой Софии — строгого ранневизантийского стиля, одного из древнейших христианских храмов Восточной Европы, до утопленных в землю (по турецким ферманам) церквей, возбуждающих воспоминания о катакомбных церквях и погребениях Древнего Рима, и торжественных соборах победного православия — Патриаршего собора и огромного собора Св. Александра Невского, как бы возрождающего византийскую традицию.

Остановились мы в отеле «Болгария», а столовались в особо популярном среди софийской интеллигенции Русском клубе на улице Добруджа, где все было русским — и организация, и кухня, и штат, вплоть до гардеробщиц. В годы войны здесь концентрировались силы антинемецкой русской эмиграции и болгарских патриотов, представители которых были отмечены позднее советскими боевыми наградами. На следующий день Мария Чичикова отвела нас в археологический музей, где мы познакомились и с его коллективом, и с замечательными коллекциями, дающими представление о поразительном богатстве Болгарии памятниками фактически всех эпох — от палеолита, до средневековья, где именно в середине XX века сделаны открытия, принципиально важные для разработки проблемы болгарского этногенеза, его корней и соотношения с данными нашей страны, с Приазовьем и Подоньем, прежде всего, с Болгарией (Булгарией) Волжской. Особой удачей явилось открытие в том же 1957 году моей экспедицией на Среднем Поволжье древнейшего памятника Волжской Болгарии (Кайбельский могильник), в значительной мере идентичного найденному в том же году в Дунайской Болгарии выдающимся болгарским археологом Станчо Станчевым некрополю Нови Пазар.

Совершенно закономерно особое внимание, уделяемое в музее фракийской проблеме: здесь были сосредоточены и богатейшие материалы по ней и крупнейшие специалисты

Р. Катинчаров и М. Кънчев в Караново. 1976–1977 гг.

во главе с академиком Димитром Димитровым и профессором Иваном Венедиктовым. Здесь наш приезд был крайне своевременен: если прежде музей обладал огромной коллекцией фракийских материалов из погребальных памятников, то ныне она принципиально обогащена важнейшими находками из города Севтополиса, оказавшегося в зоне затопления и на огромной площади вскрытого раскопками Д. Димитрова. У меня последние ассоциируются с классическими раскопками скифского Каменского городища на Днестре Б.Н. Граковым.

Особый интерес представили данные раскопок многослойных поселений («селищных могил» — теллей), хронологически охватывающих огромный временной интервал от неолита до раннего бронзового века. Они дали уникальный

материал, позволяющий поставить Болгарию в один ряд со знаменитыми раннеземледельческими центрами Ближнего Востока — Ирака, Сирии, Палестины, Анатолии. В Болгарии они встречаются от моря до границы с Югославией и Фессалией. Их не менее 600. Основными исследователями «селищных могил» были Г. Попов, В. Миков, П. Детев, Г. Георгиев.

После нескольких дней работы в музее и осмотра памятников Софии, прежде всего, Боянской церкви с ее поразительными фресками, Софийского университета, национального парка на горе Витоша, памятника царю-освободителю Александру II и героям освободительной войны, а также многих других достопримечательностей Софии, мы начали объезд прочих культурных центров и археологических памятников страны.

Начали мы с Пловдива на р. Марице — второго города Болгарии, целые кварталы которого сохранили примеры блестящей архитектуры эпохи Болгарского Возрождения (XIX в.). Этот город построен на месте древнеримского города Тримонциума, и сохранил много античных построек. Достаточно сказать, что несколькими годами позже на склоне одного из трех больших пловдивских холмов был обнаружен перекрытый позднейший застройкой римский театр, основные сооружения которого настолько сохранились, что театр используют для оперных спектаклей и в наши дни.

М. Кънчев. Караново. 1985 г.

Следующими за Пловдивом были города Стара Загора и Нова Загора, знаменовавшие как бы центр «страны селищных могил». Здесь, в 12 км к западу от Новой Загоры, находится и наиболее известная из них — знаменитое Караново, впервые раскопанное В. Миковым в 30-х гг. прошлого века. Культурный слой его достигал 13,5 м и содержал по классификации Г.И. Георгиева семь больших последовательных слоев, документирующих гомогенное развитие без существенных разрывов на протяжении не менее четырех тысячелетий. Классификация и периодизация памятников (Г.И. Георгиевым) стали эталонными и были распространены на «селищные могилы» Болгарии в целом, что явилось важнейшей акцией для систематизации и исторической интерпретации праисторических материалов обширной территории и огромной, насыщенной важнейшими событиями эпохи.

Я бы, пусть в шутку, признал Караново достойным признания Афинским акрополем праисторической Европы. Даже визуальное знакомство с ним производит колоссальное впечатление, которое я и испытал в полной мере при первом посещении его в октябре 1957 года.

Преимущество развития, достаточно выразительная здесь для неолитического и энеолитического (I–VI) слоев, явно не распространяется на слой раннего бронзового века (VII), уступающий предшествующим и по мощности, и по сохранности материала, и, главное, по характеру последнего. Мне это показалось достаточно существенным и заслужива-

ющим специального исследования с привлечением новых материалов и определением их соотношения с предшествующим развитием по всем доступным показателям.

Представлялось рациональным обратиться на эту проблему внимание болгарских коллег. Заранее отмечу, что в Софии это вызвало определенную поддержку, и был намечен предварительный план сотрудничества, разработка и осуществление которого, конечно, требовали длительной подготовки.

В Новой Загоре нас познакомили с материалами, крайне заинтересовавшими меня, поскольку они повторяли ситуацию Каранова, хотя здесь верхний слой был много мощнее и выразительнее, что определено на значительной площади еще довоенными раскопками В. Микова и Н. Койчева, но на этом эпизоде я подробно остановлюсь несколько позже.

XXIII

Расскопки Эзеро

В 1961 году началось осуществление проекта, намеченного еще в 1957 году при первом моем ознакомлении с поразительным богатством и многообразием археологических памятников Болгарии. Для многолетних совместных раскопок было избрано многослойное поселение в Верхне-Фракийской равнине, к югу от малого Балканского хребта, близ города Нова Загора. Ранее называлось оно Дипсийской (Бездонной — *тур.*) могилой, позже во избежание тюркизмов было переименовано в Эзеро — по наименованию примыкавшего к нему села. Выбор был обусловлен особой важностью раннего бронзового века для культурной и этнической истории Балкан и всей Юго-Восточной Европы, а также отсутствием целенаправленных и масштабных исследований культурных слоев этого периода.

Материалы последнего, известные ранее на территории Болгарии, происходили из нестратифицированных памятников. Поэтому все основные вопросы, связанные с этими материалами оставались остро дискуссионными. Разрешение их было невозможно ввиду отсутствия достаточно разработанной источниковедческой базы. Создание такой базы являлось насущной задачей балканской археологии. Оно требовало, прежде всего, поисков и широких исследований памятников раннего бронзового века. Одним из таких памятников и явилось поселение у с. Эзеро (с. Езеро, болг. — *Ред.*). Оно располагалось в примыкающей к предгорьям Малого Балканского хребта плодородной Фракийской долине, связанной речными долинами как с Эгейско-Анатолийским регионом на востоке, так и с Подунавьем на западе и Северо-Западным Причерноморьем на севере. Здесь сконцентрировано огромное число раннеземледельческих поселений с культурными слоями от неолита до бронзового века. Только на территории Новозагорского района (1820 кв. км) открыты десятки подобных поселений, причем мощность культурных слоев некоторых из них превышает 15 метров.

Эзеро относится к числу средних по размерам поселений. Основание его холма имеет форму вытянутого с запада на восток овала, размерами 200×145 м. Высота его 9 м, однако мощность его культурного слоя превышала 10 м. При этом в 1952–1958 гг. памятник подвергся раскопкам В. Микова при участии подлинного энтузиаста археологии, новозагорского учителя Н. Койчева. Было зафиксировано наличие здесь весьма значительного пласта раннего бронзового века (не менее 4 м). Однако на большей части площади была вскрыта лишь верхняя его часть, подстилающие же пласты и структура культурного слоя в целом оставались невыясненными.

Болгаро-советская экспедиция провела на поселении Эзеро 10 раскопочных сезонов (1961, 1963–1971 гг.). Планирование работ и методика были подчинены решению двух основных задач. Первой являлось вскрытие на максимально широкой площади пласта раннего бронзового века, выделение внутри него строительных горизонтов и т. д. Второй задачей была стратификация культурного слоя в целом и создание общей периодизации многослойного памятника.

Для решения этих задач были заложены три раскопа общей площадью свыше 3300 м^2 . Основной единицей вертикальной фиксации был строительный горизонт. Второй единицей был пласт, объединяющий остатки поселков единой культуры и, соответственно, единой археологической эпохи. Начну с юго-западного раскопа.

К раннему бронзовому веку был отнесен пласт I, достигающий в толщину 3,8 м. Внутри него выделены 9 строительных горизонтов. Во всех горизонтах открыты остатки жилых и хозяйственных сооружений и значительные скопления находок. Это свидетельствует о том, что юго-западная периферия была активно застроена и входила в основную территорию поселка на протяжении всего отмеченного периода.

Непосредственно под нижним горизонтом первого пласта начинался пласт II, относящийся к энеолиту. Толщина его 2,6–2,8 м, внутри выделены 8 строительных горизонтов. Анализ керамического материала позволил отнести нижние горизонты (4–8) к раннему энеолиту, верхние же (1–3) – к позднему. Это культуры Каранова V и Каранова VI.

Подстилающий эту активную застройку пласт III (культуры Каранова IV) знаменует переход от финального неолита к раннему энеолиту. Сохранился он очень слабо, строительные горизонты не выделены. Толщина 40–45 см (лишь на отдельных участках до 65 см).

Пласт IV относится к позднему неолиту (культура Каранова III). Толщина его превышает 2,5 м, внутри пласта

Тель Эзеро. Вид с севера до начала раскопок

выделено не менее семи строительных горизонтов, некоторые из них, в том числе финальный горизонт, отмечены следами больших пожаров.

Северо-восточный стратиграфический раскоп (до 450 м^2) охватывал нижнюю часть склона холма и участок у его подножья. Регулярный пласт I и здесь принадлежит раннему бронзовому веку, но сохранились лишь шесть его строительных горизонтов. Толщина соответствующего пласта здесь менее 2,6 м. Оставался незаселенным этот участок и на протяжении всего энеолита, зафиксирована лишь аморфная прослойка, подстилавшая пласт I, но под ней открыты 7 неолитических горизонтов, уходящих, как и на юго-западе, под воду.

Центральный раскоп (2077 м^2) охватил почти всю западную половину верхней площадки холма. Вскрытие ограничилось здесь только пластом раннего бронзового века. Толщина этого слоя 3,8 м. Это подтверждено данными всех трех раскопов, последним из которых был центральный, небольшой. Его пласт содержал 13 строительных горизонтов, в некоторых имелись следы значительных реконструкций. По всей площади оно подстилалось сильно разрушенными остатками энеолитических построек, выполненных в техни-

Период раскопок Телль Эзеро, 1969 г., г. София, (Н.Я. Мерперт, Р. Катинчаров)

ке, несколько отличной от домов раннего бронзового века. Последние продолжают типично турлучную традицию: основу тем составляют ряды кольев, оплетенных ветвями и обмазанных глиной, обмазаны и полы, на которых располагались площадки для сушки зерна, каменные зернотерки, терочки и песты. Энеолитические дома заметно массивнее, внешние их стены иногда в основе имеют два ряда кольев, дополненных крупными глиняными блоками, сильно и, возможно, умышленно обожженными. В той же технике выполнены и внутренние перегородки энеолитических помещений, в домах раннего бронзового века отсутствующие. В целом интерьер энеолитических домов значительно совершеннее последующего строительства.

Все это позволяет говорить об определенных инновациях в строительных традициях и возможной их «европеизации» с усилением влияния центрально-европейских культур, сочетавшегося с более ранними ближневосточными традициями древнейших земледельцев евразийского пограничья.

Такое предположение подтверждается и значительной сменой в ряде категорий инвентаря, особенно, в керамике и культовой пластике. Обе категории сложились под безусловным воздействием ближневосточных традиций, что отнюдь не исключало глубоко оригинальных местных форм. Но с началом раннего бронзового века появляются местные же формы с совершенно иными истоками и в пластике, и в керамике. При этом фиксируются и обратные влияния: балкано-дунайского культурного региона на Передний Восток, в частности, на Трою. Это находит определенный отклик и в лингвистике, в частности, в специальных исследованиях Л.А. Гиндина, с которым меня связывало многолетнее сотрудничество. К этому хотел бы добавить еще два довода. Во-первых, в основании слоя раннего бронзового века Эзеро найдены шесть погребений взрослых людей, лежавших скорченно на боку, у одного из них — ожерелье из мраморной вытянутой овальной пластинки и пяти трубчатых раковинных бусин.

И второй довод. Только поселение раннего бронзового века имело в Эзеро фортификационную систему. Древнейшая стена была сооружена в период XVIII горизонта. Она окружала верхнюю площадку холма. В последний период ворота были оформлены в виде сравнительно узких «входных коридоров», абсолютно повторяя подобные сооружения Трои I и II. Основу фортификационной системы составляла стена, фундамент которой сложен из очень крупных необработанных камней. Кладка панцирная. Толщина стены 1,5 м. Именно ее ворота и были оформлены в виде узких «входных коридоров». Тогда же поселение расширилось, вышло за пределы холма и заняло его подножье, где в период V горизонта была сооружена вторая, еще более мощная стена. Поселение превратилось в сильную крепость с двойной системой укреплений. И крайне показательно, что подобные фортификации открыты еще в ряде поселений Верхне-Фракийской долины, таких как Михалич, Казанлык, Караново, Кириллово и др., и только в слоях раннего бронзового века. И эти особенности, безусловно, свидетельствуют об обострении именно в этот период военной ситуации и появлении тех изменений в культуре, а возможно, и в составе населения, которые постулировались выше.

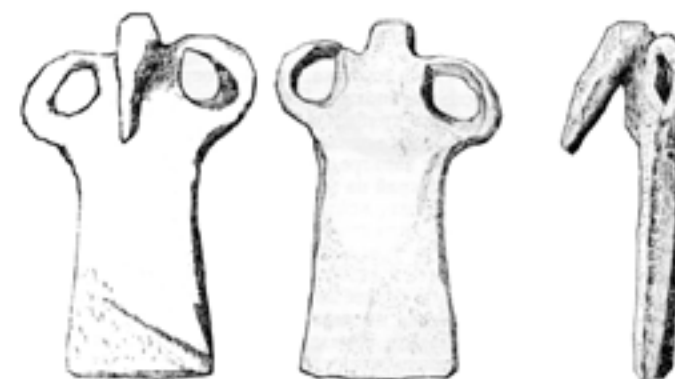
Исследования поселения у Эзеро не обманули ожиданий своих инициаторов. Ряд значительных проблем праистории смежных евразийских регионов получил определенный импульс для своей разработки. Таково соотношение европейских и переднеазиатских центров древнейшей производящей экономики в динамике, выраженное в переходе от энеолита к раннему бронзовому веку, усиление военной ситуации, коснувшиеся и событий в верхнефракийской до-

Эзеро. 1970–1972 гг. Р. Катинчаров, М. Кънчев, Г. Георгиев и Н.Я. Мерперт

лине, смена доминанты восточных воздействий на Балкано-Дунайский регион взаимодействием и формированием гибридных культурных форм и многие другие. Получен огромный и должным образом документированный материал для разработки хронологии и периодизации ряда ключевых феноменов от Придунавья и Центральной Европы до Трояды и смежных районов Анатолии. Выделены основные хронологические реперы синхронных культур как внутри самой уникальной Верхне-Фракийской долины, так и на обширных, смежных с ней территориях Центральной и Юго-Восточной Европы, и Эгейско-Анатолийского региона. Впервые для указанной долины археологические показатели ее памятника сопоставлены с данными массового исследования методами радиоуглеродного анализа, регулярно проводимого берлинской лабораторией профессора Ганса Квита. В результате всех доступных методов хронологического анализа была выработана общая хронологическая колонна Эзера, в чем приняли участие как болгарские ученые: Г.И. Георгиев, В. Миков, Р.В. Катинчаров, так и советские, прежде всего Е.Н. Черных, а также автор этих строк. Представлявшийся, прежде всего, самым невыразительным, верхний слой карановской колонки (VII) оказался предельно информативным и документирующим важнейшие события, охватившие огромную территорию от Центральной Европы до Эгейи

и Западной Анатолии. Хронологическая колонка слоя раннего бронзового века поселения Эзеро сопоставима в наиболее ранней своей части с западно-анатолийским ранним бронзовым веком I и соответствующими слоями Полиохни, Терми, наиболее ранней Трои, Бейджесултаном; а далее — со средними субпериодами Трои I и «синим» Полиохни, западно-анатолийским ранним бронзовым веком 2, «зеленым» Полиохни, Терми IV – VI. В перемешанном материале двух верхних горизонтов появляются характерные элементы

Телья Эзеро. Антропоморфные фигурки из рога животного и глины (1 ряд)

Трои II, позволяющие синхронизировать с ней верхние звенья колонки.

Г. Квитта, подвергший анализу серию болгарских материалов, в том числе 20 образцов из Эзеро, подчеркнул, что все их даты не выходят за пределы III тысячелетия до Р.Х., а сами они представляют наиболее значительную серию подобных объектов раннего бронзового века в балкано-дунайском районе. На ряде теллей был определен хронологический разрыв между ним и энеолитическим слоем. Эти сложные и многообразные события привели к формированию системы новых культур (Баденская, Флорешти, Коцофени, Чернавода I, Бубани-Хум II, Эзеро и др.). С ними же связано и создание циркумпонтийской металлургической зоны, начало выделению которой было положено феноменами, открытием и исследованием Е.Н. Черных огромного, сооруженного еще в энеолите медного рудника в Ай-Бунаре близ Старой Загоры, явившегося переломным моментом в истории древней металлургии в целом.

Результаты раскопок Эзеро показали, сколь значительную роль сыграла в этих событиях территория Болгарии, являвшаяся одним из наиболее сложных узлов в системе исторических, культурных и этнических связей Европы и Передней Азии. Следует подчеркнуть, что, начиная с раннего бронзового века, а в значительной мере и с культуры Эзеро, прослеживается определенная преемственность, вплоть до начала железного века и формирования фракийского этноса. Раскопки этого замечательного памятника дали одну из основных групп материалов, позволяющих осветить наиболее ранние ступени этого важнейшего процесса. Должен отметить, что, хотя «селищные могилы» предельно многочисленны и составляют основной вид поселенческих памятников верхне-фракийской долины, они отнюдь не единообразны и специфика многих из них зависит от всей суммы конкретных условий и природных, и исторических: почвы, растительности, природных ресурсов, путей связей, взаимодействием с ближними и дальними областями. Все это определяет указанную специфику, что я и хотел бы показать на примере телля Юнаците, расположенного в той же фракийской долине, но в западных ее пределах, в 150 км от Эзеро.

XXVIII

Поселение у с. Юнаците

Основываясь на предварительных обследованиях и, прежде всего, довоенных (1940 года) раскопках В. Микова, для исследования был избран большой телль у села Юнаците в 9 км к западу от города Пазарджика. Здесь сходятся две главных горных системы полуострова — Балкано-Среднегорская и Рило-Родопская. Между ними текли река Марица со своими притоками, среднегорские реки Тополница, Луда Яна и родопские Крива река, Яденица, Чепинска река, Старика. Разветвленная речная сеть делала район Пазарджика основным перекрестком важнейших путей Средней Болгарии, а в известной мере, и Болгарии в целом. Нет сомнения в том, что ту же роль этот район играл и в глубокой древности.

И, естественно, район Пазарджика отличается весьма значительной насыщенностью разновременными памятниками, в том числе теллями и открытыми поселениями неолита, энеолита и бронзового века. Среди них телль у с. Юнаците представлялся наиболее крупным и перспективным. Его исследование и явилось вторым этапом работ совместной экспедиции.

С советской стороны в экспедиции приняли участие, наряду с автором этих строк, Т.Н. Мишина, сменившая меня в последние годы работ как один из руководителей, В.И. Балабина, Л.И. Авилова, В.С. Титов. С болгарской стороны начальником экспедиции был известный специалист по болгарской праистории Румен Катинчаров, его постоянным заместителем — Величка Мацанова, многие десятилетия руководитель праисторического отдела Пазарджикского музея — маленькая женщина, отличавшаяся огромной энергией и работоспособностью, открытая и неизменно благожелательная, создавшая один из лучших в стране праисторических отделов и непрестанно его пополнявшая и совершенствовавшая. Ему она отдавала (вплоть до преклонных лет, но уверен, что отдает и сейчас) все свои силы. Мы приезжали,

Телль Юнаците. Телль до начала раскопок в 1976 г. Вниз с северо-востока

Телль Юнаците в процессе раскопок (вид с воздуха). Пунктиром обозначен контур рва, заметный на поверхности памятника

Телль Юнаците. И.В. Мацанова, Р. Катинчаров, Н.Я. Мерперт на экспедиционной базе в 1985 г.

Болгария, Пазарджик, авг, 1991 г., Н.Я. Мерперт на польской экспозиции

В. Велков и Н.Я. Мерперт. Юнаците. Сентябрь 1991 г.

2 месяца копали и уезжали, она работала круглогодично — или на телье или в хранилище.

То же должен сказать о Р. Катинчарове. С Руменом были мы ближайшими друзьями с первых дней Эзеро (1961 год) до его столь неожиданной кончины. Поразительно красивый, жизнерадостный и веселый человек, бесконечно добрый, влюбленный в искусство, сколько же он сделал для болгарской археологии, да и науки вообще! Брался за все самое трудное: помню археологический музей с его ремонтом, Центральный музей с его созданием, крупнейшие экспедиции с их руководством. И душа любой компании, и для каждого — доброе слово, ободрение, помощь. Осиротела болгарская археология, воистину осиротела! А тогда поднялись мы на телье втроем — Величка, Румен и я. Посмотрели на долину с несравненной ее красотой, на Родопы, на Среднегорье... И казалось, так будет вечно. Тогда хотелось повторить слова Фауста: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Телье эллипсоидной формы, располагался на высокой — четырехметровой — террасе старого русла реки Тополницы. Высота его 12 м над окружающим полем, а очертания деформированы сооруженным здесь каналом. Длина с востока на запад — 130 м, сохранившаяся ширина с юга на север — 110 м. Раскоп единой площадью охватил значительную часть восточной половины телье — в целом 2000 м², в среднем на глубину 7 м, а на специально углубленных стратиграфических участках — 9 м. Материк пока не достигнут. Культурный слой превышает 10 м (настоящие цифры действительны для периода работ, раскопки Юнаците продолжает другой (болгаро-греческий) состав).

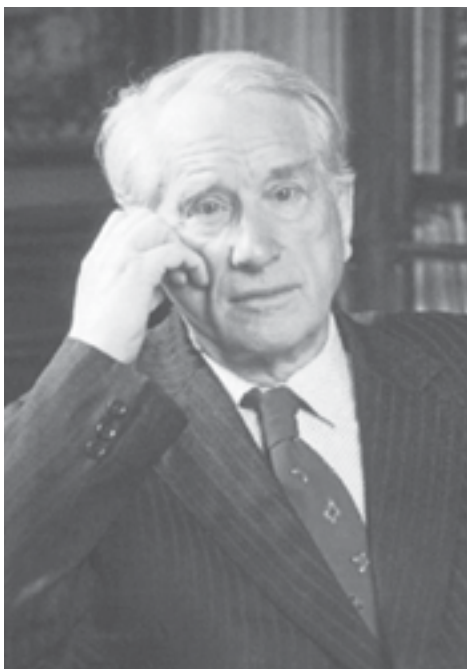
Стратиграфия поселения ныне такова. В римское время на вершине холма специально выравнена площадка (отсюда название «плоский холм») для создания небольшой крепости, одной из станций на «Траяновом пути», ведущем из Сингидунума в Византиум. Ныне все, что сохранилось от крепости — фрагменты римской керамики, кровельная черепица II–IV вв. и два концентрических кольца траншей основания оборонительной стены. При выравнивании поверхности, нарушенной траншеями и прочими строительными объектами, римляне частично разрушили, частично повредили верхние уровни.

XXIV

Египет 1961–1962 г.

Древности Египта увлекали русских, начиная с XIX века. Однако еще раньше отдельные россияне побывали в Египте. Их поразили таинственные памятники египетской культуры, сложнейшей идеологии, сложнейших представлений, по сути дел, обо всех направлениях жизни, и не только в период Древнего Египта. Причем, надо сказать, что русские бывали в Египте, описания отдельных египетских чудес появлялись уже в русской литературе, но вот раскопки и представления материального характера о Египте в России сильно запоздали. Хорошо известно, что для Франции — это конец XVIII века, это знаменитая наполеоновская авантюра со зданиями Египетской Академии, где, в общем, все смешалось: во-первых, интереснейшие открытия и начинания, инициированные — не люблю я этого человека — Наполеоном; во-вторых, то, что подтверждает мою к нему нелюбовь. С одной стороны Академия, с другой стороны, устанавливается самая крупнокалиберная пушка чуть ли не во всей французской армии, стаскивается на цитадель Каира и в определенный час стреляет куда-нибудь... В какой она попадет дом, в каких она попадет людей об этом никто не думал. И вместе с тем, у экспедиции Наполеона, включавшей людей самых разных профессий, там было более четырехсот человек, в основном были, прежде всего, фиксаторы — художники, главным образом. Очень многие памятники египетской древности, которые с помощью самого Наполеона перестали существовать, были великолепно зафиксированы, этими художниками, и сейчас их рисунки являются уже единственным свидетельством их существования.

Так вот, с русскими было труднее, потому что долгое время мы рассматривали, изучали на месте эти древности. Но сами раскопки не вели. И даже такой великолепный египтолог, как Лев Голенищев, уже в XX веке, русский, который более 20 лет заведовал кафедрой египтологии в Каирском университете, раскопки вел, но только один месяц. И затем

Академик Б.Б. Петровский

был длительный перерыв, конец которого и был ознаменован экспедицией 1961–1963 гг. Видимо, это было определенным импульсом для дальнейших экспедиций. Сейчас их уже две отдельных, сотрудничающих с голландской и французской экспедициями.

Сейчас египтология, в том числе практическая, археологическая египтология входит в тот цикл основных наук, занимающийся древнейшими цивилизациями, который использует и результаты собственных работ и иными глазами смотрит на работы, проведенные в течение XIX и начала XX века и так далее.

Поводом для организации нашей экспедиции явилось решение о строительстве высотной Ассуанской плотины. Когда Советский Союз принял решение участвовать в создании Ассуанской ГЭС, то есте-

ственно посыпались вопросы: а как быть с теми памятниками египетской культуры, которые достаточно обильны и лишь в незначительной степени исследованы в южных пределах Египта. Прежде всего, имелся в виду замечательный храм Абу-Симбел, а если говорить точнее, то Абу-Симблы — их два. Два храма рядом друг с другом, которые высечены в скалах на исторической и культурной границе между собственно Египтом и той более южной территорией, которая из рук в руки переходила от Египта к Нубии, к нынешнему Судану и обратно. Крайне интересные и до последнего времени мало исследованные территории. Для Египетского государства, начиная с дофараоновского периода, это были куда как значительные территории. Территории, отмеченные золотыми рудниками и тем потрясающим гранитом, которым были облицованы пирамиды, в том числе, пирамиды Гизы. И древесина, и, наконец, транспортное значение этой части Нила — это ключ к центральной Африке. Характерно, что в тронных воззваниях почти каждый фараон указывал в своих планах, а далее в своих достижениях завоевание Нубии. Каждый из них завоевывал ее на веки вечные до тех пор, пока при 25-ой династии нубийцы не завоевали Египет. Здесь же подъем Нила от Ассуна, где планировалось строительство высотной плотины с нашей помощью, и на многие сотни километров к югу, простирались земли, не скажу,

Египет 1961–1962 гг. Дуплет к Пирамидам Гиза. Слева направо: Б.Б. Петровский, П.Д. Даровский, Н.Я. Мерперт, пирамида Хуфу (Хеопса) – 2750 г. до Р.Х.

Декабрь 1961 г. Лагерь экспедиции у дер. Данки (Нубия)

Нубия, март 1962 г. Храм Герф-Хуссейн VI в. до Р.Х., малый Абу-Симбел

Египет 1962 г. Н.Я. Мерперт в Вадии-Аллахи

чтобы вовсе не исследованные... Были уже в начале XX века проведены американскими археологами очень фундаментальные разведки и раскопаны отдельные памятники, которые тогда уже дали представления о крайне интересных гибридных памятниках, где соприкасались культура Египта и многообразие культур, уже тяготеющих к Центральной Африке. Но дальше был важный вопрос сохранности египетских памятников... И среди них, Абу-Симбел, равно которому нет в мировой культуре. Высеченный в прибрежных скалах Нила, Абу-Симбел уходил в глубь скалы на несколько десятков метров. Интересно, что при его описании ты встречаешься каждый раз с различными цифрами. Высеченный не менее, чем на 40 м. Памятник из ряда залов... Укажу здесь на проблему — высеченный при каком освещении? Только искусственном! Лишь ближайšie к двери участки — там высокая дверь — очень скупо освещены солнцем. Я имел счастье почти сутки быть в Абу-Симбеле, тогда находившемся на своем истинном месте. Это чудо из чудес! И внешнее обрамление, обрамление входа, в котором гигантские статуи главного строителя Рамзеса II достигают более 20 м в высоту, и чего там только нет! И вереница священных птиц, и череда военных трофеев, в том числе людских, где очень четко отличаются представители разных рас. Это ведущие к входу обрамленные хорошо обработанным камнем справа и слева, открытые сверху коридоры, где ты отличаешь нубийца от ассирийца, ассирийца от еврея, поэтому целый ряд наук имеет здесь такую поразительную силу доказательств: и многообразие население, и одежда, и оружие, чего только нет здесь... и священные птицы наверху. И, наконец, залы. Второй зал — самый большой. Колонный зал с двумя рядами колонн. Рамзес был человек скромный, поэтому все колонны имели его форму. Древнейшая, по-моему, в мире фресковая живопись, совершенно поразительная, вплоть до предвосхищения кино, потому что колесницы повторяются одна за другой, но так, что ноги лошади видишь словно в движении. Как известно из арабских источников, Египет — это культура химии, поэтому поразительные красители, пережившие 3,5 тысячелетия, совершенно не потеряли своей свежести. С точки зрения информативности тоже не знаю памятника, равного ему. Рядом Абу-Симбел царицы, любимой жены Рамзеса. Абу-Симбел переводится как «абу» — это отец, что очевидно, а «симбел» — есть целый ряд чтений, здесь основная заслуга принадлежит германской науке, таким ученым-колоссам, как Курт Зете и Адольф Эрман. Так что чтений здесь много, и имена Богов, и символика — все это сводится, опять-таки к увеличению и без того поразительной информативности Абу-Симбела. Перейдем ко второму Абу-Симбелу, принадлежавшему цари-

це Нефертари. Здесь не буду вдаваться в подробности, но, как мне показалось, при всем беспримерном величии Абу-Симбела Рамзеса, художник, ставивший второй Абу-Симбел, талантливее... По моему субъективному мнению, это такая символика мужской силы и женского начала, на мой взгляд, даже не так много работ, где именно вот этот уже дар небес должным образом подчеркнут. Короче говоря, сколько не строй Ассуанских плотин, ущерб истории человеческого искусства, мысли и даже техники, в сотни раз превосходил бы достижения современной электротехники и строительства электростанций, работающих на силе воды, поэтому многие страны категорически отказались в этом участвовать, и тогда решающую роль сыграл Советский Союз. Была создана специальная комиссия, которая должна была решить судьбу сокровищ египетской культуры, оказавшихся в зоне затопления, в том числе и Абу-Симбела. Кроме того, подлежали переносу те сооружения и храмы, прежде всего, которые должны были быть залиты нильскими водами, поднятыми Ассуанской плотинной. Комиссия по Абу-Симбелу возглавлялась тогда японским императором, вице-председателем был профессиональный археолог — шведский король...

Вопрос о создании советской экспедиции, наряду с целым рядом экспедиций зарубежных, рассматривался ЮНЕСКО. Все страны несли определенные финансовые обязательства. Кстати сказать, наименьшие нес Египет. Господин Насер не слишком стремился и до последнего отказывался финансировать перенос Абу-Симбела, что чуть было не погубило этот памятник. В последний момент, когда уже более значительные суммы были ассигнованы и западным миром, и Советским Союзом, и, кроме того, шло время, и поджимали все сроки по переносу, только тогда он согласился внести долю Египта.

Вопрос о создании нашей экспедиции целиком был передан Академии Наук СССР. Начальником экспедиции являлся академик Борис Борисович Пиотровский. Б.Б. Пиотровский был урартолог, ему принадлежит заслуга в исследовании Кармир-Блура. Поначалу он был учеником академика Василия Васильевича Струве, учителем которого, в свою очередь, был бог египтологии, германский профессор Курт Зете.

Началась подготовка, причем она носила достаточно сложный характер. Нужно было и особое оборудование, и достаточно подготовленные люди. Для участия были приглашены представители разных исторических профессий. Меня Борис Борисович пригласил как заместителя начальника экспедиции по научной части. Кроме того, был заместитель начальника экспедиции по административной части. Это Петр Дмитриевич Доровских, долгие годы ра-

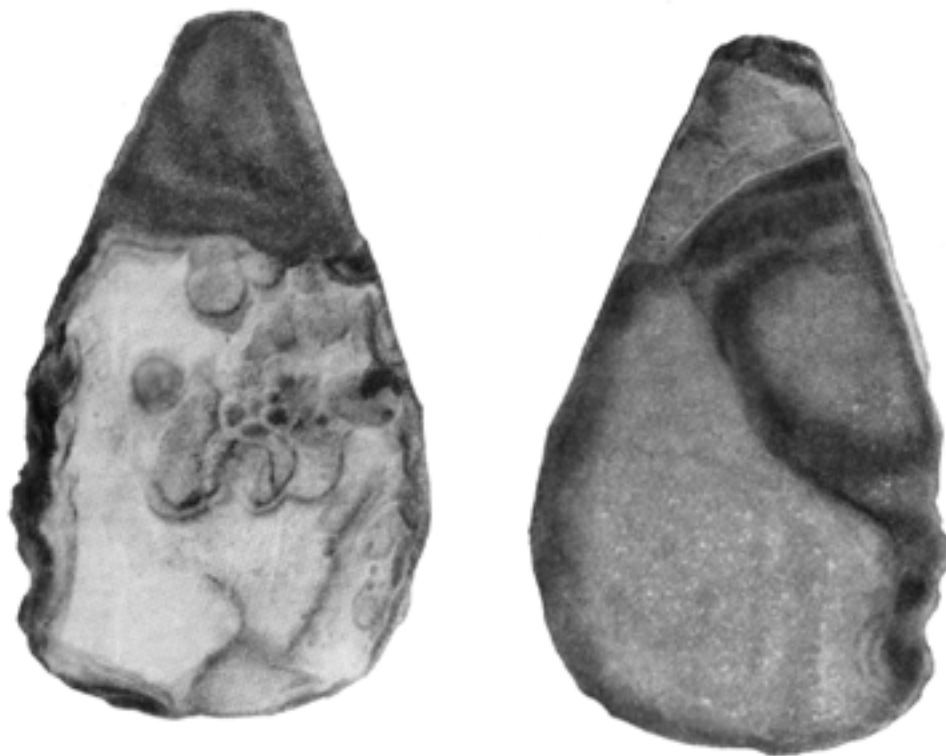
*Декабрь 1967 г.,
Нубия Хор-Дауд*

*Ямы общинного склада
Нубии. Нубийские поселения.
Раскопки 1961–1962 гг. Хор-Дауд*

*Хор-Дауд,
Часть сосудов
IV–III тыс. до
Р.Х., из погребов поселения
Хор-Дауд с
Б.Б. Пиотровским (в
арабском облики)*

Кремневое скребло. Нубия Хор-Дауд, февраль 1962 г.

ботавший в наших органах внешней разведки. Александр Виноградов, выпускник МГУ, хорезмиец. Пожалуй, одна из первых по значимости научных сил в экспедиции. Неолитчик, превосходно показавший себя в новых для него песках Нубии. Дальше — художник Пименов, но не тот знаменитый живописец, а марочник. Но как рисовальщик он был незаменим, чего нельзя было сказать о следующем персонаже, Льве Аркадьевиче Петрове, который был главным архитектором Кремля по охране памятников. Его миссией было перенесение находившегося в нашей концессии египетского храма, правда, римского времени. Здесь забавно то обстоятельство, что уже за несколько месяцев до отъезда эту операцию у нас отменили, а Петров остался без ангажемента. Льву Аркадьевичу Петрову удалось, ничего не делая, прожить длительный срок в Египте и объездить всю страну.

Второй Лев был неизмеримо более полезным. Это был Лев Николаевич Петров, заведовавший существовавшим тогда в нашем институте фотокабинетом. Великолепный фотограф, почти все снимки, приведенные в этом разделе —

его работы. Я с ним дружил, по первой своей профессии он был драматическим актером.

Муса Умарович Юнисов, незаменимый в экспедиции человек, много лет проработавший в Хорезме. На его плечи легло очень многое: опять же — Африка, пески — не каждая машина там пройдет (он был шофером и механиком), затем основной режим передвижения — Нил. У нас был катер, и была моторка с подвесным мотором. Наш катер часто напарывался на покрытые водой нубийские глиняные дома и более прочные сооружения, вплоть до насосной станции и т. д. При этом у нас безбожно страдали рули и, что главное, винт. Он сгибался Бог знает как, и только в руках Мусы Умаровича все приходило в порядок. Он следил за техникой и ремонтными работами.

Ну и, наконец, само руководство: Борис Борисович и «аз, многогрешный». Между нами был договор: археология — практически только моя, а эпиграфика и все, что несло на себе информацию письменную — в его власти. Довольно четко до конца второго сезона (больше года) это соглашение было в силе.

Мне волей-неволей приходилось всем в Москве ведать, потому что Борис Борисович был в Ленинграде. Работа по организации поставки, выбор и многое другое входило в мои обязанности.

Довольно напряженная работа имела место и в Каире: знакомство с египетскими археологами, с местными архивами, иногда чисто формальный просмотр их планов, в меньшей мере ознакомление с их методикой, но все-таки... Короче говоря, эти две недели в Каире проходили чрезвычайно активно. Насколько я помню, председателя комиссии департамента древностей в Каире звали господин Шукри, а его зама — Малди. Они сносно говорили по-французски.

*Из египетского дневника
18 декабря 1961 г.*

Утром самоходная баржа доставила нас в нашу концессию примерно в 115 км к югу от Асуана. Ближайшее нубийское село — Дакка, на западном, правом, берегу Нила. Перед ним широкий, дугообразный, заметно вдающийся в берег залив. В нескольких километрах к северу — излучина, на правом берегу — большая римско-византийская крепость, на левом, на высоком скальном выступе — ее же наблюдательный пункт. Нил образует здесь излучину, и такое расположение обеспечивает видимость и к северу, и к югу. Напротив Дакки, несколько к югу расположено второе нубийское село — Кубань, а вблизи упомянутого наблюдательного пункта — храм периода Нового царства Герф-Хуссейн, частично вырубленный в скале, частично выступающий в сторону

Яйцевидный сосуд. Нубия, Хор-Дауд, февраль 1962 г.

Хор-Дауд, Нубия, 1962. Мазулы

Нила в виде площадки с рядом колонн, поддерживающих скальный навес. Место для лагеря избрано на западном берегу, перед указанным заливом так, что подойти к нему с юга незамеченным за определенный срок невозможно.

Но, прежде всего, отмечу, что во всем районе нас ожидал малоприятный сюрприз. В предварительных представлениях о памятниках района мы руководствовались данными разведывательных экспедиций американского египтолога Ферса в связи с подъемом уровня Нила из-за предпринятой в начале XX века реконструкции построенной ранее Германией первоначальной Ассуанской плотины. Экспедиции, таким образом, зафиксировали весьма значительную концентрацию египетских памятников всех периодов, начиная с некрополей Древнего царства и кончая храмом римского времени на территории, избранной Б.Б. Пиотровским в качестве нашей концессии. После реконструкции большинство этих памятников (естественно, тяготевших к Нилу) оказалось под водой, а в Центре документации ЮНЕСКО в Каире карты Ферса оказались неисправленными. Я их получил, скопировал на кальку и в определенной мере запомнил. И был в полном недоумении, когда при подходе баржи к Дакке увидел лишь верхний конец пилонов римского храма, выглядывавший из воды метрах в 150 от берега. За исключением отдельных участков, это была уже черная разрушенная скала. Даже колья для палаток вкапывались с трудом в твердую поверхность в лучшем случае дробленого камня. Стало совершенно ясно, что начинать придется с новых поисков, новых разведок в абсолютно чуждых для нас природных условиях при полном отсутствии знакомых ориентиров.

20 декабря 1961 г.

Ночь была на редкость холодная. Навалили, что могли поверх спальных мешков. Олег глухим голосом спрашивал: «А другой Африки нет?». Сейчас разогрелись, принявшись за оборудование лагеря. Основную, наиболее трудоемкую работу надеемся завершить не позже завтрашнего дня. И тотчас начнем разведки.

25 декабря 1961 г.

Уже неделю мы на территории концессии. К сожалению, пока ничем она нас не обрадовала. Как была terra incognita, так и остается. Разве что поделили с Борис Борисовичем берега: день он идет по восточному, я — по западному, день — наоборот, и фактически без сколько-нибудь существенных результатов. В местности Куштамна, на вершине упомянутого наблюдательного пункта римско-византийской крепости найдены несколько греческих надписей и расчерченные

Хор-Дауд, март 1962 г. Б.Б. Пиотровский, – второй справа, Н.Я. Мерперт, в центре на втором плане, инспектор и руководство египетской археологии

(наподобие шахматных) доски для какой-то игры, в других местах – отдельные кремни со следами обработки, но пока невыразительные и, безусловно, дестратифицированные.

30 декабря 1961 г.

Все резко, сказочно переменялось.

Так вот, была моя очередь работать на восточном берегу, за небольшим заливом с наименованием Хор-Дауд. На ней в прошлый свой «восточный поход» был я озадачен наличием на поверхности песка каких-то пятен, несколько отличных по цвету. В северной же стороне площадки был найден крупный фрагмент стенки сосуда, естественно, неизвестного времени. Во всяком случае, я перевел туда рабочих, привезенных со Среднего Нила, живших при полном безделье на западном берегу. Был со мной только представитель египетской стороны г-н Фуад Якуб, копт-христианин, превосходный человек, истинный наш помощник.

Около двух часов раздался восторженный вопль рабочих, которые кружились в одном из квадратов. Бросившись к ним, увидел устье полуметровой в диаметре ямы. В ней сверху плашмя лежали, образуя треугольник, три почти метровых в длину сосуда абсолютной сохранности. Оказалось, что они заткнуты небольшими плоскодонными флаконами с характерными волнистыми ручками. Обе формы вошли в четкую классификацию нубийской керамики того же Ферса,

где они отнесены к рубежу додинастического и раннединастического периодов, т.е. 31–29 вв. до н. э.

10 января 1962 г.

Экспедиция встречает первое утро в полном составе: вчера появились, наконец, Л.Н. Петров, А.В. Виноградов, В.В. Пименов. Теперь нас десять человек, считая и г-на Фуада Якуба.

День же был ординарен. На основном раскопе у Хор-Дауда нашли два одинаковых сосуда в одной яме-хранилище. Тип для нас уже обычный – с «волнистыми ручками» («wavyhandlend»). Художник Пименов сразу же взялся за реставрацию.

Возвращались мы на лодке, которую заполнили 11 человек: а на Ниле подлинная буря. Обдаёт водой, рвет, бросает. Один из рабочих закрылся своей кувией с головой и начал молиться. Но – о чудо! – постоянно бастовавший мотор заработал. Западного берега достигли через 45 минут и с облегчением почувствовали под ногами твердую землю.

11 января 1962 г.

Опять густые облака заволочили небо. Нам это уже кажется чуть ли не светопредставлением: отвыкли. Облака прозрачные, легкие, вроде наших кучевых. И все же солнце не то: все время прохладно. Нил потише, чем вчера, но волнение не прекратилось. Нас доставляют в Хор-Дауд на катере, который очередной раз повредил винт и был отправлен ремонтироваться.

Близ Хор-Дауда исследуемая площадь расширяется к западу, очевидно, вплоть до границы распространения ям-хранилищ с сосудами и прочими находками. Но на соседнем юго-западном участке картина другая: ямы продолжают. Олег продолжает свои бесконечные замены и поправки. Борис Борисович начал тотальные обмеры ям на основной площади с определением основных их группировок.

После обеда была сиеста – впервые с начала работ. Потом на закате вновь наше с Олегом ритуальное путешествие на запад, к наносной станции, на сей раз уже по успокоившемуся Нилу.

12 января 1962 г.

Пятница. Долгожданный выходной.

После завтрака отправляемся на экскурсию в Абудурбу. Это примерно в двух с половиной километрах от почты, к северу от Дакки. Место очень оригинальное: крупное скопление серо-коричневых и черных скал среди желтой гладкой пустыни.

На одном из холмов целый музей древностей. На скалах выбиты изображения людей, крокодилов, скорпионов, ланей, жирафов и т. д. Все это разновременное и выполнено в различной технике. Древнейший рисунок — весельный корабль с какой-то зверюгой на нем. По стилю — поздний додинастический период. И надписи — их довольно много. Древнейшая — картуш одного из фараонов поздних династий. Затем греческие надписи и латинские.

Все время пребывания в Абудурбе я занимался копированием греческих и латинских надписей.

Борис Борисович с Александром Виноградовым искали следы палеолита: поднимали кремни, рассматривали, сомневались.

В лагере нас ждала идеально убранная палатка. Войлок выбит, сооружена сложная вешалка для одежды, а вся обувь выставлена наружу. У входа объявление на русском и арабском языках: «В обуви не входить». Исключение сделано только для мудира.

13 января 1962 г.

Суббота. Сегодня было совсем скучно. С утра все дрожало от холода. На раскопе я мерз чуть ли не до конца дня.

Обмеряли с Борисом Борисовичем и Александром Виноградовым ямы. Ни единого черепка. Да и ямы кончились. Впрочем, я сделал было хитроумный шаг и раскопал зарезервированный на черный день «верный» квадрат. Ямы были, но — увь! — пустые.

Борис Борисович высказывал интересные мысли о характере исследованного памятника. Он считает, что это могло быть нечто вроде молочной фермы, где скотоводами перерабатывались молочные продукты перед отправкой их в оседлый (земледельческий?) поселок, находившийся у реки или даже за рекой. И впрямь: большинство сосудов стояли вверх дном, как ставят пустую вымытую тару, прежде всего, после молока. Ряд сосудов имел отверстия для отжима. Сами формы сосудов тоже как будто подтверждали эту мысль. Нормального культурного слоя памятник не имел: ни костей, ни черепков, ни следов построек. Могильником тоже здесь и не пахнет. Остается «производственное предприятие».

Вечером Фуад Якуб с райсом ходили в разведку по нашему берегу и открыли могильник римского или византийского времени: череп, таз, ткани из разграбленной могилы. Завтра там буду копать.

14 января 1962 г.

В начале работ на юго-западном участке в мелкой яме нашли два сосуда-близнеца в виде остродонных фляг. Ям-то стало очень немного.

На месте проведения раскопок

В общем, и это не то. Нам нужен объект месяца на два работ, а то всем дадут одноразовое питание.

3 марта 1962 г.

Сегодня вторично едем в пустыню по Вади-Аллаки. Когда-то текла здесь исполинская река. Но когда? Во времена фараонов ее не было: здесь шел караванный путь к золотым рудникам и гранитным выработкам, тем самым выработкам, которые дали материал для облицовки пирамид Гизы Древнего царства (сохранившиеся до наших дней только на пирамиде Хефрена). Никто уже не помнил о реке, а вода ушла глубоко в землю. Добыча ее стала подвигом, а не кто иной как Рамзес II, в надписи, найденной французскими египтологами в 1843 году напротив Дакии и нашей экспедицией повторно в 1963 году в Вади-Аллаки, похваляется созданием здесь громадного колодца, какого никто еще никогда не знал...

А река-то все же была, и ни историки, ни геологи не могут ответить на простой и естественный вопрос: Когда и почему перестала быть?

Нубия, март 1962 г., М.У. Юнисов, худ. В. Пименов, Фуад Якуб, принцесса Ага-Хан, А.В. Виноградов, О.Г. Большаков, Н.Я. Мерперт, П.Д. Доровских

Оглянуться не успели, как машина остановилась у скалы в местности Аждаб-Карар. Опять внимательно всматриваюсь в хаос рисунков и надписей. Поразителен коленопреклонный фараон перед Гором — богом с головой ястреба. Надпись рядом с ним сделана писцом, восхвалявшим самого себя.

В.В. Пименов наспех делает эстампы с изображением Гора и кораблей... Обхожу скалу. Много керамики — римской и византийской. А где же египетская — в земле или давно выветрена? Прикидываю: 25 км от Нила. Спокойный дневной переход каравана. Скала с навесом: тень! — естественный привал, поэтому и надписи. Странно, что нет ни греческих, ни латинских, есть либо очень древние — египетские, либо очень поздние — арабские и английские. Промежуток не заполнен, а керамика к нему-то и относится.

А пока несемся дальше. Жара. Абсолютное безветрие. Спасает быстрое движение.

И гораздо быстрее, чем мы ожидали, за нагромождением каменных островов, на краю изумительного абсолютно золотого песчаного залива показалась наша Ум-Ашира.

Здороваюсь со скалой, прежде всего, с так поразившими меня прошлый раз изображениями Гора-ястреба и Гора-человека с посохом на углу близ вершины. Борис Борисович обходит вершину, все более увлекаясь открывающимися видами. Наконец-то.

Здесь изображения упорядочнее и как-то торжественнее, чем в Аждаб-Караре. И сама скала много больше.

Уже в глубочайшей древности глыбы откалывались от нее, опрокидывались вниз или повисали на склоне. Их поверхность тоже исписана и разрисована: чего только здесь нет! Кораблей набралось бы на целую эскадру. Львы. Всевозможные прочие зверюги. Бог Мин с лучами, исходящими из его головы, похожими на заячьи уши. Целая серия Горов: один из них — ястреб, даже плывет на корабле. Замечательна интересная сложная сцена с несколькими богами. Хорошо сохранившаяся надпись — увы! опять самовосхваление писцов! Впрочем, надписей много; есть большие, они могут быть и поинтереснее. И опять римско-византийская керамика.

Шофер-араб говорит, что эта скала еще не сама Ум-Ашира, что до последней еще 4–5 км. Едем дальше, все, кроме В.В. Пименова, оставшегося копировать надписи. Достигаем «настоящей» Ум-Аширы: там, в окружении черных ущелий стоит красная бочка из-под бензина, больше ничего нет.

Возвращаемся к нашей скале пешком. Переходим Вади-Аллаки чуть ни час. На той стороне — высоко на большой плите — вновь изображения жирафов и прочих зверей. Там стоит наша машина, ездившая куда-то к каменоломне. Добираемся до нее, ложимся с Олегом в тень от машины и засыпаем.

Но вскоре взбираемся в машину и вновь едем, забираем В.В. Пименова. Обратный путь промелькнул особенно быстро. В начале шестого мы подъехали к дому викиля. На сей раз вымотало всех. На Борисе Борисовиче и Льве Николаевиче лица человеческого нет.

А мы с Олегом вспоминаем, как полтора месяца назад совершили первый свой поход в Вади Алаки, вдвоем и без машины.

Идем на мол (у викиля все же отголоски цивилизации). Плещемся. Нил сразу же снимает половину усталости. Солнце садится за черные горы. Рериховские краски! Сейчас, в отличие от декабря, сумерки длятся хоть полчаса. Нил становится стальным, а потом уже черным.

Все нетерпеливо смотрят в сторону лагеря: ждут катера. Наконец, показался огонь: он то движется, то останавливается, приближается бесконечно долго, мы даже спорим, катер это или нет. Оказывается катер. Спускаемся в него, грузим вещи. Канистра пуста: 15 литров выпиты.

7 марта

Конец рамадана. Первый день большого трехдневного праздника Эйди-Футур. В Куштамне и Дакке уже слышатся песни, а за заливом, у шалашей бедуинов, видны разряженные люди. Все разговляются, а нам вот нечем.

Принцесса Ага-хан, Н.Я. Мерперт, и египетский инспектор Фуад Якуб в лагере экспедиции. Египет 1962 г.

На Хор-Дауде нас торжественно встретили рабочие. Они молились в мечети и праздновали в Куштамне. Отвели нас в палатку. Угощали сладким напитком, чаем и арахисом. Каждый из рабочих совал мне сигарету. Я их зажигал одну за другой и бросал. Олег в это время практиковался в разговорном арабском языке, просвещая рабочих в истории России. Говорил он превосходно, а слушатели у него были очень благодарные. У Олега было все: и Бонапарт, и Отечественная война, и продовольственная проблема, и пенсии, и наличие в России мечетей.

Далее речь пойдет о случае, для нашего лагеря чрезвычайном, и чтобы тематически подвести к нему, придется вернуться ко времени нашего появления в Асуане в самом начале декабря 1961 года. Пролетели мы тогда из Каира более 1000 км. Африка была там гораздо «более настоящей», чем в Каире, а Египет «более глубинным», и мы спешили с ними познакомиться. Все это обволокло нас: остров Элефантина, экзотический сад короля Фарука, подлинный ботанический рай с редчайшими растениями, гигантский некрополь в огромной стене, где вырубленные в ней галереи открывают доступ к погребальным храмам египетской знати, в том числе завоевавших Нубию адмиралов Нильского флота и фараоновых полководцев. Хронологически галереи спуска-

Февраль-март 1963 г. Принцесса Ага-хан в лагере с российской экспедицией

Принцесса Ага-Хан в Нубии

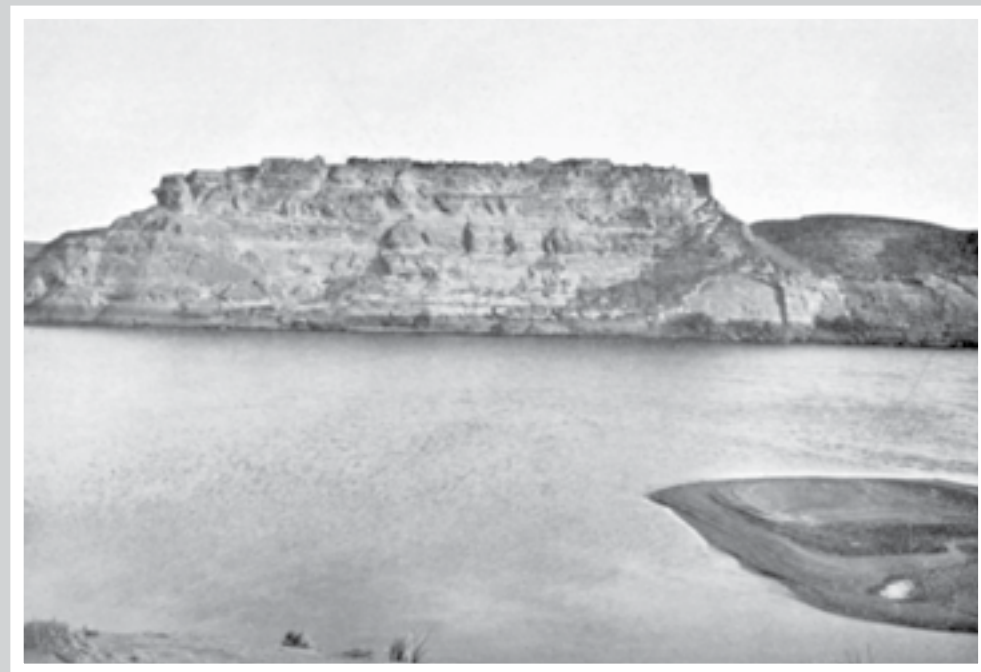
Яхта принцесса Ага-Хан

ются от Древнего царства наверху до римской эпохи внизу. Многочисленные надписи и роспись храмов бесконечно информативны и позволяют здесь, более чем где бы то ни было, возрождать не только события ряда эпох, но и человеческие характеры, особенности, интересы, устремления, слабости, достоинства.

Памятники этого района предельно многообразны. Мы много часов провели на описанном скальном некрополе. Посетили названные выше острова, осмотрели незавершенного колосса (не полностью вырубленного и не поднятого) эпохи Среднего царства. На правом берегу внимание привлекла замечательная живописная скала, увенчанная превосходным мавзолеем, ниже которого располагался дворец, парк, загон для ланей, наконец, причал с охраной. Наша яхта называлась «Изида», ее хозяин звался Али. Он же исполнял обязанности нашего гида. «Туда нельзя, — сказал он, указывая на причал. — Это мавзолей Ага-Хана». Всезнающий Олег тут же прокомментировал: «Ага-хан — глава могущественнейшей и богатейшей секты Фатимидов, принц иранской Каджарской династии, свергнутой Реза Пехлеви. Ежегодно получал огромные дары от мусульман всего мира, в том числе из СССР. Весь комплекс создан его вдовой — европейской художницей и архитектором»...

Эти строки предваряют события в нашем лагере в середине февраля 1962 года. Вернемся к ним. Была пятница — свободный день мусульман. Борис Борисович был на конференции в Каире. Мы же занимались генеральной чисткой лагеря. От причала нашего «флота» (катера и шлюпки) нас отделяла скальная гряда. Поэтому возвращавшийся катер показался и скрылся за ней. Мне показались в нем цветные женские зонтики. Прибывший Олег принес мне брюки. Себе же разыскал модные тогда остроносые ботинки. После переодевания покинули, наконец, палатку. Снаружи застали оживленное движение. Товарищи наши были в несколько растерянном состоянии. От причала же к гостевой палатке сновали незнакомые арабы с баулами и тюками. На наиболее удобном участке располагались две женщины. Одна — европейка — в платье из тяжелого шелка, с правильными чертами лица и превосходной фигурой. Вторая — девица среднего роста, в таком же платье, но желтого цвета. Она оповестила нас, кивнув на первую и говоря по-немецки: «Ее светлость принцесса Ага-хан». Последняя недовольно прервала ее, спросив нас с Олегом: «На каком языке будем говорить?». Я предложил французский, на что последовало: «Слава Богу! Это мой родной язык!». Далее несколько вопросов о нашей работе и планах на сегодня. Она обладала поразительной способностью снимать напряжение. По ее приказу несколько сопровождавших слуг-арабов извлекли большой тюк,

Укрепленный город Каср-Ибрим в Нижней Нубии

Храм в Мозраке

оказавшийся надувной лодкой с двумя моторами. Появился и насос, как в сказке, за несколько минут. И все под наблюдением араба-телохранителя с большим кривым кинжалом и автоматом. Оказалось, что принцессу зовут Иветта, она — француженка, приняла ислам, по профессии — художница и архитектор, спроектировала и дворец, и мавзолей, и парк; от мужа получила огромное наследство, в силу чего в Египте практически всемогуща, начитана, бывала в России, знает ее литературу, музыку, живопись. Интересный собеседник, в обращении поразительно проста.

Наш повар — нубиец Абда — был потрясен тем, что будет готовить обед самой принцессе Ага-хан и с достоинством с этой миссией справился. Обед получился очень веселым и непринужденным. Принцесса пикировалась с Олегом по-арабски и с Петром Дмитриевичем по-французски (он немало говорил). Со мной говорила о русской музыке, восхищалась «Шахерезадой» Н.А. Римского-Корсакова, говорили о том, что это уже музыка не национальная, а общемировая. Здесь мнения наши абсолютно совпадали.

Конечно же, появление этой женщины внесло значительное разнообразие в специфическое наше бытие. Обед давно перешел в ужин, но расходится никто и не думал. Принцесса легко и с явным удовольствием пила водку, вызвав восторг экспедиции. Правда, на следующий день, проспав до полудня, принцесса пыталась изобразить головную боль и жаловалась: «Это ужасно! Для нас водка не привычна!»

Мы с Сашей Виноградовым и Олегом ушли в маршрут, часов на пять. Вернувшись, застали веселье в самом разгаре. Принцесса полностью адаптировалась в экспедиции и объявила мне, что завтра нас покинет, но ненадолго: этот раз она здесь случайно, следующий будет специально.

Слово она сдержала в полной мере. На следующий день пришел за ней целый пароход и остановился посередине Нила. Петр Дмитриевич на нашем катере проводил ее, совершив круг почета вокруг парохода, в то время как рабочие на берегу плясали и махали цветными платками. Через неделю вернулся Борис Борисович, а еще через три дня вернулась и она. Общий язык был найден тотчас же, веселье возобновилось в полной мере и продолжалось около недели. Далее г-жа Ага-хан способствовала нашей эвакуации по окончании работ, присылке за нами соответствующих плавучих средств. В Ассуане мы были приглашены во дворец и после теплого приема посетили и могилу Ага-хана.

Дружба распространилась и на следующий сезон, когда в марте 1963 года принцесса на своем пароходе прибыла в наш лагерь встречать свой день рождения. Сложилась предельно комичная ситуация: пароход пришел почти ночью и стал

Резные изображения на камнях Напати

настойчиво нас вызывать. А мы, ничего не подозревая, весь день ремонтировали свою технику (электростанцию и катер), были соответственно одеты и перепачканы маслом, и в таком виде явились на пароход, где были весьма высокопоставленные гости: лорд и леди Брокс де Бивербрук, одна герцогиня, ряд прочих представителей высшего света — послы, их жены и прочие приглашенные. При появлении нашей экзотической компании принцесса ни на секунду не потерялась, она, обращаясь к гостям, жестко сказала: «Как видите, на Ниле люди не только прохлаждаются, но и работают». Прием длился почти до утра. На другой день гости попросили показать им пустыню. Поручено это было мне. Провез их до первых «лунных пейзажей» и скальных рисунков и надписей, с особым энтузиазмом воспринятых гостями.

Могильник Наг-Набрук, явившийся основным археологическим объектом второго сезона нашей экспедиции, располагался на западном берегу Нила у нубийского села Курта,

на 20 км южнее Дакии и Хор-Дауда. Зафиксирован он был в 1962 году, и тогда же А.В. Виноградов раскопал там 35 погребений, тщательно исследовал материал, осветив все связанные с ним вопросы, правильно определив его хронологию и место в археологии Нубии и Южного Египта в целом. К сожалению, А.В. Виноградов во втором сезоне экспедиции не участвовал, и раскопки могильника продолжили О.Г. Большаков и автор этих строк, вскрывшие 132 погребения и получившие уже огромный материал. Данный входил в группу «С» созданной тем же Сесилом Ферсом нубийской хронологической колонки (XX–XVIII вв. до н. э.). Могильник можно считать одним из крупнейших некрополей этой типичной для Нубии группы. Число погребений в нем превышало 400. Таким образом, наши раскопки существенно пополнили долю вскрытия погребений.

подавляющее большинство захоронений были ограблены. Почти обязательным элементом обряда были наземные сооружения над погребальными ямами. Чаще всего это были круглые башенки из крупных необработанных плит песчаника. Диаметр их колеблется от 3,10 до 1,70 м, высота (сохранившаяся) — до 0,90 м, основание — из нильского ила. Реже башни овальные, в единичных случаях прямоугольные. С внешней стороны кладки на поверхности находились площадки для жертвоприношений, на которых стояли сосуды. Значительная часть сосудов сохранилась здесь в идеальном состоянии. Всего в 1963 году найдено 120 целых сосудов.

Большая часть сосудов представляет собой открытые круглодонные чашки с чернолощенной внешней и краснолощенной внутренней поверхностью, относящиеся к I группе «С» Ферса.

Вторая группа по классификации С. Ферса — краснополированные чернотерные чаши с нарезным или штампованным орнаментом или комбинацией обеих техник.

Несмотря на ограбление большинства могил, более 20-ти из них сохранили часть инвентаря, подавляющее большинство которого составляли бусы. Всего их несколько тысяч. Наиболее распространены дисковидные фаянсовые бусы — зеленые, черные, белые, голубые, коричневые — кольцевидные, реберчатые, веретенообразные. Реже встречались бусы из слоновой кости и различных пород камня, карнелита, раковины. Единичны золотые колечки.

Значительная часть сосудов имела отверстия в днищах, специально пробитых каменным или металлическим орудием. Тем самым, изделия, открыто лежавшие на площадках для жертвоприношений, оказались обесцененными, и недаром они оставались нетронутыми грабителями, разрушившими большинство погребений.

Характер таких находок, как скарабеоид с меандровым орнаментом, чернотерные и резные сосуды, отсутствие миниатюрных и тонкостенных чаш и др. свидетельствуют в пользу относительно ранней даты могильника. В целом, памятник, вероятнее всего, логичнее относить к периоду XII династии, т. е. к XX–XVIII вв. до н. э. Наряду со многими синхронными могильниками, он отражает процесс сложения своеобразной нубийской культуры, в которой весьма архаичные египетские традиции сочетались с новыми чертами, привнесенными в долину Нила переселившимися с юго-запада ливийскими племенами.

XXV

Египет-Судан,
1962-1963 гг.

Из египетского дневника.

...Сейчас мы опять плывем по Нилу, плывем в пятый раз. Мы делегация, которой надлежит ознакомиться с постановкой археологических исследований в Судане и установить необходимые связи с их авторами.

Вопрос о путешествии в Судан прояснился лишь позавчера: из Каира сообщили, что Судан дает «Ок». Известно ли это в их пограничном с Египтом пункте — Вади-Халфе — неясно. Формальных виз у нас нет, едем на одном «телефонном» подтверждении. Следуем мы вчетвером: Борис Борисович, Петр Дмитриевич, Олег и я.

К 12-ти часам мы дождались секретаря консульства, привезшего наши паспорта с выездными египетскими визами. Прощай Ассуан! Вряд ли когда-либо увидимся. В последний раз смотрю на гигантскую, полусыпанную песком скалу по ту сторону Нила. Она сейчас — в 12 часов — ярко освещена солнцем, прекрасно видны входы многочисленных скальных гробниц и три сохранившихся грандиозных скальных лестницы, ведущих к гробницам Сабни, Мена и Хунеса.

Шелал — главная южная пристань Асуана в 16 км к югу от города. Нет там ни кранов, ни портовых сооружений, ни обычной суеты. Около них — пароход. В третьем часу дня мы водворились в каютах первого класса. Сам пароход колесный, на пароходе ресторан, два салона — верхний и нижний и служебные помещения. Сбоку же к нему прикреплены два двухэтажных дебаркадера, вторые этажи заняты каютами 1 и 2 класса. Впереди он еще толкает двухэтажную баржу 3 класса. Там целые семьи с детьми, скарбом, баранами, верблюдами. На корме развивается желто-зеленый флаг Республики Судан. Еще одна «заграница». Основное «население» парохода — журналисты и экскурсанты из ФРГ.

22 марта

Чуть ни первый истинно африканский день: жара. Чувствуется юг: от Каира уже много более тысячи киломе-

тров. Мимо проходят те же нубийские пейзажи, хотя и более экзотичные и живописные: зубчатые фантастические скалы подступают ближе к берегу, на одной гигантской, врезавшейся в воду скале хорошо видны остатки разновременных укреплений — от древнеегипетских до мусульманских. Это знаменитый Каср-Ибрим. Очень много пальмовых рощ — они уже почти сплошной полосой обрамляют берега.

Печет во всю. Многие ищут тени. Настоящая Африка начинается только сейчас. И, вместе с тем, наступает пик нашего путешествия — момент, о котором мы так мечтали оба года работ в Нубии: момент встречи с величайшим памятником древнеегипетской и мировой культуры — храмом Абу-Симбел.

И вот он настал. Слева по борту, у восточного берега проходили затопленные рощи, справа — обычные пески и скалы пустыни. И вдаль — у поворота реки, на западном берегу стали отчетливо видны выемки в огромной скале и колоссальные статуи. Великий Абу-Симбел!

И вот они уже передо мной — четыре восемнадцатиметровых статуи Рамзеса II. Великий завоеватель сидит недвижно и незыблемо. Он больше всех, нет, и не было ему равных, и здесь, в южных пределах его державы, в пустыне утвердил и олицетворил он свое могущество созданием невиданного храма. Лица статуй обращены на восток. Они бесстрастные, невозмутимы и беспощадны.

Статуй четыре. Верхняя половина второй слева разрушена. Лица остальных совершенно одинаковы. Между парами статуй, над высокой прямоугольной дверью, в прямоугольной же нише сокологоловый бог с солнечным диском на голове, а также ряд рельефов. У подножья статуй священные ястребы; наверху же, увенчивая всю нишу, — ряд сидящих павианов, их 20 или 22. Стены дромоса, ведущего ко входу, покрыты рельефами — вереницы пленников с выразительными и индивидуальными лицами и подчеркнутой этнической спецификой (могут быть выделены египтяне, и нубийцы, и евреи и др.).

У подножья гигантских статуй более 200 статуй жен и детей, обрамлявших проход к высокой двери во внутреннюю часть храма. Основные параметры последней; углубление в скалу по горизонтали — 65 м, высота залов — 33 м, общая их ширина — 38 м. Всего залов 8.

Внутри — в первом зале — ряд колонн-статуй Рамзеса с лицами, обращенными друг к другу. На правой стороне — битва с хеттами, взятие Кадеша, избивание пленных. Маленький, умоляющий о милости хеттский царь, на левой стене — битва с сирийцами — очень большие рельефы — Рамзес на колеснице с луком, атакующий сирийскую крепость, Рамзес, убивающий вражеского царя, Рамзес — победитель на колеснице

(отметим для ясности, что битва при Кадеше 1286г. до Р.Х. закончилась либо победой хеттов, либо с ничейным результатом). Рамзес II чудом избежал плена, а заключенный после этого хетто-египетский мир оказался чуть ли не самым долговременным и прочным во всей истории отношений между этими двумя странами. И на всех отмеченных изображениях у Рамзеса II одно лицо.

Последняя комната храма Рамзеса — «святая святых» длиной около семи и шириной 4 м имеет небольшой алтарь и четыре сидящих в одинаковых позах фигуры, трех богов — Амона-Ра, Птаха, Хармакхиса и одного смертного Рамзеса II. Лица их обращены к востоку, к двери — единственному источнику света: при восходе солнца сюда проникает единственный луч, на секунду или доли ее, освещая лица богов и Рамзеса.

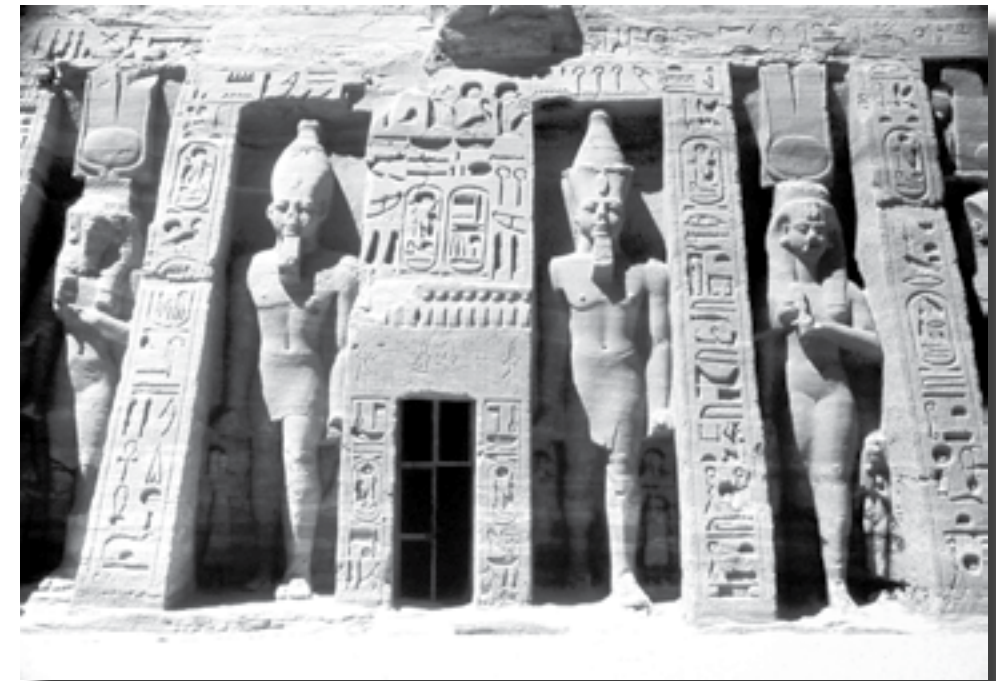
Еще раз подчеркну, что храм выдолблен в скальной породе при отсутствии естественного освещения и дефиците воздуха. Труд этот был бесконечно тяжелым как для рабочих, удалявших породу, так и для художников, покрывавших культовыми рельефами большую часть плоскостей внутренних стен. Собственно, это не рельефы, а многоцветная роспись, контуры которых подчеркнуты глубоко срезанными линиями.

В сотне метров к северу от Большого храма был выдолблен Малый храм царицы Нефертари. Уступающая в размерах храму фараона, она отнюдь не уступает ему в изяществе и художественном оформлении, выполненном, как мне представилось, чрезвычайно талантливым художником. Вход здесь обрамляется шестью статуями (а вернее, глубокими горельефами высотой до 10м), выше же расположен ряд картушей. Последние покрывают и разделяющие фигуры контрфорсы. Внутренняя же роспись превосходна, особенно фигура Изиды, самой Нефертари и Хатхор (Хатор). Художник сумел противопоставить их женственность и обаяние суровому и даже жестокому характеру росписи Большого храма.

Повстречали мы здесь и старых знакомых. Оказалось, что сторожем в Абу-Симбеле работает прошлогодний герой наших приключений в Дакке и Хор-Дауде — нубиец Абда, хитрец и бездельник, но личность весьма колоритная. Встретил нас он восторженно, водил вдоль берега, поил суданским чаем, показывал священное озеро, в котором живет столетний беззубый, но тоже священный.

Вторая встреча нас по-настоящему обрадовала. Совершенно случайно приехал в Абу-Симбел наш инспектор 1961-1962 годов Фуад Якуб, ныне работающий в экспедиции Чикагского Университета. Этого прекрасного человека мы многократно поминали добром.

Пароход отходит. Прощался с Абу-Симбелом со смешанным чувством.

Абу-Симбел, вид с запада

К утру мы уже в Судане. Пейзаж заметно изменился: Нил сузился, вернувшись в нормальное свое русло, берега стали зелеными: поля, кустарники, пальмовые леса создают сплошные зеленые полосы, обрамляющие великую реку. В ряде мест пальмы стоят очень густо — сплошной стеной,

Ночевали на пароходе, чтобы с утра заняться пограничными формальностями. Прибежал к пароходу очень любезный негр-чиновник в шортах, белоснежной рубашке и сандалах, выслушал нас и радушно сказал: «Прежде всего, милости просим в Судан! Приятного пребывания! Все остальное — ОК». Забрал наши паспорта и тотчас оформил все необходимое. Таможню прошли моментально, а вернее — вовсе не проходили. На пристани чисто, просторно и спокойно. Вышли к самому железнодорожному полотну: отсюда нам ехать в Хартум поездом. До отправления больше трех часов — успеем хоть галопом познакомиться с первым суданским городом.

А пока окончилось самое большое путешествие мое по Нилу. Рад, что под конец экспедиции увидел его настоящим, нормальным, таким, каким был он в далекую эпоху появления одной из первых загадок человеческой цивилизации.

Пока же собираемся в город, но нужно где-то оставить вещи, а их немало, в том числе вся раскопная документа-

ция. Нужна камера хранения, но в городе их нет. Поставили все наше добро у стенки первого же дома и отправились в город. Он очень приятен: прямые улочки, чисто, все прибрано, ни толчеи, ни тряпья, ни запахов. И славный контраст с Египтом: ни одного портрета президента. Зато в одной из лавок большой портрет Ю.Гагарина. И более того, на базаре в другой лавке висел портрет... Пушкина. Лавочник говорил по-французски и пояснил мне, что это великий африканский поэт, живший в России. Были мы и в местном музее с небольшой, но заботливо собранной этнографической коллекцией, само наличие которой в пограничном городке вызывает уважение.

Вернулись на пристань — станцию. Все наши вещи были, конечно, в полном порядке, а нас ждал уже поезд с белыми вагонами, окна которых до половины были затенены.

Нас поместили в вагон высшего класса, очень чистый, стены узкого сводчатого коридора облицованы под красное дерево, двери одноместных куп с медными каскетами для визитных карточек пассажиров. Все купе одноместны, но при желании пассажиров они могут попарно соединяться внутренними дверями. Внутри — широкие диваны, откидные кресла, а в углу откидной столик, выдвижной умывальник, шкафчик с зеркалом. А главное — вентилятор, правда, возможно, еще викторианской эпохи. Каждому принесли большой термос с холодной водой.

До Хартумы 924 км. Вначале поезд должен пересечь излучину Нила — это 300–350 км пути по пустыне, затем опять выйдет к Нилу. И вот — едем. Мимо проходят нубийские деревни, как близкие Дакке и Кубани, т.е. соседям нашего лагеря, так и весьма своеобразные. На стенах домов — часто кирпичных — особенно у дверей нередко изображены белое кольцо или стрела, сочетающаяся с кольцом. У станций почти постоянно стоят круглые дома с коническим перекрытием, кончающимся железным шпилем, прикрывающим, очевидно, выход трубы. И эти дома кирпичные, конус покрыт белой штукатуркой. На станциях пустынно, тихо, но выходят единичные нубийцы — мужчины и женщины с лепешками, яйцами, кувшинами с водой или подносами с чайниками и стаканами.

24 марта

Проснулся около пяти. На востоке — сияющая розово-оранжевая полоса. А за окном — саванна — африканская степь, серо-желтая, покрытая, где кустарником и характерными для данной местности растениями. Поселки напоминают нубийские: тоже большие глиняные дома, вернее огороженные стенами участки, только отсутствуют штукатурка и рисунки, а отдельные части заметно приподняты.

По степи бродят стада коз, овец, верблюдов, стада последних вижу впервые. Видимо, они уже привыкли к поездам и подходят вплотную к ним, позволяя спокойно себя рассматривать.

Временами дорога подходит вплотную к Нилу, совсем другому, отличному от Асуана: Нилу нормальному, без двухкилометровой глади и мертвого, фантастического каменного обрамления. Здесь Нил живой, сравнительно неширокий, бегущий между низкими зелеными берегами. У воды растительность особенно густая.

Женщины — негрятки держатся куда свободнее и живее нубиянок. На станциях их много, они выносят к поезду свои изделия, в том числе плетеные из дранки щиты изумительной раскраски. Одежды их многоцветные и чистые; черного цвета, доминировавшего в нубийских деревнях, мало.

На площадках нашего вагона висит еще один заслуживающий уважения призыв по-арабски: «Бросая пищу и деньги из поезда детям, ты приручаешь их попрошайничеству и нищенству, а это извращает характер народа. Более того, иностранцы будут думать, что суданский народ — попрошайки и смотреть на него будут глазами презрения».

Молодцы суданцы!

К полудню небо затянуло облаками. Впервые за много месяцев увидел даже тучу. Посмотреть бы еще тропический ливень! Но — увы! — надежды мало: небо очищается.

Прибыли на станцию Шенди. Стоим на запасном пути: на основном произошло крушение. Упали четыре вагона, лежат поперек рельс, даже разрушили часть станционных построек. Жертв, к счастью, не было, но простоять придется долго: пока лишь начинают сдирать крышу с лежащих на боку вагонов — необходимо расчищать внутренние помещения поезда.

Уходим в вагон, объединяем с Олегом наши купе. Температура в тени около 40°. Все металлические детали — горячие. К поручням невозможно прикоснуться: они накалены. Тронулись около пяти. Поселок Шекда довольно велик, на краю его расположены стадион и школа — большой благоустроенный участок с современными зданиями и целым спортивным городком: футбольным полем, баскетбольными и волейбольными площадками. И чудесные ребяташки — чистые и приветливые.

Около девяти вечера вдали показались многочисленные огни, а вскоре поезд, прогремев по мосту через Голубой Нил (здесь Нил уже два — второй Белый; сливаются они чуть севернее) остановился у хартумского вокзала. Мы попросили шофера такси отвести нас в гостиницу. Хартум очень своеобразен и абсолютно не похож на Каир. Прямые улицы,

Портал храма Рамзеса II в Абу-Симбеле

очень много зелени и мало многоэтажных домов. Основной вид застройки — одноэтажные дома в садах.

Шофер наш привез нас в некий отель Альберта. Удивительно то, что отель оказался заполнен русскими, приехавшими на различные стройки. Отель миниатюрен — это небольшой домик с двориком, в который и выходят двери номеров. Наш номер — на четверых — комната площадью метров в 30, обстановка самая примитивная, но с вентилятором. Горячей воды нет, но кому она здесь нужна?

Хартум расположен на 15° северной широты, от него до экватора всего 1600 км. Значит, находимся мы на одной широте со столицей Йемена Саной, Южным Вьетнамом, Гватемалой. Состоит он из трех слившихся ныне городов: Северного Хартума (торгово-промышленного), Омдурмана и основного — столичного. Во всех трех население приближается к 500 000 жителей.

25 марта 1963 г.

Утром отправились в посольство.

Нас принял там посол Михаил Александрович Силин. Он сетовал на то, что у нас не придают должного значения культурному наследию Судана и роли его в истории.

Настоятельно советовал распространить русские полевые исследования на территорию Судана. Совет был очень перспективным: достаточно вспомнить и хартумскую культуру, и раннее появление производящего хозяйства, прежде всего земледелие, и тысячелетия соперничества с Египтом, и XXV Суданскую династию, и реанимацию традиции создания пирамид. Но, к сожалению, период спокойствия и политической стабильности в Судане близился к концу...

Из посольства поехали в департамент древностей. На сей раз по главной улице — Дворцовой (бывшей улицы Виктории). Здесь тротуары уже были нормальными, встречались и крупные постройки, но основная масса домов поражала своей легкостью. Это уже типично тропический город. Превосходные особняки, дома с длинными галереями, легкие подпорки, тонкие колонны и никакой массивности и гигантомании. Дома выше двух этажей по пальцам можно перечесть. Нас принял в Департаменте старший инспектор Саадык эль-Нур. Расспросив о целях нашего визита, он обещал организовать поездку в район Шенди для осмотра мероитских памятников и перечислил экспедиции, работающие в Судане (Английская, Германская, Польская, Мексиканская, Американская (Чикаго), Шведская, Итальянская (Пиза)).

Саадык эль-Нур — пожилой небольшого роста негр с большими карими глазами и совершенно «серебряной» головой. По музею нас водил д-р Мубарак (Мубароки) — молодой приятный негр, высокий и статный. Он выпускник Лондонского университета, ученик У. Эмери и Аркеля. Говорит по-английски и немного по-немецки, русского, конечно, не знает, но нам симпатизирует — сестра его учится в Москве, в Университете Дружбы народов, а дядя окончил МГУ.

Музей небольшой и скромный, но ряд комплексов, безусловно, интересен. Таковы погребения из Омдурмана, открытые в 1944 году и одновременные Хор-Дауду (рубеж IV и III тысячелетий до Р.Х.). Конечно, замечательными материалами представлены Напата и Мероитское царство. Повез нас Мубарак в чрезвычайно интересный этнографический музей, в создании которого (впрочем, как и археологического музея) значительную роль сыграл выдающийся английский исследователь Судана Аркел. Этот музей невелик, но уж воистину «мал золотник — да дорог»: изделия из самых различных материалов — от огромных деревянных барабанов до миниатюрных подвесок из раковин и камня — поражают своей оригинальностью и мастерством их создателей.

Памятником поразительного мастерства может служить огромный барабан, вырезанный из цельного участка ствола гигантского дерева и на разных своих участках дающий различное звучание. Выполнен он в форме быка, длина его более

двух метров. Среди оружия характерно отсутствие сабель при распространении у нубийцев кривых ножей. Основной вид оружия — и боевого, и охотничьего, и ритуального — копье.

При общей примитивности культуры захватывают многообразие, а иногда и сложность музыкальных инструментов, среди которых есть и полные копии того египетского (нубийского) «тамбура», который украшал праздник в Курте посрамедена 1962 года.

После музеев Мубарак отвез нас к Альберту, там пообедали, а вечером бродили по городку, вернее, по его торговому центру, который, по сравнению с Каиром, выглядит миниатюрным. Магазины полны товаров из самых различных стран: здесь представлены и вся Европа, и Индия, и Япония, и США. Правда, фантастическая дешевизна, о которой мы слышали в Египте, оказалась мифом.

26 марта

С утра вновь отправились в музей.

Доктор Мубарак обратил наше внимание на белое массивное здание, стоящее на небольшом возвышении среди огромных деревьев. На этом месте был убит генерал Гордон, знаменитый Гордон-Паша, английский диктатор Судана. Я уже не в первый раз вспомнил увлекательный роман Генриха Сенкевича «В пустыне и в джунглях», где в драматических красках изображались длительная осада Хартума огромной армией суданских повстанцев во главе с их вождем и религиозным лидером Махди, штурм и взятие города, а также смерть Гордон-Паши, голова которого была водворена на высокий шест, установленный в Омдурмане близ ставки Махди.

К этой ставке мы и направились. На другом берегу — Омдурман — самая большая часть триединого города, но «прочувствовать» его мы не успели. В Омдурмане должным образом были осмотрены лишь ворота крепости Махди и его музей — «дворец Халифе». Музей довольно сумбурный, наиболее интересные экспонаты касаются Гордона, нежели Магди и восстания. Интересно, что Гордон, помимо прочей одежды, постоянно имел при себе длинную стальную кольчугу. И это в 80-ые годы XIX-го века!

28 марта 1963 г.

С утра поехали доставать железнодорожные билеты вместе с г-ном Мубараком.

31 марта отправляемся в Кериму. Мубарак все тянет нас на какую-то выставку по борьбе с голодом, открывающуюся в Омдурмане. Жара, в отличие от предыдущих дней, какая-то влажная и тяжелая. В тени 38°.

Население города очень многообразно, что соответствует племенному и расовому разнообразию Судана. Пора-

Судан. Хартум, 1963 г.

зительно много красивых женщин и подлинных красавиц. Часть их одета по-европейски, другие закутаны в плащи, чаще всего из белой ткани. Хартум показался нам городом красавиц.

29 марта 1963 г.

Утром поехали в Омдурман на базар.

Базар типично восточный, но куда чище и организованнее ассуанского. Горы фруктов и овощей, огромные ряды с мясом, сушеными овощами, кореньями и травками, а далее столь же протяженные ремесленные ряды — портные, сапожники, жестянщики, резчики по дереву, мастера по металлу.

Далее лавки с раритетами. Их тоже целая улица. Раритеты самые разные: мечи и кинжалы, плетеные, кожаные, деревянные щиты, музыкальные инструменты (в том числе тамбуры), медные кофейники и целые кофейные сервизы, туфли из леопардовой кожи, папки и бумажники из крокодиловой и змеиной кожи, серебряные ножные браслеты и всевозможные сосуды, золотые кубки и украшения.

30 марта 1963 г.

Впервые встретились с директором департамента археологии страны Сабитом Хасаном. Это плотный человек

средних лет, энергичный, очень подвижный. Говорит только по-английски, поэтому мне пришлось быть переводчиком (Борис Борисович по-английски не говорил). Принял он нас вначале в библиотеке, заявив, что кабинет его занят «одним лицом». Так в библиотеке и были произнесены все обязательные фразы (мы ведь русские археологи в Судане). Затем г-н Сабит Хасан пригласил нас в свой кабинет, чтобы показать карты и аэрофотоснимки и представить проф. Уолтеру Эмери, одному из крупнейших египтологов современности, главному консультанту ЮНЕСКО по Судану. Мне приходилось неоднократно обращаться к превосходным отчетам профессора Эмери о его классических исследованиях в Египте, с трудом добытым Борисом Борисовичем в Каире, а в этом сезоне мы упорно искали и нашли его новую замечательную книгу «Archaic Egypt» («Архаический Египет»). И вот он сам. Типичнейший англичанин, высокий, великолепно сохранившийся, стройный, с гордо поставленной головой, светлый шатен с лишь тронутой сединой головой, а ведь позади у него шесть лет службы в английской армии в годы Второй Мировой войны. Родился он в 1903 году, окончил Институт археологии Ливерпульского университета и уже в 1923 году впервые прибыл в Египет как сотрудник экспедиции Общества египтологических исследований в Тель-эль-Амаране. С тех пор за исключением указанных военных лет и 4-х дипломатической службы в Каире, вся его деятельность была полностью посвящена раскопкам и исследованиям в Нильской долине. С 1924 по 1928 гг. он руководил экспедицией Ливерпульского университета в Луксоре и Арманте, а в 1929 году был назначен директором археологической службы Нубии (египетской правительственной службы древностей) с поручением раскопок всех памятников Нижней Нубии, подлежащих затоплению при второй надстройке Асуанской плотины. В ходе этих работ он вскрыл погребения поздне nubийских царей, что явилось одним из важнейших археологических открытий XX века. В 1936 году Эмери начал раскопки архаического некрополя в Саккаре, а с середины XX в. вел раскопки древнеегипетского укрепленного города Бухена в Северном Судане.

Результаты всей этой плодотворной деятельности дают проф. У. Эмери полное право называться классиком египтологии.

Проф. У. Эмери кратко расспросил меня о результатах наших двух сезонов в Нубии, одобряя их и согласившись с интерпретацией основных памятников. Расстались мы очень тепло.

Вечером Борис Борисович делал доклад в клубе нашего посольства в Хартуме. Собрались все русские города. Был и посол: все здесь куда проще, чем в Каире. Интерес к нашим

работам был проявлен неподдельный, да и доклад был очень живым и увлекательным. По-моему, сотрудники посольства впервые поняли, в какой стране они обитают, и какую роль сыграла эта страна в культурной истории человечества — от сотен лет соперничества с Египтом до распространения в Африке христианства и ислама.

Сообщили нам малоутешительные сведения о движении поездов на северо-запад, в Керим: говорят, идут они чуть ли не 36 часов, порядка движения нет никакого, на станциях и полустанках поезд стоит часами и т. п.

31 марта 1963 г.

И вот мы в поезде. Вагон I класса сносный (лучше египетских) — спать можно. Выехали более-менее вовремя. Четвертым в нашем купе оказался родственник Мубарака, инспектор школ Мухаммед Сулейман. Сам он учитель истории, бывал в Европе, собирается в Россию. Особенно интересовался книгой С.Р. Смирнова о восстании Махди. Привел из другого купе приятеля — поэта, написавшего поэму о наших космонавтах.

1 апреля 1963 г.

Встречаем первый день нашего пятого африканского месяца в Северном Судане. Вскоре наш поезд должен сойти с основной — северной магистрали и перейти на западную ветку, ведущую к Кериму.

На станции Эль-Кааб мы познакомились с суданцем — железнодорожником, работающим в нашем же поезде. Это был высокий, молодой еще человек с крупными чертами лица и белоснежными зубами. Одет он в легкую форму цвета хаки, обычную для суданских железнодорожников.

Меня он принял вначале за итальянца (уже далеко не первым), узнав же истину, искренне обрадовался: он был в Москве на фестивале молодежи 1957 года, вернулся в восторге от России. Зовут его Ахмад Шериф, живет он в Кериме. Читает все, что печатается по-арабски о России, знает Толстого и Горького.

А поезд шел на северо-запад. Саванна осталась далеко на юге. За окнами вновь проходили столь привычные уже черные скалы, желтый песок пустыни. Потом далеко на горизонте показались подобные высоким шатрам пирамиды, давно уже — более двух тысячелетий — ушедшие в седую древность в самом Египте и реанимированные (в заметно сокращенных размерах) во второй четверти I тысячелетия до Р.Х. Черными фараонами XXV (Суданской) династии. И среди них — гигантская черная скала — Джебель-Баркал («Священная скала») с высеченным в ней при Рамзесе II храме Амона — владыки ветров — своего рода «суданским» Абу-Симбелом.

Поезд петлял, пирамиды оказывались то справа, то слева, то исчезали совсем. Вновь берег Нила и, наконец, станция. Керима.

2 апреля 1963 г.

В Кериме нас встретил шофер с пикапом, и мы тотчас же тронулись в Мероэ. Проехали весь городок. Дома только одноэтажны, стены коричневые, одноцветные. Между двумя значительная лагуна — здесь и расположены остатки древней Напаты и Джебель-Баркала. Статуи храма Рамзеса II почти не сохранились, хотя здесь основал он свою южную столицу. Паром быстроходный, но маленький, берет всего две машины. Переправлялись мы на закате.

На другом берегу — Мероэ. Городок очень оригинален: желтый песок, коричневые дома и нередко красные глиняные ограды, а в IX-VIII вв. до Р.Х. — это столица Мeroитского государства. Проехали несколько десятков метров и прибыли в дом туриста — это очень приятное и легкое здание красного цвета с красной же оградой.

3 апреля 1963 г.

Утром покинули Мероэ и начали объезд памятников.

Посещение Мероэ произвело на нас глубокое впечатление. Этому способствовали и красота природы, и неизменная благожелательность администрации и населения, и огромная концентрация важнейших памятников самых различных периодов, начиная с додинастического. Именно в районе Мероэ политическая и культурная жизнь населения Судана отличалась особой активностью и в ряде случаев отмечена возникновением важнейших феноменов экономического, культурного, политического характера (раннее земледелие, крайне архаичная керамическая традиция, политическое соперничество с Египтом) и даже определенное подчинение его при XXV Суданской династии. Археологические перспективы Судана бескрайни. В 1963 году нами была произведена определенная рекогносцировка, но развития она не получила.

Рассмотрению подверглись оба берега Нила, соответственно на двух больших участках — Нури (в Левобережье) и Куру (в Правобережье). На обоих открыты и исследованы экспедициями разных стран более десятка пирамид фараонов XXV династии, в том числе наиболее ранние, восходящие ко времени образования нубийского государства Куш со столицей в Напате. В этой связи хотел бы остановиться на одной интересной дискуссии. Скала эта возвышается на огромной высоте, около 300 м. У ее раздвоенного окончания некоторые специалисты видят очертания человеческих фигур (если бы это было так, то Колосс Родосский выгля-

*Пирамиды
Нури,
Напаты*

*Бог Амен,
охраняющий
царя Тахарку
в Большом
храме Джебель-
Баркал*

Северный и Южный Некрополи в Мероэ, на заднем плане западный Некрополь

Скульптуры и
рельефы Напаты

дел бы перед этими фигурами миниатюрной статуэткой). Другие же считают результат выветривания естественным образованием. Мы с Борисом Борисовичем посвятили этому вопросу целый день, рассматривая скалу в самых разных ракурсах и при самом разном освещении. Я даже попытался взобраться на нижнюю ее часть. Пришли к согласному заключению о негативном решении вопроса: это игра природы, Колос Родосский может спать спокойно.

Среди многочисленных сравнительно ранних пирамид XXV династии выделяется пирамида Тахарки в Нури, упомянутого в Книге царей и у Исаяи под именем Тиргака. Фигура эта окутана романтическим ореолом борца против ассирийской агрессии и египетского единовластия (VII в. до Р.Х.), отстаивая права кушитских фараонов как в Напате, так и в Мероэ.

Он добился даже определенной преемственности: в двух антиассирийских восстаниях активно участвовал сам Тахарка, в третьем же его преемник — новый кушитский

царь Танутамон. Одержав же победу, ассирийцы положили конец XXV династии. Попутно подчеркну, что сама эта победа в определенной мере была обусловлена противопоставлением нового железного оружия ассирийцев традиционному бронзовому кушитов (нубийцев).

Таким образом, особое отношение последних к своему фараону закономерно. Понятно и возведение для него самой крупной для памятников Напаты и Мероэ пирамиды и создание прочих произведений искусства.

Пирамида сохранилась плохо, разрушена до уровня 18 м, но сторона основания квадрата превышает 40м, сложена же пирамида из песчаных квадратов размерами 0,80 × 0,50 × 0,35 м. Причем в ряде других случаев высота сохраняется и соотношение ее со стороной основания в среднем 3:5.

Ряд пирамид с рельефами и росписью. Как они, так и пирамиды без орнамента и хронологически ограничиваются рамками VII–VI вв. до Р.Х., но активные культурные связи с Египтом документируются в Мероэ и для значительно более ранних периодов. Археологические показатели здесь достаточно убедительны. В левобережье, в небольших пещерных храмах Тахарки создан местный археологический (и этнографический) музей, в котором экспонированы, прежде всего, многочисленные материалы из пирамид — рельефы, связанные с Тахарой и чуть не всем египетским пантеоном: Тахарка перед Амоном-Ра, Птахом, Мином, Гором, богиней Мут, Хатор, Сохмет.

Перед Джебель-Баркалом очень выразительны развалины Напаты. С восточной стороны колоны и часть стен огромного храма Рамзеса II с аллеей сфинксов перед входом. Собственно Напата была ближе к Нилу, здесь же вблизи храма «Амона, владыки ветров» был целый храмовый городок, по назначению и содержанию своему подобный Карнаку. Наряду с основным названным храмом Рамзеса, были здесь и более ранние постройки, принадлежащие Тутмосам и более ранним фараонам Среднего Царства. Однако сама планировка, гигантские барабаны колонн из розового песчаника, сфинксы, рельефы на квадратах нижней части массивных ворот (пилонов) характерны для знакомых уже нам построек Рамзеса II. Видимо, впоследствии здание неоднократно восстанавливалось, остатки этого интереснейшего комплекса в те дни не были завершены исследованиями, основание их не было достигнуто, хотя именно нижние камни кладки содержат большинство рельефов; алтари беспорядочно разбросаны так же, как и прочие архитектурные детали. Среди последних укажу основание каменного трона в виде барабана из черного камня с несколькими ступенями. На барабане — рельеф с изображением пленных различных *языцей*. Действительно, их лица и прически отличаются друг от дру-

га. Это заставляет вспомнить подобную же идентификацию военнопленных на рельефах портала Абу-Симбела, что вполне естественно — создатель-то у них единый.

В заключении еще раз подчеркну огромный археологический потенциал Судана. Это касается самых различных, но всегда наиболее актуальных проблем — от сложения батарийской культуры до учреждения железодетального производства. Ряд их требует решительного пересмотра на основании новых открытий в Судане. Очень жалко, что последние нам недоступны, и непосредственно мы в них не участвуем. Такая возможность в 1963 году была. Мы ее упустили.

XXVI

Месопотамия

Во второй половине XX века российские археологи не участвовали в полевых исследованиях в Месопотамии, хотя колоссальная роль этой уникальной области в истории человечества стало ясной уже к концу XIX века. Здесь необходимо неперестанно применять порядковое числительное «первый»: первые земледелие и скотоводство, первые сельские общины, первые системы искусственных жилищ, а далее домов, хозяйственных и культовых сооружений; первые керамика и металл, первое колесо и первые ладьи, первая письменность и первый эпос, первые города и первые государства, и еще многие десятки подобных «первых» феноменов, определивших основные решающие достижения жизни и деятельности человечества, возникли в междуречье Тигра и Евфрата. При этом необходимо подчеркнуть, что русская наука — и историческая, и филологическая — достаточно оперативно реагировала на открытия в Месопотамии — свидетельства тому классические исследования М.В. Никольского, Б.А. Тураева, И.М. Дьяконова и прочих колоссов российской древней ориенталистики. Русских раскопок в Месопотамии не было, в этом отношении мы к середине XX века отставали от западных стран (и Японии) на полтора столетия. В эти годы положение коренным образом изменилось. Была создана Российская Месопотамская (Ирако-Сирийская) экспедиция Института археологии АН СССР во главе с Рауфом Магомедовичем Мунчаевым, уже проведшая масштабные целенаправленные раскопки предельно информативных памятников Месопотамии и Сирии (являвшейся неотрывной частью Месопотамии) всех последовательных периодов от конца VIII до середины III тыс. до Р.Х. Тем самым была создана беспрецедентная колонка последовательных культур Северной Месопотамии — от позднеирихонской культуры до раннединастической I, а исторически — от «неолитической революции» до периода сложения государств. Огромное значение этих исследований ныне признано всем

научным миром. А сами исследования продолжаются, ежегодно обогащая новыми открытиями представления о древнейшей Месопотамии и о формировании ее цивилизации. Итоги их после тщательного анализа представлены в многочисленных изданиях, в том числе больших книгах на разных языках. Здесь я коснусь лишь самых основных из них, а также обстановки работ, ее специфики, ее участников.

Сам я принимал участие в этих исследованиях с начала их подготовки — рекогносцировки на территории Ирака в 1967–1968 гг. до 2003 года, когда я оставил уже Сирийскую экспедицию в силу возраста и болезни.

Начну с предпосылок нашего появления в Месопотамии. В 1965 году в Багдаде состоялась инаугурация нового Иракского музея — крупнейшего хранилища материалов из археологических раскопок в Месопотамии в XIX–XX вв. Музей был подарен городу португальским миллионером Гюльбекианом и занимал обширный квартал с целой системой служб, своей полицией и пр., главное же здание имитировало нововавилонский архитектурный стиль. Церемонии было придано государственное значение, она проходила под патронажем президента страны. Был приглашен ряд иностранных делегаций. Россия была представлена академиком Б.Б. Пиотровским и Е.И. Крупновым. В ходе их поездки был затронут вопрос о непосредственном участии нашей страны в археологических исследованиях на территории древнейшей в мире цивилизации. По возвращении в Москву Е.И. Крупнов известил об этом соответствующие инстанции, принявшие решение о создании специальной экспедиции, которую должна была предварить поездка в Ирак сотрудников Института археологии АН СССР для общей рекогносцировки и определения проблематики и конкретных памятников исследования. Для участия в этой поездке дирекцией нашего института были предложены Николай Оттович Бадер и автор этих строк.

И вот 18 декабря 1967 года. Еще турбо-винтовой, но очень надежный и заслуженный ИЛ-18 подлетает к Багдаду. Перед этим уже четко обозначились Тигр и Евфрат. Все казалось волшебной сказкой. Вспомнил, что название этих рек впервые услышал в пятом классе школы, когда мы начинали постижение истории в далеком 1935 году.

На аэродроме нас встретил ведавший в нашем посольстве научными связями Олег Витальевич Ковтунович — обаятельный, очень интеллигентный человек. Превосходный арабист, он был буквально влюблен в арабскую культуру во всех ее проявлениях — от архитектуры до музыки — и убежденно говорил нам, что все они были совершенно европейскими. Буквально тут же, в аэропорту, начал разъяснять нам специфические черты столь нового для нас культурного

окружения. Мы вообще обязаны ему очень многим, и не только в отношении арабистики: он мог часами обсуждать труды А.Дж. Тойнби. Но тогда, при первой встрече, повторяю, он сразу же стал открывать нам глаза на проявления великой арабской цивилизации.

Поселили нас в небольшом, но очень удобном отеле «Опера», который позже стал традиционным убежищем сформированной Иракской экспедиции вплоть до 1985 года.

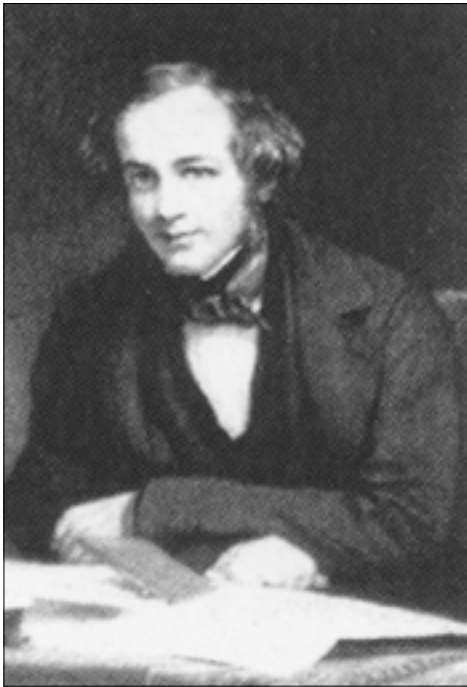
Потом отвезли нас в наше посольство. Закрутилось колесо багдадских встреч, переговоров, визитов, осмотров, дискуссий. Их было много, в ряде случаев они были очень полезны, насыщены, вводили в курс основных вопросов развития археологии в современном Ираке: конкретных достижений местных и зарубежных экспедиций, отношений между ними, степени исследованности отдельных областей и хронологических периодов, возможностей публикации результатов исследований и т. д. и т. п. Надо было получить связи с людьми, обладающими соответствующей информацией и согласными поделиться ей с нами. Более всего мы рассчитывали здесь на Департамент древностей. И не ошиблись. Поехали в него на следующей же день утром. Расположен он в одном здании с Иракским музеем, очень хорошо оборудованным: огромные светлые кабинеты, централизованная охлаждающая система, хорошо продуманное освещение рабочих комнат и, главное, рассчитанное на длительное функционирование фондохранилище с многометровыми стеллажами, большими разборочными столами и естественным освещением.

Директором Департамента был тогда д-р Фейсал аль Ваили, очень благожелательный человек, профессиональный археолог, один из руководителей раскопок замечательного неолитического поселка самарской культуры VI тысячелетия до Р.Х. Тель Эс-Савана — последней сенсации иракской археологии.

Коллега его по руководству департаментом и экспедицией был д-р Бехнам Абу Суф — красивый и мощный араб, с которым мы с Николаем Оттовичем с большой пользой для себя несколько недель сотрудничали в Тель Эс-Саване.

*Пионер археологии Месопотамии.
Поль-Эмиль Ботта (1802–1870)*

*Пионер археологии Месопотамии.
О.Г. Ллойд*

Наконец, крупнейший из археологов того времени, неизменный соратник знаменитого Сетона Ллойда по раскопкам Эриду и Хассуны, генеральный инспектор раскопок Ирака — проф. Фуад Сафар. Худощавый шатен среднего роста, первоклассный полевой и кабинетный ученый. Вместе с Фейсалом аль Ваили был в Советском Союзе, вернулся в восторге. Оказал нам помощь, предложив вместе с директором план «производственной практики» в наиболее значительных экспедициях Ирака.

Из департамента мы непосредственно перешли в залы музея, директором которого был тогда д-р Фарадж Басмачи, а в создании экспозиции значительную роль сыграли германские специалисты. Экспозиция и по научному уровню, и по выразительности материала была совершенна и охватывала огромную серию последовательных периодов от нижнего палеолита до

исламской эпохи, причем все этапы представлены уникальными материалами, эталонными для всей Месопотамии и документирующими ключевые ступени сложения древнейшей в мире месопотамской цивилизации. В залах этого великолепного музея мы с Николаем Оттовичем в дальнейшем проработали еще много недель.

После музея мы успели осмотреть еще ряд исторических памятников, сохранившихся в этом огромном городе, протянувшемся более чем на 60 км вдоль Тигра. Наиболее ранний и интересный из них — это остатки Кассидского города Дур-Куригальзу (совр. Акаркуф), основанного в начале XV в. до Р.Х. царем Куригальзу. Город просуществовал до ахеменидского завоевания VI в. до Р.Х. Исследован иракскими археологами. Реставрирован зиггурат из сырцового кирпича.

На следующий день выезжаем в Самарру (в переводе — «да возрадуется узревший»). Около 100 км глиняной пустыни. Современная часть города — узкие улочки, глиняные дома. Построен он в IX веке халифом Мутасимом, перенесшим сюда столицу Аббасидского халифата из Багдада в целях своей безопасности. Не помог город, был столицей лишь 56 лет, и некоторые из его халифов правили лишь по одному дню, но само строительство фантастично. Длина горо-

да вдоль Тигра — 36 км. Правильная планировка с главной улицей шириной до 100 м. На юге — самая большая в мире вплоть до XX в. мечеть Мутаваккилия т.н. «иракского стиля». По пятничным богослужениям в мечеть собирались до 100 000 человек. С севера к мечети примыкал огромный минарет — Мальвия — высотой 56 м из такого же кирпича, поднимающейся снизу к вершине «тропы»: оттуда халиф мог видеть почти весь город, сидя в кресле, следы которого обнаружены при исследованиях немецких археологов.

Главная улица вела далее к гигантскому комплексу наземных и подземных сооружений дворца халифа, а за ним — к другой огромной постройке, получившей условное наименование «дом главнокомандующего», поскольку за ним располагались казарменные помещения, знаменовавшие начало другого города — Мутаваккилию, органически связанного с Самаррией, но построенного уже халифом Мутаваккилем. Смежная северо-восточная территория Самаррии была занята ипподромом и огромным зоопарком.

В целом создается впечатление бесконечного города, причем в Мутаваккилии был свой «теменос» с такой же мечетью Абу Дулаф и спиральным минаретом, но заметно меньших размеров, нежели в Самаррии.

Отмечу, что под постройками центральной части Самаррии еще в 1911 году был найден замечательный неолитический некрополь со скорченными в узких ямах погребениями, сопровождавшимися превосходной, богато орнаментированной (резьбой и росписью) керамикой. Возможно, некрополь этот связан с уникальным укрепленным поселением Тель эс-Савван.

Добавлю, что напротив Самаррии, на западном берегу Тигра расположены развалины дворца того же IX века, названного «Замок влюбленного», который вполне этому соответствует.

На следующий день предлагается программа нашей деятельности в Ираке. Намечено посетить стационарные экспедиции: иракские — Тель Эс-Саван, Ниневия, британская — Манделли, западногерманская — Варка-Урук, японская — Телул-эт-Талатат. Маршруты — север (Куинджик, Хассуна, Синджар, Тель-Афар). Японской экспедицией нанесен лишь краткий визит в связи с кончиной ее начальника. Южный маршрут — Киш, Вавилон, Ур, Эриду, Тель-эль-Убейд, Лагаш.

Директор музея Ф. Басмачи знакомит нас с позднее сменившим его доктором Фавзи Рашидом, занимающимся как нарративными источниками, так и древнейшими археологическими материалами, причем учителем его был один из крупнейших западногерманских археологов проф. Владимир Милойич. В дальнейшем нас с Ф. Рашидом свяжут дли-

тельная дружба и сотрудничество; уже в этом сезоне он будет сопровождать нас в Южном маршруте.

19 декабря отправляемся вновь в Самарру, на сей раз до середины января: начинается настоящая работа на Тель Эс-Саване. Одновременно с нами выезжают на другой памятник Фейсал эль Ваили, Ф. Сафар и молодой ассириолог Тарик Мадлун.

На сей раз очень быстро едем по знакомой дороге и в 2:30 оказываемся в Самарре. Нас ждут. Знакомимся с руководителем экспедиции того года д-ром Бехнамом эс-Суфом. Он очень колоритен.

Тель Эс-Саван расположен на восточном берегу. Небольшой холм, овален, вытянут с севера на юг на 230 м и с востока на запад — на 110 м. Поверхность на значительных участках нарушена современным кладбищем. Небольшими вади холм разделен на три участка: северный (А»), центральный (наибольший — «В») и южный («С»). Раскопы в большей мере охватили два последних. Здесь, на значительных площадях вскрыты многокомнатные дома, сложенные из прямоугольного сырцового кирпича. Между домами были прямые довольно правильные проходы. В домах, помимо обычных жилых комнат, вскрыты целые комплексы небольших узких помещений — хранилищ и мест обработки зерна. Бехнамом выделены здесь пять строительных горизонтов. Верхние три отражают этапы развития сложившейся уже самаррской культуры VI тысячелетия до Р.Х. Поразительны по своей древности открытые в III горизонте фортификации: мощная кирпичная стена и ров, окружавшие участок «В». В третьем горизонте открыто очень большое многокомнатное здание — одно из самых ранних для памятников, но уже с анфиладой соединенных помещений. Бехнам с определенным основанием считает его культовым: под полами дома обнаружены не менее 130 погребальных ям. Большая часть их принадлежит наиболее раннему I горизонту. Ямы узкие, неправильной овальной формы, стенки их иногда обмазаны глиной. Тела погребенных скорчены, они лежат головой на юг, лицом на запад, значительная часть их завернута в циновки. Многие окрашены красной охрой, единичные погребения расчленены. Инвентарь — культовые антропоморфные алебастровые и глиняные сосуды, символические фигурки, алебастровые же сосуды, бусы из разных сортов камня, глины, раковин. Около трети ям пустые, но коллекция статуэток уникальна: она включает выразительные фигурки, различные и по позе, и по полу. Относятся они к самому началу керамического неолита, к началу VI, а возможно — и к концу VII тысячелетия до Р.Х.

Мы же знакомимся на практике с очень непростой спецификой раскопок теллей Месопотамии. Все строитель-

ство здесь в праисторический период — это полностью господство глины. Необходимы особое чутье и особая наблюдательность, выработанные специальной практикой, чтобы отличить глиняные стены от мусора, развала, просто поверхностей. Такая подготовка была учреждена крупнейшим германским археологом Андрэ, блестящим методистом, исследовавшим в первом десятилетии XX века ассирийскую столицу Ашур. Подготовку квалифицированных землекоп-раскопщиков стали проходить работавшие у него феллахи из соседних с Ашуром сел (в том числе села Шургат), потом в этот процесс были включены и дети; такие рабочие владели расчисткой сложных объектов, хорошо видели землю, безошибочно выделяли постройки. Называют их шургатцами. Мне довелось видеть подлинных мастеров своего дела, с сорокалетним стажем, работавших с Андрэ в Ашуре, Р. Брейдвудом — в Джармо, Ф. Сафаром и С. Ллойдом — в Эриду и Хассуне, Л. Вулли — в Уре и чуть ни со всеми классиками археологии Месопотамии.

Очень коротко об основных параметрах Тель Эс-Савана по данным, полученным к рубежу 1967 и 1968 гг. Общая площадь, вскрытая на среднем участке — 7000 м². В первом горизонте вскрыты три многокомнатных дома, во II — два, в III — четырнадцать. Все дома из сырцового кирпича. Толщина полов от 2 до 5 см. «Кирпичи», а вернее длинные сырцовые блоки, размерами 60–80 × 25 см. Комнаты являлись хранилищами обработанного таким образом зерна. В северной части участка найдены остатки круглого кирпичного сооружения с обрушившимся сводом, возможно, керамической печи диаметром около полутора метров.

Конец 1967 года очень ветреный, дождливый и холодный. Колорит нашей поздней осени. Работать трудно, хотя и рабочие, и научный состав неоднократно делают соответствующие попытки. Помощников у Бехнама трое — все дельные молодые специалисты: палеолитчик Ганем, неолитчик Валид, антиковед Шах. Все разной веры и разной национальности: Ганем (как и сам Бехнем) — христианин, Валид — мусульманин, Шах — огнепоклонник, первые два — арабы, третий — лур — из особой ираноязычной группы. Каждый вечер мы вели с ними оживленные дискуссии на самые разнообразные темы. О России спрашивали непрестанно, всем интересовались и проявляли неизменную терпимость к разногласиям по поводу таких тем, как сущность Бога, создание мира и человека, роль дьявола в этом процессе, понятие добра и зла. Активное участие в дискуссиях, но, главным образом, по конкретной археологической проблематике принимал и сам Бехнам. Он откровенно говорит о необходимости археологического «братства» и совместных исследований важнейших проблем человеческой истории с самых

различных позиций. Рассказывал о своей открытой дискуссии с С. Ллойдом и М. Маллованом в Кембриджском университете относительно появления и судеб древнейших культур Месопотамии, отрицал принесение сюда сформировавшихся где-то культур, правильно подчеркивал местные корни и преемственность между последовательными ступенями развития Месопотамии до периода Джемдет-Наср. В то же время он обращал внимание на роль торговых путей, начиная с импорта обсидиана, областей его источников в Анатолии и Афганистане, и диффузий культуры.

Поражает его неизменная доброжелательность и надежда на всеобщее умиротворение, прежде всего, на Ближнем Востоке. Но особое внимание уделяет Бехнам перспективам нашей экспедиции, подробно комментируя археологическую карту Ирака и подчеркивая значение северных его районов (Мосул-Эрбиль-Киркук), конкретно указывает памятники урукской эпохи с возможностью наличия более ранних слоев — вплоть до Джармо и более поздних — вплоть до начала письменности. Информация его для нас предельно важна.

Вечерами продолжались дискуссии с Ганемом, Валидом и Шахом. Основной темой их стало теперь появление человека и роль Бога в этом процессе.

Перед самым Новым годом работы на Тель Эс-Саване были прерваны на несколько праздничных дней. И еще 28 декабря уходящего года успели мы посетить Тикрит — интереснейший город, построенный во II тыс. на высоком, опускающемся к Тигру плато. Прежде всего, была сооружена грандиозная цитадель: развалины ее отмечены холмом высотой 40–45 м и диаметром более 200 м. Правда, верхнюю ее часть составляют остатки турецкой крепости, но основа гигантского сооружения — аккадского периода, т.е. времени формирования первых в Месопотамии империей, сопряженного с созданием мощных фортификаций.

В последний день года с утра работали в Музее, где познакомились с известнейшим ассириологом, директором британского археологического центра в Ираке профессором Дэвидом Отсом. Очень высокий, стройный человек с умным, улыбчивым лицом, излучающим внимание и доброту. Одет весьма свободно. Нас разыскал сам, спросил мы ли русские археологи, представился, представил свою жену Джоан, тоже археолога и прямую нашу коллегу — специалиста по праистории Месопотамии (и удивительно обаятельную женщину). В завершении пригласил нас в ближайшую среду на коктейль в Британский археологический центр: это было большой честью для нас — ведь центр возглавлялся такими классиками археологии Месопотамии, как Г. Белл, Л. Вулли, М. Маллован, С. Ллойд, наконец, сам Д. Отс.

Рельефная фигура дракона с фасада ворот Иштар в Вавилоне. Рельеф покрыт яркой цветной глазурью: коричневой и желтой на голубом фоне. VI в.

Новый год встречали у сотрудника посольства Кима Кошева, куда нас привез О.В. Ковтунович. Мы были тронуты вниманием: нам приготовили даже подарки. Приходилось отвечать на сотни вопросов.

Багдад же встречал праздник очень активно и весело. Улицы были полны народа. Особое внимание уделялось детям, разряженные стайки которых буквально оккупировали город. Их катают на лошадях, на украшенных повозках с костюмированными возницами, на машинах, на лодках и яхтах по Тигру, на ручных тележках: на них взбираются до десяти малышей, умудряющихся еще и плясать на ходу. В Музее столпотворение: интерес к древности огромен. Очень много молодежи. Взрослые приходят вместе с детьми всех возрастов.

Вечером за нами заехал Бехнам, как всегда, бурно нас приветствовал и повез на коктейль к англичанам. Мы попетляли по узким улочкам и выехали на набережную Тигра. Старый арабский дом с глухими стенами. Массивная, округленная сверху дверь. Внутри — квадратный открытый дворик, а в стене — винтовая лестница с высокими каменными ступенями. Поднялись на открытую галерею, обрамляющую дворик. Здесь нас встретили миссис Отс и ее сын Томас.

Поздравили друг друга с Новым годом и прошли во внутренние комнаты. В первой из них уже не было свободных кресел: вдоль стен сидели приглашенные иракские археологи, многие с женами. Прошли во вторую комнату, меньшую по размерам. Здесь, оказалось, была спальня супруги М. Маллована Агаты Кристи в дни пребывания их в Багдаде. Сюда пришли хозяева дома и некоторые из гостей. Принесли виски, миндаль, сигареты. Прибежали еще двое Отсов — чудесные девочки — одна лет четырех, вторая шести.

Д. Отс начал очень содержательный разговор о специфике иракских памятников, о различии условий на севере и юге, рассказал о работе в Манделли, где совмещаются черты обоих, да еще прибавляются иранские влияния. В целом же район избран чрезвычайно удачно: сразу резко изменились южная граница культуры Джармо, восточная — Хассуны и Самарры, северная — Эриду; встал вопрос о выходе древнейших земледельцев из предгорий на аллювиальную долину и о связях их с Хузестаном. В отличие от более южных районов, древнейшие памятники не перекрыты здесь толстым слоем аллювия и доступны для исследования. Ниже ведутся исследования Телля Шога-Мами, на котором отмечены совместные залегания типичной самаррской керамики с фрагментами сосудов типа раннего Эриду (Хаджи Мухаммед). И здесь же найдены «карандашевидные» нуклеусы с очень тонкими сколами, которые Р.Брейдвуд сопоставляет с иранскими материалами. Рассказ велся здесь поочередно — и Дэвидом, и Джоан, которая как праисторик фактически и является здесь основным исследователем. Обстановка стала сугубо деловой. Хозяева живо интересовались исследованиями в Южной Туркмении и Закавказье, сетовали на трудности русского языка и дефицит соответствующей литературы. Я еще раз почувствовал, какой вред престижу нашей науки наносит затягивание вопроса о резюме на иностранных языках в наших публикациях и явно недостаточные возможности участия наших специалистов в международных конференциях.

Вечер оказался весьма содержательным, и мы с глубокой благодарностью расстались с нашими радушными хозяевами. Попрощались ненадолго: после Телль Эс-Савана мы на неделю отправились на раскопки Шога-Мами. Но именно 3 января 1968 года возникла связь нашей экспедиции с семьей Отсов, которая сыграла важную роль и в наших полевых исследованиях, и в осмыслении их результатов, а также в представлении их международной археологической обществу.

7 января возвращаемся в Самарру и продолжаем фиксировать разрезы как исследуемого участка в целом, так и отдельных его объектов. Последнее относится, прежде всего, ко второй северо-восточной керамической печи.

Продолжение раскопок показало, что примыкающее к ней прямоугольное здание построено позднее и перекрывает не только выброс из нее, но и часть свода. Ганеш при этом высказал предположение, что посуда подвергалась первичному обжигу в первой печи и вторичному — окончательному — во второй. До сих пор о таком двухступенчатом процессе я не слышал. На всех участках III слоя встречена посуда с шоколадной геометрической росписью, сопровождаемая посудой с резной орнаментацией, фактически общей с хассунской и тождественная посуде, открытой в некрополе самой Самары Герцфельдом еще в 1911 году.

11 января попрощались с Телль Эс-Саваном и отправились в Манделли. В лагере британской экспедиции находились супруги Отс, четверо сотрудников и трое детей. Одна огромная палатка — столовая, клуб, читальня, кабинет, детская, но прежде всего, лаборатория, вторая — поменьше — кухня, пять жилых, довольно больших. Одна палатка отводится нам. Идем на раскопки. Холм длиной более 200 м, при сравнительно небольшой высоте (около 5 м). Раскопок несколько. Система четкого продумана, дабы выявить структуру слоя на разных участках. Основной самаррский слой с тремя строительными горизонтами. Первый сильно разрушен, но крайне важен, ибо именно в нем позднесамаррская керамика смешана с керамикой южной культуры Хаджи Мухаммеда, это первый случай их сочетания и Д. Отс правильно осторожен, он подчеркивает наличие здесь склона и возможность смещения по нему керамики из разрушенного слоя южной культуры вниз. По основным же показателям слой Шога-Мами сопоставим с Телль Эс-Саваном.

Очень поучительны были наблюдения за бытом экспедиции и взаимоотношениями между людьми. Идеальный порядок, простота и четкость в последних объяснялись абсолютной их естественностью и отсутствием внешних проявлений иерархии. И еще тем, что Дэвид и Джоан начинали работать раньше и кончали позже всех. Пожалуй, еще: полное спокойствие и самообладание при всех обстоятельствах. Однажды был «урок» разведки. Уехали за несколько километров от лагеря — сам Д. Отс, Николай Отгович, я и восьмилетний Том. Все получили мешочек для находок, направление маршрута и время возвращения. В назначенное время вернулись к машине. Все, кроме Тома. Дэвид спокойно заводит машину. Я, конечно, весь на нервах. «Дэвид, Тома нет». Абсолютно спокойный ответ: «Том нашел дорогу в пустыню, найдет дорогу и из пустыни». Вернулись в лагерь. Том пришел (пешком, конечно) минут через сорок. Гораздо больше волнения вызвала находка Николаем Отговичем и мной памятника культуры Джармо. Кстати, Том мне покровительствовал: все разъяснял и комментировал. Мы вдвоем гуляли

Храм в Эриду VII в., входящий в ряд последовательных святилищ с VI до III тыс до Р.Х.

по лагерю, и он показывал: это вот след змеи, а это — волка, а вот — керамика. «Знаете Вы, что такое керамика?» (я-то ведь для него здесь новичок). Ну, думаю, надо и его чем-нибудь озадачить! Спрашиваю: «Том, Вы были в Египте?» — «Не был, сэр...» — «Рассказать вам о нем?» — «Будет очень интересно, сэр». Рассказываю ему об Абу-Симбеле и Рамзесе I, долго рассказываю... Том: «Очень интересно, сэр... Это Вы о битве при Кадеше? Так кто же там все-таки победил?». Но не разу меня не прервал! А знал все не хуже меня!

В первых числах февраля возвращаемся в Багдад. Теперь южный маршрут, сопровождать нас будет Фавзи Рашид.

Впервые едем по южной дороге, резко отличной от прочих в силу более активных ирригации и естественной влажности. Вдоль дороги долгое время тянутся сплошные пальмовые рощи, они то отступают от дороги, то вплотную приближаются к ней, причем зеленые их участки перемежаются с белоснежными — засоленными. Примерно через 2 часа пути перед нами неожиданно возник огромный чер-

ный холм высотой не менее 30 м — загородный северный дворец Навуходоносора. Еще немного далее — пальмовая аллея и реконструкция небесно-голубых ворот Иштар (подлинник был увезен в Берлин после двадцатилетних поразительных по масштабам раскопок Р. Кольдевея). И короткая надпись: «Вавилон». Сразу за воротами — небольшое здание музея, далее пальмовый сад, лестница и за ней раскопанный участок северного района города.

Первое впечатление — грандиозность увиденного. Холмы везде, куда хватает глаз, где-то далеко — линии пальм, растущих на остатках внутренних стен, а были еще и грандиозные стены внешние. К югу пальмовые рощи перемежаются большими холмами строительных развалов. Но если и представить себе действующими все оросительные сооружения древнего города, а где вода, там сразу же, бурная растительность, то все гигантское пространство превратится в фантастический сад. На длинных рядах полуцилиндрических кирпичных сооружений причудливые «висячие сады», а огромный город, как мираж, будет вписан в истинные райские кущи.

На север от музея и лестницы ведет «улица процессий». Ширина метров 6, в длину она расчищена метров на 300. Поверхность вымощена квадратным позднеавиловским кирпичом 33 × 33 см. Поверх него клались циновки — хороши видно их следы, а сверху все покрывалось асфальтом (участки его сохранились и ныне огорожены).

В музее подходим к схеме города. С востока он огражден Евфратом, близ которого располагается каррэ внутренних стен со стороны, по словам директора музея Ибрагима, примерно 10 км. Внешние же стены имели длину стороны 18 км. Западнее расположен погребальный план III династии, стоящий над склепами ее царей и знати. Облицованный обожженным кирпичом, он выглядит как небольшая крепость с округленными углами и мощными стенами, нависшими над гигантским котлованом, простирающимся к югу. В нем расположен ряд некрополей, в том числе и знаменитый раннединастический, открытый Л. Вулли.

В погребальном храме целый лабиринт комнат, под которыми склепы с арочными или стрельчатыми перекрытиями. Общая глубина их — напольная и подземная — до 5 м. Здесь присутствуют погребения как царские, так и знати; глубина шахт до 10 м от пола храма. Среди царских могил наиболее величественно погребение второго царя III династии Шульги (2095–2048 гг. до Р.Х.). Под центральным залом храма возможно погребение и самого Урнамму. Западнее узкая шахта, а позже лестница ведет на площадку с остатками склепов «царя и царицы», а также еще ряда ям и арочного перекрытия, из царских погребений — Мес-калам-дуга и ца-

рицы, именованной ранее с шумерского «Шуб-ат», сейчас же, по словам Фавзи Рашида, смененного на семитское «Пу-аби», что означает «приказ моего отца». Над некрополем нависает почти 9 м сплошного городского мусора.

В 250 м восточнее храма располагался дворец Шульги — квадрат со стороной 60 м, со стенами из обожженного кирпича с десятками помещений: внутренние покои, приемная, баня с камином, колодцы, три залы, вытянутых с востока на запад, предшествующих главному залу, размерами 25 × 17 м.

С внешней стороны стены пересекались контрфорсами каррэ, потом выходили за его пределы. При выходе раньше стояли ворота Иштар. Еще до них, в пределах укрепленного внутреннего каррэ, находился храм к востоку от улицы. Это храм Нин-Махх, а к западу располагались «висячие сады Семирамиды».

В последних разобраться нелегко: стоят в несколько рядов длинные одинаковые полуцилиндры. Храм же реставрирован: это традиционный прямоугольник с центральным двором. Со всех четырех сторон идет система узких высоких коридоров со скошенными световыми колодцами под потолком — ниши для ламп. Особенно сложная система коридоров со стороны целлы, соединенной со двором (анти-целла) центральной и двумя боковыми арками. В начале двора — со стороны входа — сохранившийся глубокий кирпичный колодец, а при входе в храм, вне его стен, перед главными дверьми — кубообразный алтарь (или стол для жертвоприношений). Высота потолков коридоров не менее 10 м. Стены из сырцового кирпича обмазаны толстым слоем серой глиняной штукатурки. Первоначальные стены сохранились в ряде мест на высоту 4–5 м, что делает реконструкцию достаточно достоверной.

Представляю себе контраст между залитым солнцем днем и абсолютно темным ночью двором, с одной стороны, и всегда одинаково освещенными десятками ламп — как бы изнутри стен — коридорами, с другой. Священные процессии выливались из одной арки и вливались в другую, неожиданно возникая в различных частях храма, то, как бы выходя из стен, то исчезая внизу.

Далее — за воротами Иштар — улица идет между рядами остатков абсолютно одинаковых зданий до какого-то не расчищенного холма. Справа участок расчищенных домов — он заметно ниже улицы и уже сильно зарос. Там был найден знаменитый лес Вавилона, стоящий ныне слева от улицы. За ним — Северный («главный») дворец Навуходоносора, а непосредственно к югу — Южный дворец. Тогда там шла расчистка тронного зала размерами 52 × 17 м. Реставрация сводится к заполнению провалов между сохранившимися на высоту 5–6 м остатками стен. Кирпич обожженный, стандар-

та близкого современному, но «с длинными клинописными надписями на торцах».

Но все это позднеавилонский период, середина и третья четверть I тыс. до Р.Х. Ранний же, воистину знаменитый Вавилон Хамурáпи и I династии, лежит ниже. Он заполнен поднявшимися грунтовыми водами, пока непреодолимыми, а частично разрушен поздним городом и фактически не исследован.

Да и позднеавилонский город, помимо «улицы процессий» с ее потрясающими рельефами на стенах (драконы и пр.), храмов и двух дворцов, еще масштабными раскопами не затронут, хотя раскопки Р. Кольдевея и определение им топографии города — самый подлинный научный подвиг. Им сделано максимально много, дело в грандиозности объекта исследования.

Здесь я не в силах объять результаты этих эпохальных исследований. Остановлюсь, однако, еще на одном моменте — проблеме зиггурата города — т.н. «Вавилонской башни». Ведь ставшая легендарной тысячелетия назад, она в значительной мере стимулировала интерес и к человеческой истории, и к библейской ее версии, и к ушедшим цивилизациям, и к Древнему Востоку. Призрак ее привлекал к себе и в античную эпоху, и в средневековье. Начиная с XII (русский игумен Даниил, испанский раввин Бенджамин из Тедела) и в последующие периоды (датчанин Карстен Нибур, римлянин Пьетро Делла Валле и др.). Ряд локализаций башни оказался ошибочным (Борсиппа), истинное свое место она обрела фактически с общим определением топографии города Р. Кольдевеем.

В экспозиции музея Вавилона мы увидели большой макет «Вавилонской башни» с пятью ступенями и двухступенчатым храмом на верхней площадке. Конструкция обычная, известная по сохранившемуся зиггурату Ура. Директор музея Ибрагим считает, что высота «башни» и длина нижней ее ступени достигали 91 м. Но на месте «башни» нет. Есть лишь небольшой участок предполагаемой ее конструкции (на уровне почвенных вод), показанный нам Ибрагимом с высоты холма, на месте массивной парфянской постройки, а в сотне метров от этого места — скопление строительных остатков, очевидно, многие тысячи тонн. И здесь можно вспомнить, что Александр Великий, возвратившись из Индийского похода, собирался учредить столицу своей необъятной империи в Вавилоне. Но «башню» счел недостойной его эпохи, приказал разобрать и заменить новой — «достойной» — на том же месте, освободив его от остатков прежней.

Из Вавилона, знаменующего начало южного маршрута, мы направляемся в Ниппур. Он расположен в 40 км к югу. На окраине города каналы, купы пальм, засоленная земля, участок пустыни с барханами и снова Ниппур, но уже древ-

ний, шумерский Ниппур, некогда основной оазис региона, священный город с царским списком, содержащим ряд имен полубогородных царей «от потопа» и наименования, связанных с ним городов, куда снизошла с неба царская власть. В найденных клинописных документах речь, очевидно, идет о федерации городов-государств и определении единого их лидера и порядок последовательности таковых, и степень их ответственности. Знаменуя реальное возникновение царской власти как важнейшей ступени в процессе сложения государства, именно документы ниппурского архива дали наиболее полное и многостороннее представление нам о шумерской концепции государства и ее значении, а также впервые представили список главных шумерских городов — Сиппар, Шуруппак (Шуриллак), Киш, Ур, Мáри, Лагаш, Исин и др. В целом же этими документами засвидетельствовано достаточно широкое развитие процесса образования государств. К первоначально обобщенному рассмотрению клинописных табличек добавляется в дальнейшем как филологический анализ их самих, так и анализ археологического их контекста (материалам списка городов), что привело к дифференциации и выделению трех фаз внутри раннединастического периода: Раннединастический I (2900–2750 гг. до Р.Х.); Раннединастический II (2750–2650 гг. до Р.Х.); Раннединастический III, включающий две суб-фазы — «а» и «в», охватывавших большую часть трех последующих веков. Обоснование этой археологической периодизации и ее корректировка были произведены в дальнейшем с учетом материалов новых раскопок Восточного института Чикагского университета в районе р. Диалы к востоку от Багдада.

В Ниппуре же американская экспедиция проф. Роберта Мак-Адамса вскрыла гигантскую площадь, включавшую целый комплекс по сторонам зигурата. Зигурат не реставрирован, и число ее ступеней не ясно, сердцевина его сырцовая, облицована же обожженным кирпичом, сторона нижней ступени — длиной 40 м. Общая сохранившаяся высота достигает 21 м. Наряду с самим зигуратом на площади раскопа вскрыты остатки ряда массивных построек: двух мощных оборонительных стен, башен между ними и подземных камер.

Стены открыты и с других сторон зигурата, отношение между ними сложное, но представляется, что первоначально они огораживали священный район. Раскопанный участок огромен, но для Ниппура это булавочный укол. Вокруг серия нераскопанных холмов, уходящих на север и северо-запад. Часть их связана с селевкидским строительством, только зигурат, очевидно, со временем III династии и «шумерским возрождением». Но где же Ниппур — религиозный центр Шумера, центр Вселенной по шумерским представлениям,

Пиктографическая табличка из Джемдет-Наср III тыс. до Р.Х.

город, в строительство которого должен был внести вклад царь каждого города?

Ведь Ниппур упоминается уже в раннединастических документах. По традиции еще в архаический период сюда собирались представители «городов-государств» для выборов военачальника, что отразилось и позднее в формальных выборах богом Энлилем. Ниппур — город Энлиля, центр своего рода метрополии, сердцевина теологической мысли. Я уже отмечал находки здесь ряда важнейших документов. Но для всех ли сохранились сведения о времени и месте их находок. Где следы этих раскопок? Никто из наших «гидов» не мог ответить на подобные вопросы.

6 февраля утром въезжаем в Ур (15 км к югу от Насирии). Появляется Ур как огромный пологий холм среди абсолютной глади пустыни. Разве только близлежащие подступы к нему окружены полями и в известной мере культивированы.

С западной части холма, а вернее, системы холмов, уже за 10 км хорошо видно полуконическое возвышение — знаменитый зиггурат Ура («Гора Бога»), построенный царем III династии Урнамму. Это наиболее сохранившийся зиггурат. Он сравнительно невелик, но пропорции его прекрасно продуманы: небольшая скошенность рассеченных контрфорсами стен, наконец, сами лестницы, с трех сторон ведущие на специальную площадку, вынесенную перед первой террасой, создают впечатление огромной высоты и фундаментальности.

Для начала бегло рассматриваем зиггурат, не поднимаясь на него. Затем начинаем детальный осмотр. Между не раскопанными холмами и скоплениями строительного мусора, по широкой тропе, выложенной кирпичным ломом, идем к востоку от зиггурата. Проходим линию очень большого и глубокого (более 16-ти метров при оплывших стенах и засыпанном дне) раскопа: здесь Леонард Вулли пытался документировать свидетельства потопа. Идем в восточную часть холма. Это район бедноты, может быть, строителей зиггурата. Дома — маленькие, неправильной формы комнаты, но все внутри. Соблюдены и форма, и единообразие, столь необходимые для процветающего государства (а III династия Ура — период наивысшего процветания шумерского государства). Остальное скрыто для глаз. За очередной дверью — комнаты со стенами: внизу — из обожженного, выше — из сырцового кирпича. Из последнего сделаны и внутренние перегородки. Один это дом или два? Сколько в нем комнат? Во всяком случае, мало, и комнаты маленькие. А жил здесь, возможно, человек, ради следов которого международным библейским обществом были начаты грандиозные исследования Ура: в первом помещении были найдены таблички с именем Ибрагим (= Авраам). Кто это — один из первых Авраамов — их тысячи, или пророк Авраам, который по библейской книге Бытия жил в Уре. Хочется верить в последнее. Во всяком случае, археологи так улицу и назвали — «улица пророка Авраама». Вторая система помещений богаче первой, имеет 6 разновеликих комнат; одна из них дугообразна, две, скорее всего, кладовые, с вымазанными в пол большими сосудами и узкими нишами («стенными шкапами»). В самой большой комнате открыт выход на кирпичную лестницу, ведущую на второй этаж.

«Улица пророка Авраама» выводит на площадь, к которой сходятся еще 4 улицы — более узкие (до 1,30 м). Дома на них разные, стены — до 30 рядов обожженного кирпича, полы, неоднократно наращивавшиеся в соответствии с ростом уровней узких улиц.

Представляя наш насыщенный южный маршрут, я остановился лишь на наиболее значительных памятниках, знаме-

новавших крупные сдвиги в истории древней Месопотамии, переходы к следующим — как позитивным, так и негативным этапам ее развития. Разумеется, здесь приходилось пользоваться принципом избирательности, учитывая степень информативности памятника, уровень и методическое совершенство его исследования; существенная помощь в этом была получена от профессора Ф. Сафара и сопровождавшего нас доктора Фавзи Рашида. Естественно, большое содействие оказали нам и сотрудники германской экспедиции.

Первый — город Киш — к востоку от Вавилона (около 15 км), ныне представленный отдельными разновеликими группами холмов. Холмы — это оплывшие остатки построек. Обе их концентрации знаменуют два основных района, обладавших даже особыми наименованиями, только в отличие от Урука, территориальный разрыв между ними был более 3 км. Зафиксировано чуть не древнейшее в Месопотамии монументальное (в том числе дворцовое) строительство, причем древнейший дворец носил не храмовый, а светский характер. Исследовалось большое кладбище конца раннединастического периода, наиболее ранние погребения которого заметно нарушили упомянутую выше большую дворцовую постройку. Тем самым была установлена более ранняя дата последней: она получила наименование «дворец А» и была с определенной долей справедливости признана первым для 20-х годов XX века образцом монументальной архитектуры, представленным массивной платформой основания зиггурата. Очень интересно, что конструктивное первенство Киша получило у шумеров широкое признание и связывалось с общим особым его статусом первого города из упоминаемых в знаменитом «Царском списке» и даже идентификацией титулов «Царь Киша» и «Царь Шумера».

К району Вавилона относится еще один, значительно более поздний (вплоть до позднего эллинизма) объект, хронологически и по значению своему далекий от архаических (шумерских) и классических (аккадских, ассирийских, раннеавилонских, митаннийских) городов, но объект, просуществовавший около 2000 лет, являвшийся подлинным городом-спутником Вавилона и по общим их судьбам, и по ближайшим их связям. И, наконец, объект крайне интересен, но невелик (немногом больше 1 км в диаметре), поэтому мы успели составить представление о нем за один день посещения.

Я имею в виду Борсиппу — небольшой город, а точнее — большое святилище в нескольких километрах восточнее Вавилона. Сооружение его следует датировать, скорее всего, второй половиной II тыс. до Р.Х., а главным сооружением считать очень большой зиггурат, сильно разрушенный и подвергшийся длительному огневому воздействию.

Стела Нарамсина Аккадского в честь победы над лубубиями.

Прокаленные и спекшиеся блоки обожженного (обжиг или результат преднамеренного сожжения постройки?) кирпича его составляют беспорядочное нагромождение, сохранившееся на многих десятках метров. Картина эта произвела такое впечатление на средневековых путешественников, что они пытались локализовать здесь сам Вавилон и его «башню», а состояние последней приписывать молниям Св. Архангела Михаила. Территория Борсиппы была обвалована, но застроена очень слабо; сохранились лишь отдельные скромные сооружения, руины и пятна строительных развалов. Между тем, в текстах конца II — первой половины I тыс. до Р.Х. упоминания Борсиппы сохранились, хотя они и редки. Так, в одном из текстов сообщается о нарушении, в течение ряда лет, в ходе новогоднего праздника, в силу дурных предзнаменований, традиции свободного передвижения божественных статуй в Вавилон и обратно; из-за этого праздник не состоялся: Бел (Мардук) не приходил из Борсиппы в Вавилон и обратно. В 1851 году до Р.Х. арамеяне

спровоцировали разрыв между вавилонским царем Мардук-закир-шуми и его родным братом. На помощь были призваны ассирийцы. Салманасар опрокинул смутьянов, вошел в Вавилон, «воцарился в небесах и на земле», «воцарился в жизни», принес жертвы в храме Мардука в Есадице, а также в святилищах Кутхе и Борсиппе и отнесся к обитателям этой святой земли с исключительным дружелюбием.

Для народа Вавилона и Борсиппы — покровительство и благоволение великого бога, празднество, дары пищи и вина, яркие цветные одежды и предоставление им всех этих даров.

И текст с информацией обратного порядка. В период персидской экспансии города Вавилон, Борсиппа и Дильбара заключили договор против Ксеркса. Это была последняя попытка вернуть им свободу, но привела она к их жестокому разгрому Ксерксом в 482 г. до Р.Х. Не исключено, что этот разгром связан с судьбой зиггурата Борсиппы

и всего поселения в целом. По письменным свидетельствам вплоть до столь поздней даты Борсиппа оставался одним из немногих городов Месопотамии, сохранивших традиции шумеро-аккадской культуры: в нем велись хроники, храмовые писцы фиксировали происходящие события, копировались тексты древних мифов, возрождались священные ритуалы и гимны, так или иначе воздействовавшие на обширные районы Месопотамии, вплоть до арамейского государства на Евфрате (Мари). В то же время Борсиппа противодействовала имперским устремлениям Ассирии, также как и более поздней персидской экспансии. Она последовательно поддерживала Вавилон в его противостоянии Ниневии и традиционных шумеро-аккадских, а далее — и вавилонских богов ассирийским. Отмеченное сохранение специфического месопотамского пантеона при всем его многообразии и специфике в различных районах и городах-государствах Месопотамии, и здесь роль такого значительного религиозного центра, как Борсиппа достаточно определена, несмотря на отрывочность свидетельств о ней. Совершенно естественно она оказалась в поле интересов современников, в том числе, интеллектуалов древней Греции и, прежде всего, «отца истории» Геродота, свидетельства которого имеют здесь особое значение, в первую очередь, в силу их правдивости и подлинного проникновения в суть явлений.

Из Борсиппы мы на несколько часов вновь приехали в Вавилон: этот легендарный город притягивал к себе как магнит, и каждый раз ты ощущал всю мизерность вновь осмотренного его участка. Так было и на этот раз: директор скромного вавилонского музея и специальная реставрационная экспедиция департамента древностей захотели представить нам результаты своего восстановления очередного вавилонского храма вблизи «Улицы процессий». Храм довольно поздний — уже римского времени, но сохранивший всю месопотамскую традиционность и каноны культа Мардука. Центральный его неф обрамлен обводными коридорами, соединенными с ним рядом дверей, через которые вереницы жрецов со светильниками и сакральными аксессуарами неожиданно возникают из тьмы коридора и столь же таинственно исчезают в ней. Такие церемонии, безусловно, производили огромное впечатление на посетителей храма, тем более что они сопровождались звуковыми эффектами, а скорее всего, и музыкой как вокально-молитвенной, так и инструментальной: музыкальные инструменты и их изображения хорошо известны в городах и некрополях Месопотамии, начиная с шумеро-аккадских периодов до ассиро-вавилонских. Небольшой, скромный храм ввел нас в еще один тайник великой тысячелетней культуры, которую

воспринимали и с которой считались в эллинистическую и римскую эпохи.

8 февраля едем через пустыню к Тель-Эль-Убейду. Расположен он в 16 км к ЮЮЗ от Ура. Он виден и из Эриду, и из Ура, а из него, в свою очередь, виден еще один холм — Тель-Эль-Сухейр. Вспоминаю, что именно с Убейда начинал свой курс Бронзового века на истфаке МГУ С.В. Киселев. Тель этот небольшой, сильно оплывший, диаметром метров 80. Основу его составляют остатки зиггурата со стороны 35 и высотой над уровнем поля 5 м. Вокруг него стояли небольшие храмы. С северо-восточной стороны видна траншея Л. Вулли. Она оплыла и сильно занесена песком. В центре северной стороны — остатки лестницы, но, по крайней мере, четыре нижних ступени ее были не кирпичными, а каменными, из очень крупных плит песчаника. Толщина их достигала 25 см, длина 1,85 м, ширина плит 40–51 см.

Остатки культурного слоя в виде больших коричневых пятен прослеживаются и на поле за пределами холма, на них скопления керамики — в основном, раннединастической. Убейдских черепков очень мало, и встречаются они преимущественно у зиггурата. Здесь же найден фрагмент глиняного серпа: подобные же были распространены в Эриду и Укейре — поселениях урукского периода к югу от Багдада, известном своей фресковой росписью с изображениями людей и леопардов, стерегущих трон неизвестного бога. Орудия из глины в натуральную величину и высокого обжига, вопрос об их назначении (вотивном или практическом) пока остается открытым.

8 февраля выехали из Насирии и направились к одному из интереснейших городов Месопотамии, открытым крупнейшим французским исследователем Эрнестом де Сарзекком в последней четверти XIX века в Южной Месопотамии на холмистой местности, именуемой Телло. Я специально не указываю пока название города, хотя оно имеет знаковый характер и маркирует крупнейший сдвиг во всем процессе изучения не только Южной Месопотамии, но и древнейшей истории в целом: многочисленные тексты, надписи, найденные в городе, содержали название, авторов и прочие имена, включая и имя Энси (главы города). Это были шумеры. Шумерийским был и новый язык, шумерийской была весьма архаичная культура. Анализ надписей, в том числе и на каменных статуэтках энси, привел к убеждению, что открыто и наименование самого города — Лагаш. Он вошел во все соответствующие общие работы самого различного охвата, тем более что раскопки его продолжались, и вскрытые материалы всех мыслимых категорий непрерывно возрастали. Так, почти столетие город в Телло был Лагашем. Но спустя почти 70 лет после смерти Эрнеста де Сарзека в 15 милях

к ЮВ от Телло в ходе раскопок на поселении Эль-Хиббе Т. Якобсоном и Ф. Сафаром были сделаны поразительные открытия. На глиняных табличках, штампованных кирпичках и прочих объектах, в том числе связанных с храмом, были обнаружены шумерские надписи, бесспорно свидетельствующие, что Эль-Хиббе — местонахождение древнего города Лагаша. Дальнейшие раскопки прольют новый свет на эту парадоксальную ситуацию, что город, открытый де Сарзекком в Телло в настоящее время идентифицированный с древним Гирсу, был вторым центром государства Лагаш. С восточной стороны, перед самой стеной зиггурата, расположен храм Лангел. Сохранился он плохо и пока не реставрирован. Слабо виден внутренний вход с внутренней лестницей. Кирпичи с надписями, как в гробницах Ура, все III династии. Вода по специальным внутренним каналам (в стенах зиггурата) поступала в храм, где сохранялась в системе водохранилищ в виде четырех кирпичных квадратных бассейнов со стороной 1,5 м.

Расцвет Ура и особая роль его в истории Месопотамии начинаются с шумерского возрождения (2120 г. до Р.Х.), когда шумерские цари во главе с Утухенгалем, правителем Урука, восстали против иноплеменников и среди них особо выделился Ур-Намму — царь Ура, завершивший освобождение Шумера и основавший III династию Ура. Это положило начало новошумерскому периоду, длившемуся более века. Фактически, это была вторая после Аккада империя со столицей в Уре и именно к этому периоду относится максимальная активность во всех видах человеческой деятельности — от строительства фортификаций, храмов и дворцов, торговли и далеких связей до резкой активизации духовной жизни и создания уникальных погребальных сооружений, беспрецедентных в истории Месопотамии по архитектурной сложности и богатству. Все это сочеталось с четкими по своей продуманности и интерпретации исследованиями Л. Вулли, длившимися с 1922 по 1934 г. Неудивительно, что ему мы уделили с Николаем Оттовичем особое внимание и даже произвели собственные обмеры зиггурата — единственного полностью реставрированного в Месопотамии.

Но, несмотря на беспримерную информативность Ура, наш южный маршрут им не завершился: впереди был еще, как минимум, полулегендарный Эриду, чуть ли не первый город в Месопотамии, куда приплыл водами Персидского залива первочеловек-полурыба и снизошла с неба царская власть. Самый романтичный город Двуречья, самый далекий от основных ее центров и самый трудный для исследований, которые долгое время не удавались.

В ранних текстах Эриду упоминается стоящим на берегу моря. В хорошо известной эпической поэме «Adapa»

Царь III династии Ура Мескаламдуг по материалу раскопок. Л. Вулли

Царица Пу-аби

(«Поэма об Адапе») рыбаки из Эриду «при порывах южного ветра» грузятся в порту «Новая Луна», по-видимому, к юго-западу от Эриду. Это следует рассматривать как преувеличение: Эриду стоит в центре аллювиального бассейна шириной 12 км. Более вероятно существование до прихода первых поселенцев озера, наполняемого приливом, засоленного с удалением Персидского залива и превратившегося в плодородное болото. В урукский период значение Эриду полностью оправдывается, что подчеркивается сложным характером архитектурных остатков: применением на поздней фазе известняка на гипсовом растворе и появлением различных типов мозаичного орнамента.

В исторический период ряд причин (отступление Персидского залива и последовавшее за ним иссушение долины, изменение курса Евфрата и пр.) обусловили длительное запустение большей части поселка. Но святилище, занимавшее верхнюю часть холма, продолжало существовать в силу значения Энки в шумерском пантеоне и перестраивалось

рядом шумерских и аккадских властителей. Соответственно, Эриду выделялось всеми ими в надписях самых различных по времени, авторству и содержанию: «Для Энки, своего царя, Ур-Намму — могущественный муж, царь Ура, царь Шумера и Аккада, дом его построил».

Документы «шумерского возрождения» наиболее здесь выразительны. Верховный жрец Эриду входил в ближайшее окружение второго правителя Ура этого периода — Шульги. Властитель Бур-Син перестроил зиггурат Эриду и храм Апсу. При царях Ура перестроена в Эриду и крепида (оборонительная стена?). Отметили город своими вкладками и представители более поздних династий: Первой династии Исина (Ишме-Даган, Липит-Эллиль), Династии Ларсы, I Вавилонской (Хамурапи), Ассирийских (Саргон ассирийский, Синаххериб), Нововавилонской (Навуходоносор II).

Приведенные данные основаны, прежде всего, на нарративных источниках, но уже они дают представление об особой роли Эриду как в истории Месопотамии в целом, так и в разработке конкретных ключевых ее проблем: шумерского вопроса и проблемы характера (автохтонного или пришлого) древнего поселения Южного Двуречья и их языка здесь значительная доля информации принадлежит уже археологии.

Но начну с первых впечатлений от этого сложного и противоречивого памятника. Покидаем Ур. В целом издали Эриду производит более величественное впечатление, чем вблизи. Зиггурат вырастает из песка развалом кирпичей — ниже обожженных, наверху сырцовых. Вершина же отсечена триангуляционным знаком. Исследования холма Эриду сопряжены с особыми трудностями, связанными как с историческими перипетиями, так и со спецификой расположения памятника и, главное, его назначением.

Вокруг Эриду простирается желто-коричневая однообразная мертвая пустыня. Это определяло специфику местности и заметно отличало район от обычных городов-государств, развивавшихся, начиная с аккадского периода и даже ранее. Вместе с тем, Эриду — древнейшее и важнейшее святилище Э-Анны и место знаменитого оракула.

Высота зиггурата над занесенной песком подошвы его 12 м, а над уровнем поля — 20 м. Сырцовый кирпич толщиной 8–10 см, перекрывающий его обожженный кирпич стандарта 26 × 18 × 7 см; нижняя часть террасы выложена клинфой размерами 29 × 29 × 7 см. По всем указанным архитектурным параметрам зиггурат послецарского периода III династии.

Теперь мы направляемся в Гирсу, очень большой город, но не первый, а второй в государстве Лагаш; первый же располагается в 15 км к ЮВ, в Эль-Хиббу.

Выезжаем из Нассирии в 8:30 и встречаем целое переселение народов: табор или несколько таборов бедуинов

идут в город то ли на базар, то ли на некий праздник. Идут со всем скарбом и со стадами. Затем — метров через 50 — десятка два ишаков с какими-то цветными циновками и мешками по обе стороны: в одном — груз, в другом — ребенок. Гонят их женщины — конечно, в черном и с закрытыми лицами.

Едем вдоль крупного канала Шатт-эль-Гараф — правого притока Тигра с множеством каналов и мягкой землей. Проезжаем город Шатру (Аш-Шатра) — там тоже праздничное оживление, весь город — это базар; особенно много рыбы. Далее — плотина и большое водохранилище, на его берегах — пальмы и эвкалипты.

Достигаем деревни Эль-Наср. До Телло 6 км, и скоро он показывается сквозь пыльное марево длинной грядой больших холмов.

Остатки северо-восточного оборонительного комплекса Телло (Гирсу) очень выразительны. Здесь проложены отдельные участки овальной стены с множеством контрфорсов с внутренней стороны. Облицовка стен — из обожженного кирпича, забутовка — из сырца. Сохранившаяся высота — это свыше 60 рядов кирпичей. Стандарт кирпича 32 × 32 × 6. Кирпичи скреплялись глиняным раствором, есть и следы битума. С южной стороны стены следы отходящих от нее перегородок (или контрфорсов). У стены хорошо виден колодец, выложенный из сырцового кирпича «книжной полкой».

Еще одна большая расчищенная площадь в центре города с остатками крупных кирпичных сооружений с надписями Гудеа на кирпичах. Гудеа, энси (правитель) Лагаша — активный строитель и государственный деятель середины — второй половины III тыс. до Р.Х. Период Гудеа и его сына Эаннатума — кульминация развития Лагаша, его победы над Эламом и соседней Уммой, последняя засвидетельствована знаменитой «Стелой коршунов».

Выделяется огромный зондаж французов в юго-восточной части города, даже сейчас — после обвалов, достигающий глубины 15 м (был заметно глубже).

Поражает обилие в Гирсу волчьих следов. Наш охранник недаром принял соответствующие меры. И для начала показал нам скелет огромного волка, убитого им на прошлой неделе, а также целый ряд нор. Из одной вылез огромный волк лично нас приветствовать. Отбежав на приличное расстояние, уселся и принялся нас рассматривать. Впервые увидел русских, но нам было не до него. Непогода перешла в подлинную бурю. С трудом удерживаюсь на ногах. И где-то совсем недалеко от Гирсу расположен Гу-Эдем — пальмовая роща, воспринимавшаяся шумерийцами как Рай — Эдем: одна из причин войны с Уммой. Овал города вытянут с вос-

тока на запад более чем на километр; с севера на юг — несколько меньше.

Из дневника.

9 февраля.

Мрачное ветреное утро. Едем в Сук-Эль-Шьюх к югу от Насирии. По сторонам заболоченные участки. Бурная пальмовая растительность. Поля здесь страдают не от засухи, а от воды: узкие прямоугольники, огражденные низкими глиняными стенками. И за камышовыми оградами глиняные, тоже камышовые хижины с двускатными крышами. Стены, наряду с глиняными, часто из циновки. Последние можно часто видеть и на крышах, и на полах. Маягкая коричневая почва. Древний Шумер...

Город достаточно большой — несколько длинных рядов лавок вдоль берега Евфрата — здесь необычно узкого. На противоположном — восточном берегу его сплошные пальмовые рощи, западный же в значительной мере занят базаром. Торгуют все и всем при полном отсутствии этнографически интересных изделий. На Евфрате появляются большие остроносые фелюки. Осматриваем их и возвращаемся в Насирию, где нам показывают строящееся здание нового музея, и прощаемся с одной из интереснейших концентраций археологических чудес Месопотамии. Который уже раз едем к Уру и перед ним сворачиваем на запад.

Делаем большой крюк и с юга подъезжаем к еще одному чуду — Уруку — городу Гильгамеша, одного из немногих центров появления уже с середины IV тыс. до Р.Х. т.н. «протописьменности», а на базе ее, в первых веках III тыс. до Р.Х., и сложившейся уже системы древнейшей в мире письменности, которую не без оснований ряд специалистов именуют урукской, распространяя этот термин и на всю древнейшую на нашей планете цивилизацию.

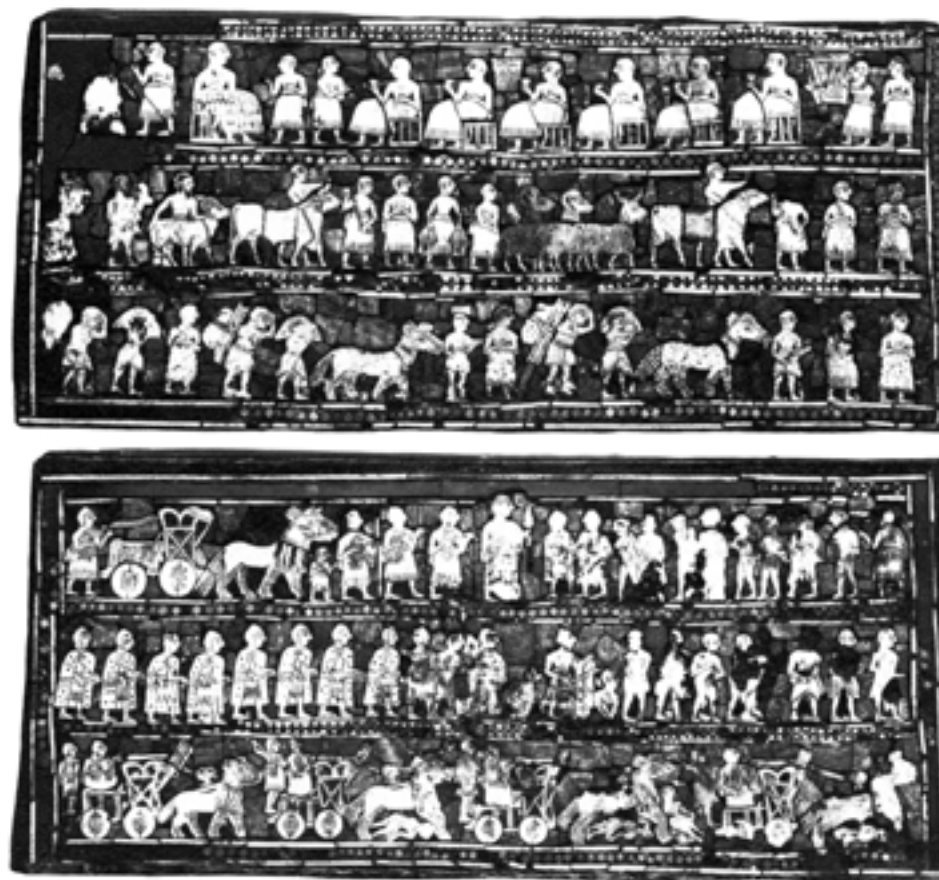
В знакомом уже нам городе Самауа переезжаем Евфрат и сворачиваем с основного тракта на север. Здесь вид необычен: озера, протоки и множество каналов — чуть ли не до горизонта зеленые участки, отдельные мелкие хутора. И все это оживлено большой стаей розовых пеликанов, совершавшей здесь промежуточную посадку. А на земле караван из нескольких сотен верблюдов, замыкал его совсем маленький верблюжонок, впервые такого увидел.

Мы подъезжаем к Уруку с юга. В начале за барханами показывается огромный конусовидный холм — по словам Фавзи Рашида — возможно астрономический наблюдательный пункт, потом, за ним холмы поменьше — селевкидские мавзолеи, а далее весь горизонт превращается в единый огромный протяженности холм, превосходящий все виденные нами ранее. Вот он, великий Урук, библейский Эрех.

Холмов, собственно, несколько, некоторые слились. Один из них — развалины селевкидского дворца — превышает остатки зиггурата (одного из двух зиггуратов Урука). Далее — большие превосходно распланированные постройки из добротных кирпичей III династии Ура — здесь переиспользованные: это база западногерманской экспедиции, возрастающая и совершенствующаяся с 1921 года. Никаких палаток: большие ряды индивидуальных, предельно удобных комнат со всем необходимым, с кирпичным каркасом и глиняным перекрытием поверх балок и циновок. Наша с Н.О. Бадером «квартира» — общая прихожая и две прямоугольных комнаты по ее сторонам. При каждой — ниша с тазом и ведрами с водой, полками и водоотводным каналом в полу. «Свой» длинный прямоугольный двор, аркой соединенный с основным. Во дворах — в нишах — керосиновые лампы. Из основного двора лестница ведет на обзорную площадку, устроенную на крыше и обрамленную высоким парапетом. В центре этого большого жилого комплекса большой квадратный двор, куда выходят все двери, в том числе дверь небольшого, очень уютного зала, служащего столовой, комнатой отдыха (своего рода клубом) и кухней. У входа в зал висит колокол.

Директор экспедиции — профессор Юрген Шмидт — одна из знаковых фигур современной месопотамской археологии — равно крупнейший ученый и организатор, познакомился и пригласил нас еще в Багдаде и сразу же расположил к себе скромностью, сочетающейся с блестящей эрудицией и деловой хваткой. Урук (Варка) — традиционный объект германской археологии в Двуречье, обогативший ключевыми материалами целый ряд ее принципиальных проблем.

В 19 часов удар колокола пригласил нас к обеду. К нему все являются переодетыми; на сегодня работа окончена, а сезон длится большую часть года: надо помнить, что ты из цивилизованного мира. Спасибо у нас с Николаем Оттовичем тоже нашлись галстуки. Все становятся за своими креслами. Ю. Шмидт садится — все садятся. За столом с нами — 11 человек. У каждого свое место. Начальник экспедиции, естественно, во главе. Слева от него — я, напротив — профессор Генрих Дж. Ленцен, знаменитый с 20-х годов исследователь Месопотамии, последний из могикан «героического» ее периода. Сорок лет отдал он этой проблематике и, в частности, происхождению древнейшей письменности мира. 25 лет сидел он во главе стола и вот сейчас передал руководство своему достойному преемнику, а, уйдя в отставку, остался здесь, ибо здесь вся его жизнь. Это седой, среднего роста человек, с бледно-голубыми глазами романтика, красным обветренным лицом и высоким голосом. Юрген Шмидт — очень высокий седеющий блондин. Мы с ним ровесники (тогда мне было 45).

Штандарт Ура из царского некрополя Лагаша

После обеда — чай в холле. Долго, часа два разговариваю с Г. Ленценом. Он говорит по-английски свободно, но очень быстро и темпераментно. Понимать его нелегко. Рассказывает об открытии им в 1921 году древнейших в мире письменных документов, потом развивает свою теорию происхождения зиггурата: никакой это не храм, а первоначально «grain's house» — зернохранилище, приподнятое на платформу для защиты от наводнения. Говорит о своем решении остаться здесь — в Ираке, а точнее, в Уруке, несмотря на многочисленные приглашения в Англию, Францию, США.

Потом долго разговариваем с молодежью. Темы разные: возможности поездки в Россию, вопросы сохранения фольклора и особенно народной музыки, две стороны процесса культурной нивелировки... Конечно, спрашивают об открытиях в СССР. И все чрезвычайно дружелюбны. Прощаемся поздно. Светлая тихая ночь (после всех бурь

и ливней). Поднимаемся на обзорную площадку и долго смотрим на ясные при лунном свете очертания Э-Анны («Небесный Дом»), причудливые нагромождения скал, бесконечные холмы Урука. Г. Ленцен говорит, что многие сырцовые сооружения различимы только при лунном свете.

10 февраля начинается подробный осмотр памятника. Программа первого дня — район Э-Анна. Наш руководитель осмотра — Г. Ленцен. С первых же минут он воодушевляется и взволнованно рассказывает нам о каждой стене, о каждом котловане, о каждом слое кладки, боясь упустить малейшую подробность. Вздвигается с нами на зиггурат, опускается в глубокие котлованы.

А ведь ему около семидесяти. Глубоко трогает это стремление поделиться каждым наблюдением, каждой идеей. Слушая его, понимаешь, как рождалась та продуманная система грандиозных раскопок, которая поражает в Уруке и которая по своему масштабу, сложности и в то же время логике исследования превосходит все, что я когда-либо видел в левой археологии.

Увы, мы далеко не все понимали из-за языка и из-за невежества в ряде специальных вопросов, которые с таким увлечением раскрывал и решал перед нами этот маститый ученый. Я успевал записывать лишь самые общие моменты, да и то не слишком систематично. Иногда профессор Ленцен помогал мне и сам чертил у меня в блокноте планы и схемы. Попытаюсь суммировать лишь самое основное.

Э-Анна — теменус — священный район — один из двух главных районов Урука. Второй расположен западнее и носил наименование Куль-Аб. Некогда их разделял водный поток, позднее пересохший. Из Куль-Аба пришел царь Гильгамеш, объединивший оба города. Строительные комплексы теменуса Э-Анна уникальны и по размерам, и по сложности, и по оформлению. Причем, как и в Эриду, корни их уходят в глубокую древность, вплоть до убейдского периода, когда поселение и, прежде всего, его сакральные районы были уже достаточно велики. Одна из интереснейших построек с наружными стенами, выкрашенными в белый цвет, получившая поэтому у археологов наименование «Белого храма», стояла на неправильной в плане кирпичной платформе. Здесь она оказалась позднейшей перестройкой серии более ранних святилищ, сама же явилась безусловным прототипом шумерского зиггурата, комплекс которого включал ряд террас и вспомогательных сооружений, неоднократно перестраивался и располагался в нескольких десятках километров от Э-Анны, и был посвящен богине Инанне («владычице небес»). Рассматриваемый строительный комплекс был создан на месте более ранней, додинастической застройки, которая, в свою очередь, перекрыла

еще более ранние сооружения. Выработанная Г. Ленценом методика позволила распределить, казалось бы, безнадежно перемешанные остатки построек различных периодов по конкретным сооружениям, определив их хронологическое и планиграфическое соотношения и выделив наиболее значительные из них, даже связав их с определенными слоями. А в результате — огромные конструкции: гигантский портик тридцатисантиметровой ширины, два ряда колонн двухметрового диаметра. Колонны и полуколонны декорированы мозаикой из терракотовых конусов с разноцветными шляпками, образующих цветные узоры. Возродивший буквально «из пепла» эти шедевры формировавшейся цивилизации человек был рядом, и объяснения его не оставляли ни малейшего сомнения в строжайшей научной обоснованности этой невыполнимой, казалось бы, реконструкции. И целая серия таких шедевров, разрушенных, с правильными прямоугольными дворами, системой лестниц, целым рядом уровней, с несколькими вариантами сложных планов, но, скорее всего, в основном — храмовых построек. Монументальных конструкций десятки. Планы их многообразны, но выделяются два ведущих варианта.

Первый — трехчастный, таковым был и уже упоминавшийся «Белый храм» в районе Ану, представлен он и в Э-Анне. Но открыты здесь и храмы совершенно иного плана: основную их часть составляют Т-образные святилища, на одном из концов которых от святилища отходят поперечные нефы. Среди них есть огромные сооружения: в храме «Д» слоя IV размеры святилища были 80 × 55 м. Ряд храмов украшен мозаикой из глиняных конусов с цветными шляпками; один же был обнесен защитной стеной, украшенной конусами не глиняными, а из цветного камня.

Исследования зиггурата Э-Анны проводил сам профессор Ю. Шмидт, для чего был привезен новый комплект рельсов и вагонеток. Снимали верхний слой «тела» зиггурата, обнажая следующий, более ранний; размеры сооружения возрастали за счет перекрывающих его полностью новых слоев (принцип наших матрешек). Методически это было чрезвычайно интересно и поучительно, поражали логика и тщательный расчет этого трудного мероприятия, которые очень ярко демонстрировал Ю. Шмидт. С Уруком, прежде всего, связывается «протописьменный период», когда Месопотамия достигла уже порога сложения письменности, знаменовавшего принципиально новый этап в процессе человеческого развития. Совершенно закономерно он сочетался с общим подъемом последнего, со значительными позитивными сдвигами в целом ряде прочих областей жизни. И, возможно, с наибольшей полнотой они сконцентрированы в Уруке. Приведенные выше выборочные факты позволя-

Ассирийское искусство. Раскрашенная терракотовая пластина с изображением Лилит, приносящую смерть, крылатую и владеющую символами справедливости. Ее имя ассоциируется с совой как в Эпосе о Гильгамеше, так и в Библии

ют говорить о подлинном расцвете здесь фундаментальной архитектуры. Достаточно еще раз отметить «Белый храм» и систему огромных святилищ Э-Анны, что сочеталось с глубочайшим эстетизмом; обработка меди здесь достигла уровня производства таких крупных изделий, как втульчатые топоры при использовании закрытых форм; изобретение колеса неизмеримо увеличило транспортные возможности человека, а связанное с ним появление гончарного круга технически обусловило немислимый расцвет керамики. Искусство обогатилось поразительными образцами скульптуры, здесь достаточно указать знаменитую белую каменную маску, изыскнейший высокий (90 см) алебастровый бокаловидный сосуд с превосходными многофигурными рельефами процессии и богини Инанны, бесчисленные украшения, наконец, оригинальную орнаментацию стен сооружений многообразными системами цветных конусов, утопленных в стену.

Но сколь же значительны как бы сконцентрированные в Уруке свидетельства прогрессивных инноваций в ряде областей производства и искусства, наибольшее значение для истории мировой культуры имеет уже упоминавшееся выше появление протописьменности, носившей еще пиктографический характер, с дальнейшим преобразованием ее в клинописное письмо. Этот важнейший процесс требует еще длительного развития, при этом, естественно, используются не только урукские материалы, но последние в момент их открытия были первыми и наидревнейшими. Они имели точную стратиграфическую привязку: IV слой Урука. Именно в них наиболее четко проявляются реминесценции пиктографического письма. К счастью, таблички найдены и выше, в слое Урука III, и в них подобные реминесценции проявляются в значительной мере, а стратиграфически они соответствуют уже периоду Джемдет-Наср. Указанная аналогия подтверждена материалами Урука: два этапа в процессе развития языка, два этапа в стратиграфических позициях. Это позволило классику месопотамской археологии Сетону Ллойд обосновать заключение о том, что если язык табличек Урука IV можно еще считать не совсем идентифицированным, то язык текстов Урука III уже определенно является шумерским. Данный вывод равно значителен и для исторической, и для лингвистической ипостасей шумерологии.

Вспоминаю прочие случаи находок древнейшей письменности. На память приходят три. В 20-х гг. XX в. Л. Вулли нашел их в слое, предшествовавшем «царским гробницам» Ура. Еще раньше, в начале века, Р. Кольдевей и В. Андрэ нашли таблички при раскопках в Фаре (древнейший Шуррупак). В обоих случаях стратиграфическая позиция находок была единой, поэтому об этапах развития не свидетельствова-

ла. Третий случай — находка Л. Вулли (1919 г.) в Телль-эль-Убейде: замурованные в фундамент раннединастического храма таблички с именами царя-основателя Первой династии Ура — Месанепады и его сына Аанепады.

Эти находки заведомо уступают урукским по древности, и все единичны в своих культурных слоях, тогда как урукские позволяют не только обосновать предельную древность, но и проследить процесс развития.

В заключении отмечу, что уже самые древние пиктографические тексты Урука отличаются значительной сложностью, а это позволяет предполагать, что здесь же или в подобных памятниках Месопотамии, в слоях, соответствующих Уруку V и VI (а в существовании их можно не сомневаться) будут зафиксированы более простые, а, следовательно, и более ранние ступени процесса перехода от пиктограмм к клинописи.

Подчеркну, что предложенные нам Ф. Сафаром два маршрута, охватывающих различные по географическому положению и по специфике исторического развития района Междуречья, безусловно, себя оправдали. И мы глубоко благодарны Ф. Сафару — замечательному ученому, с именем которого связаны чуть не все крупнейшие открытия второй половины XX века на территории Ирака. Многолетний сотрудник (и соавтор) С. Ллойда, он на неизменно высоком уровне вел исследования и в поле, и на дальнейших этапах анализа материалов таких памятников, как Лагаш, Хассуна, Эриду и многих других. Все материалы регулярно издавались. Он был прекрасным руководителем и создал хорошо подготовленный, работоспособный коллектив, который на наших глазах обогатил национальную науку рядом крупных открытий (подобных Телль-эль-Фухару, ряду поселений в районе Диялы и пр.). Дважды посетил нашу страну и очень тепло ее вспоминал. С активной благожелательностью принял нас с Николаем Оттовичем, вникая во все наши дела. А далее, после начала работ нашей экспедиции он превратился в ценного помощника, оказывая и Рауфу Магомедовичу, и всем нам колоссальную поддержку — и научную, и административную, вплоть до разрешения пользоваться книгами библиотеки Департамента древностей, увозя значительное их число в наш лагерь за 500 км от Багдада.

К глубокому сожалению, профессор Ф. Сафар в расцвете сил и таланта погиб в автомобильной катастрофе.

29 февраля

Сейчас нам предстоит последний на сей раз — северный маршрут. Ганем заехал за нами рано утром. Дорога знакомая: по ней полтора месяца назад мы выезжали из Багдада

в Манделли. Погода отнюдь не идеальная. Начинается очередной хамсин («хамсин» — араб. «пятьдесят») — песчаная буря, по длительности близкая этой цифре. Едем как в густом тумане, иногда видимость исчезает совсем. Лишь в середине дня небо начинает очищаться, становятся видны большие зеленые участки, затем глиняные холмы и отроги гор. Появляются и тели; некоторые очень велики и резко очерчены. Один из них — не доезжая 28 км от города Киркука — первое на этом участке раннеземледельческое неолитическое поселение Маттара, исследованное известным американским специалистом по Ближнему Востоку проф. Робертом Брейдвудом. Поселение первоначально было отнесено к Хассуне, но в дальнейшем к родственной Хассуне, но более распространенной самаррской культуре.

Маттара — холм длиной до 200 и высотой 6–7 м. В восточной половине траншея Брейдвуда доведена до материка. Основной раскоп 20 × 12 м в этой стороне холма доведен до глубины 1 м; здесь плохо заметны следы небольших сырцовых прямоугольных помещений размером 4 × 2 м.

В Киркук приехали под вечер. Объехали этот большой и привлекательный город с хорошо организованной застройкой, порядком на улицах, полицейскими на каждом перекрестке с белыми постаментами и грибовидными перекрытиями, огромным базаром и очень неплохой гостиницей. Один из городов-долгожителей, известный с шумерского периода, смененного в конце III тыс. до Р.Х. аморитским, включающем как аккадцев из Ирака, так и западных семитов-аморитов из Сирии. Первые достигли уже определенной степени цивилизации, вторые — вчерашние бедуины, восприняли шумеро-аккадскую культуру достаточно быстро, поскольку пришли из районов, издавна испытывавших ее влияния. Они говорили на семитском диалекте и усвоили аккадскую письменность, употребляли шумерийский как в официальной, так и в частной переписке. Во всяком случае, Киркук играл весьма значительную роль в развитии политической, экономической, этнической и культурной истории Месопотамии на протяжении нескольких тысячелетий, что определялось и самим расположением его на пересечении важнейших путей.

1 марта покидаем Киркук. Ясно, но шквальный ветер. Дорога постепенно уходит вверх. Вдали же появляются покрытые снегом вершины Загросского хребта. Свидетельства человеческой жизни еще в палеолите впервые для Ирака зафиксированы Д.А. Гаррод именно в этом районе Курдистана еще в начале XX века, а исследования Р. Брейдвуда в конце 50-х годов положили начало важнейшим открытиям древнейших в мире земледельческих поселений, сопряженных с появлением на территории Месопотамии керамики в зна-

менитом Джармо. Поэтому к Курдистану следует относиться с глубоким уважением, какие бы ветры не бушевали вокруг. Несколько опережая события, укажу, что через неделю мы с Николаем Оттовичем получили возможность посетить Джармо. Мы с трудом нашли его в горах (да еще в период арабо-курдской войны), но были потрясены и остатками поселка с каменными домами не позже VII тыс. до Р.Х., и условиями работ, когда воду надо было приносить из горного ручья, полуотвесный спуск к которому превышал 90 м.

Пользуясь случаем, не откажу себе в удовольствии отметить, что профессор Р. Брейдвуд — один из корифеев Чикагского института Востоковедения, внесший огромный вклад в разработку проблематики «неолитической революции», был нашим другом и в считанные дни пребывания в Москве выступил по моей просьбе с докладом о Джармо на заседании отдела неолита и бронзового века нашего Института.

Два дня я проводил визуальную разведку района Киркук-Эрбиль. Населен он, в основном, представителями двух этносов: арабами и курдами, причем языковые различия сохраняются, несмотря на длительность сожительства, фактическую общность религии, хозяйства, быта, многих обычаев и пр. Телли разнородные, высотой от 5 до 25 м. Наименования их тоже различны, в каждом селении — свое. В районе Эрбиля концентрация теллей не меньшая, чем у Киркука.

Начало весны достаточно выразительное: самая настоящая буря, воеет ураганный ветер, казалось, что все кипарисы вокруг нашей гостиницы будут вырваны с корнем. Я опасался даже за каменные стены дома. Все растеряны: подобные ураганы здесь — большая редкость. О регулярной работе не может быть и речи. Решаем ехать в Мосул, стоящий на Тигре, напротив великой столицы Ассирийской империи — Ниневии. Выезжаем из Эрбиля под проливным дождем. Вновь встречаем телли: их многие сотни. Наконец, впереди холмы выстраиваются в длинные, с трудом различимые под пеленой дождя, валы. Ниневия. Возможно, юго-западная стена огромного города стояла на самом берегу Тигра, в дальнейшем отступившего к югу, стена же сохранила свое место в неправильном четырехугольнике. Общий периметр стен в среднем 12 км. «В среднем» — поскольку стен две, перед восточной стеной дополнительный восточный вал, а между ними — городской ров. Царские дворцы располагались на двух «царских холмах», примыкавших к юго-западной стене: сохраняющих турецкое название Куянджик — севернее и связанных с именем пророка Ионы — Нуби-Юнис — в полутора километрах южнее. С Куянджиком связаны дворцы Синаххериба и Ашшурбанипала со знаменитой библиотекой и архивом этих царей, еще ряд дворцов, поразительные произведения искусства, ценнейшие эпиграфические

Ирак. Вавилон. Ворота Иштар, 1995. Внешняя часть. Фото автора

памятники, в том числе, большой текст самого царя. Среди прочего, он описывает рощу и сады с редкими деревьями, украсившими Куянджик, и созданный при нем зоологический сад, и канал для снабжения города водой из дальних источников. Отмечу, что с Куянджиком связаны первые в Месопотамии опыты археологических раскопок, принятые в 1842 г. П.Э. Ботта и в 1844 г. — О.Г. Лэйардом. Именно на Куянджике Лэйардом была вскоре найдена первая, древнейшая в мире, библиотека, содержащая 25 000 драгоценных клинописных табличек, а в 20-е гг. XX в. с той же поверхности М. Маллованом был спущен на глубину более 20 м зондаж, давший представление о последовательности археологических культур Северной Месопотамии, начиная с раннего неолита вплоть до начала железного века.

Второй «дворцовый холм» — Нуби-Юнис — располагался в полутора километрах к юго-востоку от Куянджика. Из сооруженных на нем царских дворцов доступен для исследования лишь дворец покорителя Египта Асархаддона, прочие полностью перекрыты поздними слоями, в том числе исламского периода. Но и там найдены таблички с надписями Ададнерари, Синаххериба, Асархаддона.

Эриду. Некрополь III тыс до Р.Х. (модель пафуса-ладьи)

Еще раз подчеркну грандиозность фортификации Ниневии. И внешний вал, и следующий за ним ров в ширину превышают 80 м каждый. Вторая линия — оборонительная — состоит уже из сырцовых кирпичей и каменных блоков. В период нашего пребывания в Ниневии велись масштабные работы по реставрации всей фортификационной системы, очистки ее от позднейших наслоений, восстановления разрушенных или застроенных участков. Особое внимание уделялось сложным и в архитектурном, и в инженерном, и в орнаментальном аспектах комплексам ворот, каждый из которых носил имя одного из ассирийских богов (бога солнца Шамаша, божества Нергала, бога мудрости Набу и многих других — всего 14). Ворота, как и дворцы, щедро украшались каменными плитами с многообразными барельефами, прежде всего, с военными и охотничьими сценами. Подобные же сцены украшали дворцы и самой Ниневии, а также памятники расположенного в 20 км к северо-востоку от Куянджика квадратного города Хорсабада (Дур-Шаррукин) с цитаделью, дворцом и великолепной скульптурой, открытыми П.Э. Ботта в 1843 году.

Но возвратимся в Ниневию. На большом холме Куянджика и включающей его цитадели с мощными кирпичными стенами располагались дворцы Синаххериба и прочие царские сооружения, ниже оставалось свободное ровное пространство и на нем — комплекс сырцовых построек (базы иракской Ниневийской экспедиций).

Приезжаем туда и застаем все руководство Департамента древностей во главе с Ф. эль Ваили и Ф. Сафаром. Они инспектируют реставрационные работы в Ниневии. Пригласили нас к воротам Шамаша. Здесь уже очищены от земли грандиозная стена из сырца и массивные каменные квадраты. Узорные зубцы венчают стену, за ней — остатки массивной сырцовой боевой башни и узкие, фланкируемые камерами стражи ворота, украшенные каменными плитами с барельефами. За воротами упомянутый «дворцовый холм» и подъем на него к вскрытым остаткам дворца Синаххериба с густой сетью прямоугольных сырцовых помещений различных размеров, в несколько рядов обрамляющих два разновеликих

(но в обоих случаях больших) двора. Это собственно и есть Куянджик, здесь и была библиотека. Сложна и драматична история ее открытия. Первым был Лэйард в 40-е гг. XIX в., но он прервал работы в силу временного возвращения в Лондон. По возвращении он договорился со сменившим П.Э. Ботта новым начальником французской экспедиции Виктором Плейсом о разделе Куянджика на две зоны, при этом библиотека оказалась на «французском» участке. Сам же Лэйард в 71 помещении двоца расчистил более двух тысяч плит с замечательными рельефами, но его отозвали в Лондон, где он занял должность министра. Сменил его на раскопках Ормузд Рассам, крещеный халдей, брат английского представителя в этой части Турции, который мнил себя археологом и «прославился» варварским разрушением ценнейших ассирийских памятников (в том числе в столице страны до Ниневии — Нимруде (Кальхе), где памятником ему стали десятки искалеченных — обезглавленных и обезноженных — ценнейших скульптур). Рассам, наняв информаторов среди арабских рабочих В. Плейса, узнал от них о вторичном открытии последних небольших комнат с библиотекой Синаххериба и Ашшурбанипала и под покровом ночи, выкопав проход на французский участок, варварски выгреб бесценные документы архива. В числе их был и знаменитый «Миф о Потопе», концовка которого была тогда им не найдена. Так архив попал в Британский музей.

В музее эта огромная коллекция попала к гениальному английскому ориенталисту, бывшему рабочему и почти самоучке, Джорджу Смиту, который не только сумел ее систематизировать, но и поехал в Мосул и в толще Куянджика обнаружил утерянную Рассамом концовку мифа о Потопе.

Ныне мы с Николаем Оттовичем стояли на полах помещений архива, на месте этих драматических событий в нашей мирной, казалось бы, науке. Осматриваем сохранившиеся и возвращенные на свои места поразительные рельефы и продолжаем свое обследование, особенно впечатлительное благодаря превосходным комментариям наших хозяев, которые с беспримерной любезностью организовали эту интереснейшую поездку. Посетили фактически все реставрируемые ворота, далее — за пределами города — деревню Чинча, где ассирийские слои перекрывают более ранние, вплоть до т.н. «северного убейда». Почти в сумерках показались огромные валы и боевые башни Хорсабада. За пеленой тумана вижу контуры очень большого холма, перекрывающего остатки дворца. Пытаемся представить себе состояние П.Э. Ботта, который, поначалу, после не слишком удачных раскопок на Куянджике, застал здесь поразительное скопление фантастической скульптуры и барельефов, а очень скоро — и остатки квадратного города, со стороны свы-

ше полутора километров, огражденного стеной с башнями и семью воротами. Я вспоминал хорсабадский зал Лувра и думал о подлинном перевороте в представлениях о культурной истории человечества, вызванном этими открытиями. И впрямь, если XV век открыл человечеству Америку, то XIX век открыл Месопотамию.

После краткого, к сожалению, визита в Хорсабад мы вернулись на базу Ниневийской экспедиции и на следующее утро продолжили свой маршрут.

Минуем Дур-Шаррукин, отклоняемся вправо, в сторону Эрбиля, и через несколько километров оказываемся (совершенно неожиданно) в районе нескольких оливковых рощ. Рядом деревня, славящаяся на весь Ирак своими оливками. Стоит она у подножья горного кряжа, именуется Фаволия. Дома в ней очень высокие со светлой окраской стен. В строительстве широко применялся камень. За деревней — на склоне горы — оплывший холм, не вскрытый, но с репутацией древнейшего поселения на территории страны. Проверить этот слух, ставший новостью и для наших спутников, мы были не в силах: проливной дождь превратил все окружающее в море грязи. Ганем, который вел машину, непрестанно включал передний мост, что не спасало от скольжения при малейшем спуске, буксовки, вращения. У подножья гор опять оливковые рощи. Далее переваливаем через небольшую гряду и съезжаем в очень оригинальный поселок. Осматриваем его спокойно. Дома здесь высокие, стены, как в Фаволии, с широким применением камня: что ни дом, то крепость. Узкие улочки между высокими стенами заставляют вспомнить средневековые города. В ряде мест близкие по форме мавзолеи, перекрытые конусовидными шатрами. На площади — христианская церковь византийского стиля юстинианового времени, но без креста. Напротив — мечеть, близкая местным, шиитским. Люди в малиновых чалмах, часто и женские платья того же цвета. Именуется деревня Баашика, она слилась из двух ранее самостоятельных поселков, а население ее исповедует особую синкритическую религию: признает и Христа, и Мохамеда, но верховным считают своего Бога. Себя называют «изидами» и считают отдельной нацией. Кстати, знал о них А.С. Пушкин («Путешествие в Арзрум») и называл «поклонниками дьявола». Группа эта в Ираке распространена на севере страны, замкнута, никого к себе не подпускает. Но несколько изидов, работавших позднее в нашей экспедиции, вели себя нормально, ничем не выделяясь из прочих.

XXVII

Рассказки в Ираке

Комплектование Иракской экспедиции 1969 года, ознакомление ее состава с основной литературой и общей научной ситуацией в стране, а также техническая подготовка с приобретением должного оборудования были проведены с предельной оперативностью. Основную роль сыграли здесь выдающиеся организаторские способности Р.М. Мунчаева в научном плане и П.Д. Даровских — в хозяйственном.

В конце февраля 1969 года мы уже были в Багдаде, встречены, как и в прошлый раз, О.В. Ковтуновичем, на другой день были приняты советником-посланником нашего посольства в Ираке Ф.Н. Федотовым, далее закрепили книжные знания внимательным ознакомлением с экспозицией, а частично и с фондами Иракского музея. Вечером мы с Рауфом Магомедовичем и Николаем Оттовичем посетили Британский археологический центр, встретились с Отсами, провели очень полезную беседу с ними. Дэвид посоветовал нам взять их бригаду шургатцев во главе с бригадиром Халафом и передал письмо сторожу базы в Телль-эль-Римахе с просьбой пополнить наш запас инструментов орудиями, обычными для местных рабочих, прежде всего «разнокалиберными» кирками (наши обычные лопаты, особенно совковые, для них новинка).

Следующие несколько дней мы продолжали осмотр Багдада и прилегающих к нему территорий в сопровождении ряда «добровольцев» из посольства. Осмотрели ряд сравнительно поздних (парфянских, римских, средневековых) поселений, где наши соотечественники собирают свои коллекции: монеты, бусы, фрагменты статуэток и керамики. На одном из таких поселков повезло больше всего Рауфу Магомедовичу: он нашел единовременно целую, кем-то забытую или потерянную коллекцию подобных находок, одних только монет больше сотни. Я счел это добрым знаком. Сам же не нашел ни одной, зато с помощью О. Большакова и В. Башилова набросал несколько планов, демонстрируя

дипломатам некоторые стороны археологической деятельности. Еще мы успели показать соотечественникам древнейший архитектурный памятник Багдада — исследованный и частично восстановленный в 40-х гг. XX в. — зиггурат Акаркуф времени касситского завоевания (вторая половина II тысячелетия до Р.Х.), высотой более 50 м. Более, чем за полторы тысячи лет до основания Багдада он стоял в центре Дур-Куригальзу, — укрепленного города и царской резиденции правителя Куригальзу.

На следующий день мы выехали в Мосул, куда прибыли вечером под проливным дождем. Вся группа расположилась на хорошо известной базе Ниневийской экспедиции, где комнаты были уже любезно подготовлены к нашему приезду. Утром все поднялись на Куянджик, где рассматривали огромные дворцы Синаххериба и Ашшурбанипала с замечательными рельефами, украшавшими стены внутренних помещений, в том числе, знаменитой львиной охотой. Во дворцах мы увидели комнаты колоссальной царской библиотеки, ставшей объектом широких баталий между французской (Виктор Плейс) и английской (Ормузд Рассам) экспедициями, о которых я уже упоминал ранее. Конец этой «войне» положил в 1874 году Джордж Смит, обнаруживший среди табличек «Миф о потопе», недостающий конец которого здесь же, на Куянджике, нашел он сам. Этот знаменитый ориенталист касался времени пика развития древней Ассирии и наиболее образованных и культурных из ее царей, активные интересы которых охватывали прошлое всей Месопотамии и использовали как письменные, так и материальные свидетельства (храмы, фортификации, дворцы, «арсеналы», подвергавшиеся осмотрам, реставрации, описаниям, а надписи — сборам или копированию).

Наконец, на следующий день мы посетили военную столицу Ассирийской империи Нимруд (Кальху), основанную Ашшурнасирапалом II (883–859 гг. до Р.Х.) на восточном берегу Тигра, на развалинах предшествующих сооружений. Город почти правильной квадратной формы, со стороны, заметно превышавшей 2 км и по насыщенности архитектурными, скульптурными шедеврами и равно фундаментальными постройками. Охраняется он массивным входом, где расположились гигантские крылатые быки, имеющие человеческие головы и пять ног (дабы видеть четыре при любом ракурсе). Наряду с небольшим зиггуратом, здесь были открыты дворцы самого Ашшурнасирапала с церемониальным залом, где сохранились остатки росписей, бронзовая скульптура и алебастровые сосуды. Найден также дворец Ададнерари III, юго-западный дворец Ассаргадона и Салманасара III, а вблизи него — знаменитый «черный обелиск», храм Нинурти — у подножья зиггурата, вымощенный

плитами с надписями, содержащими анналы Ашшурнасирапала. Большинство этих великих открытий связано с именем британского археолога Остина Генри Лэйарда.

Мы были потрясены многообразием, единством, духовной насыщенностью и строгостью, бескрайней фантазией и реализмом воплощения ассирийского искусства. Но не могли не возмущаться разрушительной деятельностью — и здесь, и на Куянджике — Ормузда Рассам, плоды которой — оторванные каменные головы, разрозненные группы статуй, разбитые рельефы, грубо расчлененные ансамбли — не могут не свидетельствовать о, мягко говоря, болезненном честолюбии этого человека. Нанесенный вред и Нимруду, и Ниневии, а также находкам французской экспедиции в Хорсабаде, отнюдь не окупается открытием Рассамом в 1878 г. двух пар огромных бронзовых ворот в Балавате (восточнее Мосула), созданных Ашшурнасирапалом и Салманасаром III у входа во дворец и храм Ашшурбанипала. Это достижение может рассматриваться как случайная удача.

Утром следующего дня мы двинулись в Синджар на место дислокации нашей экспедиции. Мы едва успели поставить одну палатку, как возобновился дождь, а у нас на руках — выданные для экспедиции в Багдаде крупномасштабные карты района и необходимые нам книги. Пришлось среди ночи объявлять аврал и вторично окапывать палатку. Днем возобновили свой путь и вскоре достигли Абры, заметно расширившейся в результате дождя. К нашему счастью, рядом было туркманское поселение, на краю которого стоял брошенный сарай из дикого камня. Н.О. Бадер предложил его разобрать и вымостить камнем дно Абры. У населения поселка это протестов не вызвало. Наоборот, их поразило знание Рауфом Магомедовичем их языка — тюркского-туркманского близкого азербайджанскому, которыми Р.М. Мунчаев владеет свободно. Скорее всего, сами они связаны с первой, доосманской волной тюркоязычных племен, докатившихся в первой половине I тысячелетия Р.Х. до Синджара. Во всяком случае, они весело кричали: «К нам из России приехал тюркский парень!» — и помогли мостить переправу, которая тут же получила наименование «Bader-Bridge». Тем време-

Куза Андрей Васильевич (1939–1984)

Каменное ожерелье из слоя 12 поселения. Ярм-Тепе I

нем, мы с Рауфом Магомедовичем, не дожидаясь завершения строительства, форсировали реку, уточнили у туркманов дальнейший путь и менее чем через час рассматривали группу Ярмтепе. Наши предварительные наблюдения и данные Отсов полностью были подтверждены, а прибежавшие за нашей машиной аборигены показали, на каком уровне надо ставить палатки, чтобы их не сносили продолжительные ливни.

Срочно занялись обустройством лагеря. Электричества там не было. Использовали «лампы накаливания». Света они давали много, и даже тепла, но контрастно: сверху — тепло, снизу — холодно. Но тут возобновился ливень. И какой: с севера, из предгорий Синджара, вода шла сплошной стеной, тащила сучья и участки кустарника, облепленные спасающимися змеями, совершенно безопасными, ведь им было не до нас. Мы все, как атланты, держали центральные кольца в жилых палатках — первую ночь выдержали, дальше бывало по-разному: палатки намокали, становились тяжелыми, порывы ветра валили кольца. Иногда обрушивались все палатки, в том числе и наша, иногда — лишь отдельные. В общем, «сезон дождей» оправдывал свое название, как и неопределенность времени окончания этого времени года. Плюс холод (из обо-

гревающих средств у нас на всех был один керогаз) и ураганный ветер. В соседнем хуторе ураган унес у владельца рисового поля помпу для полива, весом до 500 кг за два с лишним километра, возвращали ее всем миром с помощью нашей машины, что сразу же повысило наш престиж.

На следующее утро дождь утих (увы! — ненадолго). И первое, что мы увидели — со стороны Телль эль-Римаха по слякоти полз Лэндровер англичан. Дэвид Отс ехал узнать, нужна ли помощь. Кроме того, он привез нам своего повара — перса Аббаса, который еще в 1921 году был поваренком

в персидской миссии в Москве. Был очень колоритной личностью и умел варить буквально суп из топора.

Дэвид осмотрел наши тели, дал несколько дельных советов и представил нам прибывшую к тому времени группу шургатцев во главе с бригадиром (раисом) Халафом — наследственным шургатцем: в пору нашего с Н.О. Бадером пребывания на Телле-Эс-Саване раисом там был его отец. И вот перед нами один из раскопщиков экстра-класса — очередное проявление внимания и дружбы со стороны Дэвида (ранее мы с Рауфом успели заехать в Телль-эль-Римах и по письму Дэвида получить там упоминавшийся уже раскопчный инструмент).

По отъезду Дэвида Рауф Магомедович маркировал наши тели: хассунский — восточнее Абры — получил название ЯТ-I, собственно Ярм-халафский — ЯТ-II, самый большой — халафско-убейдский, смежный предшествующему, — ЯТ-III. Руководство исследованиями первого было поручено мне при участии О.Г. Большакова, Н.О. Бадера и В.А. Башилова (позднее Н.О. Бадеру были поручены все разведовательные работы и исследования вновь открытых объектов). Телль ЯТ-II исследовался самим Р.М. Мунчаевым, со второго года — с помощью В.И. Гуляева, который оказался высококвалифицированным специалистом и подлинным бардом экспедиции, посвятившим ей, наряду с научными трудами, и яркие популярные публикации.

Приехали с нами также представители Департамента древностей Ирака — Исмаил и Наван, в обязанность которых входили контроль за деятельностью (и прежде всего, методикой) экспедиции и помощь ей. Наван был фигурой достаточно пассивной, Ибрагим же — активным, хорошо подготовленным археологом и прекрасным товарищем, которого все мы с благодарностью вспоминаем и по сей день.

В ходе работ число исследуемых объектов заметно пополнилось новыми, принципиально важными открытиями, значительно расширившими предполагаемую предварительно проблематику, включавшую три последовательно сменивших одна другую культуры — хассунскую, халафскую и убейдскую. Надо подчеркнуть, что сама по себе эта зафиксированная на едином участке безусловная последовательность раннеземледельческих культур — крайне важна и лежит в основе всего дальнейшего развития древнейшего в мире месопотамского очага «неолитической революции».

Еще недавно, в середине XX века, Хассуна близ Мосула считалась, древнейшим раннеземледельческим памятником Северной Месопотамии, несколько уступая по своей древности лишь Джармо в Курдистане.

Замечу, что в самом Джармо, исследованном Р. Брейдвудом, был определен ряд слоев, и только в последнем из

них появилась первая керамика. Следовательно, Хассуну закономерно располагать на грани докерамического и керамического неолита. В этом плане каждое уточнение соотношения этих древнейших культур принципиально важно как для них самих, так и для общей периодизации дописьменной Месопотамии в целом. Раскопки Телль-Хассуны позволили проследить развитие этого поселения в течение шести строительных горизонтов. Эти горизонты объединяются в два слоя, которые при определенной преемственности различаются по особенностям отдельных групп керамики. Три нижних горизонта объединяются т.н. «архаическим слоем» с примитивными, часто однокомнатными жилищами из «ломтей» глины, еще не стандартизированных форм и размеров, с грубыми формами сосудов, иногда лощеными и расписанными глиняной краской. Три верхних горизонта отмечены уже заметно более совершенными жилищами с печами, глиняной и алебастровой обмазкой.

Три верхних горизонта получили наименование «стандартной Хассуны»; они отмечены определенным прогрессом строительной техники, постепенной стандартизацией глиняных «ломтей»: все более приближающихся к сырцовым кирпичам, распространением обычных и появлением первых двукамерных печей (с обжигательной камерой и топкой под ней). Наряду с хозяйственными печами появляются и керамические печи как внутри помещений, так и в окруженных последними больших дворах. Разрозненные ранее отдельные хозяйства постепенно превращаются в единый, подчиненный определенным принципам поселок, неоднократно перестраивавшийся и реконструировавшийся, с хозяйственной спецификой отдельных участков и домов, функционировавших одновременно.

Этим строительным и хозяйственным принципам соответствует и телль ЯТ-I. Он несколько крупнее и информативнее самой Хассуны, что и естественно: высота его превышает 6 м, а площадь раскопа здесь достигала 1740 м², что, конечно, несравнимо больше, чем на эпонимном памятнике, где хассунский слой не превышает 5,2 м и почти полностью перекрыт халафским, убейдским и ассирийским слоями. В ЯТ-I он является не только основным, но фактически и единственным: начинался он непосредственно под дерном, но жизнь на холме прекратилась одновременно с хассунской культурой.

Правда, поверхность телля многократно нарушена более поздними погребениями — халафскими, старовавилонскими, римскими, среднековыми. Они нарушили верхние горизонты основного хассунского слоя. Раскопки хассунского холма ЯТ-I произведены по всей восточной его половине на площади свыше 1700 м².

При этом учет как вертикальных, так и горизонтальных показателей культурного слоя обусловил более точное, чем в Хассуне, его членение и более детальное определение специфичности конкретных участков и, прежде всего, остатков сооружений. Предварительные стратиграфические разрезы, фактически произведенные на почти всей площади поселения не на шести, как в Хассуне, а на двенадцати строительных горизонтах. При этом фиксировались и все дополнительные изменения внутри каждого из них, реконструкции, пристройки, ремонты и т. п. Это позволило проследить многие аспекты хассунского строительства на протяжении достаточно длительного срока, установить моменты и характер его совершенствования, соотношение с инновациями в прочих отраслях развития.

Древнейшими следами намеренного нарушения естественной поверхности на месте будущего поселка явились котлованы различных форм и размеров, вырытые в материке на всех перекрытых далее теллем участках. Наиболее крупные из них — чаще всего, овальные, длиной до 4,5 м, шириной 3 м, глубина в материке в среднем около метра. Стены котлованов, довольно плотно расположенных под теллем, прокалены, иногда достаточно сильно, некоторые же заметно уплотнены. Котлованы на описанном «нулевом» уровне сочетаются с круглыми очагами («печами») и ямами. Заполнение же котлованов едино: нерегулярный мусорный слой.

Точно установить назначение котлованов трудно, но их форма, характер стен, наконец, заполнение не дают никаких оснований считать их жилыми сооружениями, предшествовавшими домам из глиняных «ломтей» двенадцатого горизонта Ярымтепе I. Соотношение их с последними, равно как и вся структура нижней части слоя не позволяют выделить заметный период, особый горизонт, связанный лишь с этими котлованами и отмеченный, как выше уже указывалось, определенным накоплением культурного слоя. Такого слоя нет: напротив, ряд комплексов, безусловно, первоначально культурного горизонта расположен непосредственно на материке. Котлованы же описанного типа, открытые в такой же ситуации, прослежены под рядом ближневосточных теллей: Умм-Дабагии, Гандж-Даре, Телль Бейда и др. Эти котлованы и сопутствовавшие им печи исследователи справедливо связывают с периодами постройки первых поселений и временными лагерями их строителей. Наиболее вероятно предполагать, что большие ямы вырыты для добычи материала для дальнейшего строительства.

Лагерь наш был оборудован, о чем уже шла речь ранее, за три дня. Палатки разместили на склоне правого берега небольшого, пересыхавшего в засушливые и разливавшие-

Ярым-Тепе II. Двухъярусная керамическая печь

гося в дождливые сезоны речки Абры, которая включала в себя еще несколько временных русел. На обоих берегах этого участка отмечено значительное скопление разновеликих холмов. Первый из них располагался на левом берегу ручья, в километре к востоку. Это ЯТ-I округлая, несколько вытянутая с ЮЗ на СВ форма холма имела диаметр свыше 100 м при высоте более 6 м, при этом нижняя часть культурного слоя уходит под уровень поля.

Хотелось бы рассказать чуть подробнее о начале исследований экспедиции непосредственно по прибытии на место работ и об оперативном постижении ее составом специфических особенностей раскопок первобытных поселений Месопотамии. Недаром ее цивилизацию в целом именуют «глиняной»: все из глины сделано и глиной окружено. По-арабски стена сооружения — «джидар», глина же, их разделяющая — «бош». Разделить их зачастую абсолютно невозможно. Еще в 1854 году английский археолог Тейлор, пытавшийся копать шумерский город Эриду, счел эту задачу не-

выполнимой в силу отмеченных мною выше причин. И так было вплоть до первой четверти XX века, в конце которой превосходный исследователь первой столицы Ассирии — города Ассура, германский археолог В. Андрэ создал специальные школы для подготовки рабочих археологических экспедиций. Особое внимание обращалось на расчистку построек и определения каждой их детали. Особо активно действовала такая школа в селе Шеркат (или Шургат). Выпускники ее именуются «шургатцами» и делятся на категории — высшую, I и II классов, определявшиеся руководителями экспедиций. Во главе каждой такой группы ставился руководитель (раис) из наиболее опытных рабочих, который разбирал спорные вопросы и был правой рукой руководителя экспедиции. Рабочие очень старались: ведь от этого зависела возможность их перевода в следующую категорию с соответствующим повышением зарплаты. Связывали их добросовестность, чувство ответственности за общее дело, а нередко — и профессиональная гордость. Последнее понятие руководило ими, когда они добросовестно и с большой готовностью передавали свой опыт сотрудникам нашей экспедиции и радовались их способностям, особенно дивясь знаниям О.Г. Большакова, который почти двадцать лет имел дело с сырцово-архитектурой в Пянджикенте. Определенный профессионализм обуславливал должную оценку ими общего руководства работами экспедиции Р.М. Мунчаевым, быструю ориентировку в них и постоянное стремление к новому Н.О. Бадера, В.А. Башилова, В.И. Гуляева, А.В. Кузы, О.М. Джапаридзе, И.Г. Нариманова.

Вспоминяя все это, я могу отметить не только полное взаимопонимание между русскими специалистами и иракскими рабочими — арабами, курдами, туркманами, иезидами, но и подлинно душевные, дружеские отношения между ними. Огромную роль сыграли здесь с русской стороны высокая компетентность, бесконечные доброта и обаяние нашего дорогого друга и безотказного помощника Мусы Умаровича Юнисова, деловая хватка и дипломатичность Петра Дмитриевича Даровских. С иракской стороны постоянное внимание и существенную помощь во всех аспектах мы получали от крупнейшего археолога Ирака, автора большинства наиболее значительных открытий ряда хронологических срезов, включая Хассуну, Эриду, Укейр и многих других — Ф. Сафара. Он неоднократно лично посещал нашу экспедицию, обсуждал ход и интерпретацию открытий, давал ценнейшие советы и даже своей властью разрешал вывоз из лагеря экспедиции необходимой для работы научной литературы. Трагическая гибель Фуада Сафара в автокатастрофе явилась невосполнимой потерей для всей ближневосточной археологии и подлинным горем для нашей экспедиции.

Сосуды Халафской культуры из поселения Ярым-Тепе II

Столь же дружелюбно относились к нам и Генеральный директор Департамента древностей Ирака д-р Исса Сальман и его заместитель, д-р Бехнам эс-Суффи, исследовавший уникальный поселок Тель-Эс-Саван VI тыс. до Р.Х., принадлежащий самаррской культуре Средней Месопотамии, родственной Хассуне.

Друзьями нашей экспедиции являлись также ведущий ассириолог Ирака д-р Тарик Мадлун и директора Багдадского Национального музея д-р Фавзи Рашид и Мосульского д-р Хазим Абдель Хамид, а также многие представители иракской археологической общности.

С большим вниманием иракская сторона отнеслась к назначению в качестве своих инспекторов в нашей экспедиции инспекторов Департамента древностей, в большинстве своем, молодых археологов с должной профессиональной подготовкой. Они быстро вписались в наш коллектив и успешно работали. Прекрасно показали себя в качестве инспекторов в разные годы наших работ Исмаил Хаджара, Зухейр Раджаб, Ясин Рашид, Саллах Сальман аль Гумури, Музахим Махмуд, Джорджис Мухаммад, Сабах Аббуд. И конечно, наш постоянный превосходный раис, вполне заслуживающий наивысшей репутации среди его иракских кол-

лег — Халаф Джасим.

Перспективность начатых исследований в целом была засвидетельствована первым же обследованием избранной группы памятников, получившей общее наименование «Ярым-Тепе». На нем было зафиксировано не менее шести компактно расположенных теллей. Обильный подъемный материал их и, прежде всего, шестиметровый профиль, созданный разрезом рекой одного из теллей, позволили предполагать наличие здесь мощных слоев древнейших раннеземледельческих культур Северо-Западной Месопотамии. Подобное скопление раннеземледельческих поселений

известно лишь в Южной Месопотамии, в районах Эриду, Тель эль-Убейда, связанных, скорее всего, с шумерами. Здесь же, в Синджарской долине, первобытные памятники своеобразны, но также достаточно ярки и охватывают значительные пространства от северо-восточной Сирии до Курдистана — на севере и центральной Месопотамии — на востоке. Группа Ярым-Тепе входит в центральную часть этого скопления (район города Тель-Афара) и уходит далеко к югу. Упомянутый подъемный материал принадлежал хассунской (ЯТ-I), халафской (ЯТ-II и III), убейдской (ЯТ-IV) культурам, т.е. значительному периоду между началом VI и концом IV тыс. до Р.Х.

Мне было поручено руководство раскопками наиболее раннего из избранных для исследования поселений — ЯТ-I к востоку от реки Абры, подавляющая часть керамики на поверхности которого принадлежала хассунской культуре VI тыс. до Р.Х. Эпонимный памятник этой культуры, как я отметил, был открыт и частично исследован в 1943 году С. Ллойдом и Ф. Сафаром. Все основные заключения этих ученых нашли подтверждение в наших исследованиях. Вместе с тем, большие размеры ЯТ-I и по площади, и по мощности собственно хассунского культурного слоя, по его насыщенности и многообразию конкретных строительных горизонтов позволили внести в представления о хассунской культуре ряд весьма существенных добавлений. Приведу их, но в предельно краткой форме, поскольку материалы раскопок ЯТ-I, как и хронологически следующего за ним поселения халафской культуры ЯТ-II (V тыс. до Р.Х.) с исчерпывающей полнотой изданы в монографии Р.М. Мунчаева и Н.Я. Мерперта «Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии» (Москва, 1981).

Поселение ЯТ-I несколько превышает размеры эпонимного хассунского памятника, длина и ширина его близки 100 м, хассунский культурный слой превышает 6,20 м. Построек еще нет, но, возможно, котлованы и колодцы связаны с подготовкой к их созданию. Непосредственно над котлованами, глубина которых иногда превышала 1 м, и заполнены они обожженной землей, золой и углем, начинался регулярный слой, превышавший 6 метров с прямоугольными и круглыми сооружениями. Первые — однокомнатные и двухкомнатные дома из глиняных с примесью рубленой соломы «ломтей», обмазанных глиной или алебастром площадками для сушки зерна, зернотерками, зерновыми ямами, глиняными приподнятыми площадками и перекрытием из жердей и камыша. Таких строительных горизонтов 12, средняя их мощность 45–50 см. Отсутствие лакун в жизни поселка позволяет проследить эволюцию и усложнение его основных параметров. Вырабатываются более совер-

Фрагмент сосуда халафской культуры. Ярым-Тепе II

шенные строительные материалы, приближающиеся к сырцовому кирпичу, используются камень и гипс, намечается функциональная дифференциация помещений, своего рода «мастерские», связанные, прежде всего, с каменным — кремневым и обсидиановым сельскохозяйственным инвентарем — мотыгами, ножами, вкладышами лезвий составных серпов, зернотерками и терочниками. Особое внимание уделяется обустройству культовых действий и развитию культовых изображений, прежде всего ан-

тропоморфных. Если в эпонимном памятнике была обнаружена лишь одна глиняная антропоморфная статуэтка, то в ЯТ-I их найдена значительная серия: глиняные статуэтки абсолютно идентичны, хотя и разновелики. Они изображают стоящую женщину с высокой конусовидной прической. Безусловно, круглые толосовидные сооружения, судя по их содержанию, имели сакральный характер: в них найдены и человеческие захоронения, и кости жертвенных животных, и редчайшие для столь раннего времени (начало VI тыс. до Р.Х.) изделия, такие как половина мраморного сосуда, замечательное ожерелье из бирюзовых, халцедоновых, горнохрустальных бусин различных размеров и форм. У тех же толосов не менее поразительная находка — свинцовый браслет с разомкнутыми концами. Вес его более 100 г. Диаметр 9,2–10 см, сечение 7–8 мм. Повторю, находка эта экстраординарна. Свидетельства весьма раннего применения металла на Ближнем Востоке зафиксированы в последние десятилетия в ряде пунктов Анатолии, Ирана и Месопотамии; в самом Ярым-Тепе они зафиксированы не менее 25 раз и представлены фактически во всех горизонтах. Однако везде они ограничивались кусочками меди (лазурита) и мелкими украшениями (бусами и подвесками), свинцовое же изделие указанных размеров и веса встречено, насколько мне известно, впервые. Тем более что найдено оно в основании хассунского культурного слоя — в первом (нижнем) строительном горизонте ЯТ-I. Что же касается лазурита, кусочков меди, то, повторяем, они встречены фактически в каждом последующем горизонте. Следовательно, саму хассунскую культуру следует относить не к неолиту, а к энеолиту, причем достаточно развитому. В работах нашей экспедиции такое заключение находит обоснования и более общего порядка. В результате регулярных разведок в той же Синджарской долине Н.О. Бадером были открыты сельскохозяйственные поселения

Поселение Ярым-Тепе II. Общий вид памятника. Лагерь экспедиции. Стратиграфическая траншея

более раннего этапа, генетически связанные с Хассунной, безусловно предшествующие окончательному ее сложению. Эти памятники получили наименования Телль-Сотто и Кюль-Тепе. В нижнем горизонте первого из них найдено медное кованое шило. Керамика же этого слоя содержит формы, безусловно близкие архаической Хассуне. То же следует сказать о территориально близком Телль-Сотто, да и самому Ярым-Тепе I, поселению Кюль-Тепе. Весьма близкий им по всем параметрам памятник открыт английским археологом Дайаной Киркбрайт также в Северном Ираке (в районе Хатры). Он назван Умм-Дабагией и отмечен настенной росписью с охотничьими сценами. Таким образом, на значительной территории определяется ступень, непосредственно предшествующая Хассуне и уже содержащая свидетельства применения металла. Более того, дальнейшие разведки привели Н.О. Бадера к открытию первого в Северо-Западном Ираке памятника иерихонской культуры, относимой к докерамическому неолиту. Это уникальное поселение, получившее название Телль Магзалии, стояло на высоком берегу реки в той же Синджарской долине и относится, скорее всего, к VIII тыс. до Р.Х.

Возвращаясь же к хассунской культуре, следует отметить, что интервал между ней и подлинным неолитом типа Джармо в Курдистане с открытием прахассунских ступеней типа Телль-Сотто начал заполняться, что, полагаю, имеет принципиальное значение. Сама хассунская культура во всех аспектах своего развития заметно обогащена раскопками Ярым-Тепе I, и окончательно разрешен вопрос о хронологическом соотношении ее с халафской культурой; на поверхности Ярым-Тепе I найден некрополь одного из халафских поселений, расположенных в нескольких сотнях метров от хассунского.

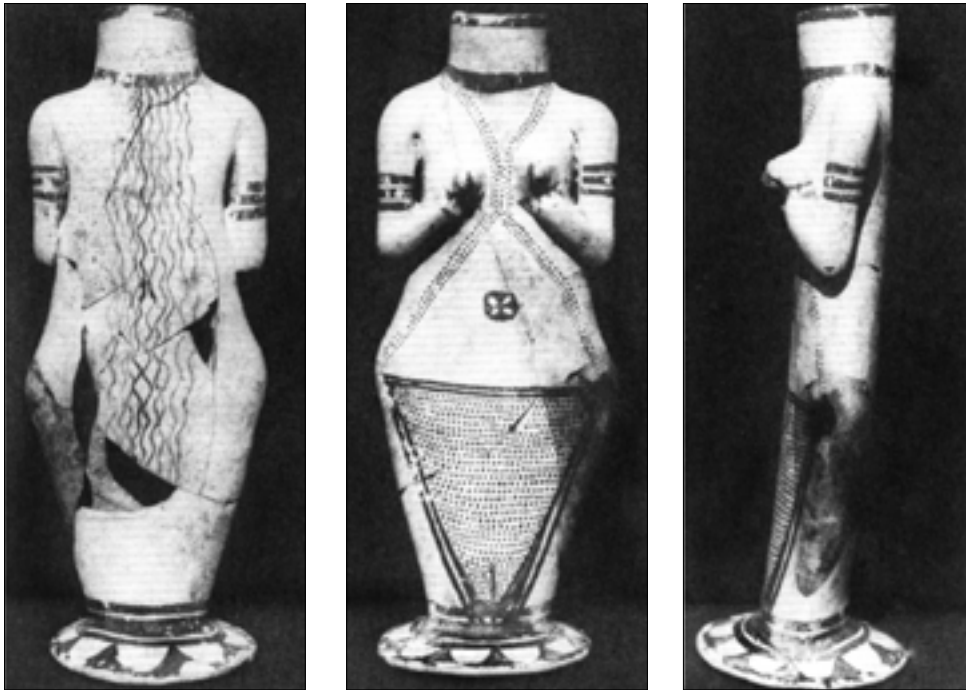
Эти поселения — ЯТ-II и III, исследованные непосредственно начальником экспедиции Р.М. Мунчаевым, — дали огромный, поразительный по многообразию и качественному уровню материал, скорее всего, охватывающий весь период развития уникальной по техническому совершенству и неповторимому эстетизму халафской культуры. Период ее развития охватывал V тыс. до н. э. Телль ЯТ-II, как отмечалось выше, был прорезан рекой Аброй, и юго-восточный участок его оказался разрушенным. Сохранившаяся часть имела форму овала, вытянутого с ЮЗ на СВ длиной до 120 м, шириной 25–40 м и высотой 25–40 м. Культурный слой распространялся за пределы холма на 20–25 м, где неглубокая ложбина отделяла его от телля ЯТ-III. Не исключена возможность первоначального единства этих двух теллей. Здесь можно предполагать наличие одного из наиболее значительных по размерам памятников халафской культуры. Даже при

раздельном существовании ЯТ-II и ЯТ-III диаметр последнего телля достигал 200 м при мощности халафского слоя свыше 8 м и непосредственном перекрытии его четырехметровым слоем следующей убейдской культуры IV тыс. до Р.Х. Халафские памятники такого масштаба сравнимы лишь с первыми их образцами, открытыми в Северо-Восточной Сирии в 1911 году бароном Максом фон Оппенгеймом и изданными крупнейшим германским археологом Губертом Шмидтом.

Исследованные русской экспедицией памятники ЯТ-II и ЯТ-III являются одними из наиболее масштабно раскопанных, всесторонне изученных и информативных халафских объектов. Остановлюсь на наиболее значительных показателях этих работ. Для более полной информации отошлю читателя к исчерпывающе полным и детальным главам Р.М. Мунчаева в отмеченной выше нашей совместной монографии. Повторю, что, наряду с общим руководством экспедицией, Р.М. Мунчаев вел всю халафскую ее проблематику при регулярном участии В.И. Гуляева и ограниченном моем.

Прежде всего, подчеркну, что Ярым-Тепе II — первый халафский объект, вскрытый на полную глубину культурного слоя, составлявшую около 7 м. Уже в древнейшем горизонте бросается в глаза доминанта круглоплановых жилых сооружений со стенами из глиняных пластов, шириной до 25 м, печами также круглой формы. Круглоплановая жилища архитектура сочетается с хозяйственными прямоугольными многорядными постройками, в заполнении которых найдены фрагменты сосудов, в том числе хассунских: очевидно, небольшое раннее поселение было перекрыто халафской хозяйственной постройкой с рядом параллельных стен, разделенных перегородками на отдельные камеры. В жилой архитектуре нижних и последующих горизонтов господствуют круглоплановые постройки, иногда встречаются прямоугольные, преимущественно хозяйственного или складского назначения. Наиболее же совершенной формой круглоплановых сооружений явились толосы, носившие, помимо жилых еще и сакральные функции. Особенностью их являются конусовидные верхние завершения.

Наиболее же яркой категорией этой культуры явилась керамика, бесконечное многообразие, качественный уровень, художественная ценность и историческая информативность которой сравнимы лишь с древнегреческой керамикой эпохи расцвета античной культуры. Резко возрос технический уровень ее производства — подготовка глиняного теста, составление красителей и особенно высота обжига. Уже в предшествующей хассунской культуре появились сменившие костровый обжиг специальные обжигательные печи с разными уровнями топки и обжигательной камеры.

Ярым Тепе II. Антропоморфный расписной флакон «Ярымская богиня»

И первые их образцы найдены нашей экспедицией на Ярым-Тепе I. Ныне же были открыты поразительно совершенные образцы печей: из топки жар поступал в обжигательную камеру не только через отверстия в полу последней, но и по ряду внутренних каналов в стенке самой камеры, где хорошо подобранные примеси придавали обжигаемой глине особую прочность, а краскам — многовековую сохранность, где объекты росписи — и растительные, и животные, и рукотворные, и абстрактные были элементами повседневной жизни и создавали непосредственно заимствованный из природы сюжетный мир. Уже в первые дни раскопок Ярыма II Рауф Магомедович показал мне фрагмент очень большого сосуда, на овальном горле которого были изображены в красках два гепарда, стоящих в геральдических позах на задних лапах, протянув передние друг к другу. Это уже не просто орнамент — это уникам, скорее всего, имевший сакральное содержание. Несомненно, то же надо сказать об уникальных находках в ранних горизонтах того же ЯТ-II, где найдены трупосожжения, расчлененные остатки погребенного и ряд отдельных черепов. Сакральный характер всего этого участка безусловен и не ограничивался указанными находками, крайне важными не только самих по себе, но и в силу их ритуального разнообразия, свидетельствующего о сложности

идеологических представлений создателей халафской культуры. С жертвенниками связываются и ритуальные сожжения животных и остатки прокаленных фрагментов сосудов как расписных, так и грубых, причем и те и другие предварительно разбивались, что входило в порядок ритуальных действий.

Примером тому служит подвергшийся подобным воздействиям и полностью восстановленный нашей экспедицией фигурный флакон в виде массивного зверя, сочетавшего формы слона — четыре столбовидные ноги, миниатюрный хоботок с туловищем свиньи, свиным хвостом и т. п. О назначении этого зооморфного сосуда как флакона свидетельствует большая воронка на спине животного. Все тело зверя покрыто геометрической росписью, включавшей многолучевую звезду, криволинейные композиции, залитые краской (коричневый по розовато-желтому фону), концентрическими окружностями (медалями), подвешенными на груди, точечным заполнением и пр. Абсолютно та же ситуация отличает второй флакон, еще более уникальный и также полностью восстановленный. Высота его 21 см. Это великолепно выполненная фигура обнаженной женщины с подчеркнутой талией, грудью и распущенными по спине волосами. Горловина сосуда имитирует шею, голова и ноги не выделены. Руки согнуты в локтях. Кисти прижаты к грудям. На плечах обеих рук изображены по три браслета, на шее — ожерелье. Это замечательное изделие носит, несомненно, культовый характер: изображена богиня, скорее всего, плодородия. Роспись сосудов включает наряду с геометрическими фигурами многие сотни изображений растений, животных, птиц, рыб, змей, насекомых, а также хижин, деревьев и т. д.

В целом за 12 напряженных полевых сезонов в Северо-Западном Ираке (1969–1980 гг.) советская экспедиция провела масштабные раскопки основных праисторических культур этой обширной и исторически значительной области в огромном хронологическом диапазоне от VIII до конца IV тыс. до Р.Х., определив роль в важнейший период неолитической революции в первом в мире ее историческом центре.

За научные исследования древнейшего культурного развития на территории Ирака руководителю археологической экспедиции Российской Академии Наук Рауфу Магомедовичу Мунчаеву и участникам экспедиции Николаю Оттовичу Бадеру и автору этой книги присуждена Государственная премия Российской Федерации в области науки.

XXVIII

Российские археологические исследования в Сирии

В связи с описанными выше исследованиями в Ираке, мы с Рауфом Магомедовичем Мунчаевым сочли необходимым ознакомиться с археологическими памятниками смежных территорий и их соотношением с памятниками Ирака. Среди соответствующих территорий наибольший интерес представляла для нас Сирия, являвшаяся прямым продолжением Месопотамии как к югу с путями к Египту, Палестине, Иордании, так и к Восточной Анатолии, Кавказу, Причерноморью.

Обстановка благоприятствовала нашей затее: в 1983 г. было получено приглашение Министерства культуры Сирийской Арабской Республики российским археологам посетить Сирию для обсуждения с руководством управления древностей и музеев Сирии вопросов советско-сирийского сотрудничества в области археологии. В апреле того же года состоялся первый официальный визит в эту страну, являющуюся неизменным партнером Месопотамии во всех аспектах развития человечества: начиная с самого формирования физического типа человека, и далее — до его совершенствования, «неолитической и урбанистической революций» и сложения древнейшей в мире цивилизации. Чрезвычайно интересные пути гомогенного развития сочетались в Сирии с воздействиями, в том числе принципиальными и решающими со стороны Месопотамии, Египта, Финикии, Хеттской державы, Ахеменидского Ирана, позднее возникли здесь очаги эллинистической и римской культуры. Хорошо известна позитивная роль Сирии в становлении арабской государственности и развитии всех отраслей арабской цивилизации.

И многие культурные феномены, исследованные нами в Ираке, т.е. в «классической» Месопотамии, в ходе своего развития охватывают Сирию, используя как очень ценные ресурсы, так и производственный и культурный опыт ее населения. В других случаях, достижения собственно месо-

тамских групп (как в производственной, так и в культурной сферах) именно в Сирии с ее извечными морскими связями получали наивысшее развитие, что способствовало широкому их распространению и интенсивному воздействию на общий уровень развития как близких, так и достаточно далеких территорий.

Для нас же наиболее значительным был вопрос об общей роли Сирии в формировании древнейшего ближневосточного культурного очага, уступала ли она общепризнанной роли Месопотамии и светила лишь отраженным светом последней или была ее естественным продолжением и равнозначным участником отмеченного процесса.

Надо сказать, что сирийская сторона сделала все необходимое для нашего ознакомления со страной и археологической ситуацией в ней, большей частью наиболее значительных ее памятников и музейных комплексов, организации работ и научных связей. Естественно, в предложенную нам программу были включены памятники самых разных эпох: от стоянок нижнего палеолита до только что открытого государства Эбла — подлинной археологической сенсации нашего времени (III–II тыс. до Р.Х.); от мечети Омейядов в Дамаске до монастыря, где у несторианского монаха учился пророк Мухаммед; от огромного римского театра в Бусре до знаменитой Пальмиры; от Алеппо (Халеба) до Угарита (Рас-Шамры), от ранневизантийского комплекса монастыря Сан-Симон (V в.) до одного из наиболее известных замков крестоносцев — «Крак де Шевалье» и остатков грандиозных финикийских сооружений вблизи Латакии, ныне полузабытых у побережья этого города. Бесчисленное множество столь же поразительных памятников по сути дела всех эпох развития и средневековой истории сирийского региона Ближнего Востока! Наша крайне насыщенная поездка не коснулась тогда лишь северо-востока страны — за Пальмирой, полупустынными участками, простирающимися за ней вплоть до Евфрата у города Дейр-эс-Зор и далее — до города Хассака на Хабуре, главном притоке Евфрата, протекающем здесь по землям Сирии и Турции и давшим имя всему региону — «Хабурский треугольник». Последний стал легендарным по насыщенности археологическими памятниками, в том числе такими известными, как Телль-Халаф, Шагар-Базар, Телль-Брак, с востока к нему подходит Синджар с Ярым-тепе, южнее — Джезира с Умм-Дабагией.

Вполне закономерно, что после прекращения исследований в Ираке и решения о перебазировке в Сирию, вновь под руководством Р.М. Мунчаева, в 1987г. была произведена углубленная разведка специально в северо-восточной части страны, и прежде всего, в «Хабурском треугольнике», — в районе города Хассака. Автор этих строк в разведке не участво-

С Рауфом Магомедовичем Мунчаевым

вал: она была осуществлена Р.М. Мунчаевым, Н.О. Бадером, О.Г. Большаковым и показала, что по насыщенности памятниками праистории и древнейшей истории, идентичными и больше повторяющими основную колонну культур Северной Месопотамии, долина Хабур, особенно в районе Хассаки и к северу от него, не уступает району Мосула и долине Синджара. При дальнейшем обследовании этого региона (в котором я уже участвовал) особое наше внимание привлекла группа крупных теллей вблизи деревень Хазна и Алави, расположенных в 25 км к северо-востоку от Хассаки, в нижней части аллювиального бассейна водостока Вади Ханзир — притока Джаг-Джага, впадающего в Хабур. У Хазны же на протяжении 1 км зафиксированы три телля, высота которых превышала 10 м, а у крупнейшего и крайнего с севера из них достигала 16 м. Он получил наименование Телль-Хазны I и стал основным объектом плодотворных исследований экспедиции, длящихся уже более 20-ти лет. Уже в первые годы обильный подъемный материал вместе с материалами ряда разрезов, доказал и функционирование этого памятника с конца IV до первой трети III тысячелетия до Р.Х., т.е. в I — начале II раннединастических периоды. Из-за возникшей в начале 90-х годов острого положения нам пришлось сделать в раскопках Хазны I двухлетний перерыв и занять его значительно менее масштабными зондажными раскопками друго-

го, несколько меньшего телля той же группы в 1 км к югу от первого. Он был маркирован как Телль-Хазна II, избрание же его было обусловлено не только значительно большей дешевизной десятиметрового ступенчатого зондажа, но и наличием замеченного мною у края его основания очень большого черного сосуда, абсолютно тождественного наиболее архаичным сосудам Телль-Сотто и Умм-Дабагии, а далее — и самой Хассуны. Внутри сосуда было скорченное на боку детское погребение, аналогичное погребению в толосовидном сооружении изначального, нижнего (XII) горизонта поселения ЯТ I в Ираке. В обоих случаях найдены ожерелья из каменных бус (бирюза, мрамор, сердолик, алебастр, халцедон, лазурит и др.), половина мраморного сосуда. Подчеркну, что столь поразительное сходство и в обряде захоронения, и в инвентаре достаточно удаленных друг от друга захоронений документирует единство ритуала не только в указанных пунктах, но и всем районе Хабурского треугольника.

И еще важнее, что эти в целом свидетельства хассунских, а точнее прото- и архаическо-хассунских комплексов в обоих случаях занимают базовое положение в хронологических колонках, а далее равнозначные места в их стратиграфических установленных позициях. Так «прахассунские» и «раннехассунские» слои превышают здесь три метра, документируя достаточно длительное и стабильное существование, тогда как вторая половина периода — «стандартная» хассуна — с ее расписной керамикой не представлена вообще, что Р.М. Мунчаев, очевидно, справедливо связывает с временными природными пертурбациями. Однако далее ситуация вновь улучшается, что обусловило перекрытие слоя архаической Хассуны разрозненными, но достаточно выразительными скоплениями высококачественной расписной халафской керамики, хотя речь здесь может идти скорее о кратковременной сезонной стоянке, чем о стабильном поселении. Но здесь важна последовательность праисторических культур Месопотамии, в Северной Сирии их стратиграфическая колонка представлена в полной мере и тождественна эталонным месопотамским памятникам. В Телль-Хазне II перекрывший Хассуну небольшой халафский слой в свою очередь перекрыт убейдским, за которым следует своеобразный некрополь убейдского периода. Одно из его погребений представляет определенный интерес: костяк лежал на тростниковых носилках, сооруженных из длинных шестов, соединенных перемычками. Он сопровождался тремя сосудами, по форме своей и по орнаментации характерных для позднего Урука и имеющих в то же время близкие кавказские аналогии. Выше шел трехметровый слой раннединастической эпохи I, уже синхронный созданию нашего основного объекта — Телль-Хазне I, обретшему таким обра-

зом свое место в общей системе культур древнего Востока на грани праисторической и исторической (другими словами, дописьменной и письменной) эпох. Ему и будет посвящена основная часть настоящего раздела. Я проработал на этом объекте 15 лет, до 2003 г., последнюю длительную кампанию в моей начатой в 1936 году экспедиционной жизни.

Но чтобы закончить с Тель-Хазной II, мы должны быть удовлетворены достаточно ценными материалами ее скромных раскопок и, главное, сведениями, существенно уточняющими место в общей системе сирийских памятников нашего основного объекта — Тель-Хазна I. Сам же Тель-Хазна II, начиная с III тыс. до Р.Х., превратился в небольшой, ничем не примечательный поселок. Ныне значительная часть перекрытого его телля занята кладбищем.

Теперь вернемся к основному объекту наших исследований — Тель-Хазне I. Я умышленно не поставил перед названием слово «поселение», как и ни одного из его синонимов, поскольку ни этот термин, ни его синонимы не передают адекватно содержания и специфику этого уникального феномена, созданного населением северо-восточной Сирии в конце IV — первой трети III тыс. до Р.Х. Мунчаев совершенно справедливо отметил, что «Тель-Хазна I, как историко-археологический объект, отличается не только от соседнего поселения Тель-Хазны II, но и от почти всех исследованных до сего времени памятников долины Хабур III тыс. до н. э.».

Увидев телль впервые еще издали, был поражен его величию. Самый большой из окрестных теллей стоял на левом берегу Вади Ханзир и входил в состав ряда примерно равновеликих теллей, идущих с юга на север, охватывая при этом оба берега Хабур и ряда его притоков на протяжении нескольких десятков километров. Тель-Хазна I расположен в конце южной трети этого ряда, начинающегося с Тель Асвада, в 12 км к югу, и уходящего за Тель Чагар Базар, в 14 км к северу. Всего только в пределах этого ряда (26 км) зафиксировано 17 крупных теллей. Таким образом, Тель-Хазна I находился в центре густо заселенного района.

Тель-Хазна I имеет конусовидную форму с крутыми в северной и восточной сторонах и пологими с южной и западной сторон склонами. В высоту он достигает 17,2 м, средний его диаметр 150 м. На задернованной поверхности отмечены значительные скопления разновременных керамических фрагментов, среди которых преобладают раннединастические образцы при отдельных находках более ранних — урукских и убейдских фрагментов и единичных — более поздних. Последние носят случайный характер и никаких оснований предполагать наличие здесь более поздних слоев не дают. Прежде чем перейти к рассмотрению основных параметров

конкретных районов и сооружений памятника, вернусь к уже приведенной выше общей его оценке.

Тель-Хазна I полифункционален и многообразен, как в материальном (архитектурно-строительное совершенство, вертикальное и горизонтальное членение, функциональное многообразие, расположение на последовательных платформах — террасах, ряд общих и локальных фортификационных систем, гигантские зернохранилища и складские сооружения), так и в духовном, сакральном аспектах — от алтарей и жертвенников до огромной культовой башни древнейшего в регионе, а возможно, и во всей Месопотамии — «протозиггурата». При создании подобных сооружений для укрепления стен применялись пилястры, пилоны, несшие также и эстетические функции, крепящие скосы, каменный бордюр, каменные вымостки и выкладки, — особенно для сообщения между сооружениями разных террас. Сочетание глины (сырца) и камня крайне редкие в предшествующих — урукских и, тем более, убейдских горизонтах, становятся нормой, также как и простейшие сооружения интерьера, такие как столы для жертвоприношений и простейшие алтари. И еще одно доказательство сакрального аспекта центральных сооружений Тель-Хазны I: наличие в них и между ними погребений, причем двух различных категорий: либо детских — на отдельных участках, четвертой террасы, возможно, наиболее поздних, либо экстраординарных, в основном мужских, с богатым металлическим инвентарем (кинжалы, пилы, плоские топоры, шилья, ножи, долота, тесловидные орудия) — набор, характерный как для Месопотамии, так и для всей циркумпонтийской металлургической (и металлообрабатывающей) провинции раннего бронзового века. В отдельных случаях такие наборы представлены не в погребениях, а в виде кладов, что, как я полагаю, также носит сакральный характер, который таким образом засвидетельствован целой серией индикаторов.

Учет всех этих показаний позволил определить центральную группу тесно примыкавших друг к другу конструкций Тель-Хазны I, формирующих часть комплекса округлого в плане, вписанного в овал «теменоса», возведенного на глубине от 9 до 8 м от репера, т.е. на уровне третьей платформы, возвышающейся над низлежащей «террасой» примерно на 12 м.

Здания этого комплекса были сооружены одновременно с массивными сооружениями внешнего овала «теменоса» в конце IV тыс. до Р.Х.

Прослеженные в этой части памятника мощные галечником поверхности свидетельствуют о том, что уровень построек времени строительства храмового комплекса, расположенных в самом центре памятника, находится выше

Телль-Хазна I, вид на Телль до начала раскопок, весна 1988 г.

Начало раскопок Телль-Хазна I, 1989 г.

Телль-Хазна I. Вид на раскопанную площадь, осень 2000 г.

дневной поверхности третьей террасы. И именно благодаря прослеженному расположению культовых сооружений Телль-Хазны I на разных уровнях, комплекс может быть отнесен к числу т.н. «высоких храмов» Месопотамии, расположенных на платформах. Первые из них появились еще в позднеубейдское время и сформировались как особый тип культовой постройки, иногда поднятый на несколько последовательных террас к рубежу урукской и раннединастической эпох. Ряд ученых, в том числе знаменитый Гайнрих Ленцен, связывают этот процесс с выработкой идеи и формы зиггуратов. И данные Телль-Хазны I являются прямым доказательством предвидения одного из корифеев месопотамской археологии.

Памятник полифункционален. На нем жили люди, но это не основное его назначение: жили для его же обслуживания. В нем были ремесленные районы, прежде всего обжигательные керамические печи, но это была отнюдь не единственная его функция. В нем были огромные зернохранилища, но и они были лишь одной из основных его функций, рассчитанных на целый ряд человеческих коллективов внутри густо населенной области. И значительную часть его составляли культовые сооружения: как небольшие — «семейные» — алтари и жертвенники, так и монументальные — храмы, культовая башня («протозиггурат»), священный район («теменос»), внутри которого эти «общественные» сооружения и концентрировались. Были и погребения, но, очевидно, экстраординарные: либо отмеченные особым богатством, в частности, металлическими изделиями, по значению своему близкими сакральными приношениям. Последние единичны.

В целом сочетание «светских» и сакральных компонентов позволяет видеть в Телль-Хазне I уникальный культово-административный центр крупного и густо заселенного района Северной Месопотамии (Сирии по нынешнему административному делению).

Я специально остановился на вопросах функционального характера Телль-Хазны I, поскольку считаю их основными и вызвавшими наибольшую дискуссию на многочисленных конференциях в целом ряде стран, где результаты исследований российской экспедиции на Ближнем Востоке вызвали самый живой интерес, прежде всего в США, Франции, Англии, Германии, Италии.

Сейчас же очень коротко отмечу главные археологические параметры памятника. Мы вправе судить о них, хотя широкомасштабные раскопки памятника успешно продолжаются. За 14 минувших сезонов размеры вскрытой площади превысили 4100 м², ключевые моменты создания памятника, его судьба, его эволюции подъема и упадка, соотношения с прочими памятниками, роли в формировании древней-

ших в мире городов и в «урбанистической революции» (по В.Г. Чайлду) в целом убедительно разрешены. Определена специфика общей структуры памятника: террасно-платформенный принцип, подчиненный первоначальному замыслу и осуществлявшийся одновременно, но на разных уровнях. Вскрыта не только значительная площадь памятника, но на четырех участках достигнут уровень материка и определены три основных периода его существования.

Наиболее ранний из них представлен слоем, не достигающим метровой толщины под южным склоном холма. По характеру керамики он отнесен к позднеубейдскому или переходному раннеурукскому времени. На глубине 16,06 от 0 здесь найдено погребение младенца в убейдском сосуде, фрагменты подобных же сосудов с характерной зеленовато-коричневой росписью составляют около четверти немногочисленного керамического контекста этого начального слоя. И в нем же на уровне 14,75–15–30 м найдены остатки входящей к северу сырцово-красной стены: свидетельство первого кирпичного сооружения памятника.

Следующий пласт настиг на первоначальный непосредственно. Никакого разрыва между ними нет, развитие здесь абсолютно гомогенно. Несколько сокращается число фрагментов расписной убейдской керамики. Сам же слой заметно возрастает вплоть до толщины трех метров, причем у края южной полы отмечен резкий спад этого слоя: скорее всего, свидетельство наличия здесь оборонительного рва глубиной свыше 3 м, к северу же от рва, начиная с уровня 12 м от 0, на протяжении около 30 м прослежен кольцевой вал из слоев и комков глины, глиной же и обмазанный. И ширина, и высота его достигают 4 м с рядом нарушений, хотя на отдельных участках (между нарушениями) высота возрастает до 6 м. Основание же обводной стены на уровне 12 м от 0, знаменующим подошву третьего слоя и первой террасы. Обмазка оборонительного вала желтой глиной толщиной 1,5–2 см хорошо прослеживается при зачистке его основания, тогда как соответствующие разрезы документируют безусловную конструктивную связь между рвом и валом: это два взаимосвязанных элемента оборонительной системы с внешней южной стороны, наиболее опасной в случае вражеского нападения. Это засвидетельствовано системой уже внутренних толстостенных сооружений (бастионов), фланкирующих проход к «теменосу» и, прежде всего, к его главному культовому сооружению — «протозиггурату», названный характер которого абсолютно безусловен. Приведу тому основные доводы: сооружение представляет собой прямоугольную в плане башню, сохранившуюся на полную высоту (около 8 м). К обоим южным его углам подходила вторая обводная оборонительная стена № 69. Фундамент башни

Раскопки Тель-Хазны

Общий вид гончарного горна из Тель-Хазны I

был углублен на 1,5 м в слой первой террасы и вплоть до ее поверхности подстилался слоем чистой глины, толщиной до 0,9 м, ниже которого была обнаружена закладная «строительная» жертва, где положенных на левом боку и на спине двух газелей и ягненка обнаружили на специально устланной керамическими фрагментами «микроплатформе», сооруженной для расположения «жертвы», знаменовавшей начало строительства башни.

Но связанные с башней культовые действия этим не заканчивались. Была совершена и вторая жертва, знаменовавшая завершение строительства. Она, естественно, была благодарственной и совершена в верхней части южной стены культовой башни, на 1,4–1,7 ниже верхнего кирпичного ряда сооружения. Здесь в стене были открыты три щелевидных окна в виде сужающихся кверху овалов или трапеций, высотой 0,35–0,47 м и шириной у основания 0,12–0,16 м. Такие окна встречены не впервые. Вопрос об их назначении дискусионен. В большинстве случаев они были сквозными и, вероятно, служили световыми отверстиями или водоотводами. В большинстве случаев, но не в нашем. В «протозигурате» же Тель-Хазны I все три окна были перекрыты с внутренней стороны дополнительными крепящими кирпичными стенками, закрывавшими все три окна. Толщина же стены — 0,65 м, вполне достаточна для образования внутри нее своего рода камеры, а точнее — замурованного сейфа, что и было сделано с помощью дополнительных, установленных внутрь камеры кирпичей, разделивших внутреннее пространство на микрокамеры, вместившей жертвенный заклад. Состав же его не менее символичен, нежели у нижнего. Но там он связан с животноводством. Здесь же — с земледелием. Его образовали 17 кремневых вкладышей для составных серпов, из них два небольших, длиной 2–2,5 м, 14 же сравнительно крупных — 4–7,3 см. И как бы удостоверяющая их ценность печать из белого камня с великолепно выполненным изображением льва, терзающего лежащее на спине копытное с длинными рогами. Таким образом, оба заклада подчеркивают значение двух основных направлений «неолитической революции» — скотоводческого и земледельческого.

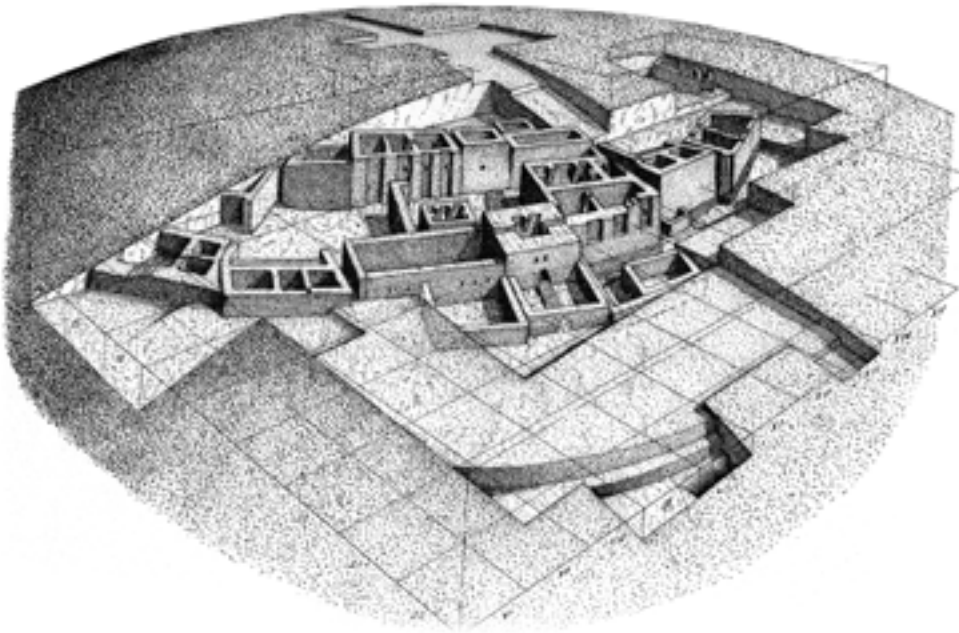
В северной и южной стенах башни № 37 открыты ведущие внутрь нее дверные проемы. Важно отметить, что оба они расположены на единой оси и на чрезвычайно близких уровнях. Проем в северной стене находился в ее центре, на уровнях 9,70–10,75 м. Он имеет форму трапеции с длиной основания 0,9 м, длиной верхней грани 0,38 м, высотой 1,05 м. Внизу проем отмечен порогом высотой 0,2 м. Проем выходит на площадку уровня 10,95–11 м (поверхность несколько понижается к югу), вымощенную камнем. Вымостка эта ши-

рокой полосой спускается с уровня следующей, третьей, террасы, где она подстилает основание башни № 24, являющейся архитектурным центром «верхнего храма». Обе башни, стоящие на резко различных уровнях, но почти на единой долготной оси, соединяются вымосткой, что свидетельствует о подчинении как их самих, так и храмовых комплексов последовательных террас единому плану.

В южной стене дверной проем располагался на уровне 10,30–11,40 м. Длина его основания 1,20 м, высота проема 1,20 м, глубина 1,10 м. Такова на этом участке толщина стены башни № 37. Порог выражен гораздо менее четко, чем в северном проеме. Но каменная вымостка, проникающая в башню через северный проем, пересекает ее и выходит через южный проем, покрывая значительную часть большой и весьма сложной по оформлению площадки перед ним. Проемы, безусловно, одновременны. И оба относятся к раннему периоду существования башни, связанному с поверхностью второй террасы на уровне 11,00. При дальнейших значительных перестройках оба были перекрыты: южный проем был забутован строительными остатками, скрепленными спрессованной глиной, северный же не только забутован, но и перекрыт дополнительной стеной, примкнутой к соответствующему фасу башни. Всего выделяются четыре нивелировочных дневных поверхности — платформ времени функционирования храмового комплекса Тель-Хазны I. Первой мы уже касались, средняя глубина ее от репера 12 м, основной показатель — обводный вал № 17 (и, возможно, ров).

Вторая платформа перекрывает первую на глубине около 10 м от 0. На ней основаны вторая обводная, уже сырцовая, стена, прослеженная почти по всей южной половине телля на протяжении более 90 м. Ширина ее — 2 м, высота 6 м, за стеной расположены основные фундаментальные сооружения теменоса, включая и «протозигурат» № 37. К последнему с запада и с востока подходят системы монументальных сооружений, примыкающих друг к другу и носящих как храмовый, так и фортификационный характер, составляя дополнительную названной стене линию обороны. С севера к ним примыкают на той же поверхности (10 м ниже 0) еще два ряда храмовых построек, в одном из которых открыт стол для жертвоприношений у западной стены, под нижней частью консоли перекрытия. Западная часть основного ряда сооружений второй террасы (10 м от 0) завершается большим помещением 5 × 4 м (№ 2) глубиной около 3 м, скорее всего, складского характера, свидетельствующего о продолжении овала к СЗ. Сооружения этого участка сильно разрушены.

Центральная же часть построек второй террасы — к северу от «протозигурата» № 37 вплоть до третьей террасы —

*Постройки теменоса. Третий строительный уровень. Финальный период.
Изометрическая проекция. Рисунок П.Ю. Черношвигова*

условно названа нижним храмом. На ней стояли 5 смежных прямоугольных камер, высотой 4,5–5,0 м, общая южная стена которых была украшена четырьмя пилястрами, третья в этом ряду постройка № 24 подстилалась вымощенной камнем полосой, спускавшейся к северному дверному проему «протозиггурата № 37» и пересекала его внутреннее помещение вплоть до южного проема, через который выходила во внутренний прямоугольный двор башни.

Отмечу, что полоса построек третьей террасы сохраняет плановые принципы двух нижних, что доказывает гомогенность как архитектурного, так культового развития памятника. Вместе с тем, в сериях взаимосвязанных сооружений и второй, и третьей террас заметное место занимают большие, даже огромные помещения для хранения продовольственных запасов, прежде всего зернохранилища. В одних случаях они углублены в землю, как уже упоминавшаяся кубическая камера со стороной 2 м, углубленная в землю на уровне второй платформы в ряду наземных сооружений, примыкающем с запада к западному же фасу башни № 37. К восточному же ее фасу примыкает безусловно культовая постройка 69а-в. Это, скорее всего, первый горизонт кирпичного строительства раннединастической эпохи на Тель-Хазне I, перекрывший урукский слой.

Я уже указывал, что раскопки Тель-Хазны I успешно продолжаются и невозможно предвидеть, что может еще преподнести нам этот воистину уникальный памятник. Но ряд важных заключений может быть уверенно обоснован уже сейчас. Сам я, к сожалению, покинул экспедицию в 2004 г., проработав в ней 16 лет и нарушив все возрастные нормы, но основная ее часть, во главе с Р.М. Мунчаевым, год от года преумножает ее открытия. Ряды экспедиции пополнили новые прекрасные силы, воспринявшие и совершенствующие, скажем без ложной скромности, российскую традицию ближневосточных археологических исследований.

Хотел бы рассказать о некоторых, безусловно обоснованных заключениях, опирающихся на данные более чем двадцати лет масштабных исследований.

Прежде всего, функциональное определение памятника. Это действительно крупнейший культовый местный центр, что решительно способствовало как духовной, так и социальной консолидации населения и взаимодействия ряда его слоев. Этот факт привел к осознанию необходимости создания определенной организационной системы, соответствующей достигнутым духовным началам. И специфика памятника с должной полнотой раскрывается понятием культово-административный центр, охватывающим две безусловные функции сооружения.

Еще раз упомяну о подлинной уникальности Тель-Хазны I, начиная с ее необычной платформно-террасной общей схемы. Следует отметить, что и в Южной, и в Северной Месопотамии постройки с подобной же общей схемой или отдельными ее элементами известны уже с двадцатых годов XX века. Таковы храм Нинхурсаг в Тель-Убейде, Тель-Укейр вблизи Дамаска и Ходейда на Диале. Наиболее близок центральному комплексу Верхнего храма Тель-Хазны I овальный храм Ходейды (Тутуба).

Уже сейчас Тель-Хазна I может полноправно считаться самым широко исследованным памятником конца IV – первой четверти III тысячелетия до Р.Х. В значительной мере исследования определяют пути дальнейшего изучения этого важнейшего периода, в равной мере – и протогородского, и протописьменного, в полной мере – «урбанистической революции» как в Сирии, так и во всей Месопотамии, и ряде обширных смежных (да и далеких) территорий. Вместе с тем, исследования в Сирии значительно расширили хронологические и проблемные рамки разработки российской экспедицией кардинальных проблем сложения древнейшей в мире месопотамской цивилизации.

Теперь о поставленном в начале настоящего раздела вопросе соотношения и взаимозависимости процессов экономического и культурного развития Сирии и того, что мы

называем «собственно Месопотамией». Здесь исследования экспедиции дали конкретный материал и для праистории (дописьменная и догородская эпоха), и для древнейшей истории (протодписьменная и раннегородская эпоха).

Исследования этого материала безусловно доказывают абсолютную единовременность, единый темп, единство характера, единство и даже форму последствий указанных процессов в обоих регионах. Ни малейших признаков какого-либо отставания одного от другого указать невозможно.

Если на памятнике Тель-Хазна II мы установили наличие и последовательность всех раннеземледельческих культур, известных в Ираке, причем, всех в едином последовательном контексте, что редкость, то Тель-Хазна I — памятник сложнейшей и специфической архитектуры и целого комплекса производств, тождественных на последовательных ступенях соответствующего развития раннегородской культуре «классической» Месопотамии от Тель-Убеида на юго-востоке до Хафаджи на Диале — не уступает последним ни хронологически, ни по одному из параметров, что позволяет с уверенностью включать Сирию в рамки исконной территории сложения месопотамской цивилизации, начиная с истоков этого процесса и далее на всех основных его этапах вплоть до сложения городов и государственной системы.

Заканчивая свое повествование, не могу еще раз не сказать о колоссальной помощи экспедиции со стороны официальных органов Сирии, прежде всего, Департамента Древностей, генерального инспектора раскопок страны — покойного профессора Бунни, директора Департамента Древностей провинции Хассаки — Абдельмасиха Багду, фактического участника и друга экспедиции, успешно защитившего диссертацию в Институте археологии РАН, выдающегося сирийского археолога, выпускника МГУ — Антуана Сулеймана, неизменного помощника и консультанта экспедиции.

Российские археологи с сирийскими коллегами

XXXIX

Педагогическая деятельность

Основная часть моих мемуаров касалась экспедиционной деятельности и исторического анализа полученных в результате раскопок материалов. И это совершенно естественно: именно полевые исследования являются наиболее динамичной частью деятельности археолога, связанной с самыми многообразными условиями, проблемами, методами, неожиданным возникновением абсолютно новых задач и новых же возможностей, радостью подлинных открытий и горечью разочарований и отвержения незыблемых, казалось бы, традиционных «истин».

Но необходимо постоянно помнить, что полевые открытия делаются не ради принципа, а ради людей, ради обогащения и совершенствования информации о самых различных аспектах человеческого развития на конкретных его ступенях в определенных природных и исторических условиях. И умение привить интерес и знания к своей профессии представителям нового поколения, открыть им дорогу к собственному творчеству, снабдив необходимыми для этого навыками и знаниями, выработать у них самостоятельность творчества, сочетание глубокого уважения к традиции и стремления к совершенствованию, к открытию новых исследовательских путей, к новым решениям, не менее важны и приносят не меньшее удовольствие, чем самые яркие открытия, в том числе и полевые. В моей жизни этот род деятельности занимал значительное место и принимал самые различные формы.

Первая из них традиционна: преподавание в высших учебных заведениях. Начало ему было положено в 1955 году в Ульяновском педагогическом институте (ныне Ульяновский государственный университет). Тогда, в пору рассмотренной выше «Волжской эпопеи», я был тесно связан с Ульяновском: директор Краеведческого музея которого Марк Харитонович Валкин, ветеран Отечественной войны и прекрасный организатор, оказывал Куйбышевской экспе-

диции существенную помощь. В его же музеи мы оставляли и коллекции из своих раскопок, обработка которых требовала моего длительного пребывания в городе. По просьбе руководства Пединститута я совместил ее с чтением курса «Введение в археологию», следуя объему и содержанию соответствующего курса А.В. Арциховского в Московском университете в его довоенном варианте, т.е. не ограничиваясь территорией нашей страны и рассматривая основные центры цивилизации Старого Света и за ее пределами. Очевидно, работа удалась, тем более что моя родная кафедра щедро снабдила меня превосходным комплектом иллюстративного материала.

Вернувшись в Москву, я начал и руководство аспирантами, первым из которых был у меня Юрий Александрович Краснов. Всего же до 2005 года под моим руководством защитили кандидатские диссертации 44 аспиранта, в том числе из Румынии, Иордании, Нигерии, Вьетнама. Все они заняли видное положение в научных учреждениях своих стран. Наши же аспиранты в подавляющем большинстве своим успешно защитили кандидатские диссертации и составили основу вновь формирующихся ими возрождавшихся после «реформаций» конца 1920 – начала 1930-х гг. археологических центров, прежде всего, в районах Поволжья, Приуралья, Предкавказья. С наибольшим удовлетворением вспоминаю формирование Самарского, Уфимского, Оренбургского, Саратовского центров, составивших целую волжско-южно-уральскую систему с хорошо разработанной программой последовательных широких исследований, охватывающих огромную территорию правобережья Среднего и Нижнего Поволжья на севере, Башкирии, Южного Приуралья, Северного Прикаспия – вплоть до территорий, смежных с Восточной Сибирью и средней Азией. Хронологически же система эта охватывала фактически весь энеолит (начиная с неолитической его подосновы) и весь бронзовый век, т.е. ряд последовательных и взаимосвязанных периодов и форм развития, сыгравших огромную роль во всех аспектах (экономическом, социальном, этническом, духовном) древнейшей истории Евразии. К числу создателей этих центров относится и ряд бывших моих аспирантов, получивших возможность приступить к регулярному чтению археологических курсов в местных учебных заведениях и к систематической полевой практике. Первыми из таких инициаторов могут быть названы И.Б. Васильев в Самаре, В.С. Горбунов в Уфе, Н.Л. Моргунова в Оренбурге, Н.М. Малов в Саратове, А.Х. Халиков в Казани. Им, как и немногочисленным их предшественникам (например, Г.И. Матвеевой в Самаре), мы обязаны реанимацией традиции волжской археологии 20-х–30-х годов, традиций В.В. Гольмстен, П.С. Рыкова,

П.Д. Рац, В.Ф. Смолина, а в значительной мере и В.А. Городцова, П.П. Ефименко, П.П. Третьякова. Весьма заметный импульс такой реанимации был дан уже в 50-х годах работами Куйбышевской экспедиции, по масштабу своему значительно превосходившие более ранние и привлечшие много талантливой молодежи, обусловившей возникновение и развитие отмеченных выше центров. Достаточно показателен пример Самары. В 1950 г. археология была представлена здесь двумя краеведами — Муромцевой и Бакшеевым и уже упоминавшейся Г.И. Матвеевой — ученицей крупнейшего археолога О.Н. Бадера, создавшего превосходный археологический центр в Перми. Последний резко активизировал как подготовку полноценных археологических кадров в этом важнейшем регионе, так и непосредственное включение их в широкомасштабные и чрезвычайно плодотворные исследования широких территорий Волго-Камья. Пример Пермской школы и личное содействие О.Н. Бадера позволили к 70-м годам ушедшего века резко усилить археологическую активность Самары, где образовался уже достаточно многочисленный, профессионально многогранный и хорошо подготовленный коллектив, совместно с саратовскими, оренбургскими, волгоградскими археологами занявший лидирующее положение в разработке такой важнейшей проблематики, как энеолит и бронзовый век огромного восточного региона Каспийско-Черноморских степей и лесостепи. В этом плане ситуация по данному региону изменилась резчайшим образом. Были открыты совершенно новые ступени развития древнейших культур его, поставлены вопросы их соотношения, предельно важные для общеисторических, экономических, этнических проблем праистории Евразии. В совершенно новом свете предстали крайние восточные пределы региона. Представленные ранее отдельными единичными погребальными памятниками, в результате целенаправленной, хорошо продуманной полевой и аналитической работы Н.Л. Моргуновой, они превратились в один из наиболее активных центров знаменитой древнейшей культуры, определившим и самое ее сложение, и ключевые факторы развития (в данном случае, уникальные исследования Е.Н. Черных колоссальных месторождений в той же части Южного Приуралья). Отмечу, что Н.Л. Моргунова буквально девочкой пришедшая на одну из самарских конференций давно уже доктор исторических наук и одна из наиболее авторитетных исследователей праистории степной и лесостепной полосы евразийского пограничья.

То же следует сказать и о ряде других бывших моих аспирантах, внесших значительный вклад в разработку близкой (географически и хронологически) проблематики. Так, изучение культур среднего и позднего бронзового века было

успешно распространено на ряд районов Башкирии, где В.С. Горбуновым выделен значительный центр высокоразвитой срубной культуры лесостепной зоны середины — второй половины II тыс. до Р.Х. Полноценная, обобщающая работа, посвященная ей, обусловлена присуждением ему ученой степени доктора исторических наук.

Официальным же оппонентом по докторским диссертациям довелось мне быть 33 раза, а по кандидатским 48 раз.

Но, естественно, наиболее интересной и в то же время ответственной акцией в моей педагогической практике явились специальные курсы на кафедре археологии моего родного Московского университета. Читать их я начал сравнительно поздно, в 1960-е годы. И повод для этого был трагичным: в 1962 году безвременно скончался Сергей Владимирович Киселев — талантливейший русский археолог, с момента создания кафедры археологии читавший замечательный курс «Бронзовый век». Заведующий кафедрой А.В. Арциховский пригласил меня его заместить. Я отлично сознавал ответственность этой акции и несколько переработал курс, разделив его на отдельные части, охватывавшие бронзовый век нашей страны, зарубежной Европы и Ближнего Востока. Последний курс читался в Московском университете впервые, и я уделил ему особое внимание, опираясь на опыт двух сезонов египетской экспедиции и произведенное в том же десятилетии первое для отечественной археологии обследование Месопотамии. Эта тематика, касавшаяся формирования первых центров производящей экономики, земледелия, животноводства, домостроительства, оседлых поселков, металлургии, а далее — и первой в мире письменности, и прочих факторов формирующейся цивилизации, вызывала особый интерес студентов. Я счастлив был делиться с ними собственными непосредственными впечатлениями о первых центрах этого великого процесса на Ближнем Востоке и об их первооткрывателях — В.Г. Чайлде, Г. Франкфорте, Ф. Петри, Р. Брейдвуде, М. Малловане, Г. Ленцене, А. Парро, С. Ллойде, Р. Кольдееве, В. Андрэ. С некоторыми из них я имел счастье встречаться, что заметно оживляло наши занятия. Смею надеяться, что это сыграло свою роль в дальнейшем развитии интереса к феномену Древнего Востока и его роли в основных вехах древнейшей истории человечества. Надо сказать, что интересом дело не ограничивалось. В ряде случаев можно говорить о прямом участии в ближневосточных исследованиях моих слушателей, представленном в различных формах. Прежде всего, это работа в самой Месопотамии, где приступила к исследованиям первая российская экспедиция. Вместе с тем, ряд выпускников университета на многие годы связали себя с коренными проблемами как праистории, так и классической истории

Месопотамии. С большой теплотой вспоминаю трех первых моих выпускниц, получивших шутовское наименование «чекисток» — все небольшого роста, все предельно серьезные, все в коротких кожаных куртках, все востоковеды, и все «состоялись». Начинали со Средней Азии, с замечательной культуры Анау, где каждая участвовала во вскрытии одного из последовательных этапов раннеземледельческих многослойных поселений. Полевые исследования легли в основу дипломных работ, всех высоко оцененных.

Елена Вадимовна Антонова с блеском завершила аспирантуру (под моим руководством) и полностью посвятила себя Месопотамии, в широком понимании этого термина, став одним из ведущих наших специалистов по этой важнейшей проблематике. Защитила и кандидатскую, и докторскую диссертации, ныне является автором четырех монографий, достойно развивающих традиции М.В. Никольского, Б.Н. Тураева, И.М. Дьяконова (при более выраженной археологической акцентировке).

Ирина Леонидовна Станкевич тоже успешно закончила аспирантуру под моим руководством и защитила интереснейшую диссертацию по иранистике, главным образом, по древнейшим судьбам иранского феномена и культурному его районированию. С поразительным достоинством выдерживала она тяжелые удары судьбы и продолжает плодотворно работать в Ярославском университете.

Людмила Летникова под руководством крупного палеоботаника Г.Н.Лисицыной участвовала в большой аналитической работе по определению и сравнительной характеристике зерновых остатков из ряда последовательных слоев раннеземледельческих поселений VIII–V тыс. до Р.Х., исследованных российской экспедицией в Северном Ираке. Результаты этих весьма показательных анализов опубликованы в специальной монографии.

Широко и плодотворно использовали ближневосточные материалы и многие другие выпускники истфака МГУ, в дальнейшем ставшие известными специалистами по энеолиту и бронзовому веку. Наталья Вадимовна Рындина, принявшая затем и весь соответствующий курс, и аналитическую деятельность кафедры в области металлоанализа, Сергей Николаевич Корневский и другие, а ряд студентов приняли участие в полевых исследованиях российской экспедиции на территории Сирии. То же следует сказать и о выпускниках иногородних университетов, окончивших аспирантуру нашего института под моим руководством. Три полевых сезона в указанной экспедиции успешно работала выпускница Воронежского педагогического университета Татьяна Владимировна Корниенко. Защитив кандидатскую диссертацию по новейшим ближневосточным материалам,

она издала ее как оригинальную и достаточно интересную монографию.

Вторая представительница воронежской школы (на сей раз университета), а далее — моя аспирантка Юлия Владимировна Лунькова — превосходный археолог, как полевой исследователь, так и аналитик — стала уже постоянным участником Сирийской экспедиции, где вскоре отметит свой десятый сезон.

Завершая эту небольшую главу, должен подчеркнуть, что не ставил своей целью перечислить все моменты своей педагогической практики и всех моих слушателей, даже самых способных и в дальнейшем прекрасно себя проявивших. Такое перечисление потребовало бы многих дополнительных описаний и характеристик. Многие, очень многие их достойны. Я приношу им глубокие извинения. Общение с ними было ярким и, быть может, наиболее осмысленным, вызывавшим чувство удовлетворения проделанной работой в моей долгой жизни. Навсегда запомню и Ульяновский пединститут, и Самарский университет, и Педагогический университет, и Школу молодого археолога в Усть-Нарве, и общение с уральскими энтузиастами под Екатеринбургом, и многочисленные конференции в Оренбурге, Казани, Минусинске, на Украине — в Киеве, Донецке, Одессе, в Грузии — в Тбилиси, Телави, в Армении — в Ереване, в Азербайджане — в Баку, в Таджикистане — в Душанбе, в Чувашии — в Чебоксарах. В тесном контакте с чувашскими коллегами, в том числе моими учениками, я возобновил в широком масштабе исследования абашевской культуры — одного из наиболее значительных феноменов бронзового века Доно-Волжского и Волго-Уральского междуречий. Открытия первых ее памятников прекрасным исследователем В.Ф. Смолиным у с. Абашево в Чувашии еще в 1920-х годах прошлого века оказались поразительно перспективными, дальнейшие исследования чувашских, марийских, татарских, русских археологов показали глубокую специфику этой культуры, наличие ряда своеобразных ее вариантов, тесное взаимодействие с прочими культурами бронзового века отмеченной обширной территории и безусловное участие ее в этногенезе ряда народов евразийской лесостепи. Выразительное свидетельство тому — специальная международная конференция, состоявшаяся в начале нашего века в Чебоксарах и вызвавшая значительный интерес у археологической общественности как нашей страны, так и за ее пределами. Мне довелось сопровождать ее участников по основным памятникам абашевской культуры почти через полвека после их раскопок нашей же экспедицией. С этим путешествием связана трогательная и неожиданная церемония. В селе Абашево был торжественно представлен талантливо выполненный каменный памятник, посвящен-

ный открытию В.Ф. Смолиным абашевской культуры, включенный в искусно оформленный мемориальный комплекс. Открытие его праздновалось очень искренне и радушно: чуть ли не каждая семья явилась в красочной национальной одежде (включая детей), с национальными же музыкальными инструментами и многие с подносами, заставленными угощениями. И все в память о раскопках, которыми интересуются и гордятся! Меня много и обстоятельно расспрашивали, зазывая в один дом за другим. И отвечая, я чувствовал большую ответственность, чем за кафедрой конференции!

Особое место в своей педагогической деятельности я отводил курсу библейской археологии, который фактически многие десятилетия в нашей стране не читался даже в единичных богословских учебных заведениях и, тем более, был лишен официально изданных учебных пособий. Уродливый характер подобной ситуации стал ясен мне еще в 1955 г. при чтении общего курса «Введения в археологию» в Ульяновском пединституте, когда абсурдность фактического запрета этой проблематики особенно четко проявилась после открытия знаменитых «Рукописей Мертвого моря», тем более что там я имел возможность почти ежедневно обсуждать эту тему с таким блестящим специалистом по «курановедению», как И.Д. Амосин.

Ему я обязан общими сведениями о библейской археологии, о соотношении археологических свидетельств с библейскими текстами, о самой возможности такого соотношения, о необходимости здесь предельной осторожности и, в то же время, закономерности поисков «взаимоподтверждения» различных категорий источников. Возможны ли здесь позитивные результаты? Знаю, что многие специалисты относятся к этому скептически. Но многие годы соприкосновения с археологией Ближнего Востока убеждают меня в зависимости ряда материальных феноменов и событий от духовных представлений, лежащих в основе ряда библейских текстов. И обратная связь: ряд духовных канонов оказывают прямое (или опосредованное) воздействие на сугубо материальные явления; и те и другие должны рассматриваться во взаимодействии, а постулировать Великую китайскую стену между ними незаконно. И категорический императив в утверждении «приоритета» одного из этих начал — бесперспективная схоластика. Такое заключение я попытался положить в основу курса библейской археологии, который был предложен мне в начале 90-х годов ректором Московского библейско-богословского института им. Святого апостола Андрея Первозванного А.Э. Бодровым и который я читал там около десятилетия. В дальнейшем курс был переработан и в 2000 г. издан в качестве учебного пособия для богословских учебных заведений под названием «Очерки архео-

логии библейских стран». Тогда же я получил предложение повторить курс с определенными дополнениями от ректора Московского католического института истории, теологии и философии им. Св. Фомы Аквинского Н.Л. Мухелишвили. Курс я читал до последнего времени, причем последний его период включен в книгу «От библейских древностей к христианским», написанную совместно с Л.А. Беляевым и изданную в 2007 г. Совместно с этим же автором большая статья «Археология» (библейская) опубликована мной в 2001 году в III томе «Православной энциклопедии». Во всех этих работах я стремился показать органическую связь библейской духовной культуры — космогении, мифологии, морали и связанных с традициями первого в мире ближневосточного культурного очага.

Краткое заключение

Астоящие мемуары не могут претендовать ни на всеобъемлющий характер, ни на исчерпывающее отражение событий моей достаточно долгой жизни. Такая попытка была бы явным нарушением основополагающего завета знаменитого (хотя и никогда во плоти не существовавшего) предка Козьмы Пруткова: «Нельзя объять необъятного». Из многих составлявших мою жизнь сюжетов я пытался придерживаться лишь двух основных — моей профессии и людей, которых имел счастье встретить на своем пути. Многое здесь останется за пределами изложения. Но хотел бы заключить его несколькими общими словами. Если бы мне предложили ныне начать жизнь сначала, я бы счел это за счастье: со всеми ее повторениями — удачами и неудачами, радостями и горестями, свершениями и ошибками, достижениями и провалами. И ни в коей мере это не связано ни с фатализмом, ни с самодовольством, ни с ретроградством. Был совершенно иной период, очень нелегкий, во многом трагичный. Но, вопреки всему, были в нем светлые стороны, защита которых и противостояние трагизму давали глубокое духовное удовлетворение, а это фактор по-настоящему значительный. Для меня был он определяющий и в годы войны, в которой участвовал, начиная с первых ее дней, психологического слома, горечи поражений, ранений, длительного пребывания в госпитале, вплоть до восторженного восприятия победного завершения. Это были дни незабываемые, давшие подлинный жизненный заряд на многие годы, позволивший преодолеть достаточно серьезные испытания первых послевоенных десятилетий. И испытания эти компенсировались атмосферой единения, взаимопомощи, постоянной дружественной поддержки, царившей в университете и преодолевавшей зачастую и бомбардировки, и — позже — знаменитые «кампании» («лысенковщину», «космополитизм», «стадиальные теории» и пр.). Нам было с кого брать пример перед

США, Бостон. Пибоди Музеум. Советско-американский симпозиум. Группа участников

лицом этих испытаний: хорошо помню позицию большинства профессоров, не только блестяще прививавших нам подлинные знания, но и воспитывавших в нас чувства ответственности и собственного достоинства, презрения к трусам и приспособленцам. До конца дней своих не забуду имена и образы В.Н. Дьякова, Н.П. Грацианского, В.Е. Сыроечковского, С.Д. Сказкина, Б.Н. Заходера, С.И. Бахрушина, Д.Г. Редера, А.А. Губера, Е.А. Косминского. И всей кафедры археологии — В.А. Городцова, С.В. Киселева, А.В. Арциховского, В.Д. Блаватского, Б.Н. Гракова, Б.А. Рыбакова, М.В. Воеводского. Фактически в работе кафедры активное участие принимал наш крупнейший антрополог Г.Ф. Дебеч. Передо мной не стоял вопрос выбора специализации: как было показано в первых главах, археологией я увлекался, начиная с пятого класса Медведниковской гимназии, т.е. с 1935 года. Всех членов кафедры я, так или иначе, упоминал выше и всех их, а также крупнейшего специалиста по раннему железному веку Алексея Петровича Смирнова — впоследствии ближайшего моего друга — позволю себе считать своими учителями. Скорблю о том, что никого из них уже нет в живых и ни один не достиг нынешнего моего возраста.

Сейчас же хотел бы остановиться на том, что меня в археологию привело. И сразу же напомним строки великого нашего поэта Николая Степановича Гумилева:

Память, ты рукою великанши,
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты рассказываешь мне о тех, кто раньше
В этом теле жили до меня...

Париж, 19 сентября 1976 г. У собора Парижской Богоматери
Слева: Н.Я. Мерперт, Р.М. Мунчаев, О. Джапаридзе,
О. Лордкипанидзе

США, Вашингтон. Участники советско-американского симпозиума

Память — фактическое продолжение жизни, ее возрождение, преодоление, может быть, самого страшного фактора исторического процесса — забвения (я бы назвал его прислужником и «закрепляющим, последним актом смерти»). Ему-то и противостоит память.

Проявления жизни бесконечно многообразны, и они сохраняются вместе с человеком: пока они есть, существует и он. Здесь глубочайше мудрым, обогнавшим все научные поиски, мудрствования и заключения представляется понятие «КА», древнеегипетской религии и мироощущения — глубочайшей кладези человеческого и сверхчеловеческого проникновения в тайны мироздания. «КА» наполняет все формы, все действия и их выражения, и, прежде всего, самого человека, и все его окружение, одушевленное и неодушевленное. Существует «КА» — существует и человек; физическое его бытие лишь одна из форм сложной системы, включающей все творения как Господни, так и человечески. Связь с ним человека нерасторжима. Их сохранность есть сохранность элементов человеческого существования, всего его окружения, пусть в копиях, миниатюрах, имитациях, росписи, скульптуре. Их уничтожение равносильно концу всей жизненной системы, их восстановление — прежде всего, возрождение памяти, а значит, и самого человека.

Татьяна Гавриловна Ковалева, жена автора (1922–2006)

Так вот она — миссия археологии — бескрайняя по своему охвату, возрождающая память и ведущая жизнь, как под уздцы коня. И скольких же людей всех времен возрождает она через дела их, и духовную их жизнь, никак не уступающую информативности материальной. Тем более что интерпретация целого ряда открытых археологией значительных и сложных материальных феноменов немислима без раскрытия духовного их содержания, и, наоборот, многие сооружения, их комплексы, и самые разнохарактерные изделия — от оружия до мельчайших украшений — требуют самого тщательного определения их связи с культуровой практикой, свершением и требованиями определенных ритуалов. Именно поэтому мне представляется неправомерным наименование «Институт

истории материальной культуры», которое долгие годы носил наш институт. Надо помнить, что исследование каждого сколько-нибудь сложного объекта должно рассматривать обе стороны его назначения — материальную и духовную. А в приведенном выше случае непонятно, кому передать определение духовной функции вскрытого объекта? Еще одному институту?

Этими вопросами мне довелось заниматься специально последние десять лет, поскольку я читал курс библейской археологии в двух богословских институтах — Православном им. Св. Андрея и Католическом им. Св. Фомы Аквинского. Читал с удовольствием: в этих учебных заведениях очень благодарная аудитория. И самому полезно.

Теперь опять о людях, с которыми меня сводила судьба за ряд прошедших десятилетий. Многим из них уже посвящены как краткие, так и пространные пассажи моей книги. Назвать всех невозможно, разве только прямых моих учителей. Но далее я хочу возвратиться к неоднократно уже упоминавшемуся моему другу, и, я бы сказал, «спутнику жизни» на протяжении последних шестидесяти лет — Рауфу Магомедовичу Мунчаеву. Сотрудничество наше началось с самого момента появления этого высокоодаренного человека в нашем институте в конце 1949 года. В своем родном Дагестане он получил уже определенный опыт — и жизненный, и административный, и научный. Блестяще сдав экза-

Р.М. Мунчаев с дочкой и внучкой автора

мены в аспирантуру, он — что меня поразило — выслушал на истфаке МГУ все археологические курсы и в срок представил диссертационное сочинение на очень ответственную тему по древнейшей истории Дагестана. Одновременно он превосходно работал совместно со мной на Волге, затем вновь в Дагестане и вновь на Волге. Так возникло наше сотрудничество и далее распространилось фактически на все области жизни. Работали над смежными темами в одних подразделениях института, советовались по наиболее «острым» проблемам и науки, и окружающей жизни. Неизменно помогали друг другу: Рауф Магомедович способствовал моему участию в раскопках замечательных памятников Северного Кавказа, я — включению в его исследования степных и центрально-европейских сюжетов. Были случаи, когда он продолжал исследования, начатые мной на Волге, я — начатые им на Тереке. И далее, обсуждая результаты, приходили к единым выводам. Оба почти одновременно защитили докторские диссертации: я — по энеолиту степи и лесостепи, он — по энеолиту Северного Кавказа. Оба участвовали в организационной деятельности института: он — как заместитель директора, я — как ученый секретарь. В науке же оба пришли к выводу, что для разработки ряда коренных евразийских проблем необходимы наши собственные систематические исследования в классических областях Переднего Востока, исходных и для перехода от присваивающего к производящему хозяйству, и для формирования первых цивилизаций.

Николай, внук автора

В 1969 году Р.М. Мунчаев возглавил первую российскую экспедицию в Месопотамию, где мы проработали совместно вплоть до 2004 года, вначале в Ираке, затем, с 1988 года, в Сирии. О результатах этих беспримерных по масштабам и научной значимости работ читатель может судить по специальным разделам этой книги.

Экспедиция и поныне продолжается. Рауф Магомедович продолжает руководить ей, хотя 11 лет он совмещал эту сложнейшую должность с постом директора нашего института, превратив эти годы в период его расцвета. Наше с ним сотрудничество укрепилось еще более, хотя экспедицию я оставил в 2003 году в силу предельного превышения возраста, допустимого для этих широт. Можно уверенно сказать, что исследования на Ближнем Востоке явились этап-

ными для российской археологии и для оценки ее западной наукой, хотя и начавшей раскопки в Месопотамии на полтора столетия раньше. В Ираке наша экспедиция приступила к исследованиям праисторических памятников двух последовательных раннеземледельческих культур в 1969 году, далее к ним были добавлены как последующий, так и предшествующие слои, причем везде вскрытие шло только широкими площадями при фиксации стратиграфических показателей по всем сторонам очень ограниченных квадратов. Результаты были соответствующие. И уже в 1974 году Кембриджский университет организовал британско-российский симпозиум, в ходе которого обсуждались как эти материалы, так и ключевые проблемы праистории Месопотамии в целом. В нем участвовали такие корифеи британской науки, как Грэхэм Грим, Сетон Ллойд, Джеймс Мелларт, Стюарт Пигготт, Глен Даниэл, Дэвид и Джоан Отс, Макс Маллован, Дайана Киркбрайд и др. И их оценка российских исследований была абсолютно однозначной. Вскоре я был включен в редколлегия журнала «Antiquity».

В последующие годы второй высококомпетентный британский журнал «Igaq» опубликовал наши пространственные отчеты о раскопках в Ираке. А вслед за тем Джоан Отс, ныне крупнейший британский специалист по праистории Месопотамии, написала, что доминанта английской археологии в Северном Ираке была сменена с началом работ там российской экспедиции. В 1976 году наш совмест-

ный с Р.М. Мунчаевым доклад был поставлен на сессии Международного союза пра- и протоисторических дисциплин во Франции, в 1979 году на конференции в Орхусском университете в Дании. Там же была достигнута договоренность с директором музея Гарвардского университета США профессором К. Ламберг-Карловским о создании совместного русско-американского семинара по исследованию древнейшего Ближнего Востока. Ряд заседаний этого семинара был проведен в обеих странах с участием таких крупных американских ученых, как Р. Мак-Адамс, Г. Джонсон, Ф. Хоул, К. Флэннери, сам К. Ламберг-Карловский и др., а в 1993 году Аризонским университетом (США) были полностью изданы итоговые монографии Н.О. Бадера, Р.М. Мунчаева и автора этих строк по совместным исследованиям в Ираке на английском языке. Не буду перечислять прочие наши доклады и публикации как по Ираку, так и по Сирии, куда экспедиция была передислоцирована в 1987 г. и где исследования продолжают столь же плодотворно, но объектом был уже сложнейший культурно-административный центр конца IV — начала III тыс. до Р.Х....

...На этом я завершу и без того затянувшиеся мемуары. Повторю лишь, что безумно благодарен судьбе за столь насыщенную и многообразную жизнь в археологии, за преданных ей одухотворенных людей, с которыми я имел счастье общаться.

